

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 10 (52) 2016
Часть 3
Октябрь**

Подписано в печать 17.10.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26158
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LV заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринеева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

ЭМОЦИИ, ЯЗЫК, КОГНИЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	6
РАДИОСТАНЦИИ ТАТАРСТАНА В ИНТЕРНЕТЕ: ПРОМОУШН ИЛИ НОВАЯ ФОРМА ВЕЩАНИЯ.....	9
СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО КОНТАКТА АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ	11
СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	14
ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ .	24
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЕК (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ВКЛИНИВАНИЯ)	27
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В РЯДЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ.....	29
КАТЕГОРИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ И СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА.....	32
МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРИТВОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СОЮЗАМИ AS IF / AS THOUGH.....	36
ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРЭВЕЛ-МЕДИАТЕКСТА В РОССИЙСКИХ СМИ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ КОНТЕНТА.....	39
МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ В ТЕКСТЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ Э. ХЕМИНГУЭЯ	43
ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ КЛАСТЕРОВ В ПРОЗЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА	46
ПРОТИВИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ КАК МАРКЕР ВЫРАЖЕНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ УСТУПКИ В ТЕКСТЕ БЛОГОВ.....	49
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА И КИНОТЕКСТА: РОМАН И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.К. ЛЬЮИСА “ХРОНИКИ НАРНИИ: ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ” И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ)	53
ПСИХОПОВЕСТВОВАНИЕ КАК НАРРАТИВНЫЙ ПРИЕМ В ПРОЗЕ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО.....	55
СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ-ТЕЛЕСКОПОВ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	58
К ПРОБЛЕМЕ НЕЯВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВЫХ НАМЕРЕНИЙ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ	62
CRITICAL ANALYSIS OF HISTORICAL DISCOURSE	65
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО.....	68
АРХИТЕКТУРНЫЙ КОД КНИГИ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО «ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР».....	72
THE METALANGUAGE OF THE PHILOLOGICAL SCIENCE IN AMERICAN AND RUSSIAN POSTMODERN ART DISCOURSE.....	75
ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА УИЛЬЯМА БАТЛERA ЙЕЙТСА.....	79
«ПОРТРЕТЫ ЯКУТСКИХ ЖЕНЩИН» А.Е. КУЛАКОВСКОГО – ПЕРВЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	81
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ «ДРУГОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ	83
ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	88
НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ОЦЕНКА, ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ, ХЕДЖИРОВАНИЕ.....	92

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ГИБРИДУ: СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ	95
АЛЬТРУИЗМ КАК УСЛОВИЕ ОБРЕТЕНИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ	105
ОПЫТ ИНТЕНСИВНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ ЖИЛЬЯ ДЕЛЕЗА	109
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ КЛАСТЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	112
СФЕРА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	115
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Л.Н.ТОЛСТОГО.....	117

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА «РЕАКЦИОМЕР» ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ РЕАКЦИИ ЮНЫХ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ.....	119
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	122
ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА БАЗЕ МАУ ДО Г. НИЖНЕВАРТОВСКА «СДЮСШОР», ХМАО ЮГРА.....	125
ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ.....	128
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	133
ОЗНАКОМЛЕНИЕ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С РОДНЫМ КРАЕМ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ФГОС.....	138
ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО	140
ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	143
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬЮ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	145
ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРА ИЗМЕНЕНИЙ ПАРАМЕТРОВ АЭРОБНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У СТУДЕНТОК.....	149
РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД .	151
статья изъята: КОРРЕКЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ БОРЦОВ	155
статья изъята: ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ВРАЧЕЙ	157
статья изъята: ОБУЧЕНИЕ ВРАЧЕЙ ОБЩЕЙ ПРАКТИКИ	159
статья изъята: ВЕГЕТАТИВНЫЕ ДИСФУНКЦИИ БОРЦОВ	161
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ	162
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЁННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ.....	166
ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ К СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ ПАРТНЕРСТВУ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ	169
МНОГОЛЕТНЯЯ ДИНАМИКА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СИНХРОНИСТОК 9-13 ЛЕТ	172
КРИТЕРИИ ВЫБОРА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ	175
СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ К ГЛАВНОМУ СТАРТУ СЕЗОНА	178
BRIEF DESCRIPTION OF OUTDOOR GAMES FOR CHILDREN AT PRIMARY SCHOOL AGE.....	181
РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	183
ЗНАЧЕНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАВОВЕДЕНИЕ»	187
ПРОЕКТНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ.....	189
УЧЁТ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА.....	192
ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОСОБЕННОСТЯМ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....	195
ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ.....	197

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.137

Азарова О.А.¹, Кудряшов И.А.²¹Кандидат филологических наук,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

²доктор филологических наук, Южный федеральный университет**ЭМОЦИИ, ЯЗЫК, КОГНИЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТИ
В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ****Аннотация**

Научное изучение эмоций характеризуется тем фактом, что исследователь сталкивается с противоречивыми теориями, разработанными не только в рамках различных дисциплин, таких как биология, психология, антропология, лингвистика, но и на уровне одной и той же дисциплины. Одна часть этой проблемы обуславливается самой – с трудом уловимой – сферой изысканий: эмоции принадлежат к такому субстрату повседневного человеческого опыта, который появился задолго до того, как сам человек стал пользоваться языковыми знаками, и эмоции проявляют стабильную тенденцию к сопротивлению всякой попытке быть зафиксированными знаками. Другая часть проблемы предопределяется биологической, психологической, антропологической, лингвистической неоднозначностью самой сферы изысканий: исследователи не так часто прилагают усилия по созданию единой научно-описательной системы анализа воплощения внутреннего мира человека в повседневном опыте, в том числе, опознания эмоций в диалогической речи.

Ключевые слова: эмоции, взаимодействие участников коммуникации, язык, когнитивная деятельность, междисциплинарная интерпретация.

Azarova O.A.¹, Kudryashov I.A.²¹PhD in Philology, Financial University under the Government of the Russian Federation,²PhD in Philology, Southern Federal University**EMOTIONS, LANGUAGE, COGNITION: THE PROBLEM OF INTERCONDITIONALITY
IN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE****Abstract**

The scientific investigation of emotions is characterized by the fact that the researcher encounters the controversial theories developed not only in various disciplines, such as biology, psychology, anthropology and linguistics, but also on the level of one and the same discipline. One part of the problem is predetermined by the elusiveness of the problem itself: emotions pertain to the everyday human experience which appeared long before the human being began using language signs, and emotions tend to resist any attempt to be fixed with the signs. Another part of the problem is predetermined by biological, psychological, anthropological and linguistic ambiguity of the investigation sphere itself: the researchers take little pains to create the unique scientific and descriptive system for analysis of human internal world embodiment in the everyday experience, in particular, for emotion recognition in the dialogic speech.

Keywords: emotions, communication participants' interaction, language, cognitive activity, interdisciplinary interpretation.

Во многих лингвистических и коммуникативных теориях эмоциональности вообще не отводится какой-либо системной исследовательской ценности. Вместе с тем, принимались неоднократные попытки последующего развития данных теорий с учетом эмоционального содержания языковой единицы:

- теория языковых знаков: введение понятия коннотации [1], [2];
- теория речевых актов: экспликация категории «экспрессивный речевой акт» [3], [4].

Даже если взаимоотношения между эмоциями и языком (коммуникацией) избирается в качестве эксплицитного предмета исследований, данная проблематика рассматривается, как правило, на теоретическом – или в лучшем случае прагматическом – уровне без привлечения разностороннего эмпирического материала. Взгляд на эмоции в подобных исследованиях, в свою очередь, испытывает сильное влияние со стороны теоретических концепций, разработанных в таких дисциплинах, «ответственных» за изучение эмоций, как антропология, философия, социология и особенно психология.

В случае привлечения эмпирического подхода к исследованию обозначенной выше проблемы анализ приобретает экспериментальный характер, при котором изучение концентрируется, как правило, на эмоциональном языковом содержании в предопределенных ситуациях: испытуемые призваны производить эмоции как результат их контролируемой инициации [5], [6]. Лингвистические данные в рамках обозначенных выше изысканий производятся исключительно в целях предпринимаемого психологического исследования. В научной литературе, посвященной проблеме взаимосвязи эмоций и языка (коммуникации), накоплен значительный экспериментальный материал. Однако, на наш взгляд, можно отметить не так уж много работ, в которых эмоциональное состояние субъекта речи интерпретируется в условиях реальной повседневной ситуации, а сами эмоции исследуются на уровне непринужденных диалогов (аналогами которых выступает общение персонажей в прозаических и драматургических текстах) [7], [8], [9], [10].

Думается, что эмоции по существу предстают противоречивым предметом научного исследования в силу следующих важнейших причин.

Во-первых, доминирующее положение в современной гуманитарной науке занимает проблема концептуализации человека как исходно рационального субъекта, выполняющего речевые / неречевые действия исключительно исходя из преследуемых перлокутивных целей. Подобная концептуализация превалирует в большинстве научных дисциплин

и теорий, таких, например, как теория действия, интеракциональная теория, прагматическая и когнитивная лингвистика [11]. Коммуникация и диалогическое взаимодействие соответственно рассматриваются как предопределенные в когнитивном отношении феномены, обладающие намеренным, рациональным и инструментальным характером.

Во-вторых, превалирующая в гуманитарных науках концептуализация эмоций как внутренних психологических феноменов с трудом поддается лингвистическому обоснованию. Постулат об изолированных языковых знаках в семиотической теории, размежевание таких феноменов, как денотация и коннотация, как и редуccionистские воззрения на коммуникативный процесс как чисто информативный обмен стимулирующей и реактивной репликой – все это ведет к рассмотрению проблем взаимодействия языка и коммуникации без учета такого важнейшего фактора, как эмоциональность.

Полагаем, что эмоции представляют собой многомерный феномен с точки зрения следующих исследовательских перспектив, а именно эмоции могут быть изучены:

(1) в контексте личностной системы говорящего субъекта и его собеседника, поскольку предстают элементами их персональной внутренней жизни (анализ взаимоотношений эмоций с другими элементами внутренней жизни человека, такими как когниции, мотивации, желания и намерения);

(2) как общественный феномен в социальных ситуациях межличностных взаимоотношений (функции и характеристики эмоциональных проявлений в интеракции, вне зависимости от того, испытывают ли собеседники те эмоции, которые ими манифестируются).

Исходя из обозначенных выше перспектив, фокус изысканий призван быть на том, как эмоции манифестируются, взаимно интерпретируются и перерабатываются в процессе взаимодействия, какие коммуникативные практики задействуют собеседники в целях репрезентации, интерпретации и переработки эмоций. Другими словами, эмоции должны исходно рассматриваться как элементы текущего взаимодействия участников коммуникации с опорой на функциональность данного взаимодействия. В то же самое время эмоции необходимо анализировать как социально регулируемый феномен, делать особый исследовательский акцент на их социальной орнаментации. Подобная концептуализация фокусирует внимание на социальной и дискурсивной реальности чувств.

Многомерное исследование эмоций не должно ограничиваться рамками отдельной научной дисциплины: междисциплинарный подход рассматривается в настоящее время как наиболее оптимальный в достижении значимых результатов. Эмоции не могут быть исчерпывающе объяснены, исходя из исключительно их анатомического и биологического анализа. То же самое можно сказать и о социальной психологии, которая без обращения к знаниям из других научных сфер, неспособна выявить характерные черты эмоций, специфику их воздействующего потенциала.

В настоящий момент проблемная ситуация в сфере эмоциологии заметно меняется в связи с новыми научными находками в неврологии: исследователи, фактически, приближаются к разгадке того, чем же на самом деле являются эмоции. Исследование мозга показало, что ранний социальный опыт человека играет критическую роль в развитии его базовых эмоциональных процессов. Также установлено, что когнитивная переработка информации в мозге тесно взаимосвязана с социальной обработкой эмоций. Структуры мозга, которые активно задействуются в процессе функционирования социальных событий, также активируются при регулировании эмоциональных состояний человека.

Люди обладают индивидуальными зеркальными нейронами, которые дают им возможность регулировать свои социальные взаимодействия. Эти нейроны представляют собой определенную сеть в коре головного мозга, которая активируется как при выполнении некоторого действия, так и при наблюдении за процессами выполнения этого же самого действия другим человеком. Указанная сеть позволяет индивиду осуществлять интернализацию целей действия, осуществляемого другим индивидом, включая действия, которые связываются с определенными эмоциональными состояниями. Это означает, что участники диалогического взаимодействия постоянно интерпретируем речевые (иллокутивные) действия друг друга, жесты и мимику лица в терминах ментальных состояний и эмоций, лежащих в их основании. Цель этой интерпретации – выявить, что собеседник думает и чувствует в момент взаимодействия, какой шаг он намеревается предпринять.

Когнитивная деятельность индивида является необходимой предпосылкой осознания испытываемых эмоций в форме оценки результатов восприятия объективной действительности в процессе фильтрации новой информации через призму предшествующего опыта. Эмоции интерпретируются как биологически предопределенные процессы, которые испытывают влияние и со стороны конкретной культуры. Биологический и культурный факторы формируют индуктор конкретной эмоции, стили их выражения, когниции и поведение, вызываемые той или иной эмоцией. Естественно, что реакции организма на сознательно испытываемые чувства не является ключевой проблемой лингвистической науки. Однако если мы фокусируем внимание на таких явлениях, как использование языка, обращение индивида с языком в условиях диалогического взаимодействия, мы призваны принять во внимание тот факт, что указанные явления неизбежно предопределяются эмоциональными состояниями участников общения. В этом случае эмоции рассматриваются как непереносимое условие коммуникативного процесса, от которого невозможно абстрагироваться.

Для проведения чисто лингвистического изыскания дифференциация неврологических стадий эмоций, чувств и сознания оказывается не так уж и важной. Для этих целей достаточной окажется актуализация более широкого понятия эмоций, которая не учитывает их разграничения как своеобразных реакций организма и испытываемых чувств. Как представляется, важным для лингвистического изыскания является учет условий активации тех или иных эмоциональных состояний, т.е. эмоциогенных внутренних и внешних ситуаций, а также эмоций как способности их сознательно / бессознательно чувствовать.

Для лингвистической теории эмоций действенными оказываются следующие положения:

1) на неврологическом уровне выявляется широкий диапазон внутренних состояний индивида – чувства, настроения и т.д., которые при первом приближении могут восприниматься как эмоции; при втором приближении эмоции могут быть дифференцированы на первичные врожденные, вторичные социально обусловленные и фоновые;

2) как проявление внутреннего состояния индивида эмоции – в отношении к реальности и другим индивидам – базируются на определенных ожиданиях и потребностях, являются универсальным условием человеческого существования;

3) эмоции – это одна из человеческих способностей, основанная на инстинкте самосохранения: страх, например, указывает на потребность защиты;

4) эмоции как определенное понятие не могут быть исчерпывающе определены: в научной картине мира не выработано строгой дефиниции эмоций, обнаруживаются подходы, интерпретирующие эмоции как «определенность в рамках неопределенности»;

5) эмоции – имманентная характеристика человеческой природы, которая не может быть «отключена», они интегрируются с другими способностями человека;

6) разум не обладает тотальным контролем над эмоциями, которые могут быть настолько интенсивными, что способны затмевать разум;

7) некоторые эмоции являются врожденными и универсальными, другие эмоции – культурно и социально обусловленными;

8) эмоции с трудом поддаются эксплицитному описанию, поскольку, по преимуществу, не выражаются индивидом в полной мере, а поэтому о них часто говорят в терминах метафоры и символов.

Подобная междисциплинарная интерпретация эмоций, в свою очередь, порождает новые проблемные узлы, в частности, такие как специфика взаимосвязи между:

- врожденностью и культурной обусловленностью эмоций (а именно, между биологией и социологией эмоциональных состояний);

- разнообразными человеческими способностями, а именно между эмоциями, языком, рациональностью, действиями, социальным поведением;

- эмоциональными состояниями и невербальным поведением человека, принадлежащего к определенному социокультурному сообществу.

Список литературы / References

1. Коростова С.В. Эмотивность как категория художественного текста // *Filologos*. 2012. № 3(14). С. 28–35.
2. Коростова С.В., Скарн Г.Д. Эмотивно-оценочное значение русских глаголов в лексикографическом аспекте // *Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: общественные науки*. 2009. № 1. С. 122–125.
3. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Проблема дифференциации прямых и косвенных экспрессивных актов в аспекте соотношения информационного и иллокутивного модулей // *Евразийский союз ученых*. 2015. № 10–3(19). С. 95–98.
4. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
5. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 23. С. 68–74.
6. Коростова С.В. Эмоциональная составляющая русской наивной языковой картины мира // *В мире научных открытий*. 2015. № 11.2(71). С. 1074–1084.
7. Коростова С.В. Поле эмотивности в художественном тексте: когнитивно-прагматический аспект // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 21. С. 705–707.
8. Коростова С.В. К вопросу об эмотивности художественного текста // *Язык. Текст. Дискурс*. 2013. № 11. С. 102–111.
9. Коростова С.В. Эмотивность в диалоге и эмотивный диалог в русском художественном тексте // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 4. С. 92–97.
10. Коростова С.В. Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014. 224 с.
11. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 21. С. 30–33.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Korostova S.V. Jemotivnost' kak kategorija hudozhestvennogo teksta [Emotionality as the literary text category] // *Filologos*. 2012. # 3(14). S. 28–35. [in Russian]
2. Korostova S.V., Sknar G.D. Jemotivno-ocenocnoe znachenie russkih glagolov v leksikograficheskom aspekte [Emotional and evaluative meanings of Russian verbs in lexicographical aspect] // *Izvestija vysshih ucbebnih zavedenij. Severo-kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki* [News of higher educational establishments. Northern-Caucasian Region. Series: Public Science]. 2009. # 1. S. 122–125. [in Russian]
3. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Problema differenciacii prjamyh i kosvennyh jekspressivnyh aktov v aspekte sootnoshenija informacionnogo i illokutivnogo modulej [The problem of differentiating direct and indirect expressive acts in the aspect of informative and illocutive module correlation] // *EvrAzijskij sojuz uchenyh* [Scientists'EurAsian Union]. 2015. # 10–3(19). S. 95–98. [in Russian]
4. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]

5. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Lingvofilosofskaja pragmatika VS. kognitivnaja pragmatika: dva vzgljada na odnu i tu zhe problemu [Linguophilosophical pragmatics VS. cognitive pragmatics: two views on the same problem] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 68–74. [in Russian]
6. Korostova S.V. Jemocional'naja sostavljajushhaja russkoj naivnoj jazykovoj kartiny mira [Emotional component of Russian naïve language picture of the world] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.2(71). S. 1074–1084. [in Russian]
7. Korostova S.V. Pole jemotivnosti v hudozhestvennom tekste: kognitivno-pragmaticheskij aspekt [Emotivity field in the literary text: cognitive and pragmatic aspect] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 705–707. [in Russian]
8. Korostova S.V. K voprosu ob jemotivnosti hudozhestvennogo teksta [To the question on emotivity in the literary text] // Jazyk. Tekst. Diskurs [Language. Text. Discourse]. 2013. # 11. S. 102–111. [in Russian]
9. Korostova S.V. Jemotivnost' v dialoge i jemotivnyj dialog v russkom hudozhestvennom tekste [Emotivity in dialogue and emotive dialogue in the Russian literary text] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija [Herald of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2014. # 4. S. 92–97. [in Russian]
10. Korostova S.V. Jemotivno-ocenochnye smysly v russkom hudozhestvennom tekste [Emotive and evaluative senses in the Russian literary text]. Rostov-na-Donu: JuFU, 2014. 224 s. [in Russian]
11. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znanija [Cognitive approach to implicit knowledge investigation] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 30–33. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.028

Арсентьева Г.Л.

Кандидат филологических наук,

Казанский федеральный университет

РАДИОСТАНЦИИ ТАТАРСТАНА В ИНТЕРНЕТЕ: ПРОМОУШН ИЛИ НОВАЯ ФОРМА ВЕЩАНИЯ*Аннотация*

Статья рассматривает радиовещание Татарстана в аспекте функционирования версионных сайтов традиционных радиостанций в Интернете. Предметом изучения стало внедрение в региональный медиаконтент Интернет-версий радиостанций, их типы, функции, цели, стадии эффективности и развития. Поднят вопрос о том, чем являются версии в Интернете для радиостанций – актом промоушна или возможностью возникновения новых медиа. В качестве исследовательского материала использованы версионные сайты 7 радиостанций, соответствующих заданным параметрам.

Ключевые слова: радиовещание, Интернет, Татарстан.

Arsenteva G.L.

PhD in Philology,

Kazan Federal University

RADIO STATIONS OF REPUBLIC OF TATARSTAN ON THE INTERNET: PROMOTION OR A NEW BROADCASTING FORMAT*Abstract*

The article considers Tatarstan radiobroadcasting in terms of functioning of web site versions of traditional radiostations. Deployment in regional media content, types, functions, targets, stages of efficiency and development of such versions of radiostations have been taken as a subject matter. The article raises the question of role of on-line versions in functioning of radiostations: is that a promotion act or a possibility an advent of a new media. Web site versions of 7 radio stations corresponding to given parameters have been used as a research material.

Keywords: radiobroadcasting, Internet, Tatarstan.

Радиостанции России активно используют Интернет в качестве дополнительной площадки по увеличению числа потенциальных слушателей. Региональные радиостанции также находятся на пути к Интернет-вещанию. На фоне бурного развития Интернета и стабильно невысокой привлекательности традиционного радиовещания для рекламодателей, тема развития радиостанций в Сети актуальна и требует детального изучения. Цель статьи – определить, чем сегодня является возможность вещания в Интернете для региональных радиокomпаний – очередным актом промоушна или стадией создания новых медиа на основе имеющихся брендов. Новизна заключается в векторе изучения, который направлен на развитие регионального радиовещания Татарстана. Основополагающим признаком для включения радиостанции в настоящее исследование является одновременное существование оффлайновой радиостанции как основной и ее версионного сайта. Всемирная сеть постоянно пополняется новыми радиостанциями, которые вещают исключительно в Интернете и имеют иные типологические признаки. Версионные сайты традиционных радиостанции отличаются и по целям, и по типифицирующим признакам; именно версии региональных радиостанций в Интернете стали объектом изучения в данной статье, в частности, сайты «БИМ-радио», «Радио Татарстана», «Болгар радиосы», «Курай», «Кунел», «Тартип-FM», «Миллениум». В перечне представлены как региональные, так и местные радиостанции, в том числе двуязычные.

Основной целью сайтов радиостанций являются реклама и промоушн оффлайнового радио и его имиджа. Задачи могут различаться и варьироваться, значительно расширяться (информирование и просвещение аудитории,

пропаганда определенных целей, образа жизни, развлечения). Это влияет на вторичные и формальные типологические признаки сайтов: редакторский состав, информационное наполнение, рубрики, содержание сетевого СМИ [1, с.17]. То, что промоушн основного радиоэфира является главной функцией сайтов радиостанций, доказывается обязательным присутствием в них рекламы, своевременным обновлением информации для клиентов, наличием контактной и программной информации. Предположительно, радиостанции, выполняя эту функцию на сайте в полном объеме, достигают необходимого минимума эффективности сетевых ресурсов. Очевидно, сегодня для регионального радиовещания присутствие в Сети, прежде всего, является возможностью дополнительного привлечения рекламодателей. Интернет-аудиторию такие радиостанции набирают в социальных сетях, тем более создание и ведение страницы не требует дополнительных затрат на привлечение веб-разработчиков. К примеру, по данным Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ, «БИМ-радио» в 2015 году признано наиболее успешным региональным пабликом, активно использующим возможности пользователей социальных сетей добавлять свой контент и оставлять свои сообщения и комментарии в лентах сообщества. Число подписчиков выросло более чем на 20 тысяч и превысило 70 тысяч пользователей. Станция активно использует «ВКонтакте» совместно с собственным сайтом и эфиром для коммерческих предложений [2, с. 52].

Отличительной чертой современного регионального радиоэфира в изучаемом аспекте можно назвать полное присутствие всех радиостанций в Интернете, при котором каждая из них преследует различные цели, что отражается на функциональности соответствующих сетевых ресурсов. Региональное «БИМ-радио», местные «Миллениум» и «Кунел» предлагают многоуровневые сетевые визитки с прямым эфиром и веб-камерой, новостями радиокomпании и подробным рассказом о ведущих, полноценным архивом и фотогалереей, а также интерактивом, чаще всего представленным чатами. Радио «Тартип-FM», «Радио Татарстана», «Курай» занимаются наполнением сайта со значительными временными промежутками, текстовый контент отличается от эфирного, при этом сам эфир, к примеру, на «Тартип-FM» идет на сайте с задержкой, что практически полностью нивелирует идею функционирования радиостанции в Сети.

При запуске сайта радиостанции, имеющей частоту в FM-диапазоне, особое значение имеет тип и формат основного радио. Так, сайт «Радио Татарстана», выполненный в сдержанной цветовой гамме и заполненный на 80% текстовой информацией, полностью соответствует информационному типу оффлайновой радиостанции. Информация о ведущих на таких сайтах ограничивается фотографией, именем и должностью, в отличие от музыкально-информационных развлекательных станций, тип которых дублируется и в Сети («БИМ-радио», «Миллениум», «Болгар радиосы»): подробные истории из жизни ведущих, их взгляды на собственную персону и современность в ироничной манере дополнены яркими фотографиями. Подобные ресурсы чаще всего выполнены в динамике, активны форумы и чаты, контент дополняется видеоматериалами.

Отдельное внимание на версионных сайтах радиостанций уделено новостям, которые находятся в рамках тематики, соответствующей прямому эфиру FM-радио. Если «Радио Татарстана» на главной странице сайта публикует общественно-политические новости, то «Миллениум» делает упор на новости самого радио, а «БИМ-радио» и «Курай», действуя в тандеме, отсылают посетителя этих сайтов на сторонний информационный ресурс. Связано это с тем, что сетка вещания данных радиостанций не предполагает программы новостей, но на сайте текстовая информация выполняет роль дополнительного ресурса, способного привлечь потенциальную аудиторию.

Важной составляющей любого версионного сайта является кнопка прямого эфира. Все исследуемые сайты имеют две похожие особенности относительно функционирования данной кнопки: во-первых, она полностью дублирует основную радиопрограмму, во-вторых, с ее помощью запускается единственный звуковой поток на каждом таком сайте. В этом отношении региональные радиостанции отличаются от федеральных: на сайтах большинства крупных радиостанций освоена возможность запускать несколько звуковых потоков, что значительно расширяет мультимедийность таких ресурсов. Это могут быть эфиры радиостанций, принадлежащих одному и тому же холдингу, отдельные музыкальные программы, удовлетворяющие вкусы разнородной аудитории, ссылки на Интернет-радио, представленное исключительно в Сети, кнопки зарубежных радиостанций и т.д. Некоторые региональные радиостанции, например, «БИМ-радио» и «Курай» делают шаги в этом направлении, предоставляя возможность посетителям сайтов перекрестного прослушивания.

Типология сайтов радиостанций включает сетевые визитки, фэн-зины и информационно-развлекательные порталы [1, с. 17-18]. Региональные радиостанции идут по пути создания сетевых визиток, которые отличаются друг от друга глубиной наполнения кнопок меню. Одной из причин выбора типа сайта радиостанции в пользу упрощенного варианта – сетевой визитки, на наш взгляд, является ограниченное финансирование и, как следствие, отсутствие специальных отделов в штатах радиокomпаний, которые бы занимались исключительно наполнением сайта. Несмотря на это, согласно статистике за 2015 год, представленной Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям России в отраслевом докладе по радиовещанию, некоторые сайты радиостанций Татарстана представлены в Топ-100 по количеству посетителей. Радио «Кунел» (г. Набережные Челны) вошло в число наиболее посещаемых сайтов Приволжского Федерального округа по данным счетчика Rambler Top 100. «БИМ-радио» (г. Казань) заняло четвертую строчку в подобном рейтинге по статистике LiveInternet.ru [2, с. 41-44].

Таким образом, региональные радиостанции Татарстана в Интернете представлены страницами в социальных сетях и версионными сайтами, сделанными по типу сетевой визитки. Уже сегодня можно сказать, что радио с помощью сетевых ресурсов делает уверенные шаги в сторону мультимедийности и образования новых медиа, но основной их функцией остается промоушн оффлайновой радиостанции с возможностью расширения потенциальной аудитории и привлечения рекламодателей.

Список литературы / References

1. Колодкин В.А. Радиовещание в Интернете: принципы функционирования, типология и структура сайтов: автореф. дис. канд. филол. наук / В.А. Колодкин. – Тольятти, 2005. – 24 с.

2. Радиовещание в России в 2015 году. Состояние, тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] <http://fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2016/radio.html> (18.07.2016).

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Kolodkin V.A. Radioveshhanie v Internetе: principy funkcionirovaniya, tipologiya i struktura sajtov [Broadcasting in the Internet: principles of operation, types and structure of the sites]: avtoref. dis. kand. filol. nauk / V.A. Kolodkin. – Tol'jatti, 2005. – 24 s. [in Russian]

2. Radioveshhanie v Rossii v 2015 godu. Sostojanie, tendencii i perspektivy razvitiya [Radio broadcasting in Russia in 2015. Status, trends and prospects of development] [Electronic resource]. – URL: <https://goo.gl/cqQfC1> (18.07.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.048

Боровкова А.А.

Аспирант, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО КОНТАКТА АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ

Аннотация

Общеизвестно, что художественные тексты разных авторов отличаются той или иной степенью стилистического своеобразия. Данное суждение, как мы полагаем, оказывается оптимальным при многомерном анализе стилистической маркированности литературного языка, представляющей одним из прагматических механизмов установления и поддержания межперсонального контакта между автором и читателем. Наше изыскание базируется на классической риторической концепции трех типов стилей художественного повествования. С опорой на данную концепцию мы разрабатываем подход, в соответствии с которым динамичность межперсональных взаимоотношений автора и читателя определяется стилистическим потенциалом текста, авторской стилистической виртуозностью, отражающей намерения творческой личности оказывать эстетическое воздействие на читателя, побуждающее к интерпретативному погружению в текст.

Ключевые слова: художественный стиль, художественный текст, стилистические средства, межперсональный контакт автора и читателя, деавтоматизация читательского внимания.

Borovkova A.A.

Postgraduate student, Southern Federal University (Rostov-on-Don)

LITERARY NARRATIVE STYLE IN THE ASPECT OF INTERPERSONAL CONTACT BETWEEN THE AUTHOR AND THE READER

Abstract

It is well-known that literary texts pertaining to different authors can be characterized by a particular degree of stylistic uniqueness. This kind of judgment, as we suppose, turns out to be optimal for multi-dimensional analysis of the literary language stylistic markedness which is one of the pragmatic mechanisms providing setting up and maintaining the interpersonal contact between the author and the reader. Our research is based on the classical rhetorical conception of three kinds of literary narrative styles. based on this conception we develop the approach according to which the author and the reader's interpersonal contact dynamics is determined with the text stylistic potential, author's stylistic virtuosity reflecting the creative personality's intentions of making the aesthetic impact upon the reader stimulating to the interpretative immersion into the text.

Keywords: literary style, literary text, stylistic means, interpersonal contact between the author and the reader, reader's attention deautomatization.

В процессе творческой деятельности автор порождает текстуальный мир, содержащий бесконечно многообразный и увлекательный сюжет, который становится предметом пристального внимания со стороны читателя на всем протяжении восприятия речевого произведения. Для читателя художественный текст является коммуникативным каналом извлечения актуальной информации, которая преимущественно приобретает форму неявно выражаемых смыслов [1, С. 59], [2, С. 38–39]. Смыслы, в свою очередь, предопределяют тип социальных взаимоотношений между участниками художественной коммуникации, именно на уровне смыслов оказывается возможным выявление специфики всего многообразия художественных текстов.

Избирая тот или иной художественный регистр, автор инициирует коммуникативный контакт с читателем, поддерживает диалог с ним. В связи с этим понятие «смысл» последовательно задействуется в лингвистических изысканиях для многогранного объяснения понятия «стилистический регистр», под которым имеется в виду набор контекстуальных значений, конфигурация семантических моделей, на которые читатель опирается в процессе интерпретации текста [3, С. 937], [4, С. 113]. Стилистические регистры предполагают некоторую согласованность, связность выраженных актуальных значений, извлекаемых не только из конкретного текста, но и из семантических ресурсов языка в целом.

Понятие стилистического регистра органично согласуется с концепцией трех уровней стиля, унаследованной от классической риторической традиции, в рамках которой выделяется высокий, средний и простой стили. Представляется, что в противоположность полярным различиям между текстами, которые в одних случаях являются прозрачными, а в других – с трудом поддаются выделению, понятие уровней стиля предопределяет более тонкую дифференциацию возможного разнообразия языка художественной литературы. Рассмотрим данное суждение более детально.

1. Простой стиль, который может быть, в частности, представлен романом Э. Хемингуэя «Прощай оружие» (1929). Начало романа выявляет основные характеристики «простого» литературного языка. Ср.: *“In the late summer of that year we lived in a house in a village that looked across the river and the plain to the mountains. In the bed of the river there were pebbles and boulders, dry and white in the sun, and the water clear and swiftly moving and blue in the channels. Troops went by the house and down the road and the dust they raised powered the leaves of the trees. The trunks of the trees too were dusty and the leaves fell early that year and we saw the troops marching along the road and the dust rising and leaves, stirred by the breeze, falling and the soldiers marching and afterward the road bare and white except for the leaves.*

The plain was rich with crops; there were many orchards of fruit trees and beyond the plain the mountains were brown and bare. There was fighting in the mountains and at night we could see the flashes from the artillery. In the dark it was like summer lightning, but the nights were cool and there was not the feeling of a storm coming” [5, P. 7].

В анализируемом фрагменте выявляется последовательная реализация стандартного порядка слов, автор сообщает читателю достаточно скудную информацию с опорой на повторяющиеся модели паратаксиса, которые, возможно, маскируют отсутствие какой бы то ни было стилистической усложненности. Яркой морфологической особенностью фрагмента предстают причастия, герундии и существительные, имеющие окончание *-ing*, а также глагольные предикаты, употребленные в прошедшем неопределенном времени, которые задействуются автором как нейтральные стилистические средства, подчеркивающие одновременность воздействия войны на персонажей и естественных изменений в природе, связанных с окончанием лета и началом осени.

Описания даются с опорой на слова, лишённые эмотивных ассоциаций. Имена существительные, которые участвуют в описаниях, принадлежат к таким семантическим полям, как «война» и «природный пейзаж». В данном отношении язык анализируемого текста характеризуется строгой референцией, отсутствием фонологических или лексико-поэтических ассоциаций. Вместе с тем, референция функционирует как ограниченный код, оказывается частично зависимой от изображаемых объектов. Рассказчик использует такие дейктические указатели, как *another mountain* и *this side of the river*, подразумевая, что читатель в данный момент повествования видит тот же самый пейзаж.

Автор воплощает в языке текста свой личностный опыт восприятия реального мира, конструирует это воплощение с опорой на интерперсональную функцию (коммуникативный контакт с читателем). Авторский простой стиль повествования ограничивает возможность погружения в воссоздаваемый текстуальный мир, поскольку этот мир не оказывает должного эстетического эффекта на читателя. Именно подобными особенностями может быть охарактеризован простой стиль повествования.

2. Средний стиль, который может быть репрезентирован романом Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925). Ср.: *“In my younger and more vulnerable years my father gave me some advice that I’ve been turning over in my mind ever since.*

“Whenever you feel like criticizing any one,” he told me, “just remember that all the people in this world haven’t had the advantage you’ve had.”

He didn’t day any more, but we’ve always been unusually communicative in a reserved way, and I understood that he meant a great deal more than that. In consequence, I’m inclined to reserve all judgments, a habit that has opened up many curious natures to me and also made me the victim of not a few veteran bores. The abnormal mind is quick to detect and attach itself to this quality when it appears in a normal person, and so it came about that in college I was unjustly accused of being a politician, because I was privy to the secret griefs of wild, unknown men. Most of the confidences were unsought – frequently I have feigned sleep, preoccupation, or a hostile levity when I realized by some unmistakable sign that an intimate revelation was quivering on the horizon; for the intimate revelation of young men, or at least the terms in which they express them, are usually plagiaristic and marred by obvious suppression. Reserving judgments is a matter of infinite hope. I am still a little afraid of missing something if I forget that, as my father snobbishly suggested, and I snobbishly repeat, a sense of the fundamental decencies is parcelled out unequally at birth” [6, P. 7].

Стиль фрагмента может быть охарактеризован одновременно как формальный и выявляющий личностное начало рассказчика. Для описания личностно фиксируемых состояний сознания рассказчик частотно задействует абстрактные существительные (*judgment, nature, mind, grief, confidence, preoccupation, levity, revelation, suppression, hope, decencies*). Успешная деятельность определяется такими существительными, как *extraordinary, gorgeous, successful*, которые контрастируют с негативно оцениваемой «непригодностью» – *curious, flabby, abnormal*. Имена прилагательные, выражающие отсутствие совершенства, интеллектуальной зрелости, проявляют благозвучность с именами существительными, которые прямо не указывают конкретных индивидов: *curious natures; abnormal mind; wild, unknown men*.

Наречия, фиксирующие чрезмерную деятельность, в звуковом плане органично стыкуются с прилагательными и глаголами, которые относятся к семантическому полю «речь»: *unusually communicative, usually plagiaristic, unjustly accused, snobbishly suggested, snobbishly repeat*. В речи рассказчика встречаются предложения усложненной структуры. Время от времени озвучиваются нравоучительные утверждения, что свидетельствует о самоуверенности рассказчика, который выдвигает оценочные суждения о других людях.

Средний (элегантный) стиль повествования, присущий творческой манере Ф.С. Фицджеральда, наиболее оптимально отражает идеал эффективной текстуальности. В отличие от текста Э. Хемингуэя, текст Ф.С. Фицджеральда лишен неэкономичного паратаксиса. Органичность сочетаний прилагательных с существительными, наречий с прилагательными и глаголами значительно облегчает читательскую переработку текста при минимальном расходе ментальных ресурсов. Сам текст является относительно компактным, поскольку автор отдает приоритет коммуникативной стратегии координирования языковых выражений, обладающих общим концептуальным содержанием. Компактность текста, в частности, создается за счет превалирования адъективных атрибуций над предикацией. Повествование рассказчика производит на читателя должный эстетический эффект.

3. Высокий стиль, который может быть представлен романом Мервина Пика «Титус Гроун» (1946). Ср.: *“Gormenghast, that is, the main massing of the original stone, taken by itself would have displayed a certain ponderous architectural quality were it possible to have ignored the circumfusion of those mean dwellings that swarmed like an epidemic around its outer walls. They sprawled over the sloping arch, each one half way over its neighbour until, held back by the castle ramparts, the innermost of these hovels laid hold on the great walls, clamping themselves thereto like limpets to a rock. These dwellings, by ancient law, were granted this chill intimacy with the stronghold that loomed above them. Over their irregular roofs would fall throughout the seasons, the shadows of time-eaten buttresses, of broken and lofty turrets, and, most enormous of all, the shadow of the Tower of Flints. This tower, patched unevenly with black ivy, arose like a mutilated finger from among the fists of knuckled masonry and pointed blasphemously at heaven. At night the owls made of it an echoing throat; by day it stood voiceless and cast its long shadow”* [7, P. 9].

Высокий стиль М. Пика является одновременно эзотерическим и чрезмерно замысловатым, отражает авторский выбор лексических единиц, принадлежащих сфере средневековой архитектуры: *massing, arch, ramparts, stronghold, buttresses, turrets, tower, masonry*. Расширенное метафорическое сравнение замка Горменгаст с человеческим телом воссоздает остранные (от «остранение» – термин В.Б. Шкловского) образы нечто кишащего, удушья, голоса и безголосия, слабости и смерти. В тексте интенсивно задействуются поэтический потенциал изысканных вариаций обычной схемы описательной референции: *Gormenghast, the main massing of the original stone, its outer walls, the sloping arch, the castle ramparts, the great walls, the stronghold, the fists of knuckled masonry, time-eaten buttresses, broken and lofty turrets, the Tower of Flints, mean dwellings, these hovels, their irregular roofs*. Грамматические «причуды» текста (употребление сослагательного наклонения в перфектной форме, нарочитая актуализация архаического предлога *thereto*) порождает готическую атмосферу текущего увядания и разложения на фоне блеклых воспоминаний былого величия.

Текст пренебрегает принципом естественной иерархии, который подразумевает, что главные грамматические категории реализуют наиболее значимую текстуальную информацию (более подробно см. [8, С. 177–180]). В частности, фрагмент инициируется словом *Gormenghast*: читатель предполагает, что далее будет следовать информация об этом замке. Однако рассказчик сразу же переключает читательское внимание на детальное описание того, что находится за стенами этого замка. Подобное переключение внимания порождает эффект моментального замешательства читателя, его полное эстетическое остранение. Знакомые объекты воспринимаются как странные, не узнаваемые и в своей странности с трудом осознаются как таковые. Читатель погружается в загадочную реальность повествования, в которой отсутствует время, пространство, причинно-следственные связи, логика.

Таким образом, художественный текст является уникальным продуктом ментальной и речевой деятельности автора, многомерным семантическим пространством, источником прагматической и когнитивной информации, которую можно рассматривать как авторскую проекцию читательской интерпретации текста. Стиль повествования предопределяет авторскую проекцию интерперсональных взаимоотношений с читателем, поскольку предполагает ту или иную степень читательского погружения в текст, характер когнитивных усилий, которые прилагает адресат в процессе интерпретации текста. Эстетические и стилистические эффекты, порождаемые текстом, требуют от читателя непрерывного внимания к языковой альтернативности повествования, которая потенциально ассоциируется с творческим экспериментом. Авторский стиль повествования фиксируется читателем как специфическая разновидность языка, к которой прибегает рассказчик в процессе освещения тех или иных событий, фактов и явлений виртуальной действительности.

Интерперсональные взаимоотношения автора и читателя в процессе создания и интерпретации текста проливают свет на проблему стилистической дифференциации в рамках художественного повествования. Стилистическая виртуозность автора отражает его стремление к деавтоматизации читательского внимания с целью порождения определенных эстетических и драматических эффектов.

Список литературы / References

1. Агапова С.Г. Роль дискурсивного подхода в развитии лингвистики текста // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 2. С. 57–66.
2. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
3. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.
4. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI века. Варшава: Diamond trading tour, 2014. С. 113–114.
5. Hemingway E. A farewell to arms. М.: Капо, 2011. 416 p.
6. Fitzgerald F.S. The great Gatsby. М.: Капо, 2009. 256 p.
7. Peake M. Titus Groan. L.: Random House, 2014. 512 p.
8. Агапова С.Г. Герменевтическое знание в описании коммуникативных процессов // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 175–185.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Agapova S.G. Rol' diskursivnogo podhoda v razvitii lingvistiki teksta [Discursive approach role in the development of text linguistics] // Jekonomicheskie i gumanitarnye issledovanija regionov [Economic and humanitarian region investigation]. 2010. # 2. S. 57–66. [in Russian]
2. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
3. Azarova O.A., Kudryashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste [Contrastive interaction of the author and the character's images in the literary text] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 936–942. [in Russian]

4. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Voprosy. Otvery. Gipotezy: nauka XXI veka [Questions. Answers. Hypotheses]. Warsaw: Diamond trading tour, 2014. S. 113–114.
5. Hemingway E. A farewell to arms. M.: Kapo, 2011. 416 p.
6. Fitzgerald F.S. The great Gatsby. M.: Kapo, 2009. 256 p.
7. Peake M. Titus Groan. L.: Random House, 2014. 512 p.
8. Agapova S.G. Germeneyticheskoe znanie v opisaniі kommunikativnyh processov [Hermeneutic knowledge in communicative process description] // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and social sciences]. 2013. # 5. S. 175–185. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.024

Винокурова Т.Н.

Кандидат филологических наук,

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация

Настоящая статья посвящена структурным особенностям терминов искусственного интеллекта в английском языке. Приводятся наиболее продуктивные модели терминообразования, выделяются наиболее продуктивные ядерные термины, участвующие в образовании специальных лексических единиц, а также даётся этимологическая справка о происхождении некоторых терминов исследуемой терминологии. Результаты данного исследования могут применяться в курсе лекций по лексикологии и терминоведению, а также на практических занятиях по научно-техническому переводу.

Ключевые слова: искусственный интеллект, структура термина, аббревиация, продуктивные термины, терминологические сочетания.

Vinokurova T.N.

PhD in Philology,

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

**STRUCTURAL PECULIARITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TERMINOLOGY
IN THE ENGLISH LANGUAGE**

Abstract

This paper is devoted to the research of structural peculiarities of the terms of artificial intelligence in the English language. The most productive models of term composition are presented in the article; the most productive nuclear terms employed for special language units creation are defined and the chronological reference on the history of some terms of the studied terminology is given. The results of this research can be employed in the course of lectures on lexicology and terminology; it can also be used on scientific and technical translation seminars.

Keywords: artificial intelligence, structure of a term, abbreviation, productive terms, terminological combinations.

Обращение к структурным параметрам рассматриваемой терминологии предполагает выявление существующих проблем в рамках подязыка и позволяет исследователю предложить возможные пути решения выявленных трудностей. При рассмотрении структурных особенностей терминологии мы в первую очередь обращаем внимание на форму, т.е. морфологическую структуру терминологической единицы. По этому критерию мы можем разделить специальные лексические единицы на термины-слова, или однословные термины, и термины-словосочетания, которые также носят название терминологических сочетаний. Даниленко В.П. языковые и неязыковые средства образования терминов. К языковым относятся: 1. *термины-слова*: а) непроизводные; б) производные; в) сложные; г) аббревиатуры. 2. *термины-сочетания*: а) свободные сочетания; б) несвободные сочетания; в) термины-фразеологизмы. 3. *термины-предложения*. К неязыковым средствам относятся знаки, графические символы и цифры [Даниленко, 1971: 8]. Подробная классификация терминов с точки зрения их формы представлена на рис. 1.

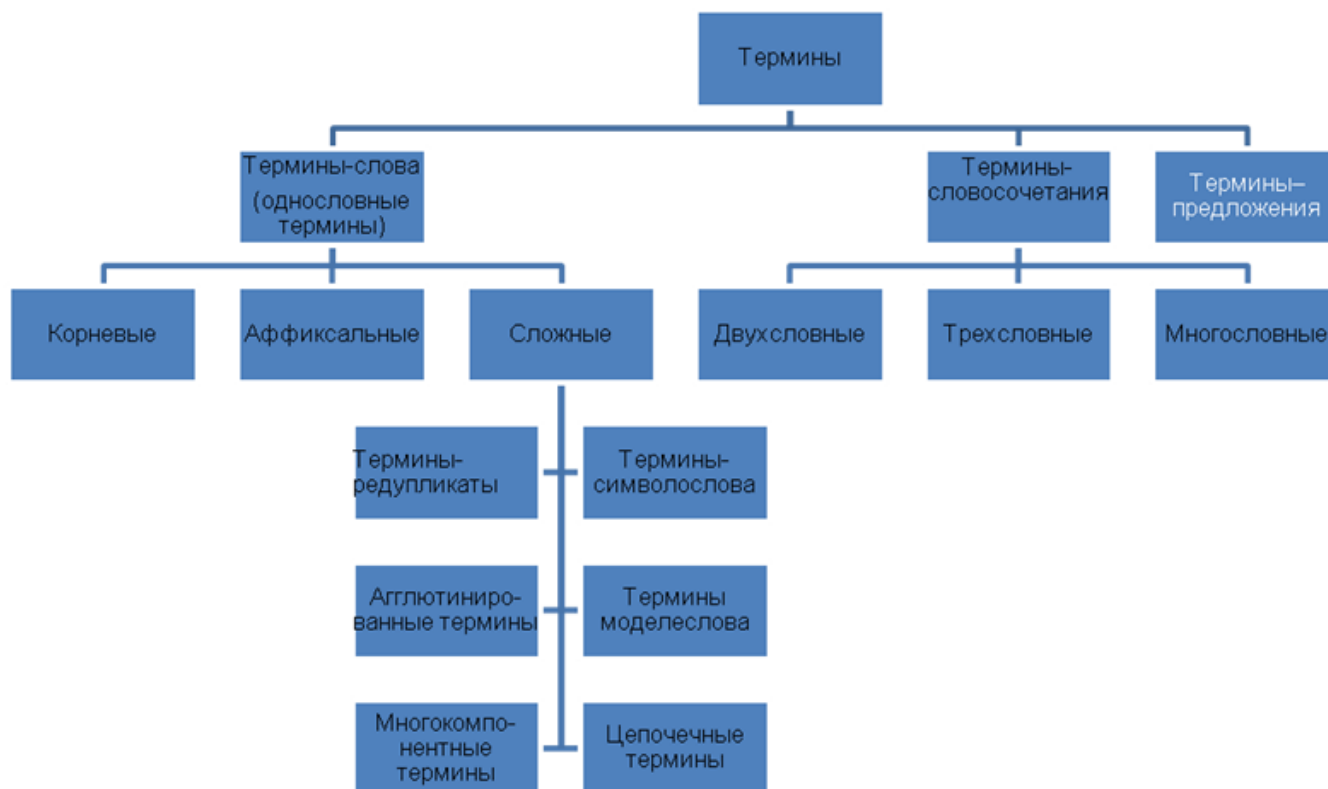

Рис. 1 – Классификация терминов с точки зрения структуры

Из всего объема выборки, составленной путем сплошного просмотра специализированных монографий и статей и насчитывающей 2729 терминологических единиц, представляется возможным выделить 426 термина-слова, что составляет 16% от общего количества специальных лексических единиц. Термины-слова неоднородны по своему составу, поскольку к однословным терминам относятся следующие разновидности: 1) *корневые термины* – однословные термины, основа которых совпадает с корнем; 2) *аффиксальные термины* – однословные термины, основа которых содержит корни и аффиксы; 3) *сложные термины* – однословные термины, основа которых содержит несколько корневых морфем [Гринев-Гриневиц, 2008: 62].

Количественное соотношение простых терминов в английском подязыке искусственного интеллекта представлено на рис. 2.

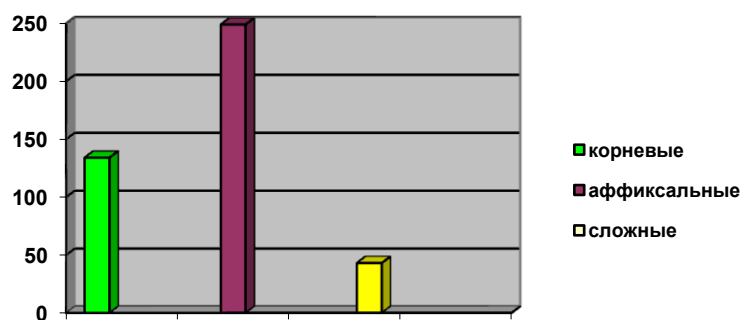

Рис. 2 – Простые термины в английской терминологии искусственного интеллекта

Что касается терминологии искусственного интеллекта, то к корневым терминам-словам принадлежат 134 специальные лексические единицы, составляющие 5% от общей выборки. Примерами таких терминов могут служить следующие лексические единицы: *agent* – агент, *circuit* – схема, *event* – событие, *robot* – робот, *search* – поиск, *term* – терм, *word* – слово.

Аффиксальные термины представлены шире в исследуемой терминологии. Как отмечает В.М. Лейчик, среди производных терминов, т.е. полученных способами словопроизводства, подавляющее большинство специальных лексических единиц образовано с помощью деривации [Лейчик, 2007: 52]. Следует заметить, что аффиксация играет значительную роль в создании прозрачной структуры внутренней формы термина. Общее количество аффиксальных терминов в исследуемой выборке составляет 303 терминологических единицы (11% от общей выборки). Как суффиксы, так и префиксы являются средствами системного терминообразования.

Стоит отметить, что в специальной лексике суффиксальные формы не имеют того же значения, что и бессуффиксные формы, поэтому суффиксы используются для обозначения новых понятий, а не вариантов одного и того же слова. В исследуемой терминологии искусственного интеллекта возможно выделить 213 специальных лексических единиц, образованных с помощью суффиксов (7% от общей выборки).

При изучении исследуемой терминологии представляется возможным выделить наиболее продуктивные суффиксы, участвующие в образовании терминов. Под продуктивными понимаются те аффиксы, которые являются наиболее частотными в исследуемой выборке. Результаты проведенного анализа представлены ниже в таблице 1 в порядке уменьшения продуктивности.

Таблица 1 – Продуктивные суффиксы в терминообразовании английского подязыка искусственного интеллекта

<i>Суффикс</i>	<i>Количество терминологических единиц</i>	<i>Пример</i>
-tion/ ion	106 (4% от общей выборки)	Abstraction (абстрагирование), causation (каузация), definition (определение)
-ing	33 (1% от общей выборки)	Abstracting (абстрагирование), backjumping (обратный переход)
-y/ty	31 (1% от общей выборки)	Admissibility (допустимость), continuity (непрерывность), equality (равенство)
- or/er	17 (0,6% от общей выборки)	Compiler (компилятор), controller (контроллер), demodulator (демодулятор)
-ence/ance	9 (0,3% от общей выборки)	Dominance (доминирование), equivalence (эквивалентность), inference (вывод)
-ness/ ess	8 (0,2% от общей выборки)	Compactness (компактность сети), conciseness (краткость)
-ment	5 (0,1 % от общей выборки)	Argument (аргументация), environment (среда), judgment (суждение).
-ism	3 (0,1 % от общей выборки)	Behaviourism (бихевиоризм), connectionism (коннекционизм).
-ure	1 (0,03% от общей выборки)	Architecture (архитектура).

Как показывает анализ терминологических единиц, образованных суффиксальным способом, самым продуктивным является суффикс –tion, использующийся для производства абстрактных понятий. Суффикс –ing, обозначающий процесс, стал вторым по продуктивности.

Префиксальным способом образовано 54 термина, что составляет 2% от общей выборки. Такой способ образования терминов является менее частотным по сравнению с суффиксальным. В таблице 2 представлены префиксы в порядке уменьшения частотности.

Таблица 2 – Продуктивные префиксы в терминообразовании английского подязыка искусственного интеллекта

<i>Префикс</i>	<i>Количество терминологических единиц</i>	<i>Примеры</i>
Sub-	10 (0,4% от общей выборки)	Subevent (подсобытие), subtree (поддерево), sunset (подмножество)
De-	7 (0,3% от общей выборки)	Debugging (отладка), decomposition (декомпозиция)
Re-	7 (0,3% от общей выборки)	Replanning (перепланирование), representation (представление)
Meta-	5 (0,2% от общей выборки)	Metarule (метаправило), metalanguage (метаязык)
Dis-	4 (0,1% от общей выборки)	Disequality (неравенство), disjunct (дизъюнкт), disjunction (дизъюнкция)
Un-	4 (0,1% от общей выборки)	Uncertainty (неопределенность), unsatisfiability (невыполнимость)
Hyper-	3 (0, 1% от общей выборки)	Hyperlink (гиперссылка), Hypertree (гипердерево), hyperevent (гиперсобытие)
Pre-	3 (0,1% от общей выборки)	Precondition (предусловие), presupposition (пресуппозиция)
Co-	3 (0,1% от общей выборки)	Cooperation (кооперация), coordination (координация), coroutines (сопроцедуры)
In-	2 (0,07% от общей выборки)	Incompleteness (неполнота), independence (независимость)
Non-	2 (0,07% от общей выборки)	Nonidentity (неравенство), nonmonotonicity (немонотонность)
Super-	2 (0,07% от общей выборки)	Superset (надмножество), supercategory (надкатегория)
Mega-	1 (0,03% от общей выборки)	Megavariable (мегапеременная)
Under-	1 (0,03% от общей выборки)	Underconstraint (недостаточное ограничение)
Semi-	1 (0,03% от общей выборки)	Semidecidability (полуразрешимость)

Как видно из таблицы 2, среди префиксов, участвующих в образовании терминов, присутствуют элементы терминов, заимствованные из классических языков. К таким элементам относятся, например, приставка *meta-*, *hyper-*, *and mega-*. Некоторые исследователи, в частности, В.М. Лейчик, называют термины, имеющие структуру, в состав которой входит заимствованный элемент и элемент родного языка, гибридотерминами [Лейчик, 2009: 83].

Сложные термины в выборке искусственного интеллекта в английском языке представлены всего 43 единицами (1,5% от общей выборки). Схема 1 наглядно иллюстрирует виды сложных терминов. Проведенный анализ показывает, что подавляющее большинство сложных терминов представляют собой специальные лексические единицы, состоящие из нескольких корневых морфем – 37 терминов (1,3% от общей выборки). Примерами указанных единиц могут служить термины *blackboard* (доска объявлений), *crossover* (скрещивание), *keystroke* (нажатие клавиши). Термины-символослова, в состав которых входит буквенный или числовой символ, не являются частотными в исследуемой выборке. Таким структурным способом образовано всего 6 специальных лексических единиц, например, *λ-expression* – λ-выражение, *k-consistency* – k-совместимость.

Анализ терминов искусственного интеллекта в английском языке показывает, что значительное количество терминов представлено словосочетаниями – 2291 единица (84%). Терминологические сочетания можно рассматривать с точки зрения элементов, входящих в сочетание, что позволяет установить их приемлемую длину. Количественное соотношение терминологических сочетаний, рассматриваемых с точки зрения компонентов, входящих в их состав, представлено на диаграмме 2.

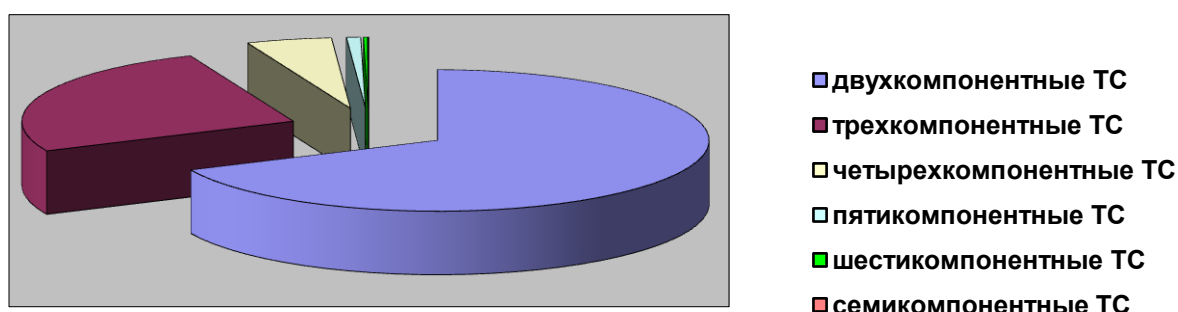

Рис. 3 – Многокомпонентные терминологические сочетания в английской терминологии искусственного интеллекта

Что касается терминологии искусственного интеллекта в английском языке, то наиболее частотными оказались терминологические сочетания, состоящие из двух компонентов. Их количество составляет 1463 единицы (53,5% от общей выборки).

Многие исследователи, в частности Санкин А.А., работая с терминологиями различных наук и направлений, приходят к выводу, что для английского языка наиболее характерным является образование терминологических сочетаний по модели «прилагательное + существительное» [Санкин, 1956: 34]. Как справедливо отмечает А.В. Суперанская, в двухкомпонентных терминологических сочетаниях определяемый компонент выступает в качестве названия рода или вида, получившего дополнительную дифференциацию с помощью определяющего компонента [Суперанская, 2009: 99]. Эту закономерность можно проследить на двухкомпонентных сочетаниях, ядерным термином в которых является лексическая единица *logic* (логика). Общее количество таких сочетаний в терминологической выборке составляет 29 единиц (1% от общего объема). Если проследить особенности этих терминологических сочетаний, то можно заметить следующее: в каждом из этих сочетаний ядерный термин *logic* употребляется в одном и том же значении – *the science or study of careful reasoning using formal method* (наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка) [Longman, 1995: 844]. Второй же уточняет значение, указывая на дополнительный план-содержание: *belief logic* – логика веры, *common-sense logic* – логика здравого смысла, *constructive logic* – конструктивная логика, *deontic logic* – деонтическая логика, *inductive logic* – индуктивная логика. Считается, что терминологические сочетания характерны для подязыка науки и техники, поскольку они дают определенную характеристику конструкций, процессов и технологий. В целях экономии языковых средств терминологические сочетания подвергаются сокращению, что приводит к образованию буквенных аббревиатур и сложносокращенных слов. Двухкомпонентные сочетания характеризуются большей связью составляющих их компонентов и тенденцией к превращению в однословные обозначения. Многокомпонентные терминологические сочетания по мере развития подязыка той или иной науки нередко становятся аббревиатурами.

С.В. Гринев-Гриневич, исследуя терминологии нескольких отраслей знания, пришел к выводу, что основным типом двухкомпонентных сочетаний является атрибутивное словосочетание, в состав которого входит ядерный элемент, выраженный, как правило, именем существительным, и атрибутивный, определяющий элемент [Гринев, 1993: 136].

Анализ исследуемой выборки специальных лексических единиц искусственного интеллекта в английском языке позволяет выделить наиболее продуктивные модели образования двухкомпонентных терминологических сочетаний. Результаты исследования представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Продуктивные модели образования двухкомпонентных терминологических сочетаний в английской терминологии искусственного интеллекта

<i>Модель</i>	<i>Количество терминологических единиц</i>	<i>Пример</i>
<i>AN</i>	687 (25% от общей выборки)	abductive inference (абдуктивный вывод), biconditional elimination (удаление двусторонней импликации)
<i>NN</i>	574 (21% от общей выборки)	abstraction hierarchy (иерархия абстракций), belief logic (логика веры), chain rule (цепное правило), data base (база данных)
<i>NofN</i>	85 (3% от общей выборки)	Axiom of probability (аксиома вероятности), calculus of variations (вариационное исчисление), conjunction of subgoals (конъюнкция подцелей)
<i>VedN</i>	59 (2,1% от общей выборки)	automated deduction (автоматизированный дедуктивный вывод), closed model (замкнутая модель), expanded node (развернутый узел).
<i>VingN</i>	49 (1,7% от общей выборки)	backjumping method (метод обратного перехода), clustering algorithm (алгоритм кластеризации)
<i>N'sN</i>	9 (0,3 % от общей выборки)	Bayes' model (байесовская модель), Herbrand's theorem (теорема Эрбрана), Kolmogorov's axiom (аксиома Колмогорова).

Диаграмма 2 демонстрирует количественное соотношение терминологических сочетаний, рассматриваемых с точки зрения числа составляющих их компонентов. Трехкомпонентные терминологические сочетания представлены в исследуемой выборке в меньшей степени, по сравнению с двухкомпонентными сочетаниями. Общее количество таких сочетаний составляет 552 (20% от общей выборки). Благодаря большому количеству элементов, входящих в состав терминологического сочетания, возможные модели построения таких специальных лексических единиц представлены шире, чем, к примеру, модели двухкомпонентных сочетаний. Результаты анализа структуры трехкомпонентных сочетаний отражены в таблице 4.

Таблица 4 – Продуктивные модели образования трехкомпонентных терминологических сочетаний в английской терминологии искусственного интеллекта

<i>Модель</i>	<i>Количество терминологических единиц</i>	<i>Пример</i>
<i>ANN</i>	240 (10% от общей выборки)	abstract data type (абстрактный тип данных), complete local search (полный локальный поиск)
<i>NNN</i>	119 (4% от общей выборки)	action selection rule (правило выбора действия), data base machine (машина базы данных)
<i>VedNN</i>	32 (1% от общей выборки)	argued transition network (расширенная сеть переходов), closed world assumption (предположение о закрытом мире)
<i>AVingN</i>	30 (1% от общей выборки)	autonomous learning agent (автономный обучающийся агент), computational learning theory (теория вычислительного обучения)
<i>ANN</i>	28 (1% от общей выборки)	asynchronous policy iteration (асинхронная итерация по стратегиям), full resolution rule (правило полной резолюции)
<i>NVingN</i>	25 (1% от общей выборки)	chess playing automation (автомат для игры в шахматы), game playing program (программа ведения игры),
<i>NVedN</i>	25 (1% от общей выборки)	circuit based agent (агент на основе логических схем), explanation based generalization (обобщение на базе объяснения).
<i>NAN</i>	24 (1% от общей выборки)	constraint logic programming (логическое программирование в ограничениях), domain independent heuristic (эвристика, не зависящая от проблемной области).

Стоит отметить, что при образовании трехкомпонентных терминологических сочетаний в английском подязыке искусственного интеллекта имеют место и другие модели, не вошедшие в таблицу 4. Сочетаний, образованных по этим моделям, мало (в процентном соотношении они составляют менее 1 % от общей выборки), поэтому они не могут считаться характерными для исследуемой терминологии. К таким моделям относятся:

- AdAN – образовано 7 сочетаний: *nearly decomposable problem* (частично декомпозируемая проблема), *perfectly decomposable problem* (идеально декомпозируемая задача);
- VingNN – образовано 6 сочетаний: *sliding block puzzles* (задачи со скользящими фишками), *programming language statement* (оператор языка программирования);
- AVedN – образовано 6 сочетаний: *heavy tailed distribution* (распределение с широким хвостом), *highest valued successor* (преемник с наивысшим значением), *linear bounded automation* (линейно-ограниченный автомат);
- VingAN – образовано 3 сочетания: *handling special constraints* (обработка специальных ограничений), *parsing natural language* (синтаксический анализ текста на естественном языке);
- VedVingN – образовано 2 сочетания: *constrained solving algorithm* (алгоритм решения задач с ограничениями), *automated reasoning method* (автоматизированный метод формирования рассуждения);
- VedAN – образовано 2 сочетания: *limited rational agent* (ограниченный рациональный агент), *weighted linear function* (взвешенная линейная функция);
- NandNN – образовано 1 сочетания: *missionaries and cannibals problem* (проблема миссионеров и каннибалов);
- AdVedN – образовано 1 сочетание: *locally structured system* (локально структурированная система).

Общее количество четырехкомпонентных терминологических сочетаний – 109 единиц (4% от общей выборки), пятикомпонентных – 18 единиц (0,6% от общей выборки), шестикомпонентных – 5 единиц (0,1% от общей выборки). В терминологии искусственного интеллекта присутствует всего один семикомпонентный термин – *nonnumeric theory of physical objects and processes* (нечисловая теория физических объектов и процессов).

Л.Б. Ткачева подразделяет терминологические сочетания на *связные* и *свободные* [Ткачева, 1987: 40]. Связные терминологические сочетания обозначают устойчивые многокомпонентные терминологические сочетания, в которых невозможна субституция составляющих его элементов без нарушения семантической целостности всего сочетания. Следующие терминологические сочетания являются иллюстрацией связных сочетаний в исследуемой выборке: *artificial intelligence* (искусственный интеллект), *neural net* (нейронная сеть).

Свободные терминологические сочетания, напротив, предполагают возможность синонимичной субституции одного или двух составляющих элементов с сохранением семантической целостности всего сочетания [Ткачева, 1987: 40]. Стоит отметить, что свободные терминологические сочетания способствуют возникновению внутриотраслевой синонимии. Примерами свободных терминологических сочетаний в исследуемой выборке английских терминов искусственного интеллекта могут служить следующие сочетания: *atemporal function – eternal function* (вневременная функция – неизменная функция), *information search – information retrieval* (информационный поиск).

Говоря о синтаксических отношениях внутри терминологических сочетаний, можно выделить особый тип сочетаний – *фразовые*. Особенностью таких терминологических сочетаний является схожесть структуры с фразой, а синтаксические отношения выражены с помощью союзов или предлогов. Общее количество фразовых терминологических сочетаний составляет 264 терминологические единицы (9,6% от общей выборки). Примерами фразовых терминологических сочетаний могут служить: *algorithm with linear time complexity* (алгоритм со сложностью, линейно зависящей от времени), *depth of truth* (степень истинности), *game of chance* (игра с элементами случайного выбора), *reasoning by analogy* (рассуждение по аналогии).

Внутри терминологических сочетаний представляется возможным выделить элемент, который несет основную смысловую нагрузку, являясь смысловым центром этого сочетания. Такие элементы носят название *ядерных терминов*. Анализ выборки специальной лексики искусственного интеллекта в английском языке позволяет выделить наиболее продуктивные ядерные термины. К таким терминам относятся следующие специальные лексические единицы, расположенные в порядке уменьшения частотности образования многокомпонентных терминологических сочетаний: 1) *algorithm* (алгоритм) – 77 ТС; 2) *model* (модель) – 61 ТС; 3) *function* (функция) – 58 ТС; 4) *problem* (задача) – 54 ТС; 5) *search* (поиск) – 54 ТС; 6) *system* (система) – 50 ТС; 7) *logic* (логика) – 35 ТС; 8) *set* (множество) – 34 ТС; 9) *agent* (агент) – 32 ТС; 10) *rule* (правило) – 30 ТС; 11) *network* (сеть) – 29 ТС; 12) *language* (язык) – 28 ТС; 13) *relation* (отношение) – 28 ТС; 14) *method* (метод) – 27 ТС; 15) *state* (состояние) – 26 ТС; 16) *theory* (теория) – 26 ТС; 17) *reasoning* (рассуждение) – 24 ТС; 18) *heuristic* (эвристика) – 23 ТС; 19) *domain* (домен, проблемная область) – 22 ТС; 20) *learning* (обучение) – 22 ТС; 21) *variable* (переменная) – 22 ТС; 22) *planning* (планирование) – 21 ТС; 23) *knowledge* (знание) – 18 ТС; 24) *programming* (программирование) – 17 ТС; 25) *space* (пространство) – 17 ТС.

Считаем необходимым детально исследовать некоторые ядерные термины с точки зрения их этимологической природы, семантических особенностей. На наш взгляд, эти специальные лексические единицы обладают высоким терминообразовательным потенциалом, а развитие науки искусственного интеллекта будет способствовать увеличению терминологических сочетаний с участием этих терминов. Следует заметить, что рассматриваемые ядерные термины принадлежат к классу базовых терминов, под которыми в своей работе мы понимаем термины, обозначающие используемые в терминосистеме понятия базовых наук, т.е. наук и областей знания, которые формируют фундамент рассматриваемой науки [Лейчик, 2009: 127-128].

Первым ядерным термином, создавшим наибольшее количество терминологических сочетаний, является термин *Algorithm*.

Термин *algorithm* (алгоритм) является базовым понятием подязыка искусственного интеллекта, заимствованного из математики. Продуктивность этой специальной лексической единицы можно объяснить тем, что искусственный интеллект является прикладной наукой, и большинство его практических разработок действуют на основе набора инструкций, которые необходимо выполнить рациональному агенту, чтобы успешно справиться с решением поставленной задачи. Longman Dictionary of Contemporary English дает следующее определение рассматриваемому

термину: *algorithm - technical, a set of instructions for solving a mathematical problem, making a computer program etc that are followed in a fixed order* [Longman, 1995: 31]. Таким образом, под алгоритмом понимается точный набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для достижения результата решения задачи за конечное время.

Интересно происхождение специальной лексической единицы *algorithm* в английском языке. Этимологический словарь английского языка указывает на то, что само слово «алгоритм» происходит от имени персидского учёного Абу Абдуллах Мухаммеда ибн Муса аль-Хорезми и пришло в английский язык из французского, но изначально неверно связывалось с греческим понятием, обозначающим «число» [The Oxford Dictionary of English Etymology, 1960: 37]. Современное значение термина «алгоритм» датируется 19 веком. *Algorithm - 1690s, from Fr. algorithm, refashioned (under mistaken connection with Gk. arithmos "number") from O.Fr. algorisme "the Arabic numeral system" (13c.), from M.L. algorismus, a mangled transliteration of Arabic al-Khwarizmi "native of Khwarazm," surname of the mathematician whose works introduced sophisticated mathematics to the West. The earlier form in M.E. was algorism (early 13c.), from Old French. Modern use of algorithmic to describe symbolic rules or language is from 1881.*

Следующий по производительности идет специальная лексическая единица *Model (модель)*. Этот термин пришел в английский язык из французского в эпоху Возрождения, когда возврат к идеалам античности дал толчок к развитию искусства, поэтому изначально *"model"* употреблялся именно в данной сфере. Английская промышленная революция XVII века стимулировала развитие науки и техники, что привело к терминологическому заимствованию этой специальной лексической единицы в сферу производства путем расширения ее лексического значения. Это наглядно подтверждается данными Этимологического словаря английского языка, согласно которому *model - 1570s, "architect's set of designs," from M.Fr. modèle (Fr. modèle), from It. modello "a model, mold," from V.L. *modellus, dim. of L. modulus "measure, standard," dim. of modus "manner, measure". Sense of "thing or person to be imitated" is 1630s* [The Oxford Dictionary of English Etymology, 1960: 354]. В современном английском языке термин *model* в технической сфере употребляется в значении упрощенного представления реального устройства и/или протекающих в нем процессов, явлений (a simple description of a system or structure that helps people understand similar systems or structures) [Longman, 1995: 916]. Поскольку ученые искусственного интеллекта занимаются разработками устройств, моделирующих деятельность человека, то терминологическая единица *model* является продуктивной именно по этой причине.

Базовый термин *function (функция)* был заимствован из общелитературного языка и имел значение «обязанность, круг деятельности», что подтверждается данными Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, который дает первым значением *"the purpose that something is made for, or the job that someone does"* [Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, 2001: 574]. По материалам Оксфордского словаря английского языка, заимствование этой лексической единицы произошло из французского языка, там в свою очередь она появилась из латинского, произошло в первой половине XVI столетия (1530s, *"proper work or purpose," from M.Fr. fonction (16c.) and directly from L. functionem (nom. functio) "performance, execution"*) [201]. Затем, в ходе терминологизации общеупотребительного значения, термин приобрел математическое значение – закон зависимости одной величины от другой (*a mathematical quantity that changes according to how another mathematical quantity changes*) [Walter, 2007: 574], произошло это в 1692 году благодаря трудам выдающегося математика Готфрида Лейбница. Далее в результате терминологического заимствования из смежных областей знания, с развитием информатики, в частности такого раздела, как программирование, термин начинает использоваться в значении «поименованная часть программы, которая может вызываться из других частей программы столько раз, сколько необходимо» (*an of the basic operations performed by a computer*). Именно в этом значении термин перешел в терминосистему искусственного интеллекта.

Продуктивность этой терминологической единицы объясняется тем, что компьютер является одним из основных объектов искусственного интеллекта, а специально создаваемые для него программы содержат функции. Примерами терминологических сочетаний, образованных с привлечением рассматриваемой терминологической единицы, могут служить следующие специальные лексические единицы: *additive function (аддитивная функция)*, *computable function (вычислимая функция)*, *explicit utility function (явная заданная функция полезности)*, *function free literal (литерал, не содержащий функций)*, *library function (библиотечная функция)*.

Следующий продуктивный ядерный термин, который мы рассмотрим, - *search (поиск)*. В искусственном интеллекте задачам и алгоритмам поиска уделяется серьезное внимание, поскольку рациональный агент должен находить наиболее подходящие и удачные решения. По данным Этимологического словаря английского языка, лексическая единица *"search"* перешла в английский язык из французского в качестве глагола в XIV веке. В результате конверсии слово стало употребляться как существительное (*early 14c., from O.Fr. cerchier "to search," from L. circare "go about, wander, traverse," from circus "circle" (see circus-). The noun is first recorded c.1400* [Walter, 2007: 543]). Примерами терминологических сочетаний, образованных с помощью ядерного термина *search*, могут служить следующие сочетания: *associative search (ассоциативный поиск)*, *backtracking search (поиск с возвратом)*, *contingency search (поиск в условиях непредвиденной ситуации)*, *depth limited search (поиск с ограничением глубины)*, *exhaustive search (исчерпывающий поиск)*.

Ядерный термин *logic (логика)* являет собой интересный пример межотраслевого заимствования, поскольку в английский язык эта специальная лексическая единица была заимствована в XIV в. как наименование раздела философии: *mid-14c., "branch of philosophy that treats of forms of thinking," from O.Fr. logique, from L. (ars) logica, from Gk. logike (techne) "reasoning (art)"* [Little, 1973: 765]. Логика как наука получила основательное развитие изначально только в трёх традициях: в китайской, индийской и греческой. В английскую терминологию искусственного интеллекта единица *"logic"* была заимствована из греческого в значении «наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка» (*the science or study of careful using formal methods* [Longman, 1995: 844]).

Иллюстрациями терминологическими сочетаниями, в которых специальная единица *"logic"* выступала в качестве ядерного компонента, могут служить: *standard logic (логика стандартов)*, *propositional logic (пропозициональная*

логики), *operational logic* (логика действий), *multivalued logic* (многозначная логика), *intuitionistic logic* (интуиционистская логика).

Ядерный термин “*network*” (*сеть*) является ключевым в одном из направлений искусственного интеллекта – нейронных сетях. Термин был заимствован из языков германской группы в XVI в. в значении «нитевидная организация проводов и т.д.», затем в результате расширения значения в XVII в. лексическая единица стала употребляться для обозначения «системы взаимосвязанных объектов» (*a system of lines or similar things* [Longman, 1995: 912]): “*net-like arrangement of threads, wires, etc., 1550s, from net (n.) + work (n.). Extended sense of “any complex, interlocking system” is from 1839* [Little, 1973: 893].

Следующие терминологические сочетания иллюстрируют употребление специальной лексической единицы “*network*” в качестве ядерного термина: *associative network* (ассоциативная сеть), *connectional network* (соединительная сеть), *decision network* (сеть принятия решений), *feed-forward network* (нейронная сеть с прямым распространением), *inference network* (сеть вывода), *probabilistic network* (вероятностная сеть).

Термин “*language*” (язык) является центральным в компьютерной лингвистике, приоритетном направлении искусственного интеллекта. Многие выдающиеся ученые, в частности Ю.Н. Марчук, уделяют большое внимание теоретическим основам этой области лингвистики [Марчук, 2000: 143].

Компьютерная лингвистика, будучи одним из направлений прикладной лингвистики, изучает лингвистические основы информатики и все аспекты связи языка и мышления, моделирования языка и мышления в компьютерной среде с помощью компьютерных программ. По мнению Л.Н. Ясницкого, компьютерная лингвистика является одной из наиболее популярных тем исследования искусственного интеллекта [Ясницкий, 2005: 27].

Как особое научное направление компьютерная лингвистика оформилась в 1950-е годы в Соединенных Штатах Америки (в СССР интерес к компьютерной лингвистике возник десятилетие спустя). С изобретением транзистора и появлением нового поколения компьютеров, а также первых языков программирования, начались эксперименты с машинным переводом, особенно русских научных журналов. Русский термин «компьютерная лингвистика» является калькой с английского *computational linguistics*. Поскольку прилагательное *computational* на русский может переводиться и как «вычислительный», в литературе встречается также термин «вычислительная лингвистика». Компьютерная лингвистика как особая прикладная дисциплина выделяется, прежде всего, по инструменту, т.е. по использованию компьютерных средств обработки языковых данных. Самым продуктивным ядерным термином внутри данной тематической группы стала лексическая единица *language* – язык, с помощью которой было образовано 28 терминологических сочетаний: *machine language* – машинный язык, *production system language* – язык продукционной системы, *programming language* – язык программирования, *query language* – язык запросов, *formal language* – формальный язык [39, с. 66-70].

Рассмотрим это на примере термина *language* – язык, который, как правило, ассоциируется с системой устного или письменного общения, используемой людьми определенной страны или территории. Longman Dictionary of Contemporary English дает следующее определение лексической единицы: *language* – 1. *a system of communication by written or spoken words, which is used by the people of the particular country or territory*; 2. *the ability to use words to communicate*; 3. *a system of instruction and commands for operating a computer* [Longman, 1995: s789]. Из приведенного определения термина явно следует, что первоначальное значение лексемы “*language*” лежит в области лингвистики, как одной из наук о языке, и только потом было заимствовано компьютерными науками, в частности, искусственным интеллектом для обозначения «общения» между человеком и компьютером.

Слово “*language*” было заимствовано из французского языка в конце 13 века, в то время, когда человечество начинает анализировать и осмысливать особенности взаимоотношений между людьми. Оксфордский Этимологический Словарь Английского языка дает следующую справку о происхождении лексической единицы “*language*”: *language* – late 13c., from O.Fr. *langage* (12c.), from V.L. **linguaticum*, from L. *lingua* “tongue,” also “speech, language” [Little, 1973: 658].

Аббревиация как способ терминообразования, по С.В. Гриневу-Гриневицу, представляет собой сложение слов или основ с их одновременным сокращением [Гринев-Гриневиц, 2008: 146]. Несмотря на то, что аббревиация является достаточно распространенным способом терминологического образования, в исследуемой выборке она представлена не так широко, как в подязыках наук, имеющих длительную историю. Д.С. Лотте еще в 30х годах XX столетия писал, что многокомпонентные терминологические сочетания имеют существенный недостаток, выраженный в длине, что ведет к нарушению языковой экономии [Лотте, 1961: 13].

Можно предположить, что помимо стремления к языковой экономии, источниками аббревиации также являются интеграция наук, которая имеет место в настоящий момент и характеризует современные тенденции развития научной мысли, взаимопроникновение идей различных наук, междисциплинарные исследования.

Анализ лингвистической литературы позволяет выделить следующие типы аббревиатур: 1) инициальная аббревиация – сокращенная форма образуется только по начальным буквам компонентов терминологических сочетаний; 2) усечение – сокращенная форма образуется путем сохранения первого слога, реже второго или последнего в термине или в компонентах терминологического сочетания; 3) стяжение – сокращенная форма образуется путем сокращения целого ряда согласных букв термина; 4) акронимия – сокращенная форма образуется путем инициальной аббревиации, в результате чего происходит совпадение с общелитературным словом, или усечения одного или более компонентов терминологического сочетания для удобства произношения; 5) гибридные сочетания – сокращенная форма образуется путем инициальной аббревиации, а остальная часть остается неизменной [Ткачева, 1987: 56-57].

Как справедливо отмечает С.В. Гринев-Гриневиц, аббревиация является эффективным способом сжатия многокомпонентных терминологических сочетаний [Гринев-Гриневиц, 2008: 149]. Поскольку многокомпонентные терминологические сочетания, состоящие более чем из 5 элементов, не характерны для терминологии искусственного

интеллекта в английском языке, то это и является причиной низкого процента аббревиатур в представленной выборке.

Интересную точку зрения на сущность аббревиатур в терминологии высказывает Н.К. Сухов, который считает, что необходимость применения кратких форм вызвана удобством их употребления. Однако ученый отказывается признавать аббревиатуры полноценными словами, именуя их «условными заместителями термина» [Сухов, 1953: 1062].

Общее количество аббревиатур в английской терминологии искусственного интеллекта – 67 единиц (2,4% от общей выборки). В английской терминологии искусственного интеллекта основным типом аббревиации выступает инициальная аббревиация, с помощью которой образовано 39 терминологических единиц (1,4% от общей выборки). Примерами таких терминов могут служить следующие специальные лексические единицы: *ADL (Action Description Language)* – язык описания действий; *AI (Artificial Intelligence)* – искусственный интеллект; *CWA (Closed World Assumption)* – предположение о закрытом мире; *HMM (Hidden Markov Model)* – скрытая Марковская модель.

Важной характеристикой терминологии искусственного интеллекта в английском языке является наличие гибридных терминов. В своей работе мы придерживаемся следующего определения гибридов – многокомпонентные терминологические сочетания, где в качестве одного или нескольких компонентов выступают инициальные сокращения [Беликова, 2004: 100]. Общее количество гибридных образований в терминологии искусственного интеллекта в английском языке составляет 27 единиц (1% от общей выборки). Примерами таких специальных лексических единиц могут служить следующие термины: *AI programming (ИИ программирование)*, *HTN planning (планирование в иерархической сети задач)*, *logic based AI (искусственный интеллект, основанный на логике)*.

Единственным примером акронимии в исследуемой выборке является термин *macrop (macrooperator)* – макрооператор.

Образование аббревиатур является достаточно простым по сравнению с образованием терминов посредством обычных способов терминообразования. Но использование буквенных сокращений кроет в себе некоторые трудности: 1) первоначальное освоение таких терминов сложнее, поскольку требуется не только освоение понятия, но и дополнительная расшифровка аббревиатуры; 2) буквенные сокращения сложнее запоминаются, чем словесные термины; 3) аббревиатуры не способны образовывать производные [Сухов, 1953: 1062].

Упорядочение терминологии особенно на этапе ее становления, связано с важной структурной задачей – созданием целесообразных моделей термина в сфере определенной специальной области знания. Анализ терминологической выборки по искусственному интеллекту в английском языке показал, что наиболее продуктивным синтаксическим способом образования терминов служит образование двухкомпонентных терминологических сочетаний по модели AN и NN. Многокомпонентные терминологические сочетания по сравнению с терминами-словами передают более точную информацию о называемом понятии и обладают большей степенью мотивированности.

Список литературы / References

1. Collins Cobuild English dictionary for advanced learners. – 6th ed. – Great Britain : Major New Edition, 2001. – 2604 p.
2. Longman dictionary of contemporary English: the compl. guide to written a spoken English: over 80 000 words and phrases. – 3. ed. – Harlow (Essex) : Longman, 1995. – 1668 p.
3. Onions, C. T. The Oxford dictionary of English etymology / C. T. Onions. – Oxford: Clarendon Press, 1960. – 1040 p.
4. Russell, S. J. Artificial intelligence: a modern approach / S. J. Russell, P. Norvig. – New Jersey: Prentice Hall, 2003. – 1109 p.
5. The Shorter Oxford English dictionary on historical principles / Prep. by W. Little et al. ; Rev. and ed. by C. T. Onions. – 3rd ed., compl. reset with etymologies rev. – Oxford : Clarendon press, 1973. – 2672 p.
6. Walter Skeat, W. Concise dictionary of English etymology / W. Walter Skeat. – New York: Wordsworth Edition Limited, 2007. – 656 p.
7. Беликова, И. А. Особенности образования терминов-неологизмов в подязыке компьютерной техники : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Беликова. – Омск, 2004. – 147 с.
8. Гринёв, С. В. Введение в терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринев. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
9. Гринёв-Гриневич, С. В. Терминоведение / С. В. Гринёв-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с. – (Высшее профессиональное образование).
10. Даниленко, В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В. П. Даниленко // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7-67.
11. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2009. – 256 с.
12. Лотте, Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 158 с.
13. Марчук Ю. Н. Основы компьютерной лингвистики / Ю.Н. Марчук. – М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000. – 226 с
14. Санкин, А. А. О характерных чертах составных терминов типа «прилагательное + существительное» в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Санкин. – М., 1956. – 345 с.
15. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – 5-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
16. Сухов, Н. К. О применении буквенных сокращений в качестве научно-технических терминов / Н. К. Сухов // Известия АН СССР. Отделение технических наук. – 1953. – № 7. – С. 1058-1064.
17. Ткачева, Л. Б. Гибридное образование - путь к интернационализации терминологии / Л. Б. Ткачева // Взаимодействие языков на разных уровнях и научно-технический перевод : тез. докл. и сообщений. – Орел, 1987. – С. 24-29

18. Ясницкий, Л. Н. Введение в искусственный интеллект : учеб. пособие для студ. вузов / Л. Н. Ясницкий. – М.: Академия, 2005. – 176 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Belikova, I. A. Osobennosti obrazovaniya terminov-neologizmov v podyazyke kompyuternoi tekhniki [Peculiarities of terminological neologisms formation in the sublanguage of computer technology]. : dis. ... kand. filol. nauk / I. A. Belikova. – Omsk, 2004. – P. 147. [in Russian]
2. Grinyov, S. V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction to terminology studies]. : ucheb. posobie / S. V. Grinyov. – M.: Moskovskii Litsei, 1993. – P. 309. [in Russian]
3. Grinyov-Grinevich, S. V. Terminovedenie [Terminology studies]. / S. V. Grinyov-Grinevich. – M.: Akademiya, 2008. – P. 304 – (Vysshee professional'noe obrazovanie). [in Russian]
4. Danilenko, V. P. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov [Lexical-semantic and grammar peculiarities of term-words]. / V. P. Danilenko // Issledovaniya po russkoj terminologii. [Researches on Russian terminology]. – M.: Nauka, 1971. – P. 7-67. [in Russian]
5. Leichik, V. M. Terminovedenie. Predmet, metody, struktura [Terminology studies. Subject, methods, structure]. / V. M. Leichik. – M.: KomKniga, 2009. – P. 256. [in Russian]
6. Lotte, D. S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii: voprosy teorii i metodiki. [The basics of scientific and technical terminology creation: theoretical and methodical issues]. / D. S. Lotte. – M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1961. – P. 158. [in Russian]
7. Marchuk Y. N. Osnovy kompyuternoi lingvistiki [The basics of computer linguistics]. / Y. N. Marchuk. – M.: Izd-vo MPU «Narodni uchitel'», 2000. – P. 226. [in Russian]
8. Sankin, A. A. O kharakternykh chertakh sostavnykh terminov tipa «prilagatel'noe + suschestvitel'noe» v angliiskom yazyke [Towards characteristic features of compound terms of “adjective + noun” type in the English language]. : dis. ... kand. filol. nauk / A. A. Sankin. – M., 1956. – P. 345. [in Russian]
9. Superanskaya, A. V. Obschaya terminologiya: voprosy teorii [General terminology: theoretical matters]. / A. V. Superanskaya, N. V. Podol'skaya, N. V. Vasil'eva. – 5 ed. – M.: LIBROKOM, 2009. – P. 248. [in Russian]
10. Sukhov, N. K. O primeneni bukvennykh sokraschenii v kachestve nauchno-tekhnicheskikh terminov [Towards the usage of letter contractions as scientific and technical terms]. / N. K. Sukhov // Izvestiya AN SSSR. Otdelenie tekhnicheskikh nauk [Izvestiya of the Academy of Science of the USSR. Technical sciences department]. – 1953. – № 7. – P. 1058-1064. [in Russian]
11. Tkacheva L. B. Gibridnoe obrazovanie - put' k internacionalizatsii terminologii [Hybrid term-formation as the way to terminology internalization]. / L. B. Tkacheva // Vzaimodeistvie yazykov na raznykh urovnyakh i nauchno-tekhnicheskii perevod [Language interaction on various levels and scientific and technical translation]. : tez. dokl. i soobschenii. – Orel, 1987. – P. 24-29. [in Russian]
12. Yasnitckiy, L. N. Vvedenie v iskusstvennyi intellekt [Introduction to artificial intelligence]. : ucheb. posobie dlya stud. vuzov / L. N. Yasnitckiy. – M.: Akademiya, 2005. – P. 176. [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, **редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:**

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.045

Гадакчян А.С.

Старший преподаватель,

Донской государственный технический университет

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация

Неявное знание, отражаемое в концептуальных метафорах, частично мотивирует значения фразеологических единиц. В связи с этим, в процессе интерпретации семантического содержания фразеологической единицы пользователи языка обращаются прежде всего к актуальным для системы языка концептуальным метафорам. Метафорическая концептуализация действительности мотивирует акты порождения и функционирования фразеологических единиц, которые отражают культурно специфические реалии пользователей языка. Метафорическая мысль играет конструктивную роль в эволюции значений фразеологических единиц, мотивирует не только эти значения, но и использование и интерпретацию фразеологических единиц в рамках социокультурной общности.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концептуальная метафора, концептуализация, образное значение, образные языковые структуры.

Gadakhchyan A.S.

Senior Teacher,

Don State Technical University

CONCEPTUAL METAPHOR PROBLEM IN THE ASPECT OF PHRASEOLOGICAL UNIT INTERPRETATION

Abstract

Tacit knowledge reflected in the conceptual metaphors partly motivates the phraseological unit meaning. In connection to this, the language users in the process of phraseological unit semantic content interpretation apply mostly to the conceptual metaphors which are actual for the language system. Metaphorical reality conceptualization motivates the acts of creating and functioning of phraseological units reflecting the language users' culturally specific realities. The metaphorical thought plays the constructive role in the phraseological unit meaning evolution motivating not only this meaning, but also the phraseological unit using and interpretation in the social and cultural community.

Keywords: phraseological unit, conceptual metaphor, conceptualization, figurative meaning, figurative language structures.

Фразеологические единицы (ФЕ) принадлежат обширной сфере фиксированных сочетаний, клише, пословиц, косвенных речевых актов, речевых формул, которые – в качестве интегрирующей характеристики – обладают той или иной степенью конвенционализации значения и в то же время различаются своими семантическими и синтаксическими свойствами. Данные конвенциональные способы сообщения диктальной и модусной информации о текущем положении дел формируют значительную часть повседневного языкового репертуара говорящего субъекта. В основе их использования лежат следующие правила:

- уместность («используй идиоматические выражения, если для этого обнаруживается оптимальная причина» [1, Р. 62]);

- соответствие критерию вежливости [2, С. 2482];

- отражение контекста общения и обеспечение эффективности межличностных взаимоотношений [3, С. 257].

Дефинирование ФЕ, выработка речевых навыков их использования и восприятия все еще представляет для лингвистики дискуссионную проблему. Не меньше споров вызывает и однозначное разграничение ФЕ и свободных сочетаний, идиоматичности и метафоричности (более подробно см. [4]). Приобретение свободными – образными и необразными – сочетаниями фразеологически связанного значения – это, своего рода, процесс. Конкретная языковая структура не является исходно фразеологической, но постепенно приобретает данное значение в процессе своего функционирования. Более того, ФЕ включают в свой состав компоненты, которые потенциально обладают фразеологически не связанными значениями, хотя их целостная семантика не может быть сведена к значениям этих компонентов. Выявление целостного значения большинства ФЕ не вызывает особого труда в силу его очевидной мотивированности, прозрачности отношений между значениями отдельных компонентов и их референтами. Формирование фразеологически связанного значения не подчиняется каким-либо универсальным принципам и механизмам.

Как общее понятие, фразеологические средства образуются за счет различных языковых и речевых явлений, начиная от застывших конструкций, в рамках которых отдельные словоформы сохраняют свои исходные свободные значения, и заканчивая структурами, целостная семантика которых не предопределяется значениями отдельных компонентов, не говоря уже о фразовых глаголах, сложных словах, косвенных речевых актах и языковых производимых формулах.

ФЕ функционируют одновременно как отдельное слово и структура, включающая в свой состав несколько слов. Даже в застывших идиомах можно выявить семантику отдельно взятого компонента, несмотря на то, что эти идиомы функционируют как автономное слово, значение которого хранится в памяти носителя языка, в равной степени, как, например, и некогда выученные рифмованные последовательности слов. ФЕ, таким образом, предстают оптимальным способом альтернативного выражения того или иного понятия посредством образных единиц с небуквальным значением.

Большинство теоретиков придерживается мнения, что на уровне функционирования образных языковых структур необходимо говорить о той или иной степени проявления идиоматичности [5]. Буквальность и образность рассматриваются как две крайние точки семантического континуума, предполагающего различные типы выражения значения в соответствии со степенью проявления буквальности / идиоматичности / метафоричности. Предлагается разграничивать выражения с буквальным, фразеологически связанным и метафорическим значениями на основе такого параметра, как степень семантической прозрачности этих выражений (т.е. степень членимости выражения на отдельные семантические компоненты). Степень семантической непрозрачности выражений определяется в терминах таких следующих двух процедур, как:

1) определение того, в какой степени компоненты выражения являются полнозначными семантическими показателями (т.е. вносит ли их значения определенный вклад в общую семантику слова); например, слово *blackbird* является менее непроницаемым, чем слово *ladybird*, поскольку обладает двумя полнозначными показателями, в то время как *ladybird* – одним показателем (*bird*); анализируемые слова, в свою очередь, оказываются менее непроницаемыми, чем выражения *red herring* и *in a brown study*, в которых полнозначных показателей не обнаруживается вовсе;

2) выявление расхождения, несоответствия между комбинированной семантикой показателей и общим значением ФЕ [6, Р. 45–47].

В рамках когнитивной лингвистики метафора трактуется в большей степени как концептуальный, нежели языковой феномен. Новаторские и конвенциональные метафоры перерабатываются носителями языка с опорой на разные когнитивные процессы. Переработка метафоры предполагает различные ментальные процессы, в зависимости от того, является ли она новаторской (в момент начала своего функционирования), конвенциональной (в момент частотного функционирования) или мертвой (после исчезновения из системы языка) [7], [8]. На способ переработки метафоры оказывает решающее воздействие не столько новаторский / конвенциональный характер ее концептуальной структуры (т.е. сравнение / категоризация), сколько тот факт, что концептуальное измерение метафоры взаимодействует с языковой формой.

В результате этого взаимодействия осуществляется неявное сравнение элементов различных доменов. Теория постулатной динамики метафоры предлагает многомерное описание отношений между метафорой на уровне мыслительных процессов (конвенциональные vs. новаторские концептуальные структуры), метафорой в системе языка (метафора vs. образное сравнение) и метафорой в аспекте ее переработки в сознании носителя языка (сравнение vs. категоризация).

Функционирование метафоры в системе языка выявляет наличие стабильной оппозиции между непосредственно метафорой и образным сравнением (*similie*), функционирование метафоры на уровне мыслительных процессов – между конвенциональной и новаторской метафорой. В условиях реальной коммуникации воплощается фундаментальное противопоставление между намеренной и ненамеренной (спонтанно активируемой) метафорой. Намеренная метафора представляет собой явно выражаемый стимул адресату выйти за рамки доминирующего в текущем дискурсе домена-цели и взглянуть на него с позиции иного, никак не соотносящегося с ним домена-источника. Подобная коммуникативная ситуация моделируется субъектом речи, в частности, при актуализации образного сравнения.

При определении феномена метафоры в рамках коммуникации задействуются как языковые, так и концептуальные метафоры с целью выявления того, какие из них интерпретируются пользователями языка, участвующими в дискурсивной деятельности, в действительности как метафоры [9, С. 70]. Целью сбора подобного лингвистического материала предстает установление инвентаря всех языковых форм, которые потенциально соотносятся с глубинными процессами наложения концептуальных доменов друг на друга. Последующий концептуальный анализ призван реконструировать эти домены. В данном случае актуальным предстает вопрос о том, какие формальные, концептуальные и коммуникативные аспекты семиотической структуры метафоры могут сигнализировать о ее намеренном использовании.

В этой связи ФЕ анализируются как продукт концептуальной системы, порождаемой доменами повседневного опыта, а не отдельными словами и выражениями. ФЕ приобретают значения и смыслы в результате активации наших воплощенных знаний об окружающем мире, а не как следствия их ассоциирования с произвольным семантическим содержанием. Если бы семантика ФЕ формировалась с опорой на произвольные ассоциации, то, например, идиома *spill the beans* / *проболтаться*, *проговориться* обладала бы той же самой семантикой, что и омонимичное выражение с буквальным значением. Рассматриваемая нами ФЕ отражает лежащую в ее основе метафору, в соответствии с которой сознание человека – это вместилище («контейнер»), а выражаемые идеи – физические сущности. Эта метафора, в свою очередь, порождает уникальный ментальный образ.

В результате ФЕ – по сравнению с омонимичным выражением в буквальном значении – начинает содержать целый ряд импликаций, образно выявляющих информацию о причинах раскрытия секрета, речевой манере того, как это было сделано, ненамеренности проступка. Более того, в отличие от концептуальной метафоры, лежащей в основе ФЕ, те или иные компоненты фразеологического выражения обладают метафорическими референтами. Так, компонент *spill* метафорически осмысливается как акт обнаружения информации, а компонент *beans* – непосредственно как информация. Взаимоотношения между ФЕ и их значениями выражаются в терминах мотивации, которую невозможно предугадать с опорой на определенные принципы. ФЕ формируется в результате действия таких когнитивных механизмов, как метафора и метонимия, которые обеспечивают связь между различными доменами знаний и фразеологически связанным значением. Мотивация является своеобразным фоном, воспринимая который, индивид осознает значением ФЕ.

Реальность возникающих ментальных образов и наличия глубинных концептуальных метафор и метонимии в процессе языковой актуализации ФЕ была эмпирически подтверждена в нескольких изысканиях. Например, участников эксперимента просили описать возникающие в их сознании ментальные образы после того, как им были

сообщены ФЕ со сходными типами значений. Эти значения имели непосредственное отношение к таким концептам, как *гнев, безумие, обнародование секретной информации, секретность*. Было обнаружено, что описание образов, ассоциирующихся, например, с такими ФЕ, как *hit the ceiling, flip your lid*, оказывается определенно целостным и выявляет наличие метафорической основы у фразеологических выражений [10, Р. 60–61].

Ментальные образы также отражают различные глубинные метафоры в случаях, когда ФЕ, обладающие сходными значениями, не основываются на тех же самых концептуальных метафорах [11]. В частности, это было выявлено в эксперименте, в рамках которого участников просили осуществить выбор ФЕ в определенном контексте, оценить, являются ли те или иные ФЕ, номинирующие гнев, уместными в контексте их употребления. Результаты продемонстрировали, что участники отдавали предпочтение тем ФЕ, которые отражают ту же самую концептуальную метафору, что и тексты, которые были задействованы в эксперименте. Например, ФЕ *blow your stack* получила более высокую оценку в тексте, в котором гнев женщины описывался как повышение температуры в герметичной упаковке, ФЕ *bite your head* была наивысшим образом оценена для текста, в котором гнев представлен в образе опасного животного [10, Р. 61].

Выводы, полученные в экспериментах, проливают свет на то, что люди не только распознают тот факт, что в основе некоторых ФЕ лежат одни и те же метафоры, но и способны разграничивать случаи актуализации ФЕ со сходным значением, которые базируются на различных глубинных метафорах. В мотивированности ФЕ конструктивную роль играют не только метафоры и метонимия, но и конвенциональные знания. Например, значение устойчивого выражения *to have one's hands full* базируется на том знании, что если мы держим что-либо в руках, то в этом случае трудно что-либо дополнительное выполнять руками [12, Р. 340–341].

Таким образом, ФЕ и метафоры, обладая концептуальным сходством, не могут быть оптимально интерпретированы, если воспринимаются как языковые единицы с буквальным значением. Различия между ними объясняется с учетом проявляющихся в размах метафорических и фразеологических базовых корреляций. ФЕ исходно обладают референциями, которые системно репрезентируют метафорические наименования. ФЕ и метафоры представляют собой специфические в культурном отношении аспекты системы языка. Культурно специфические метафоры наиболее ярко манифестируются фразеологическим языковым фондом. ФЕ и другие устойчивые (воспроизводимые) сочетания задействуются в формировании этноспецифических концептов, отражающих картину мира носителей языка, их национальный характер, традиционные социальные отношения, становясь воплощением духовных ценностей. ФЕ реализуются в непрямой, образной и метафорической форме, а поэтому культурно специфические метафоры становятся производящей основой для ФЕ, не имеющих прямых соответствий в других языках.

Список литературы / References

1. Searle J. Indirect speech acts // Syntax and semantics. Speech acts. NY.: Academic, 1975. P. 59–82.
2. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Концептуальный анализ как сфера актуальных исследований в когнитивной лингвистике // В мире научных открытий. 2015. № 11.7(71). С. 2481–2494.
3. Кудряшов И.А., Головинова П.А. Проблема категоризации эмоционального состояния субъекта диалогической речи в современной лингвистике // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12(52). С. 256–261.
4. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Метафора и ее персуазивные эффекты в публицистическом тексте // В мире научных открытий. 2015. № 5.6(65). С. 2008–2022.
5. Пантелеев А.Ф., Кудряшов И.А. Метафора как концептуальный компонент персуазивной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 591–594.
6. Cruse D.A. Lexical semantics. NY.: Cambridge University press, 1986. 319 p.
7. Кудряшов И.А., Пантелеев А.Ф. Проблема метафоры как пересечения доменов в концептуальной структуре дискурса // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 163–168.
8. Болоцкая Ю.В., Кудряшов И.А. Концептуальная метафора и внеязыковая повседневность: сферы взаимодействия // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2015. С. 130–136.
9. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
10. Gibbs R.W. Why idioms are not dead metaphors // Idioms: processing, structure, and interpretation. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 57–77.
11. Nayak N.P., Gibbs W.S. Conceptual knowledge in the interpretation of idioms // Journal of experimental psychology: general. 1990. № 119. P. 115–130.
12. Kövecses Z., Szabó P. A view from cognitive semantics // Applied Linguistics. 1996. № 17(3). P. 326–355.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Searle J. Indirect speech acts // Syntax and semantics. Speech acts. NY.: Academic, 1975. P. 59–82.
2. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Konceptual'nyj analiz kak sfera aktual'nyh issledovanij v kognitivnoj lingvistike [Conceptual analysis as a sphere of actual investigations in cognitive linguistics] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific investigations]. 2015. # 11.7(71). S. 2481–2494. [in Russian]
3. Kudrjashov I.A., Golovinova P.A. Problema kategorizacii jemocional'nogo sostojanija sub'ekta dialogicheskoj rechi v sovremennoj lingvistike [The problem of categorization of dialogic speech subject emotional state] // Gumanitarnye nauchnye issledovanija [Humanitarian scientific investigations]. 2015. # 12(52). S. 256–261. [in Russian]
4. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Metafora i ee persuzivnye jeffekty v publicisticheskom tekste [Metaphor and its persuasive effects in the publicist text] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific investigations]. 2015. # 5.6(65). S. 2008–2022. [in Russian]

5. Panteleev A.F., Kudrjashov I.A. Metafora kak konceptual'nyj komponent persuzivnoj kommunikacii [Metaphor as a conceptual component of persuasive communication] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 591–594. [in Russian]
6. Cruse D.A. Lexical semantics. NY.: Cambridge University press, 1986. 319 p.
7. Kudrjashov I.A., Panteleev A.F. Problema metafory kak peresecheniya domenov v konceptual'noj strukture diskursa [The problem of metaphor as overlapping in the discourse conceptual structure] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 163–168. [in Russian]
8. Bolockaja Ju.V., Kudrjashov I.A. Konceptual'naja metafora i vnezazykovaja povsednevnost': sfery vzaimodejstvija [Conceptual metaphor and extra linguistic daily life: spheres of interaction] // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija: Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija: Materialy V-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Language and law: actual problems of interaction: Materials of the V-th International scientific and practical conference]. Rostov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015. S. 130–136. [in Russian]
9. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
10. Gibbs R.W. Why idioms are not dead metaphors // Idioms: processing, structure, and interpretation. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1993. P. 57–77.
11. Nayak N.P., Gibbs W.S. Conceptual knowledge in the interpretation of idioms // Journal of experimental psychology: general. 1990. № 119. P. 115–130.
12. Kövecses Z., Szabó P. A view from cognitive semantics // Applied Linguistics. 1996. № 17(3). P. 326–355.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.180

Гарипова А.А.

Кандидат филологических наук,
Елабужский институт (филиал) КФУ**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КАЛЕК
(НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ВКЛИНИВАНИЯ)***Аннотация*

Статья посвящена вопросу окказионального использования фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский. В художественной литературе татарского языка реализуются многочисленные способы творческого преобразования фразеологизмов. Рассмотрен наиболее детально один из методов структурно-семантического преобразования вклинивание. Результаты исследования показывают, что вклинивание компонентов в структуру фразеологических калек многочисленны и разнообразны как по семантико-стилистической, так и по синтаксической функциям.

Ключевые слова: фразеологическая калька, преобразование, структурно-семантические изменения, вклинивание.

Garipova A.A.

PhD in Philology,

Elabuga Institute (branch) of KFU

**STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATION OF TATAR PHRASEOLOGICAL CALQUES
(ON THE EXAMPLE OF THE USE OF METHOD WEDGING)***Abstract*

The article discusses the use of occasional phraseological calques of Tatar language. Numerous ways of creative transformation of phraseology implemented in the literature of Tatar language. One of the most detailed the method of structural and semantic transformation of wedging. Results of study show that the components wedging into the structure of phraseological units are so many and varied both in semantic and stylistic, as well as on the syntactic functions.

Keywords: phraseological calques, transformation structural and semantic changes, wedging.

В татарской художественной литературе осуществляются многочисленные способы творческого преобразования фразеологических единиц, калькированных с русского языка. В процессе применения фразеологических калек (далее ФК) в речи, контексте «могут происходить различные окказиональные нарушения устойчивости на одном уровне или на нескольких уровнях, но устойчивость в целом, устойчивость как система константных составляющих при этом сохраняется, т.е. она инвариантна» [3].

Окказиональное употребление ФК может быть различным: начиная с «изменения грамматической формы элементов фразеологизма до его существенного структурно-семантического преобразования» [1].

Как показывает исследование, различные структурно-семантические преобразования обновляют ФК, нарушая обычные ассоциативные связи, добавляя в сочетание нечто непривычное.

Вклинивание является одним из способов окказионального преобразования ФК татарского языка. Как показывает фактический материал основное предназначение вклинивания – это уточнение или усиление значения согласно контекстовой ситуации.

С точки зрения А.С. Начисчионе, вклинивание – это «структурно-семантический прием окказионального использования фразеологических единиц в речи, при котором вставляемый элемент (или элементы) становится частью ФЕ в данном речевом акте, ее окказиональным компонентом, изменяя структуру ФЕ и расширяя ее компонентный состав» [2].

В структуру ФК могут вклиниться имена существительные, выступающие в форме несогласованных определений.

Подробнее остановимся на ФК *тәгәрмәченә таяк тыгу* < вставлять палки в колеса. Нами было найдено 3 контекста с использованием данной ФК, где данное выражение подвергается контекстуальному изменению, а именно наблюдается вклинивание в ФК именных компонентов.

Әз генә йомшарсаң, санга сукмый баилыйлар, һәркем үз урынын белергә тиеш. Надыйров, нигә син һаман идарә тәгәрмәченә таяк тыгасың, ә? Үзең аңлы кеше, понимаете ли? (Х.Камалов «Югалган бәхет»). Слегка только смягчишься, перестают считаться с тобой, каждый должен знать свое место. Надиров, почему ты все еще вставляешь палки в колесо правления, а? Ты уж смысленный человек, понимаете ли?

В данном примере в состав фразеологического выражения *тәгәрмәченә таяк тыгу* < вставлять палки в колеса введено имя существительное *идарә/правление*, в результате чего ФК приняла более уточняющее значение.

Приведем еще один пример вклинивания лексического компонента:

Харис, үз урамнарына кайтып җиткәнче, Мамадыштан килгән вәкил сөйләгәннәр хакында уйланды. «Революция булып, комсыз патшаны бәрәп төшөргәннә ничәмә-ничә ел инде, ә партияне, социализмны санга сукмаучылар, коммунизм идеяләреннән шикләнүчеләр, замана тәгәрмәченә таяк тыгарга маташучылар һаман бетмәгән! Бактың исә үзбезнең авылда ук бардыр әле алар» (А.Фәлэх «Октябрь урталары»). Харис, возвращаясь на свою улицу, задумался о рассказанном уполномоченного из Мамадыша. «Сколько уж лет прошло с тех пор, как произошла революция, свергли с трона алчного царя, а те, кто не считаются с партией, социализмом, сомневаются в идеях коммунизма, пытаются вставить палки в колесо времени все еще остались! Гляди, такие и в нашей деревне есть».

В приведенном примере автор добавляет в состав ФК компонент *замана/время*, тем самым способствует уточнению значения.

В следующем примере вклинивание именного компонента *ил/страна* приводит к расширению, глобализации значения:

– *Ил тәгәрмәченә таяк тыгучы* корткычлар, – диде. – Сезнең ишеләрне балачакларыңнан ук сытарга, изәргә кирәк (Ф.Латыфи. «Бәйсез этләрне атарга»). Да вы же твари, вставляющие палки в колесо страны, – сказал. – Таких как вы с детства надо давить.

Для выражения значения ограничения, интенсивности действия авторы часто обращаются к ограничительной частице *ук/үк* (сразу, как только, еще, же, даже), которая ставится после знаменательного слова:

– *Мин Хәмитовның диссертация темасын расларга тәкдирим итәм, – дип үгезне мөгезеннән үк алды* (М.Әмирханов. «Тояк эзе»). Я предлагаю утвердить тему диссертации Хамитова, – сказал, взяв сразу быка за рога.

Обстоятельства степени и меры в виде вставок в ФК представлены наречиями, ярко выражающими меньшую степень проявления чего-либо.

Примером данному изменению может быть распространенная в речи татар ФК *очны очка ялгау*, образованная от ФЕ русского языка «сводить концы с концами». В состав приводимой ФК вводится наречие *көчкә* (в переводе на русский – чуть, насилию, еле-еле, едва), придающее значению фразеологического выражения более глубокий характер. Так ФК на русском языке будет звучать, как *едва сводить концы с концами*, ср.:

Һәм менә шулар өчен бирелгән бая. Очны-очка көчкә ялгарлык пенсия дә эченнән җан җылысы качкан шушы куыш... (М.Маликова. «Кызыл гөл»). И вот цена за все это. Пенсия, позволяющая едва сводить концы с концами и вот эта коморка, которую покинула душевная теплота.

В состав следующей ФК введено наречие свободного употребления *әзрәк/немножко* (слегка), придающее выражению *кабыргаларны санау* < пересчитать ребра более яркий характер: *кабыргаларын әзрәк санау* < пересчитать немножко ребра, ср.:

[Камали] *Мин ул кызларның кабыргаларын әзрәк саным да, хәмсәмүл дигәннәренәң яңак сөякләрен кулларына тоттырып җибәрим әле, ләгънәт төшкерләренәң* (Ф.Бурнаш. «Камали карт»). [Камали] *Я слегка пересчитаю ребра у этих девчонок, и отдам их челюсти в руки так называемым комсомольцам, будьте прокляты.*

Семантика обстоятельств образа действия, использующихся в качестве вставок в составе ФК, придает изложению остроту и напряженность.

В составе следующей ФК *карталарны ачу* < раскрывать карты использовано наречие *берьюлы* (одновременно, сразу). Семантика данного наречия представляет собой динамичность, остроту и напряженность. Однако в результате использования сказуемого в составе ФК в антонимичном варианте появляется интригующая семантика.

Габбасова ничек тә оныттырды инде хәзер. Шулай да Ибраһимов уен карталарын берьюлы ачып бетермәде (М.Насыбуллин. «Яшерен касса»). *Габбасова сейчас как-то заставила забыть. Но Ибрагимов все же не раскрыл игровые карты одновременно.*

С целью конкретизации значения выражения, авторы часто включают определения в состав ФК. В этом случае лексический состав ФК полностью сохраняется, но происходит вхождение в него дополнительного компонента. Данное преобразование прослеживается в приводимом ниже примере, где в результате вклинивания определения *бозык/испорченный* в состав фразеологической полукальки *пластинканы әйләндерү* < крутить пластинку, осуществляется уточнение значения ФК и повышение экспрессивности.

Гөлүсә, тулай торакка керәсе килмиң, акшарга баткан эш киemenнән урамда қаңгырып йөри. Колак төбөндә, бозык пластинка әйләндергәндәй, һаман бер сүз кабатлана. – Сиңа фатир, башкаларга шымытыр (Г.Сабитов. «Туй бүләге»). Гелюса, не желая заходить в общежитие, бродила по улице, отупев от запаха своей одежды, покрытой мелом. Возле уха, словно крутилась испорченная пластинка, повторялось одно слово. – Тебе – квартира, а другим – кукиш с маслом.

В следующих примерах наблюдается то же самое вклинивание компонентов *соңгы/последняя* и *олырак/побольше* в состав ФК *нокта кую* < ставить точку, *болганчык суда балык тоту* < ловить рыбу в мутной воде, что добавляет экспрессивность и эмоциональность воздействия на читателя.

Бу сорауларга тәгаен генә җавап юк, үтерүчеләр инде хөкем ителсә дә, күр нәрсәләр ачыкланса да, бу эштә **соңгы нокта әле куелмаган** («Һәркемнең үз хакыйкәте») На эти вопросы нет точного ответа, несмотря на то, что убийцы уже осуждены, многое уже раскрыто, этому делу еще не поставлена последняя точка.

Алар кайсы як көчәя, шул якка чыкарга форсат көтә. Бу болганчыклыкны тагын да көчәйтәләр, **болганчык суда олырак балык эләктерер** очен иң хәтәр тырышучыларның берсе Булат бәк Ширин торыр («Тарих эчләрендә ниләр бар»). Они ждут случая перейти на более сильную сторону. Усиливают эту запутанность, ну и самым старательным, среди желающих поймать побольше рыбу в мутной воде, является Булат бек Ширин.

Таким образом, функции окказиональных преобразований ФК татарского языка, а именно приема вклинивания самые разнообразные: усиление значения, уточнение значения, повышение эмоционально-экспрессивной содержательности фразеологизма и всего контекста. Окказиональные структурно-семантические преобразования ФК являются отклонением от общелитературной традиционной нормы, однако способствуют проявлению скрытых от читателей потенциальных возможностей языка.

Список литературы / References

1. Гарипова А.А. Системно-функциональный анализ фразеологических единиц, калькированных с русского языка на татарский: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 183 с.
2. Начисчионе А.С. О разграничении вклинивания и разрыва как самостоятельных стилистических приемов при окказиональном использовании фразеологических единиц в речи // Контекстуальная семантика: Сб. Латвийского гос. ун-та им. П.Стучки. - Рига, 1982. - С.86-91.
3. Шадрин Н.Л. Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика. / Под ред. Ю.М. Скребнева. Изд-во Саратовского ун-та, 1991. – 221 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Garipova A.A. Sistemno-funkcional'nyj analiz frazeologicheskikh edinic, kal'kirovannyh s russkogo jazyka na tatarskij [Systemic-functional analysis of phraseological calques from Russian to Tatar]. dis. ... kand. filol. nauk. – Kazan', 2011. – 183 p. [in Russian]
2. Nachischione A.S. O razgranichenii vklinivaniya i razryva kak samostojatel'nyh stilisticheskikh priemov pri okkazional'nom ispol'zovanii frazeologicheskikh edinic v rechi [About delimitation of wedging and tear as independent stylistic devices with occasional use of phraseological units in speech]. Kontekstual'naja semantika: Sb. Latvijskogo gos. un-ta im. P.Stuchki. - Riga, 1982. - P.86-91. [in Russian]
3. Shadrin N.L. Perevod frazeologicheskikh edinic i sopostavitel'naja stilistika [Translation of phraseological units and comparative stylistics]. Pod red. Ju.M. Skrebneva. Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1991. – 221 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.049

Голубева С.С.

ORCID 0000-0002-9405-5568, Кандидат филологических наук,
Восточно-Сибирский институт МВД России

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ С УЧЕТОМ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В РЯДЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация

Настоящее исследование направлено на описание гендерных лексико-грамматических особенностей номинации лиц по профессии в естественных языках. В статье определяется понятие «грамматический род», анализируются способы феминизации лексики с помощью различных лингвистических средств, выделяются тенденции проявления сексизма в языке, выявляются лингвистические маркеры, значимые для определения гендерной принадлежности носителя языка.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, социокультурная категория, гендер, пол, грамматическая категория рода, сексизм в языке.

Golubeva S.S.

ORCID 0000-0002-9405-5568, PhD in Philology
East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE PERSONS NOMINATION BY PROFESSION BASED ON GENDER ASPECT IN A NUMBER OF NATURAL LANGUAGES

Abstract

The present study aims to describe the gender lexical and grammatical features of persons' profession nomination in natural languages. The article defines the concept of "grammatical gender", analyzes the vocabulary feminization methods through a variety of linguistic tools, trends stand out sexism in language, and identifies linguistic markers that are relevant to determining the gender of a native speaker.

Keywords: gender linguistics, sociocultural category, gender, sex, grammatical category of gender, sexism in the language.

Три последних десятилетия ознаменовались как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике активным развитием гендерного направления. Культурные, социальные, политические вопросы стали интенсивно проникать в язык и в лингвистику. Политические и государственные органы получили возможность влиять на достаточно статичную и медленно изменяющуюся языковую систему через законодательные акты и инициативы. Ярким примером такого влияния служат Федеральный закон от 22.03.2007 г. о действительном равенстве между мужчинами и женщинами в Испании, требующий убрать сексистскую дискриминацию из языка, или циркуляр

правительства Франции от 22.02.2012, упразднивший употребление в деловой документации обращения «мадемуазель» и словосочетаний «девичья фамилия» и «фамилия в браке» для женщин. Однако политико-идеологическое влияние, идущее сверху и извне, в основном наблюдается на лексическом уровне, наиболее гибком и подвижном, хотя порою совершенно не учитываются грамматические свойства языковой системы уже существующие в языке и отраженные в лексике. В связи с таким влиянием возникает отчасти естественная, отчасти искусственная феминизация лексического состава многих естественных языков.

Когда встает вопрос о гендерном равенстве полов, о борьбе с сексизмом в языке и узусе, очень часто происходит смешение трех понятий: «гендер», «биологический пол человека» и «грамматический род». Разграничение этих понятий уже было представлено в статье «Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории» [1], поэтому в данной работе сосредоточимся только на понятии грамматического рода и номинации людей по профессии, статусу или роду деятельности, потому что именно в данном лексическом пласте наблюдаются активные процессы феминизации. Женщины в своей личностной реализации вышли за рамки концепта «Семья», который, как отмечает Л.Б. Кацюба, ассоциируется «с местом проживания – домом, домашним семейным очагом, уютом, бытом; с близкими людьми – родственниками, соединенными кровными узами и особыми, теплыми доверительными отношениями» [2]. В современном мире женщина осваивает профессии, ранее ей не свойственные, служит в армии и полиции, и эта сфера её деятельности требует отражения в языке и культуре с помощью лингвистических средств женского рода и соответственно её половой принадлежности.

Лингвистический термин «род» означает грамматическую категорию, свойственную разным частям речи и состоящую в распределении слов или форм по двум или трем классам, традиционно соотносимым с признаками пола или их отсутствием; эти классы принято называть мужской, женский и средний. Семантические основания родовой классификации очень размыты [3]. Например, в русском языке существительное «окно» среднего рода, в испанском «la ventana» (окно) женского рода, в болгарском «прозорец» (окно) мужского рода. Формальным признаком, относящим существительное к тому или иному классу, становится наличие определённой флексии или отсутствие таковой. Лишь в части существительных можно выявить релевантное отношение половых различий, отраженных в языке с помощью грамматической категории рода.

Категория рода, свойственная большинству индоевропейских языков, в тюркских языках отсутствует. Тем не менее, в этих языках существуют способы различения имен существительных по признаку пола. Такими способами являются [4]:

1) лексический, напр: узб. ота (отец) – она (мать), каз. еркак (мужчина) – эйел (женщина); аналогично в английском языке (германская ветвь индоевропейских языков) uncle (дядя) – aunt (тётя).

2) синтаксический. Так в узбекском языке к числу определителей пола относятся слова эр (мужчина), еркак (мужчина), хотин (женщина), аёл (женщина), с помощью данных слов образуются новые номинации, напр.: эр бола (мальчик), кыз бола (девочка); ишчи эркак (рабочий) – ишчи хотин (работница). Близок к данному способу способ сложения основ в английском языке с основой слов man (мужчина) или woman (женщина), напр.: policeman – policewoman (полицейский мужчина и женщина), barman – бармен, fireman – пожарный.

3) морфологический способ. При использовании этого способа родо-половые различия обозначаются с помощью аффиксов, напр.: хоним (жена хана) от хон (хан), бегим (жена бека) от бек, эгачи (старшая сестра) от эга (старший брат).

Отсутствие грамматической категории рода в монгольских языках приводило к тому, что даже имена собственные людей до недавнего времени не имели четкой половой дифференциации и могли использоваться как для номинации мальчиков, так и девочек. В настоящее время сложились традиционно мужские и женские имена в современных бурятском и монгольском языках, но, тем не менее, данные имена не имеют никаких грамматических признаков рода, напр.: женские имена Сарнай (роза), Хонгорзул (тюльпан), Баярцэцэг (цветок-радость) и мужские имена Бадма (лотос), Дорж (от «ваджра» – ритуальное буддистское оружие), Бат (крепкий) и другие в монгольском языке.

Номинация людей по профессии чаще всего подвергается критике в феминистских и антисексистских работах политиков, социологов и других общественных деятелей и приводит к тому, что на государственном или институциональном уровне вырабатываются справочники и инструкции номинаций и обращений. Так в Испании в период 2007-2012 г.г. в университетах и государственных учреждениях было издано большое количество справочников и формуляров, регулирующих формы обращения к лицам и наименованию лиц по профессиям с учетом половой дифференциации, напр., «Manual de Lenguaje no sexista» ASCUR, Nicaragua, 2010; «Guía de uso de lenguaje no sexista», Universidad de Cantabria, 2010; «Guía orientativa para el uso igualitario del lenguaje y de la imagen en la Universidad de Málaga», Málaga, 2012, «Las profesiones de la A a la Z en femenino y masculino», MTAS (Министерство труда и социальных дел Испании), 2009. Во Франции, Бельгии, Швейцарии и Квебеке формы женского рода профессиональных наименований, рекомендованные Национальным Институтом французского языка Франции, Верховным советом по французскому языку Бельгии, Верховным советом и Управлением по обеспечению правового равенства между мужчинами и женщинами Швейцарии, Службой французского языка Квебека, представлены в различных справочниках по феминизации и предназначены для широкого пользования с целью преодоления гендерной асимметрии в языке [5].

Представители гендерного и феминистского направлений в лингвистике руководствуются концепцией Сепира-Урфа, утверждавшей, что язык – это не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Овладевая языком, ребенок усваивает определенную картину мира, навязанную ему структурой языка. Следовательно, языки, сформировавшиеся в патриархальном обществе, отражают такое представление о мире, в котором изначально мужчина признается эталоном, превосходит женщину по различным умственным, моральным и каким-либо иным качествам, то есть о мире, где проявляется сексизм, утверждающий доминирование мужского пола над женским, или андроцентризм языка. Упомянутая выше эталонность мужчины в языковом плане прослеживается, например, в том, что в языках, различающих грамматическую морфологическую категорию рода как двучленную

(мужской и женский род), так и трехчленную (мужской, женский и средний род), словарной формой прилагательных является форма мужского рода, а формы других родов являются производными от неё, напр.: *красивый, ая, ое* (русский язык), *bonito, a* (испанский язык), *bellus, a, um* (латынь). В ряде языков форма множественного числа одушевленных существительных мужского рода являются собирательными, напр.: *abuelos* (испанский язык) – не только дедушки, но и бабушка и дедушка, бабушки и дедушки. Показательный факт упоминала Е. В. Перехвальская в своей статье «Гендер и грамматика» [6] при рассмотрении двух фонетических вариантов чукотского языка. Исследователями изначально рассматривался мужской фонемный состав как фонемный состав собственно чукотского языка, и именно он был закреплён в письменной форме, в то время как женский фонемный состав не принимался во внимание и считался аномальным. Причина сложившейся ситуации заключалась в том, что исследователи гораздо чаще общались с информантами мужчинами и воспринимали их речь как норму, а женскую речь слышали редко. Некоторые не-лингвисты даже полагали, что чукотские женщины не могли произносить слова правильно, поскольку их артикуляционный аппарат устроен не так, как у мужчин. Однако вскоре выяснилось, что имитируя речь мужчины, женщины легко воспроизводят мужской фонемный состав слова. Таким образом, на сегодняшний день существует два общепризнанных фонетических варианта чукотского языка – мужской и женский.

Вопрос о сексизме в языке оказался особенно острым в тех европейских и находящихся на американских континентах обществах и культурах, где языки обладали двучленной или трехчленной категорией рода. В языках, не обладающих морфологической категорией рода, проблема сексизма на первый взгляд не должна существовать. Однако стоит отметить, что большинство современных феминистских работ и основы гендерной лингвистики возникли в США и английский язык, не имеющий грамматической категории рода, также претерпел изменения, связанные с феминизацией. Одним из постулатов борцов с сексизмом в языковой системе является задача смещения мужчины с доминантной позиции и устранение невидимости женщины в языке. Считается, что слово «мужчина» выступающее во многих языках синонимом слова «человек» и использующееся во множественном числе в качестве собирательного существительного «люди» дискриминирует женщину. Поэтому для достижения политкорректности в английском языке на уровне инструкций, рекомендаций и формуляров стали последовательно выводить из употребления профессионализмы, созданные методом сложения основ и включавшие в себя лексему «man» или «woman». Таким образом, рекомендованы к употреблению, например, *firefighter* (пожарный) вместо *fireman*, *police officer* (полицейский) вместо *policeman*, *chairperson, moderator* (председатель) вместо *chairman*, *member of Congress, legislator* (парламентарий, член парламента или совета) вместо *congressman, human* (человек), *people* (люди) вместо *mankind* (человечество).

В романских языках, таких как французский и испанский, где присутствует категория рода из двух классов, процессы феминизации лексики, номилирующей человека по профессии, протекают очень похожим образом. Как отмечают Ю. Н. Сдобнова [7] и Эулалия Йедо Куниль [8] оба эти языка используют следующие способы феминизации:

1) морфологический способ: добавление к основе существительного мужского рода флексии женского рода или замена флексии/суффикса мужского рода на флексию/суффикс женского рода, напр.: исп. *arbitro* (судья) – *arbitra*, *decano* (декан) – *decana*, *ministro* (министр) – *ministra*, *rector* (ректор) – *rectora*; фр. *aviateur* (пилот, летчик) – *aviatrice*, *infirmier technicien* (медбрат) – *infirmière technicienne*, *navigateur* (штурман) – *navigatrice*.

2) синтаксический способ: использование артикля женского рода с формой существительного мужского рода, или как утверждает большинство испаноязычных лингвистов, существительного общего рода, напр.: исп. *el representante* (представитель) – *la representante*, *el cabo* (ефрейтор) – *la cabo*; фр. *le/ un pilote* (пилот, летчик) – *la/ une pilote*, *le lieutenant-colonel* (подполковник) – *la/ une lieutenant-colonel*.

Во французском языке присутствует также синтаксический способ с прибавлением лексики «femme» (женщина) наряду с артиклем женского рода, напр., *une femme commando* (женщина-десантник). В испанском языке данный способ не является продуктивным.

Таким образом, анализ лексики, используемой для номинации лиц по профессии, роду деятельности и занятиям, показал, что феминизация словарного состава в естественных языках происходит под влиянием двух основных факторов. С одной стороны, языковая система не статична, и повсеместное внедрение женщин в профессиональную деятельность, включая военную службу, приводит к объективной необходимости сделать её видимой в языковом плане, дать её деятельности наименование в договорах, классификаторах и других юридически значимых документах, в профессионально-бытовом общении. С другой стороны, феминизация становится отчасти искусственным процессом, накладываемым на языковую систему извне с помощью различных государственных, общественных и политических инструментов. И такое вмешательство не всегда оценивается самим обществом положительно. В ряде испаноязычных и франкоязычных стран носители языка не принимают предписанных формулярами и инструкциями феминистских изменений в морфологии и предпочитают синтаксические способы номинации женщин по профессии.

Список литературы / References

1. Голубева С.С. Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. № 25 (158). С. 4-10.
2. Кацюба Л.Б. Паремии концептосферы «семья» в современном русском языковом сознании// Материалы конференции. Международная научно-практическая конференция «Ценности и интересы современного общества». Правовые и гуманитарные ценности современного общества. Часть 1 // Московский государственный университет экономики, статистики и информатики – М., 2015. – С. 184.
3. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1997. – С. 417.
4. Бахарев А.И. Элементы категории рода в тюркских языках// Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005г.) – М.; Пенза: Институт языкознания РАН, 2005. – С. 4-5.

5. Миретина М.С. Феминизация названий профессий, должностей, титулов и званий на материале франкоязычной прессы (Франция, Бельгия, Швейцария, Квебек)// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. № 130. С.184-190.

6. Перехвальская Е.В. Гендер и грамматика// Язык – гендер – традиция: Материалы международной научной конференции, 25-27 апреля 2002 г. – СПб., 2002. – С.110-118.

7. Сдобнова Ю.Н. Гендерные аспекты институционального дискурса вооруженных сил Франции// Вестник МГЛУ. – 2013. № 10 (670). С. 172-187.

8. Lledó Cunill E. Las profesiones de la A a la Z en femenino y masculino. –Madrid, MTAS, 2009. – 92p.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Golubeva S.S. Lingvisticheskaja markirovannost' gendera kak sociokul'turnoj kategorii [Linguistics markedness of the gender as a socialcultural category] // Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika. – 2009. № 25 (158). С. 4-10. [in Russian]

2. Kacjuba L.B. Paremii conceptosfery «sem'ja» v sovremennom russkom jazykovom soznanii [Proverbs of the concepts sphere "family" in the modern Russian language consciousness]// Materialy konferencii. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Cennosti i interesy sovremennogo obshhestva». Pravovye i gumanitarnye cennosti sovremennogo obshhestva. Chast' 1 // Moskovskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki, statistiki i informatiki – M., 2015. – S. 184. [in Russian]

3. Jazykoznanie: Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'[Linguistics: Great Encyclopedic Dictionary]. – M.: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1997. – P. 417. [in Russian]

4. Baharev A.I. Jelementy kategorii roda v tjurkskih jazykah [Elements of the category of gender in the Turkic languages]// Jazyk i myshlenie: Psihologicheskij i lingvisticheskij aspekty. Materialy 5-oj Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Penza, 11-14 maja 2005g.) – M.; Penza: Institut jazykoznanija RAN, 2005. – P. 4-5. [in Russian]

5. Miretina M.S. Feminizacija nazvanij professij, dolzhnostej, titulov i zvanij na materiale frankojazychnoj pressy (Francija, Bel'gija, Shvejcarija, Kvebek) [The feminization of professions names, titles and ranks in the French-language press (France, Belgium, Switzerland, Quebec)]// Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. – 2011. № 130. P.184-190. [in Russian]

6. Perehval'skaja E.V. Gender i grammatika [Gender and grammar]// Jazyk – gender – tradicija: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 25-27 aprelja 2002 g. – SPb., 2002. – P.110-118. [in Russian]

7. Sdobnova Ju.N. Gendernye aspekty institucionnogo disursa vooruzhennyh sil Francii [Gender aspects of actual military institutional discourse of French Armed Forces: modern tendencies]// Vestnik MGLU. –2013. № 10 (670). P. 172-187. [in Russian]

8. Lledó Cunill E. Las profesiones de la A a la Z en femenino y masculino. –Madrid, MTAS, 2009. – 92p. [in Spanish]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.089

Зинченко В.М.

Кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет),

КАТЕГОРИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ И СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

Аннотация

В статье представлен анализ участия средств выражения каузальности в установлении семантико-синтаксических связей в немецком тексте на материале повести Г.Белля «Потерянная честь Катарины Блюм». Разнообразные проявления причинно-следственных отношений иллюстрируются в пределах одного предложения, на примере конфигурации двух предложений, а также на уровне абзаца. Роль лексических и синтаксических средств каузальности в текстообразовании рассматривается с привлечением теории коммуникативного (тема-рематического) членения предложения.

Ключевые слова: каузальность, причинно-следственные отношения, текстообразование, лексические и синтаксические средства, тема-рематические связи.

Zinchenko V.M.

PhD in Philology, Saint-Petersburg State Institute of Technology (Technical University)

CATEGORY OF CAUSALITY AND CONDUCTIVITY LINKS IN THE TEXT

Abstract

The article represents the analysis of causality category expression means involvement in the establishment of semantic and syntactic links in the German text on base of the H.Böll's story "The lost Katarina Blum's honor". Various manifestations of cause-consequence relations are illustrated within one sentence, on the example of two sentences configuration and at the level of a paragraph. The role of lexical and syntactic means of causality in creation of the text structure is considered with taking into consideration the communicative (theme - rheme) partitioning theory of the sentence.

Keywords: causality, cause-consequence relations, creation of the text structure, theme-rheme links.

Категория каузальности или причинности является универсальной категорией человеческого познания. В широком понимании причинность определяется как особый вид связи между явлениями, событиями и предметами реального мира, который существует вне человеческого сознания, но отражается в нем и анализируется им. «Принцип причинности претендует на всеобщность, на то, что он истинен в отношении всего, что возникает в действительности» [5, С. 16].

В лингвистике также отмечается главенствующая роль семантических категорий причины и следствия. В.Б.Евтюхин, подчеркивая их особое, ключевое положение в системе отношений обусловленности, отмечает, что «центральное положение причинно-следственных отношений предопределяется тем, что последние представляют собой обусловленность как таковую, обусловленность в чистом виде: остальные отношения – это модификация «каузальной формулы» [4, С. 63]. К остальным категориям со значением обусловленности относятся категории цели, условия, уступки.

Представляя собой одну из основных форм взаимоотношений между предметами, событиями и явлениями реального мира, причинно-следственные отношения произвольно или целенаправленно воспринимаются человеческим сознанием в потоке бесконечной информации и в итоге являются одним из основополагающих элементов отражения объективной реальности в языке и речи. Причинно-следственные отношения часто выступают тем логическим инструментом, с помощью которого выстраивается последовательность мыслительной и речевой деятельности человека. А.Т.Кривоносов, проводя анализ логического уровня языковых структур, отмечает, что причинно-следственная связь лежит в основе любого умозаключения [6, С. 40]. Значительная роль каузальных отношений наблюдается также в структуре развертывания текста, где они реализуются в виде лексических и синтаксических средств.

Для анализа текстообразующей функции причинно-следственных отношений в немецком тексте была выбрана повесть Г.Белля «Потерянная честь Катарины Блум». Написанное в 1974 году, данное произведение принадлежит к лучшим образцам повествовательного жанра немецкой литературы. Обличая в повести методы работы консервативной журналистики, ее вмешательство в частную жизнь простых людей, автор использует оригинальную творческую форму изложения материала с привлечением элементов публицистики. Новый принцип повествования основывается на противопоставлении точного, объективного, напоминающего репортажный стиль, изложения событий и фактов автором, с одной стороны, и фальшивых, стремящихся к надуманной сенсационности журналистских публикаций, с другой. Своеобразие замысла повести нашло свое отражение в выборе языковых средств. Достижению ясности, иллюстративности, доказуемости текста способствует, на наш взгляд, довольно обильное использование различных средств выражения причинно-следственных отношений, в частности, что касается вовлечения их в качестве исполнительных компонентов функции текстообразования. «Текст, который представляет собой результат речетворческого процесса, подчиняется определенным для него закономерностям и организации» и важно определить, «какие единицы являются конституэнтами текста и какие содержательные и формальные категории можно в нем найти» [2, С. 3].

Предупредительным маркером прогнозирования активной роли каузальных семантических связей в развертывании повествования в отдельном фрагменте текста можно рассматривать вопросительное наречие *warum?*, использование которого позволяет автору направить мысль читателя на развертывание каузальных отношений в содержании текста, а также способствует, например, в приведенном ниже отрывке почти документальной обоснованности излагаемых протокольных фактов и действий.

Als sie dann gefragt wurde, **warum** sie ausgerechnet an diesem Tag, wo sie doch offensichtlich und zugegebenermaßen so gern Auto fahre, an diesem Tag mit der Straßenbahn zu Frau Woltersheim gefahren sei, sagte Katharina Blum, sie habe nicht gewusst, ob sie viel oder wenig Alkohol trinken würde, und es sei ihr sicherer erschienen, nicht mit ihrem Wagen zu fahren. [7, С. 55].

Здесь использование относительно-вопросительного наречия *warum?* определяет структурно-семантическое содержание всего дальнейшего абзаца. На допросе Катарину пытаются спровоцировать на признание того, что причиной ее поездки на вечеринку на общественном транспорте, а не на собственном автомобиле была предварительная договоренность с Людвигом Геттенем и знание того, что они будут возвращаться к ней домой на его машине. И далее в абзаце в продолжение поиска следователем ответа на все тот же вопрос *warum?*, идет выяснение, насколько правдивым является довод Катарины о ее опасениях в тот вечер оказаться за рулем под действием возможно выпитого в гостях алкоголя.

Смысловая структура следующего абзаца строится также как последовательное объяснение Катарины вопроса с *warum?*

Ein weiterer Punkt musste vor der Mittagspause geklärt werden: **Warum** sie weder ein Spar- oder ein Scheckbuch habe. Ob es nicht doch noch irgendwo ein Konto gebe [7, С. 55].

Затем каждое предложение содержит ответ, объяснение Катарины, *почему* у нее нет ни чековой книжки, ни дополнительного счета в банке:

Nein, sie habe kein weiteres Konto als das bei der Sparkasse. Jede, auch die kleinste ihr zur Verfügung stehende Summe benutzte sie sofort, um ihren hochverzinslichen Kredit abzahlen; die Kreditzinsen wären manchmal fast doppelt so hoch wie die Sparzinsen, und auf einen Girokonto gäbe es fast gar keine Zinsen. Außerdem sei ihr der Scheckverkehr zu teuer und umständlich. Laufende Kosten, ihren Haushalt und das Auto, bezahle sie bar [7, С. 55-56].

Следует заметить, что вопросительное наречие *warum?* многократно встречается в тексте романа, так как одной из основных задач автора было показать, *почему* благопристойная, никогда не нарушавшая норм поведения Катарина решается на столь отчаянный поступок – убийство журналиста.

Система лексических и синтаксических средств выражения каузальных отношений в немецком языке многообразна. Она включает в себя существительные (*die Ursache, der Grund*), предлоги (*wegen, durch, aus*), инфинитивные группы с *um* и без вводного слова, придаточные предложения с союзами (*weil, da, denn*) и др. Все указанные средства образуют функционально-семантическое поле каузальности и могут быть вовлечены в систему развертывания текста на основе причинно-следственных отношений.

Явным и наиболее частым является употребление каузальных средств текстообразования на уровне предложения или как связующего средства между двумя предложениями.

Diese Tatsache der Über-Aufmerksamkeit der Presse muss hier vermerkt werden, *weil* nicht nur die ZEITUNG, auch andere Zeitungen tatsächlich den Mord an einem Journalisten als etwas besonders Schlimmes, Schreckliches, fast Feierliches, man könnte fast sagen wie einen Ritualmord behandelten [7, С. 13].

Участвуя в текстообразовании, в развертывании информационного содержания текста, языковые средства каузальности включаются в систему тема-рематических связей, членение предложений на «данное» и «новое». Принцип тема-рематической перспективы обоснованно рассматривается как ведущий принцип структурной организации текста [3, С. 102]. Учитывая, что «данное» (тема) – это исходная информация, а «новое» (рема) – последующая, можно было бы предположить, что и на временной оси «данное» предшествует «новому», а следовательно, в плане коммуникативного членения предложения языковые средства каузальности должны выступать в функции темы, а рема будет представлена семантикой следствия. Однако в конкретном тексте тема-рематические связи выстраиваются с позиций авторского изложения отношений между событиями, а в результате и причина, и следствие могут быть представлены либо как тема, либо как рема. Н.С.Валгина отмечает, что «любое сообщение заключает в себе не только информацию, но и отношение автора к сообщаемой информации... Автор не только формирует собственнотекст, но и направляет читателя в его интерпретации текста» [1, С. 16-17].

В приведенном выше примере придаточное предложение с союзом *weil*, находящееся в постпозиции, стоящее после главного предложения, координируется с новой информацией, а именно, конкретизирует ремю главного предложения *muss vermerkt werden*, (тема: *Über-Aufmerksamkeit der Presse*). Придаточное предложение объясняет: *Почему следует отметить повышенное внимание прессы? – Потому что она подает смерть журналистов как нечто особенно ужасное по сравнению со смертями других людей.*

Иначе формируется участие придаточного каузального предложения в развертывании тема-рематической прогрессии, если оно предшествует главному предложению, находится в препозиции.

Da die Hiepertz ebenfalls die Stadt während der Karnevalstage verließen und zu ihrer Tochter nach Lemgo fuhren, hatte Katharina die beiden alten Herrschaften noch in ihrem Volkswagen zum Bahnhof gebracht [7, С. 15-16].

В данном предложении присутствуют два уровня тема-рематической прогрессии. Исходная информация всего сложного предложения (макротема) представлена придаточным предложением с союзом *da*, а рема содержится в главном предложении, в котором в свою очередь на микроуровне выделяются микротема *die Hiepertz* и составная микрорема *die Stadt verließen, zu ihrer Tochter fuhren*. Распределение коммуникативной нагрузки главного предложения выглядит следующим образом: тема – *Katharina*, рема – *hatte zum Bahnhof gebracht*.

Таким образом, здесь прослеживается традиционная тенденция немецкого предложения, которая заключается в том, что наиболее важная, новая информация располагается в конце.

Разнообразие языковых средств каузальности дает возможность усложнить структуру причинно-следственных отношений в тексте и совместить в одном предложении два вида представления каузальных отношений, например, союз и предлог:

Da wegen der an diesem Tag beginnenden Weiberfastnacht zahlreiche Hausbewohner nicht zur Arbeit gegangen und noch nicht zu den alljährlich fälligen saturnalienartigen Umzügen, Festen etc. aufgebrochen waren, standen drei Dutzend Bewohner des zehnstöckigen Appartementhauses in Mänteln, Morgenröcken und Bademänteln im Foyer ..., als Katharine Blum, zwischen Beizemme und Moeding, von bewaffneten Polizeibeamten flankiert, den Aufzug verließ [7, С. 21].

В приведенном сложноподчиненном предложении наблюдается многоступенчатая тема-рематическая прогрессия с участием двух каузальных тематических компонентов:

- 1) *da* – так как жильцы дома не ушли на работу;
- 2) *wegen* – не ушли из-за начавшегося карнавала.

Рема имеет семантику следствия и представлена в главном предложении: *(поэтому) три десятка жильцов стояли в вестибюле.*

В некоторых случаях каузальная связь усиливается многократным повторением индикатора причинности, в результате чего формируется структура параллелизма, как это происходит, например, благодаря повторению предложных словосочетаний с *wegen*:

Bei Blornas ist ein ungemütlicher Samstagmorgen, äußerst ungemütlich, nicht nur *wegen der fast schlaflosen, zerrüttelten und verschüttelten Nacht* im Schlafwagen, nicht nur *wegen der ZEITUNG*, von der Frau Blorna sagte, diese Pest verfolge einen in die ganze Welt, nirgendwo sei man sicher; ungemütlich nicht nur *wegen der vorwurfsvollen Telegramme* einflussreicher Freunde und Geschäftsfreunde, von der „Lüstra“, auch *Hachs wegen*, den man zu früh ... am Tage anrief [7, С. 83].

Отношения каузальной связи могут устанавливаться между частями текста также имплицитно, при отсутствии языковых индикаторов, т.е. на основе логических умозаключений.

Ich lasse mir aber nicht einreden, dass die Blum ebenfalls ein Zufallskontakt war. Ihr Telefongespräch mit der Scheumel die Pünktlichkeit, mit der sie bei der Woltersheim auftauchte, auch die verfluchte Innigkeit und Zärtlichkeit, mit der die beiden von der ersten Sekunde an getanzt haben – und wie rasch sie dann miteinander abgezischt sind -, alles spricht gegen Zufall [7, С. 73-74].

Несмотря на отсутствие словесного связующего элемента между первым и вторым предложениями автору тем не менее удается выразить, а читателю на основе мыслительных операций воспринять причинно-следственную корреляцию. В первом предложении сообщается, что комиссар полиции не сомневается в том, что встреча Катарины и Геттинга была неслучайной. Второе предложение раскрывает причину его недоверия: телефонный звонок Катарины, ее появление у фрау Вальтерсхайм точно в назначенное время, сердечность и нежность в общении с Геттингом.

Комплексное использование различных индикаторов каузальности в качестве средств текстообразования в пределах одного абзаца придает тексту значение обстоятельности, позволяет аргументировать психологическое состояние и последовательность действий персонажей, что иллюстрирует, например, следующий отрывок:

... es soll hier erklärt werden, **warum** an diesem Freitagmorgen sowohl Beizmenge wie Katharina so milde, fast weich oder gar zahm waren... Das Telefongespräch mit Blorna hatte Milderung geschaffen, und **da** kurz nachdem ... Katharina mit Blorna telefoniert hatte, schon Frau Fletzer erschienen war, die offen zugab, dass man Katharinas Wohnung natürlich überwache und **aus diesem Grunde** wisse, dass sie hier zu finden sei, und nun müsse man leider – und leider auch Frau Woltersheim – zur Vernehmung, da war **der offenen und netten Art von Frau Pletzer wegen** der Schrecken über die ZEITUNG zunächst verdrängt und für Katharina ein nächtliches Erlebnis wieder in den Vordergrund gerückt, das sie als beglückend empfunden hatte: Ludwig hatte sie angerufen, und zwar von **dort!** Er war so lieb gewesen, und **deshalb** hatte sie ihm gar nichts von dem Ärger erzählt, **weil** er nicht das Gefühl haben sollte, er sei **die Ursache** irgendeines Kammers [7, С. 56-57].

Текстовая информация продвигается здесь с привлечением насыщенного ряда причинно-следственных компонентов. Общая тема абзаца задается с помощью вопросительного наречия *warum?* относительно мягкого и кроткого поведения в это утро как Байцменне, так и Катарини. Затем следует подробное изложение утренних событий с вплетением каузальных элементов, в результате чего выстраивается следующий алгоритм причинно-следственных отношений данного абзаца:

- 1) *da* – так как появилась фрау Плетцер (она сообщила о наблюдении);
- 2) *aus diesem Grunde* – по причине наблюдения за квартирой Катарини (фрау Плетцер знала, где ее искать);
- 3) *wegen* – из-за приветливости фрау Плетцер (у Катарини прошел испуг от прочтения газеты)
- 4) двоеточие – позвонил Людвиг (Катарина чувствовала себя счастливой);
- 5) *deshalb* – он был очень любезен (Катарина не сказала ему о своих злоключениях);
- 6) *weil* – так как он не должен чувствовать, что
- 7) *die Ursache* – он причина неприятностей.

Таким образом, анализ текстообразующей функции лексических и синтаксических средств выражения каузальности подтверждает их особую значимость в обеспечении структурно-семантической связности текста. Обладая большим текстообразующим потенциалом, они являются часто употребляемыми индикаторами связей между компонентами текста.

Список литературы / References

1. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. – М.: Дом книги, 2006. – 296 с.
4. Евтухин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке. Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 198 с.
5. Князев Н.А. Проблема причинности в философии: (Концепция двух уровней): автореф. дис. ... докт. филос. наук. - М., 1993. – 40 с.
6. Кривоносов А.Т. Язык, логика, мышление. Умозаключение в естественном языке. – М.; Нью-Йорк: Валанг, 1996. – 682 с.
7. Böll H. Die verlorene Ehre der Katharina Blum. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2002. – 146 S.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Valgina N.S. Teoriya teksta [Text theory]. – М.: Logos, 2003. – 173 P. [In Russian]
2. Galperin I.R. Tekst kak obyekт lingvisticheskogo issledovaniya [Text as object of linguistic study]. – М.: Nauka, 1981. – 138 P. [In Russian]
3. Dymarsky M.Y. Problemy tekstoobrazovaniya I hudojestvenniy tekst [Problems of text structure and fiction literature text]. – М.: Dom knigi, 2006. – 296 P. [In Russian]
4. Yevtuhin V.B. Kategoriya obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke [Conditional category in Modern Russian]. – Saint-Petersburg University, 1997. – 198 P. [In Russian]
5. Knyazev N.A. Problema prychynnosti v filosofyi: (Kontseptsiya dvuh urovnei) [Problem of causa in philosophy: (Concept of two levels)]. – М. 1993. – 40 P. [In Russian]
6. Krivonossov A.T. Yazyk, logika, myshleniye. Umozaklucheniye v yestestvennom yazyke. [Language, logic, thinking. Conclusion in natural language]. – М.; New-York: Valang, 1996. – 682 P. [In Russian]
7. Boell H. Die verlorene Ehre der Katharina Blum. – Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2002. – 146 P. [In German]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.112

Каверина О.А.

ORCID: 0000-0002-6664-8681, Кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет

**МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРИТВОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С СОЮЗАМИ AS IF / AS THOUGH****Аннотация**

В статье рассматривается когнитивная ситуация поведения, категоризируемая модусным субъектом как притворная. Когнитивная модель ситуации притворного поведения включает реальную ситуацию и ее интерпретацию. Союзы *as if / as though* занимают изолированную зону модуса и стоят на границе двух ситуаций – реальной, имеющей место в объективном мире, и ирреальной, существующей в концептуальном мире субъекта модуса. Модусный субъект категоризирует поведение субъекта диктума как имитацию, симуляцию и воображение. Все три типа ситуации притворного поведения находят языковую репрезентацию в высказываниях с союзами *as if / as though*.

Ключевые слова: модус, модусная категоризация, когнитивный механизм, притворное поведение.

Kaverina O.A.

ORCID: 0000-0002-6664-8681, PhD in Philology, associate professor,

Irkutsk State University

**MODUS CATEGORIZATION OF PRETEND BEHAVIOUR IN THE UTTERANCES
WITH THE CONJUNCTIONS AS IF / AS THOUGH****Abstract**

The article focuses on the cognitive situation, categorized by the modus subject as pretend behaviour. The cognitive model of the situation of pretend behaviour includes a real situation and its interpretation. Conjunctions *as if / as though* take the isolated modus zone in the utterance, which are at the junction of two situations – real, existing in reality, and imaginary, taking place in the conceptual system of the modus subject. Actual behavior is categorized by the modus subject as imitation, simulation and imagination. All the three situations of pretend behavior are represented in utterances of *as if / as though* conjunctions.

Keywords: modus, modus categorization, cognitive mechanism, pretend behavior.

Концептуализация поведения человека как намерения совершить действие коррелирует с намерением, направленным на то, чтобы скрыть истинное положение дел. Среди множества ситуаций действительности существуют такие, которые заведомо ориентированы на обман, ложь, притворство, объективированные в языке разнообразием средств [1]. Это связано с «логической простотой феномена правды, в отличие от информационной разнородности лжи» [5].

В семантическом пространстве мнимого мира определенное место занимает ситуация притворного поведения. Когнитивная модель ситуации притворного поведения включает реальную ситуацию и ее интерпретацию. Когнитивная модель притворной ситуации служит основанием для построения прототипической ситуации притворного поведения, которая предполагает наличие человека и последовательности событий, принадлежащих действительному миру, и концептуальному миру субъекта [8].

В формулировании значений глагола *'pretend'* – *to behave as though something is true when you know that it is not* [16]; *to behave as if something is true when in fact know that it is not* [18] участвуют союзы *as if / as though*. Наличие данных союзов в толкованиях глагола *pretend* свидетельствует о миропорождающем статусе союзов, способствующем созданию ситуации, принадлежащей концептуальному миру субъекта. Союзы *as if / as though* связывают две ситуации – реальную (диктумную) ситуацию и вымышленную (модусную). Модусный субъект наблюдает поведение субъекта диктума и категоризирует его как притворное.

Суть притворства заключается в маскировке истинных состояний, действий другими поведенческими актами, с целью создать у наблюдателей ложное впечатление [10]. Категоризация наблюдаемой ситуации как притворной возникает в случае, если субъект действия имитирует типичное для данной ситуации поведение, но при этом преследует свои цели. По словам Ю.Д. Апресяна, «имитация всегда предполагает манифестацию, от которой она отделена идеей преднамеренности и цели» [1]. При этом притворство концептуализируется по-разному, что объективируется в разнообразии языковых конструкций: 1) Он притворяется, что делает то-то (имитирует то или иное действие); 2) Он притворяется делающим то или иное действие (симулирует, пытается выдать себя за делающего то или иное действие); 3) Он притворяется, как будто делает то или иное действие (воображает, что делает) [6]. Различие между данными выражениями, по мнению Дж. Остина, состоит в том, что чем больше для демонстрации притворного поведения требуется физических действий, тем предпочтительнее притворяться таким-то или притворяться, что делаешь то-то, а чем менее необходимы физические движения, тем большее предпочтение следует оказывать обороту «как если бы» [6]. Все три типа ситуации притворного поведения находят языковую репрезентацию в высказываниях с союзами *as if / as though*.

Диктумная позиция первого типа содержит серию физических действий субъекта диктума, которые интерпретируются модусным субъектом как притворные, ср.: The fierce Latin swept them across a tiny table, thrust menus into their hands, rubbed his hands, changed all the cutlery round and then put it all back again, rubbed his hands once more and then suddenly lost all interest in them, *as if* his business was simply to drag people in and then, having got them seated, to create a momentary illusion of brisk service before they had time to change their minds [19]. В приведенном примере действия официанта, несмотря на конвенциональный характер, категоризируются как обманчивые, притворные. Официант создает видимость внимания, имитирует заинтересованность в посетителях, но все его множественные действия и суета нацелены на то, чтобы удержать гостей в ресторане, создать у них впечатление быстрого

обслуживания. Притворное поведение персонажа в примере выше совершается напоказ, представляя так называемую притворную демонстрацию. Намерение субъекта диктума ввести в заблуждение адресата (модусного субъекта) объективирует номинация *to create a momentary illusion*, то есть замысел раскрыт автором (модусным субъектом).

Категоризация притворного поведения может быть основана на несоответствии поведенческих проявлений их функциям. Так, симптоматический жест употребляется в коммуникативном, вторичном режиме, имитируя обманчивое впечатление, направленное на адресата, ср.: *When Cole was snapping pictures, her face was smooth and serene, as if lying on a household appliance made her the happiest woman in the world* [13]. В данном примере спокойное, безмятежное выражение лица модели, рекламирующей бытовой прибор, только кажущееся, созданное ею намеренно с целью убедить других в том, что с таким приспособлением можно быть самым счастливым человеком на земле. Притворное поведение героини разоблачает последующий контекст, ср.: *When he took a break, she dropped the serene look and said things like, "Shit, it's cold in here."* Подобно артисту, снявшему маску после представления, героиня «сбрасывает» невозмутимый взгляд с якобы счастливого лица. В примере выше можно наблюдать явление «семиотического удвоения тела» – *Я-как Я и Я-как Другой*, описанное С.Н. Плотниковой. Неискренний человек категоризируется через разделение на две половины – искреннюю дискурсивную личность и неискреннюю дискурсивную личность, составляя «условную семиотическую дубликацию тела» одного и того же человека [7].

Категоризация притворного поведения может быть объективирована посредством метафоры, ср.: *Ferrel laughed, shaking his head, continually amazed at the unmitigated cunning of this pretty little belle who looked as though butter wouldn't melt in her mouth* [14]. С помощью метафоры субъект модуса характеризует внутреннюю природу героини, которая постоянно обманывает своего мужа, хитрит, встречаясь с другими мужчинами, и при этом ей удается оставаться с ним в отношениях. Метафорическое выражение *someone looks as if butter would not melt in his mouth* интерпретируется как *a person looks sweet and innocent; someone looks completely innocent although he is capable of doing something unpleasant or horrible* – человек милый, невинный, только кажущийся тихоней, но способный совершить нечто неприятное или ужасное [20; 15]. Семиотичность притворного поведения трудно описать лингвистическими средствами, но у модусного субъекта есть что-то, что позволяет ему интерпретировать внешние проявления как притворные, неискренние [8].

Идея создания кажимости действия, свойства, состояния является значимой в категоризации ситуации притворства. Намерение скрыть истинное положение дел, утаить правду, «вселить» образ ложного представления действительности актуализует наличие отрицания в диктумной пропозиции, ср.: *She didn't want to appear as if she had spent hours worrying and was excited and immensely relieved* [22]; *They were drinking bottles of Coke and trying not to appear as if they were watching the hotel* [11]; *He nodded, trying not to look as though she had caused him pain* [21]. Диктумные пропозиции содержат интенциональные глаголы *want*, *try*, семантика которых предполагает желания, усилия субъекта диктума, направленные на достижение цели, в которой заинтересован сам субъект. В примерах выше персонажи маскируют действительные состояние и поведение другими состоянием и действием.

Ситуация притворства реализуется в общественных отношениях, то есть обязательно предполагает наличие наблюдателя, на которого и направлено действие. Способность вводить позицию *Другого*, воспринимающего и оценивающего лица, составляет особенность языковой спецификации модуса притворства [8]. В следующем примере модусный субъект улавливает что-то устрашающее в глазах героини, наблюдает физические симптомы нервозности, интерпретируя ее состояние как пограничное, едва контролируемое. Вместе с тем героиня демонстрирует чрезмерную вежливость и взвешенность в общении, ср.: *There was something absolutely terrified in her eyes, as though at any moment she would lose control, and her hands shook visibly, but other than that she was painfully polite and deliberate when she spoke* [21]. Такое расхождение внешних данных и поведения героини концептуализируется как одновременное соотношение с разными точками отсчета: одна коррелирует с микромиром притворяющегося субъекта, другая – с микромиром говорящего, оценивающего действие как несоответствующее действительности [8].

Рассогласование внешних симптомов концептуализируется как симуляция, что составляет суть второго типа ситуации притворного поведения. Для симуляции значимым является манифестация симптома, то есть поведенческого проявления, свойственного реальному действию или состоянию. Человек, находящийся в постели, который заставляет поверить окружающих в то, что он болен, и человек, демонстрирующий симптомы, типичные для больного, категоризируются по-разному. В первом случае человек притворяется, во втором симулирует [12]. В следующем примере персонаж не знает песню, а только делает вид, что поет, ср.: *Everyone was singing a song that Fat Charlie did not know. He moved his head in time with the song and tried to make it look as if he was sort of singing, moving his lips in a way that might have meant that he was actively singing along* [17]. Движения головы в такт музыки и губ, как будто персонаж поет, являются симптоматическими жестами, сопутствующими реальному процессу действия. Однако отсутствует главное – звуки, возникающие в процессе такого действия. Симулятивное поведение, являясь частью притворного поведения, таким образом, категоризируется как объективация внешних симптомов, сопутствующих движений тела, мимики, которые не resultируют к самому действию или состоянию.

Намерение создать у другого человека неверное представление о действительности составляют суть когнитивного механизма, обеспечивающего формирование смысла «притворство» [8]. Модусный субъект воображает некоторую ситуацию, полагая, что адресат примет ее за истину. Подобный тип ситуации притворства Дж. Остин называет «притворяться как если бы», суть которого состоит в том, чтобы скрыть факт «знания, воспоминания или мысли о том-то, убежденности в том-то или осознании того-то, – коротко говоря, некоторого когнитивного состояния» [6]. Нацеленность субъекта действия на адресата с целью убедить в правдивости своих действий, на самом деле несоответствующих действительности, объективирована сочетанием каузативного глагола *make* с предикатами кажимости, ср ср.: *The idea was to build up the books of these models, make it appear as if they had more experience that they actually did, and so we worked hard to change the set, the models' looks, the lighting, anything to make it seem as if the photos weren't taken at the same time* [13]. В приведенном примере замысел фотографа состоит в том, чтобы фотографии моделей в их портфолио выглядели такими, как если бы их делали в разное время, что являлось бы

свидетельством большого опыта работы в модельном бизнесе, хотя в действительности фотографии делали в одно время. Для того, чтобы скрыть, дезинформировать, внести неясность для адресата, реальное положение дел маскируется – меняются декорации, внешность моделей, освещение. По словам С. Дёнингхауса, говорящий отвлекает внимание адресата, скрывает реальное содержание ситуации, что способствует ментальному усложнению осмысления информации, ослаблению рациональной компетентности [4]. В другом примере субъект диктума разрабатывает определенный сценарий, схему, согласно которой ему удастся остаться неразоблаченным, что всегда является важным для притворяющегося человека, ср.: I left the bike in the shed and watched him from the shed door for a while, poised so that if he happened to wake up it would look *as if* I was just in the act of shutting the door [11]. Желая скрыть свое настоящее намерение, субъект диктумной ситуации выбирает такое положение, при котором, в случае если его обнаружат, это бы выглядело как нечто другое. Цель притворщика состоит в том, чтобы разыграть определенный сценарий в своем собственном воображении и в воображении другого человека [9].

Как показывает эмпирический материал, высказывания с союзами *as if / as though* репрезентируют две ситуации – реальную, описывающую физические движения или психические состояния человека, и ее интерпретацию модусным субъектом как притворную, которую субъект диктума имитирует, симулирует или воображает.

Список литературы / References

1. Апресян Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – М.: Индрик, 2008. – С. 23–45.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2009. – Вып. IV. – С. 25–77.
3. Болдырев Н. Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – Вып. V. – С. 43–51.
4. Дёнингхаус С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – М.: Индрик, 2008. – С. 344–359.
5. Мечковская Н. Б. Два взгляда на правду и ложь, или о различиях между языковой картиной мира и обыденным сознанием // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – М.: Индрик, 2008. – С. 456–470.
6. Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. – СПб.: Алетейя, Изд. Дом СПб. ГУ, 2006. – 335 с.
7. Плотникова С. Н. Сущность лингвистической креативности неискреннего человека: удвоение дискурсивной личности // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник научных трудов международной научной конференции (24 ноября 2006 г.). – Ростов на Дону, 2007. – С. 280–287.
8. Семенова Т. И. От притворства до игры: синкретизм глагола PRETEND // Слово в предложении. – Иркутск: ИГЛУ, 2010. – С. 95–114.
9. Холл М. Магия коммуникации. Использование структуры и значения языка. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 352 с.
10. Austin, J. Sense and Sensibilia // Oxford University Press, 1962. – 144 p.
11. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (дата обращения 18.08.2015).
12. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation // University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
13. Caldwell, L. A Clean Slate // Red Dress Ink, 2003. – 318 p.
14. Carter, A. Heritage of Blackoaks // London and Sydney: Pan Books Ltd., 1983. – 384 p.
15. CIDI – Collins Cobuild Dictionary of Idioms // Harper Collins Publishers Ltd., 1997. – 493 p.
16. CIDE – Cambridge International Dictionary of Current English // Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1773 p.
17. Gaiman, N. Anansi Boys // Hachette, UK, 2010. – 274 p.
18. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition // Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.
19. Priestley, J. B. Angel Pavement // Moscow: Progress Publishers, 1974. – 503 p.
20. Renton, N.E. Metaphorically speaking // Warner Books Inc., 1990. – 528 p.
21. Steel, D. Vanished // Transworld, 2009. – 384 p.
22. Warfield, T. Prairie Dreams // Diamond Books, 1992. – 344 p.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Апресян Ю. Д. От истины до лжи по пространству языка [From truth to lie] // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией [Logical analysis of language. Between lie and fantasy]. – М.: Индрик, 2008. – С. 23–45. [in Russian]
2. Boldyrev N. N. Konceptual'naja osnova jazyka [The conceptual basis of language] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive research of language]. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2009. – Вып. IV. – С. 25–77. [in Russian]
3. Boldyrev N. N. Ocenocnaja metareprezentacija: problemy izuchenija i opisanija [Evaluative metarepresentation: the issues of study and interpretation] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive research of language]. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2009. – Вып. IV. – С. 43–51. [in Russian]
4. Djonninghaus S. Mezhdz lozh'ju i illjuziej: sposoby dezorientacii so storony lingvisticheskoj semantiki [Between lies and illusions: methods of disorientation by linguistic semantics] // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией [Logical analysis of language. Between lie and fantasy]. – М.: Индрик, 2008. – С. 344–359. [in Russian]
5. Mechkovskaja N. B. Dva vzgljada na pravdu i lozh', ili o razlichijah mezhdz jazykovoju kartinoju mira i obydennym soznaniem [Two views on truth and lie, or differences between linguistic worldview and ordinary consciousness] // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией [Logical analysis of language. Between lie and fantasy]. – М.: Индрик, 2008. – С. 456–470.

6. Ostin D. Tri sposoba prolit' chernila // Filosofskie raboty [Philosophical papers]. – SPb.: Aleteja, Publishing house SPb. SU, 2006. – 335 p. [in Russian]
7. Plotnikova S. N. Sushhnost' lingvisticheskoy kreativnosti neiskrennogo cheloveka: udvoenie diskursivnoj lichnosti // Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshhenija: [Nature of linguistic creativity of an insincere person: doubling of discourse personality // Pragmatic linguistics and practice of communication]: Sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (24 nojabrja 2006 g.) [Collection of scientific works of the international scientific conference]. – Rostov n/d, 2007. – P. 280–287. [in Russian]
8. Semenova T. I. Ot pritvorstva do igry: sinkretizm glagola PRETEND [From pretence to play: syncretism of the verb PRETEND] // Slovo v predlozhenii [Word in Sentence]. – Irkutsk: IGLU, 2010. – P. 95–114. [in Russian]
9. Holl M. Magija kommunikacii. Ispolzovanie struktury i znachenija jazyka [The magic of communication: The use of structure and meaning of language]. – SPb.: prajm-EVROZNAK, 2004. – 352 p. [in Russian]
10. Austin, J. Sense and Sensibilia // Oxford University Press, 1962. – 144 p.
11. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. (дата обращения 18.08.2015).
12. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation // University of Michigan Press, 1994. – 164 p.
13. Caldwell, L. A Clean Slate // Red Dress Ink, 2003. – 318 p.
14. Carter, A. Heritage of Blackoaks // London and Sydney: Pan Books Ltd., 1983. – 384 p.
15. CDD – Collins Cobuild Dictionary of Idioms // Harper Collins Publishers Ltd., 1997. – 493 p.
16. CIDE – Cambridge International Dictionary of Current English // Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 1773 p.
17. Gaiman, N. Anansi Boys // Hachette, UK, 2010. – 274 p.
18. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition // Harlow, Essex: Longman Group Ltd., 1997. – 1680 p.
19. Priestley, J. B. Angel Pavement // Moscow: Progress Publishers, 1974. – 503 p.
20. Renton, N.E. Metaphorically speaking // Warner Books Inc., 1990. – 528 p.
21. Steel, D. Vanished // Transworld, 2009. – 384 p.
22. Warfield, T. Prairie Dreams // Diamond Books, 1992. – 344 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.151

Калинин И.В.

Аспирант,

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРЭВЕЛ-МЕДИАТЕКСТА В РОССИЙСКИХ СМИ: К ПРОБЛЕМЕ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ КОНТЕНТА

Аннотация

В современной журналистской науке предпринимаются активные попытки систематизации типологии медиатекстов и их функционального диапазона. Это обусловлено необходимостью формирования нового понятийного аппарата масс-медиа, а также стремительным развитием новых форм коммуникационной культуры. В статье рассматриваются основные причины исторической трансформации трэвел-медиатекста, а также его идеологическая составляющая. На основе анализа существующих типологий, предложена новая модель, согласно которой существуют четыре типа ТМТ – информационно-рекламный, информационно-развлекательный, информационно-популяризирующий и информационно-идеологический.

Ключевые слова: медиатекст, трэвел-медиатекст, трэвел-журналистика.

Kalinin I.V.

Postgraduate student,

School of Journalism and Mass Communications

Saint Petersburg State University

TRANSFORMATION OF THE TREVEL MEDIA TEXT IN THE RUSSIAN MEDIA: TO THE PROBLEM OF IDEOLOGIZATION OF CONTENT

Abstract

In modern journalistic science proactively attempt of systematization of the typology of media texts and their functional range. This is due to the formation of a new conceptual apparatus of the mass media, as well as the rapid development of new forms of communication culture. The article discusses the main causes of the historical transformation of travel media text, its ideological component. Based on the analysis of existing typologies, proposed a new model, according to which there are four types of TMT – information-advertising, infotainment, information and promoting and information-ideological.

Keywords: media text, travel-media text, travel-journalism.

Работа журналиста по созданию материала в современной теории коммуникации определяется как текстовая деятельность. Объектом этой деятельности является реальное событие – медиасобытие и последующее создание медиатекста. Медиасобытие трактуется как «модель действительности, полученная в процессе деятельности журналиста. Медиатекстом называют синтез фактологии, материалов творчества, личностных приоритетов журналиста и форматов издания или канала СМИ.

Современный медиатекст ориентирован на массового потребителя и предполагает использование приемов, характерных для современной массовой коммуникации: это и интертекстуальность, и элементы саморекламы, и монтажа, и, конечно же, приемы тиражирования. Кроме того, журналистский текст, являясь частью текстов культуры, имеет современную мировоззренческую основу, где язык является не просто медиатором получения новой информации о мире, о событиях, которые в нем происходят, но и своеобразным камертоном этой информации. Теоретики СМИ, понимая характер инноваций в мире и прессе, все чаще переносят акцент осмысления роли прессы как социального института, функционирование которого определяется общественно-политической ситуацией, на исследование медиадискурса (текста СМИ, взятого в событийном аспекте, в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными факторами) [1. С.22].

В современной журналистской науке предпринимаются активные попытки систематизации типологии медиатекстов и их функционального диапазона. Это обусловлено необходимостью формирования нового понятийного аппарата масс-медиа, а также стремительным развитием новых форм коммуникационной культуры. Исследование медиатекстов в зарубежной науке имеет достаточно давнюю историю [А. Белл, Т. ван Дейк, М. Монтгомери] с точки зрения языкового, нормативного, функционального, социокультурологического подходов. В российской науке к анализу и типологизации медиатекстов в разное время обращались В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, С. И. Сметанина, Т. Г. Добросклонская и др.

Однако, современная теория масс-медиа нуждается в более детальном изучении медиатекста, его функциональных особенностей и алгоритма его создания. Это связано как с историческими модификациями межкультурной и межгосударственной коммуникации, так и темпами развития информационно-компьютерных технологий медиаотраслей. Функции и виды медиатекста в современный период значительно расширились. Сегодня основными чертами медиатекста принято считать: 1) особый канал распространения информации; 2) открытость для многочисленных интерпретаций; 3) множественность аудитории; 4) смысловую незавершенность, открытость; 5) медийность [*отношение к каналам коммуникации – И. К.*]; 6) ярко выраженный образ автора; 7) особый тип и характер информации; 8) вторичность текста; 9) особый характер обратной связи и др. [см. напр. Л. Г. Антонова, М. А. Буряк, Т. Г. Добросклонская, М. Ю. Казак, Т. Ю. Редькина, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, Н. В. Чичерина, Т. В. Шмелева и др.]. Представляется возможным предложить следующую дефиницию медиатекста, наиболее полно соответствующую современной коммуникации: полифункциональное лингвистическое образование, непосредственным образом связанное с форматной спецификой трансляционного канала, коммуникативным намерением автора, а также общественно-политической ситуацией в стране и мире. Совершенно очевидно, что исследователи постоянно пытаются детализировать и уточнять дефиниции медиатекстов для лучшего понимания их вербальной и письменной реализации, оптимизации обучения журналистов и PR-специалистов, а также для развития медиаобразования в странах мира и формирования национальных медиасистем.

В статье мы попытаемся рассмотреть типологию и функции «трэвел-медиатекста» - ТМТ, а также его трансформацию в нынешний исторический период. Определение ТМТ введено в терминологический словарь современной журналистской науки в связи с исследованиями Т. Ю. Редькиной [см. напр. «Трэвел-медиатекст: способы и приёмы речепорождения»; «Средства реализации развлекательной функции в трэвел-тексте»; «Этические и культурные речевые нормы в трэвел-медиатексте» и др.]. Изучение трэвел-медиатекстов сегодня является особенно актуальным в связи с бурным развитием «трэвел-журналистики», призванной не только информировать аудиторию о дальних странах и увлекательных поездках, но и способствовать национальной самоидентификации людей, развитию их культурологического базиса, формированию образа различных цивилизационных культур, осознанию гуманистического подхода к жизни.

В учебно-методическом пособии «Трэвел-медиатекст: способы и приёмы речепорождения» Т. Ю. Редькина характеризует собственно «трэвел-текст», отождествляя его с английским travelogue - «текст о какой-либо стране или местности, который представляет данную страну или местность в совокупности характерных признаков (словотворения «страна» или «местность»): географическое положение, природный мир, народ, язык, нравы, обычаи и традиции, история и культура, государственное устройство, общественно-политическая ситуация - и появляется в результате совершенного автором путешествия». Отмечается, что трэвел-медиатекст может функционировать не только как собственно журналистский, но и выполнять смежные функции, присущие текстам PR и рекламы. Расширяя перечень возможных задач ТМТ, помимо познавательных, автор также допускает наличие эстетических, политических, публицистических, философских и других задач [2. С.21-23]

«Основываясь на характере сочетания интенций», Т. Ю. Редькина выделяет три типа ТМТ: информационно-познавательный (интенция убеждения преобладает над интенцией информирования (просвещения)), информационно-популяризирующий (информирование преобладает над убеждением) и информационно-рекламный (нацелен на побуждение к совершению действия). Информирование (просвещение) считается обязательной интенцией ТМТ.

В нашей работе мы раздвигаем границы применимости понятия ТМТ, относя к таковым все трэвел-тексты, нацеленные на туристскую аудиторию и содержащие последовательное и детальное повествование о путешествии, которое может совершить читатель. ТМТ все реже передает информацию о произошедшем событии, становясь событием будущего, для реализации которого читателем автор ТМТ расставляет все необходимые ориентиры. ТМТ подобен научному путешествию, но выполняет иные функции: путешественник-исследователь стремится выполнить научные задачи, а на трэвел-журналиста возложена социальная миссия, он служит общественному миропорядку.

Вместе с тем в современный период представляется актуальным проследить трансформацию трэвел-медиатекста с точки зрения не только просветительской, популяризирующей и рекламной интенций, но также в аспекте имиджевой и идеологической составляющей. Геополитическая ситуация последних лет диктует необходимость понимания трэвел-медиатекста как составляющей также и политической коммуникации. Освещение в СМИ ситуации в традиционных для путешественников и потребителей туристических услуг регионах и странах - Крым, Турция, Египет, Франция и т.д. - сегодня не могут быть исключены из информационно-политического контекста.

Отметим, что идеологические страгемы медиатекстов были исследованы Е. Р. Пономаревым в аспекте изучения русской литературы путешествий XIX – XX вв. На обширном материале исследования – травелогах 1920-1930-х годов, циклах очерков таких писателей, поэтов и публицистов, как А. Белый, В. Маяковский, Л. Никулин, Н. Осинский, Е. Петров, Б. Пильняк, М. Слонимский, О. Форш и других автор делает вывод, что «идеологический прессинг советской идеологии помогает обнаружить некоторые общие закономерности идеологизации путешествий» [4. С.10]. Безусловно, в первые годы после революции 1917 года и последующего советского периода идеология была важной составляющей трэвел-медиатекстов. Интересной представляется также гипотеза о «трех типах путешествий: «агитационном», «либеральном» и «тотальном». «Агитационное путешествие связано с экспортным типом коммуникации, стремлением навязать Европе собственные ценности, переделать Запад согласно русскому представлению о нем. Либеральное путешествие признает ценность Другого, его культуры и образа жизни. Тоталитарное путешествие полностью подчиняет Запад идеологическим представлениям, бытующим в собственной культуре и подгоняет реальные впечатления путешественника к заранее заданной идейной раме. Каждый тип имеет собственную структуру и набор жанров, ее обслуживающих» [5. С.8].

В так называемый «застойный» период (1970-1990 гг.) XX века еще не существовало понятия «трэвел-журналистика», т. к. СССР был достаточно закрытой страной с точки зрения геополитики. Однако и в этот период журналистика путешествий, которая была представлена лишь передачей «Клуб кинопутешественников», также старалась не выходить за общепринятые рамки идеологии Советского Союза.

В 90-е годы, после распада СССР, когда Российская Федерация начала активно интегрироваться в мировое сообщество, в том числе и в области развития туризма, началось стремительное развитие трэвел-журналистики, которое имело своей целью наиболее полное, объективное освещение жизни людей, их традиций в самых разных странах мира.

Однако изменения на геополитической карте мира последних лет трансформировали в том числе и трэвел-журналистику. Данную корреляцию вполне можно проследить на примерах трэвел-медиатекстов, посвященных ситуации в ряде известных туристических анклавов. Например, ситуация с вхождением Крыма в состав России отмечена рядом публикаций не просто о замечательной природе Крыма, его уникальном климате и исторических достопримечательностях, но и о масштабном политическом событии, которое вошло в историю России XXI века. И если материалы глянцевого журналов содержали в себе преимущественно информационно – рекламную интенцию, то общественно-политические издания размещали событийно-политические тексты, которые полностью корреспондировались с государственной идеологией. Как известно, сейчас в России идет активное возрождение национального самосознания, патриотических чувств, которые активно пропагандируются как государственными институтами РФ, так и каналами коммуникации.

Общественно-политические издания РФ – такие, как «Российская газета», «Комсомольская правда» в публикациях о Крыме продвигали государственные идеологемы, связанные с решением вернуть Крым в состав России. Если проследить диапазон публикаций «Российской газеты», начиная с 16 марта 2014 года – дня воссоединения Крыма с Россией – то можно обратить внимание на их общественно – политический пафос: «Матвиенко: западные страшилки не сказываются на крымчанах», «Итальянская область Венето признала Крым частью России», «Путин исключил возвращение Крыма в состав Украины», «ВЦИОМ: 95 процентов крымчан снова проголосовали бы за вхождение в РФ» и др. «Комсомольская правда» посвящала много публикаций блокаде Крыма, ситуации с крымскими татарами, претендующими на автономную область, и другим общественно-политическим проблемам. То есть наряду с рекламными трэвел-медиатекстами о преимуществах отдыха в Крыму достаточно большой процент текстов был посвящен политической ситуации в данном регионе.

Подобный подход прослеживается и с ситуацией в Турции. Как известно, после осложнения межгосударственных отношений между Россией и Турцией российские СМИ стали публиковать материалы о Турции преимущественно в критическом ключе, в том числе и тексты, касающиеся ситуации на популярных турецких курортах. Однако в последнее время, когда наметилось «потепление» в отношениях двух государств, газета также обращается к позитивной стороне сотрудничества, прибегая к цитированию влиятельных СМИ Турции: «Общее количество туристов, посетивших Турцию в мае 2016 года, снизилось на 34%. Самые большие потери, конечно, среди русских, – приводит слова главы Ассоциации туристических агентств Турции Башарана Улусоя газета «Свобода» (Hürriyet). – Но этим летом все будет иначе. Россия – крайне важная для нас страна. Теперь мы начнем все заново и на этот раз станем еще сильнее». «Это большое счастье, что с Россией достигнуто соглашение, – пишет турецкий портал «Этим утром в туризме» (Turizmde bu sabah). – Главное в этой ситуации даже не бизнес, а то, что мы преодолели негативное восприятие друг друга. Надеемся, скоро мы вернемся к теплым отношениям с нашими российскими друзьями» [6]. В данном случае трэвел-медиатекст демонстрирует тесную связь с политической ситуацией и соотносится с основными направлениями государственной политики РФ.

Как отмечает И. В. Показаньева, «трэвел-журналистика, как направление международного медиапотока, доступна на экранах всего мира, но восприятие материалов в различных странах варьируется: от удовлетворения от просмотра до неприятия и отторжения...» [7]. Речь идет о таких функциях трэвел-медиатекста, как культурологическая, этическая и даже нормативно-правовая. Как известно, трэвел-журналистика (и, соответственно, трэвел-медиатексты. – И.К.) «влияет на национальную самоидентификацию людей, преобразуют информацию из одного культурного контекста в другой, формирует у аудитории определенный образ различных культур, зачастую детерминированный PR-агентствами и редакторами телепрограмм и телеканалов». Но зачастую эти функции трэвел-медиатекста, будучи связанными с политической ситуацией, могут стать поводом для конфликта государств, как это случилось с недавней публикацией журналиста С. Пономарева «Таджикистан. Из советского прозябания в светлое будущее» в газете «Комсомольская правда».

Журналист рассказывает о своей поездке в Таджикистан – «стране, подарившей миру образ типичного центрально-азиатского гастарбайтера». Оставим в стороне неоднозначный с точки зрения этики подзаголовок. В

целом данная публикация содержит информационно-познавательную интенцию трэвел-медиатекста. В первых строчках материала журналист с иронией представляет читателю портретные характеристики людей, которые ему встретились в древнем городе Худжанд: «Теперь прикид Равшана и Джамшута сильно поменялся. Серая трудовая масса осталась такой же серой, но переделалась в дешевые китайские джинсы, фальшивые кроссовки, обязательно белые и с гордым брендом "Addas». Кто там, в родной сторонке, будет сверять иностранные буквы? Скажут: «Какой красивый туфля!». Чем ярче – тем лучше... Обливаясь потом – на градуснике +43, совершаю короткую пробежку по областному центру. Рядом с бывшим русским музыкально-драматическим театром имени Пушкина, ставшим вдруг республиканским театром комедии и музыки имени средневекового персидско-таджикского поэта Камола Худжанди, чей вклад ни в драму, ни в комедию, ни вообще в драматургию пока не исследован, вблизи новодельной "древней крепости Ходжент" и парка с традиционным набором фонтанов укоренился ворвавшийся в областной центр кишлак. Грязный и пыльный, по-базарному шумный и бесцеремонный. Обшарпанные, не ремонтировавшиеся с советских времен дома. Старый асфальт в выбоинах и вековых щербинах. Нечищенные арыки. Плохо, даже ветхо одетые люди. Типичные приметы новой центральноазиатской державы, освободившейся от советской тирании и уверенно глядящей в светлое будущее...»[8].

Данный текст изобилует приемами иронии, переходящей в сарказм. Текстовая фактура насыщена разговорной лексикой, просторечными выражениями. Подобную стилистику можно оправдать, учитывая общий культурный контекст газеты «Комсомольская правда». Но вряд ли можно оправдать столь язвительное отношение журналиста непосредственно к стране кратковременного пребывания. Подобный медиатекст как раз и послужил поводом для конфликта. Как сообщает на своем сайте kp.ru газета, в Таджикистане приостановлен выпуск газеты «Комсомольская правда». Между тем Таджикистан сотрудничает с «Комсомолкой» с 2006 года. Журналист пренебрег не только этической стороной трэвел-медиатекста, но и нарушил тот хрупкий гуманитарный базис, который объединяет государства, независимо от правящего режима и официальной идеологии.

Можно вполне утверждать, что в разные исторические периоды трэвел-медиатекст встраивался в существующие идеологемы государства. Особенно ярко это прослеживается именно в российской журналистике. Сегодня же на первый план в алгоритме создания трэвел-медиатекста выходит общественно-политическая составляющая. И личностное начало автора, которое является ключевым в типологии ТМТ, совокупность его профессиональных, этических и нравственных качеств трудно переоценить.

Таким образом, основываясь на типологии трэвел-медиатекстов, предложенной Т. Ю. Редькиной, мы выдвигаем и свою типологию, согласно которой существуют четыре типа ТМТ – информационно-рекламный, информационно-развлекательный, информационно-популяризирующий и информационно-идеологический.

Список литературы / References

1. Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры. СПб, 2002. – С.22
2. Редькина Т. Ю. Трэвел-медиатекст: способы и приёмы речепорождения: учеб. метод. пособие – СПб, 2013. – С.21–23
3. Редькина Т. Ю. Трэвел-медиатекст: способы и приёмы речепорождения: учеб. метод. пособие – СПб, 2013. – С.8–10
4. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов»: автореф. дисс....доктора филол.наук.- СПб, 2014. – С.10
5. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-1930-х годов»: автореф. дисс....доктора филол.наук.- СПб, 2014. – С.8
6. Милкус А. Турция. Пока не едем // Электронный ресурс: <http://www.kp.kg/daily/26549/3565576/>
7. Показаньева И. В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства // Электронный журнал «Медиаскоп»: <http://www.mediascope.ru/?q=taxonomy/term/504> № 3, 2013
8. Пономарев С. Таджикистан. Из советского прозябания в светлое будущее // Электронный ресурс: <http://www.kp.ru/best/msk/tajikistan2016>

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Smetanina S. I. Mediatekst v sisteme kul'tury [Media text in the culture system]. SPb, 2002. – S.22 [in Russian]
2. Red'kina T. Ju. Trjevel-mediatekst: sposoby i prijomu recheporozhdenija: ucheb. metod. posobie [Trevel-media text: methods and techniques of reciprocate: proc. method. the manual]– SPb, 2013. – S. 21 – 23 [in Russian]
3. Red'kina T. Ju. Trjevel-mediatekst: sposoby i prijomu recheporozhdenija: ucheb. metod. Posobie [Trevel-media text: methods and techniques of reciprocate: proc. method. the manual] – SPb, 2013. – S. 8 – 10 [in Russian]
4. Ponomarev E. R. Tipologija sovetского puteshestvija: «Puteshestvie na Zapad» v russkoj literature 1920-1930-h godov»: avtoref. diss....doktora filol.nauk [A typology of Soviet travel: ""Journey to the West" in the Russian literature of 1920-1930 years": author. Diss....doctor of philological Sciences]- SPb, 2014. – S.10 [in Russian]
5. Ponomarev E. R. Tipologija sovetского puteshestvija: «Puteshestvie na Zapad» v russkoj literature 1920-1930-h godov»: avtoref. diss....doktora filol.nauk [A typology of Soviet travel: ""Journey to the West" in the Russian literature of 1920-1930 years": author. Diss....doctor of philological Sciences]- SPb, 2014. – S.8 [in Russian]
6. Milkus A. Turcija. Poka ne edem [Turkey. Is not going] // Electronic resource: <http://www.kp.kg/daily/26549/3565576/> [in Russian]
7. Pokazan'eva I. V. Problemnoe pole trjevel-zhurnalistiki kak javlenija sovremennogo mediaprostranstva [The problem field of travel journalism as a phenomenon of modern media-space] // Jelektronnyj zhurnal «Mediascope» [Electronic journal «Mediascope»]: <http://www.mediascope.ru/?q=taxonomy/term/504> № 3, 2013 [in Russian]
8. Ponomarev S. Tadzhiikistan. Iz sovetского prozjabanija v svetloe budushhee [Tajikistan. Of Soviet stagnation in the bright future] // Electronic resource: <http://www.kp.ru/best/msk/tajikistan2016> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.031

Калинина Е.В.

Преподаватель,

Донской государственный технический университет

**МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕГО ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ
В ТЕКСТЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ Э. ХЕМИНГУЭЯ****Аннотация**

Исследование базовых ментальных операций в процессе порождения и интерпретации концептуальной интеграции мотивируется проблемами кардинальных взаимоотношений между когнитивной наукой и лингвистикой текста. В данном отношении когнитивистика предлагает лингвистике текста взаимодополняющую перспективу анализа феномена производства смысла. Теоретики в сфере лингвистики текста занимаются динамическими аспектами формирования смысла. Теория концептуальной интеграции для этого обеспечивает новые теоретические основания, совмещая объяснение специфики функционирования человеческой мысли и воображения в акте постижения художественного текста. В рамках данного изыскания мы фокусируем внимание на явлении концептуальной интеграции как инвариантной ментальной операции, центральном механизме порождения смысла в процессе восприятия художественного произведения с опорой на анализ коротких рассказов Э. Хемингуэя.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, ментальные пространства, смысл, текст короткого рассказа, Э.Хемингуэй.

Kalinina E.V.

Teacher, The Don State Technical University

**CONCEPTUAL INTEGRATION MECHANISM AND ITS NARRATIVE IMPLICATURES
IN E. HEMINGWAY'S SHORT STORY TEXT****Abstract**

The investigation of basic mental operations in the process of the conceptual integration creating and interpreting is motivated by the problems of fundamental interrelations between cognitive science and text linguistics. In this respect, cognitive science offers to text linguistics the complementary perspective of sense production analysis. The theoreticians in the sphere of text linguistics are preoccupied with the dynamic aspects of sense formation. For this, the conceptual integration theory provides new theoretical basis, combining explaining human thought functioning specific and the imagination in the act of the literary text perceiving. Within the frameworks of this research work we focus our attention on the conceptual integration as invariant mental operation, the central mechanism of the sense production in the process of the literary text perceiving based on the E. Hemingway's short stories.

Keywords: conceptual integration, mental spaces, sense, short story text, E. Hemingway.

Анализ механизмов концептуальной интеграции на уровне короткого рассказа проливает свет на такие проблемы, как:

- чтение как конструирование краткосрочно взаимодействующих ментальных пространств повествования;
- многомерное описание взаимосвязи различных типов ментальных пространств, предопределяющей прагматические эффекты текста;
- предопределенность ментальных пространств повествования не только фактуальной информацией, но и отражением внутреннего виртуального мира (желаний, мечтаний, снов, нереализованных устремлений) персонажа.
- понимание когнитивной и прагматической природы читательского сознания в процессе восприятия текста, что согласуется с теоретической установкой Ж. Фоконнье и М. Тернера, согласно которой «следующим шагом в изучении сознания с научной точки зрения предстает выявление природы и механизмов воображения» [1, Р. 8].

В критических работах, посвященных короткой прозе данного автора, исследователи выявляют бесконечное множество смыслов, характерных для его текстов, при этом, фактически, не затрагивают проблему прагматической организации смыслового содержания, извлечения смыслов при эксплицитной невыраженности значительных сегментов информации в текстовом произведении. Лингвисты и литературоведы указывают, что в короткой прозе Э. Хемингуэя смыслообразующими предстают такие абстрактные – с трудом уловимые – концепты, как «небытие», «пустота», «разрушение» и т.д. [2], [3]. Первостепенной целью нашего изыскания является когнитивно-прагматическая оценка коротких рассказов автора как творческого акта человеческого сознания. В сферу нашего внимания попадают проблемы, связанные с природой языка, с опорой на который автор создает эти рассказы. Без осознания возможностей и ограничений, налагаемых языком на человеческую мысль, критическая рецепция короткой прозы Э. Хемингуэя не учитывает все многообразие источников читательской реакции на авторские тексты.

Литературный текст трактуется как, возможно, наивысшая форма функционирования языка [4, С. 110]. А поэтому рассмотрение обозначенной выше проблематики способствует осмыслению многообразного герменевтического языкового потенциала, в рамках которого отражаются ментальные связи, формируемые в сознании творческого субъекта. В этой связи Ж. Фоконнье и М. Тернер выдвигают мнение, согласно которому язык – это всего лишь верхушка айсберга когнитивного конструирования реальности; в процессе разворачивания дискурса многое остается не выраженным: появляются новые домены, налаживаются связи между разнообразными сегментами, актуализуются смыслы и внутренние структуры, зарождаются фокус повествования и точки зрения на воссоздаваемые события [1, Р. ххi–ххiii]. Мы придерживаемся позиции, что в плане текстов коротких рассказов Э. Хемингуэя необходимо рассмотреть то смысловое содержание, которое обнаруживается вне эксплицитной выраженности в повествовании с опорой на взаимосвязи между когнитивной поэтикой и лингвистикой текста. Мы призваны проследить, как читатели реконструируют динамические концепты, как они структурируют различные образы-схемы и ментальные пространства, устанавливают связи между ними.

Исследование механизма концептуальной интеграции предоставляет оптимальную возможность проследить его повествовательные импликации, а именно как читатель выражает суждения о событиях, воссоздаваемых в повествовании, которые потенциально могли произойти, но в виртуальной действительности текста рассказа о них эксплицитно не заявлено [5], [6], [7]. В качестве практического материала анализа мы избрали два рассказа Э. Хемингуэя – «Большая река двух сердец» [8] и «Дом солдата» [9], в которых отражаются многомерные взаимоотношения между нереализованными ментальными повествовательными пространствами, выявляющие возможную перспективу развития событийной линии текста.

В данном отношении когнитивная деятельность читателя сосредотачивается на анализе яркой и наполненной смыслами виртуальности, характерной для разнообразных ментальных пространств, которые разворачиваются в процессе постижения текста [10]. Читатель погружается в структуры сознания персонажей, испытывая когнитивно-прагматические эффекты воздействия со стороны их ментальных пространств, порождаемых в сознании персонажей, пытается объяснить основания для порождения неповторимых параллельных ментальных сценариев.

Теория размышляющего сознания, разрабатываемая в рамках когнитивной науки, выявляет специфику динамических процессов информационного обмена между текстом и адресатом, рассматривает все аспекты ментальной деятельности индивида – когнитивные процессы, объективируемые в сознании, функционирование интеллекта [11, С. 19–20], [12, С. 71]. Постулаты, выдвинутые когнитологами, могут быть оптимально задействованы в исследованиях по коммуникации в повествовательных текстах, которые, в свою очередь, обеспечивают данные для последующего поступательного развития теории сознания. Другими словами, понятие размышляющего сознания извлекает исследовательскую пользу из двух изыскательских сфер, связанных с анализом ментальной деятельности, с одной стороны, реального индивида, воспринимающего текст, и воображаемого индивида, запечатленного в тексте.

В текстах рассказов «Большая река двух сердец» и «Дом солдата» Э. Хемингуэй конструирует образы персонажей, которые обладают экстраординарной способностью размышлять над нереальными явлениями, ментально воспроизводить вымышленные события, одновременно задействовать для этого соответствующие когнитивные сценарии. Персонажи порождают взаимосвязанные ментальные пространства, особым образом интегрируя их, что придает иллюзорную значимость сложному повествовательному миру, в котором они обитают. Данная психологическая характеристика персонажей отражает их внутреннюю потребность к фантазированию, воображению ментальных пространств, которые проливают свет на испытываемое персонажами эмоционально-волевое состояние. В отдельных случаях они мысленно порождают альтернативные миры, гипотетические пространства, которые воспринимаются читателями как продукт виртуального сознания. Эти миры не ограничиваются узкими рамками, проектируемыми реальной действительностью.

Так, в тексте рассказа «Дом солдата» многие персонажи живут в концептуально интегрированных пространствах, вмещающих в себя элементы как реального, так и гипотетического миров. Именно в этих пространствах образы персонажей получают свою смысловую завершенность. Среди исследователей широко распространено мнение, согласно которому персонажи Э. Хемингуэя всячески пытаются избежать изоляции и одиночества. Вопреки этому мнению можно сказать, что «обитатели» коротких рассказов автора лишь частично ретируются от текстуального действительного мира, поскольку испытывают потребность в единении для воображения сложных интегрированных ментальных пространств, которые отражают их целостный взгляд на объективный мир и свое «Я» в этом мире.

При этом гипотетический образ себя является виртуальной проекцией образа других, отражает творческий потенциал сознания персонажей. Вследствие того, что персонажи Э. Хемингуэя живут в интегрированных ментальных пространствах, они оказываются способными творчески переосмысливать свое «Я» с опорой на богатое воображение. В результате персонажи приобретают двойственное видение себя – как реального индивида, так и воображаемого индивида, каким они могли бы стать. Гипотетическое, виртуальное «Я» персонажей оказывается наиболее адаптированным к их желаниям, мечтам и фантазиям.

Воспринимая тексты коротких рассказов Э. Хемингуэя, читатели сталкиваются с периодически повторяющимся образом: персонажи рассматривают себя в зеркале или какой-либо отражающей поверхности. В частности, в рассказе «Большая река двух сердец» главный герой Ник Адамс всматривается в прозрачную коричневатую воду, оттеняемую галечным дном. Долгое время он наблюдает за форелью, плавающей в воде, а затем его взор снова обращается к водному потоку. В конце концов, рассказчик замечает, что прошлым очень много времени с тех пор, когда Ник в последний раз наблюдал за движением воды, видел плавающую в воде форель. В контексте повествования данный образ приобретает особую смысловую значимость: Ник предпринимает одиночное путешествие после того, как был психологически травмирован, принимая участие в военных действиях, получил жизненный опыт, который кардинально изменил его натуру, усилив внутренние страхи, разочарование, чувство неожиданной утраты. Испытывая внутренний дискомфорт, отягощенный подобными эмоциями и тяжелым походным мешком за плечами, персонаж всматривается в свое отражение в стекловидной выпуклой поверхности омута, воспринимает искаженный образ себя, отраженный в водной ряби, не способный узнать себя.

В данный момент повествования читатель одновременно воспринимает два образа персонажа – «реального», ловящего рыбу, и «другого», чье отражение улавливается в волнообразном колебании водного потока. Ник стоит на мосту, и, по всей вероятности, он может видеть всего себя в водной поверхности. Но его внимание (как и читательское внимание) сосредотачивается именно на лице. Лицо персонажа (проектируемое одним вводным ментальным пространством) и тело (проектируемое другим вводным ментальным пространством) интегрируются. В результате лицо выступает как основа личностной идентичности индивида. Ментальная связь, соединяющая часть и целое (лицо – все тело), которая формируется двумя автономными вводными пространствами, вследствие концептуальной интеграции преобразует персонажа в уникального индивида. Испытывая компрессию, отношения части – целого воссоздают уникальный образ.

Образ Ника Адамса, конструируемый в результате концептуальной интеграции, отличается от образа Ника Адамса, который обнаруживается в реальном мире. Данное различие выявляется прежде всего исходя из того факта,

что черты лица персонажа, отраженные в водной ряби, не соответствуют обычной репрезентации себя персонажем. Может быть, поэтому Ник Адамс, усматривая свое отражение в поверхности воды, с трудом узнает себя. В реальном мире текста персонаж проявляет активную практическую деятельность: он разбивает походный лагерь в лесу, ловит рыбу, готовит ужин, что доставляет ему физическое удовлетворение: *"Inside the tent the light came through the brown canvas. It smelled pleasantly of canvas. Already there was something mysterious and homelike. Nick was happy as he crawled inside the tent. He had not been unhappy all day. This was different though. Now things were done. There had been this to do. Now it was done. He had made the camp. He was settled. Nothing could touch him. It was a good place to camp. He was there, in a good place. He was in his home where he had made it. Now he was hungry"* [8, P. 148].

Тем не менее, сосредоточенность на текущем моменте, активная физическая деятельность говорит о том, что персонаж предпринимает попытки контролировать свои мысли, забыть свой искаженный образ, увиденный в водной поверхности, не вступать в конфронтацию с опасностями, подстерегающими его в лесу. Возможно, поэтому рассказчик приходит к следующему заключению: *"In the fast deep water, in the half light, the fishing would be tragic. In the swamp fishing was a tragic adventure. Nick did not want it. He did not want to go down the stream any further today"* [8, P. 161].

Обстоятельства, в которых оказался персонаж, можно рассматривать как основу для формирования в тексте более сложных ментальных пространств, которые, интегрируясь, воссоздают творческий потенциал «Я» персонажа. Каждую минуту Ник осознает потенциальную опасность, исходящую от выжженной сельской местности, разрушений в результате военных действий, покрытых сажей черных кузнечиков, дымки, поднимающейся над омутом, холодного водного потока. Образы окружающей действительности, в свою очередь, отражают тот факт, что психика персонажа все еще в процессе восстановления. Порождаемые персонажем ментальные пространства призваны компенсировать болезненное состояние его «Я». Этому, в частности, способствуют воспоминания о Хопкинсе, друге по войне. Ник Адамс обитает не в объективном материальном пространстве, не в гипотетическом воображаемом пространстве.

Таким образом, Ник Адамс, главный герой рассказа Э. Хемингуэя «Большая река двух сердец», живет в интегрированном пространстве, совмещающем реальность и воображение. В этом интегрированном пространстве Ник является уникальным индивидом, который обладает свойствами, присущими обоим вводным пространствам: он одновременно увлечен физической деятельностью и испуган, одинок и испытывает сильное чувство дружбы к сотоварищам, удручен и испытывает радость, энергичен и вял. Можно с уверенностью сказать, что отражение себя, которое Ник видит в водной поверхности, является яркой манифестацией невозможного интегрированного пространства, в котором живет персонаж.

Список литературы / References

1. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. NY.: BasicBooks, 2002. 347 p.
2. Голикова Т.О. Коммуникативно-семантические аспекты признаков имен в тексте американского короткого рассказа (на материале произведений И. Шоу и Э. Хемингуэя): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 276 с.
3. Бирюкова О.А. Текстообразующие функции имен собственных в аспекте идиостиля (на материале коротких англоязычных рассказов): дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2009. 209 с.
4. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109–113.
5. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
6. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Парадоксальность авторского мышления в аспекте когнитивной поэтики (на материале прозы Б. Поплавского) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 576–579.
7. Кудряшов И.А., Саленко А.Р. Текстуальный мир рассказчика в нетипичном повествовании // Филология и литературоведение. 2015. № 12(51). С. 37–42.
8. Hemingway E. Big two-hearted river // Hemingway E. The Complete Short Stories. L.: Penguin, 1998. P. 147–162.
9. Hemingway E. Soldier's home // Hemingway E. The Complete Short Stories. L.: Penguin, 1998. P. 183–197.
10. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.
11. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Концептуальные измерения когнитивного «движения» в современной лингвистике // Язык. Текст. Дискурс. 2015. № 13. С. 17–32.
12. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. NY.: BasicBooks, 2002. 347 p.
2. Golikova T.O. Kommunikativno-semanticheskie aspekty priznakovyh imen v tekste amerikanskogo korotkogo rasskaza (na materiale proizvedenij I. Shou i Je. Hemingueja) [Communicative and semantic aspects of the indicative names in American short story text (on the material of I. Show and E. Hemingway)]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 1999. 276 s. [in Russian]
3. Birjukova O.A. Tekstoobrazujushhie funkicii imen sobstvennyh v aspekte idyostilja (na materiale korotkih anglojazychnyh rasskazov) [Text-forming functions of personal names in the aspect of idyostyle]: dis. ... kand. filol. nauk. Saransk, 2009. 209 s. [in Russian]
4. Klemenova E.N., Kudryashov I.A. Germenevticheskij analiz teksta: kognitivnye osnovaniya [Hermeneutic text analysis: cognitive basics] // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental investigations]. 2013. # 7. S. 109–113. [in Russian]

5. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znanija [Cognitive approach to implicit knowledge investigation] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 30–33. [in Russian]
6. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Paradoksal'nost' avtorskogo myshlenija v aspekte kognitivnoj pojetiki (na materiale prozy B. Poplavskogo) [Author's thinking paradoxicality in the aspect of cognitive poetics (on the material of B. Poplavsky's prose)] // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and social science]. 2014. # 2. S. 576–579. [in Russian]
7. Kudrjashov I.A., Salenko A.R. Tekstual'nyj mir rasskazchika v netipichnom povestvovanii [Narrator's textual world in the unnatural narration] // Filologija i literaturovedenie [Philology and literature studies]. 2015. # 12(51). S. 37–42. [in Russian]
8. Hemingway E. Big two-hearted river // Hemingway E. The Complete Short Stories. L.: Penguin, 1998. P. 147–162.
9. Hemingway E. Soldier's home // Hemingway E. The Complete Short Stories. L.: Penguin, 1998. P. 183–197.
10. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste [Contrastive interrelations between the author and character's images in the literary text] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 936–942. [in Russian]
11. Kudrjashov I.A., Klemenova E.N. Konceptual'nye izmerenija kognitivnogo «dvizhenija» v sovremennoj lingvistike [Conceptual dimensions of cognitive movement in contemporary linguistics] // Jazyk. Tekst. Diskurs [Language. Text. Discourse]. 2015. # 13. S. 17–32. [in Russian]
12. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost' [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.115

Капитонова Н.С.

Старший преподаватель,

Донской государственный технический университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ КЛАСТЕРОВ В ПРОЗЕ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Аннотация

В статье анализируются иноязычные вкрапления как основа формирования речевых кластеров в языке романов Дж. Джойса. Автор дистанцируется от существующих литературных и языковых норм и традиций, вводит в художественную канву повествования разноязычные голоса, которые отражают гетероглоссный характер построения текста. В результате авторский текст воспринимается читателем как диалог между различными языками, пересекающимися в рамках отдельного речевого кластера. Иноязычные вкрапления, формирующие фонетические и графические кластеры, рассматриваются в статье как парадигматический микрокосм, инкорпорирующий гетероглоссию.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, речевые кластеры, гетероглоссия, языковая игра, семантическая двусмысленность.

Kapitonova N.S.

Senior Teacher,

The Don State Technical University

FOREIGN FRAGMENTS AS A WAY OF SPEECH CLUSTER CONSTRUCTING IN JAMES JOYCE'S PROSE

Abstract

The article analyzes the foreign fragments as a basis of speech cluster forming in the language of J. Joyce's novels. The author distances himself from existing literary and linguistic norms and traditions, inserts multilingual voices into the artistic outline of narrative. These voices reflect heteroglossic character of text constructing. As result, the Joyce's text is perceived by the readers as the dialogue between different languages intersecting in the separate speech cluster. Foreign fragments forming phonetic and graphic clusters are considered in the article to be the paradigmatic microcosm incorporating heteroglossia.

Keywords: foreign fragments, speech clusters, heteroglossia, language play, semantic ambiguity.

Язык – это лингвистический портрет автора, определяющий своеобразие его речевых произведений [1, С. 110; 2, С. 577]. В романах Джеймса Джойса язык становится ареной борьбы, конфликта, время от времени приобретающих ожесточенный и неистовый характер. Вследствие комплексного действия лингвистических, политических и национальных факторов, отношение автора к языку можно определить одновременно как любовь и ненависть, изопренную сферу битвы между противоборствующими речевыми тенденциями.

Дж. Джойс атакует систему английского языка (который он не мог рассматривать как свой родной язык). Автор избирает альтернативные способы художественного отражения дублинской действительности. Он органично вводит в звуковую, графическую и грамматическую ткань романа дискурсивные элементы из множества других языков, творчески преобразует повседневный облик английских словоформ и конструкций. «Дискурс – пишет М. Фуко, – это власть, которую необходимо захватить» [3, С. 49]. Дж. Джойс захватывает эту власть, предпринимая деструктивный по отношению к языку речевые усилия. Автор фактически заявляет о своей неспособности самовыразиться исключительно с опорой на существующую систему языка, заключив себя в традиционные нормы и правила.

Родившись на периферии властной империи, Дж. Джойс воспринимал Дублин как провинциальный, парализующий волю к жизни, порождающий фобию к замкнутым и тесным пространствам, а поэтому рано покинул

его в поисках литературного успеха на чужбине. Покинул, но никогда не забывал: за редким исключением Дублин – пространственная ось художественных текстов автора, «населенных» яркими персонажами, говорящими на ирландском варианте английского языка. Например, глава «Циклоп» романа «Улисс» изобилует дублинским сленгом и ирландизмами. Джойсовская реакция на родной город предопределяет авторские радикальные эксперименты – языковую игру, смещение литературных канонов, технике создания полифонического повествования из разрозненных голосов, звучащих как на дублинских улицах, так и в сфере «парализованной» ментальности персонажей.

Лингвистический проект автора состоял в том, чтобы максимально воспользоваться системой языка, не подчинившись ее жестким канонам, отрешившись от ее ограничительных пределов, дестабилизировав эту систему с целью переоценки ее потенциальных возможностей. Дж. Джойс испытывает отчуждение по отношению к английскому языку как «затвердевшей» системе, творчески трансформирует его с опорой на модернистскую технику отражения повседневной реальности и когнитивной сферы персонажей. В результате художественное измерение романа «Улисс» наполняется голосами, звучащими на несметном количестве языков.

Джойсовский текст отличается многоязычным озвучиванием голосов дублинских улиц и внутренней сферы персонажей, которое спонтанно порождает диалог между языками, эффект гетероглоссии. Согласно теории М.М. Бахтина, текст романа представляет собой диалогический жанр, который описывается исследователем как многообразие в стиле и вариации в речи и голосах [4, С. 168–169]. Читатель, исследующий текст романа, сталкивается с разнообразными гетероглосными повествовательными единицами на различных лингвистических уровнях, подвергается, таким образом, своеобразному стилистическому контролю со стороны автора (более подробно см. [5]). Язык романов Дж. Джойса представляет собой систему языков, с опорой на которую организуется различное тематическое содержание повествования. Принцип гетероглоссии как отличительная связь и взаимоотношения между высказываниями и словами является фундаментальной стилистической характеристикой джойсовских текстов: целостный текст время от времени распадается на различные стилистические регистры, выявляющие своеобразие индивидуальных голосов, звучащих на разнообразных иностранных языках.

Роман «Улисс» содержит вкрапления на множестве иностранных языков, актуализуя двойственные «смыслы» звуков и омонимов, что скрывает в себе авторское понимание языка как живого организма, усиливает читательское осознание материальности языковых явлений. Периодически герои беспрестанно повторяют одни и те же слова, которые в результате утрачивают для них всякое узуальное значение, приобретают сиюминутный, открывающийся только отдельному персонажу смысл, превращаясь в неповторимую вокабулу.

В главе «Протей» автор обыгрывает омонимы, возникающие на стыке английского и французского языков. В частности, когда Стивен идет по направлению к Голубятне, он вспоминает строки из сочинения Лео Таксиля «Жизнь Иисуса», написанном на французском языке. В этих строках отражается реакция Иосифа на то, что Мария беременна, но не от него. Эти строки, воспроизводятся в сознании Стивена на языке оригинала:

– *“Qui vous a mis dans cette fichue position? – C’est le pigeon, Josef”* [6, Р. 162–163].

Вспоминание данных строк, в свою очередь, навивают персонажу мысли об отце:

“My father’s a bird, he lapped the sweet lait chaud with pink young tongue, plump bunny’s face. Lap, lapin” [6, Р. 162–163].

Французское словосочетание *lait chaud* (горячее молоко) во взаимосвязи с английским словосочетанием *bunny’s face* (мордочка кролика) становится основой ассоциаций между английским словом *lap* (лакать) и французским словом *lapin* (кролик), с опорой на которую конструируется фонетический кластер *lap, lapin*. Дж. Джойс использует в данном случае семантическую двусмысленность, присущую межъязыковой коммуникации, с целью порождения сложного образа, в котором индивид, пьющий молоко, репрезентируется как лакающий молоко кролик.

Вышеприведенные строки пародируются в главе «Цирцея», которую, как представляется, можно рассматривать как наиболее яркий образец отражения мультилингвизма в тексте романа «Улисс». После того как Китти Риккитт обнаруживает тот факт, что *“Mary Shortall that was in the lock with the pox she got from Jimmy Pidgeon”*, Филип Пьян задает вопрос: *“(gravely) Qui vous a mis dans cette fichue position, Philippe?”*, на который отвечает Филип Трезв: *“(gaily) C’était le sacré pigeon, Philippe”* [6, Р. 377].

В данной главе обыгрываются размышления Стивена над выдержкой из французского сочинения, приводимые в главе «Протей». Когда Зоя просит Стивена дать ей *some parleyvoo* [6, Р. 380], он соглашается и начинает рекламировать многочисленные утехы, которые можно найти в Париже, при этом прибегая к ломаному английскому с французскими вкраплениями: *“All chic womans which arrive full of modesty then disrobe and squeal loud to see vampire man debauch nun very fresh young with dessous troublants (he clacks his tongue loudly) Ho, là là! Ce pif qu’il a!”* [6, Р. 381]. Женщины легкого поведения, выражая удовольствие от высказываний Стивена, подбадривают его выкриками, содержащими фонетический кластер: *“Bravo! Parleyvoo!”* и *“Encore! Encore!”*, а Линч восклицает: *“Vive le vampire!”* [6, Р. 381].

В более радикальном исполнении авторская игра с семантической неоднозначностью в аспекте мультилингвистических каламбуров наблюдается в романе «Поминки по Финнегану». Подобная экспериментаторская лингвистическая деятельность Дж. Джойса занимает в этом романе центральную позицию. Данный роман можно рассматривать как яркий глобальный образец межъязыковых сложных слов и образов, реализующих фонетические кластеры. Сам Дж. Джойс называл данное произведение «Вавилонской башней», в которой «представлены все языки» (более подробно см. [7, Р. 207]). Дж. Джойс – вводя иноязычные вкрапления – не только принудительно распахивает двери системы английского языка, создавая разноуровневые речевые кластеры, но и оспаривает саму возможность (и необходимость) любого стандартного моноязыкового выражения мысли, порождая новый «мультиязыковой» язык, пренебрегающий правилам грамматики. Оригинальным иллюстративным примером этого выступает слово-гром, состоящее из ста букв, которое предваряет эпизод о Вавилоне. В этом примере на уровне одного целостного слова, формирующего графический кластер, обнаруживается сочетание «закрой дверь» на девяти языках, в том числе на русском языке (латинской графикой):

“Lukkedoerendundurraskewdylooshoofermoyportertooryzoosphalnabortan-sporthaokansakroidverjkapakkapuk” [8, Р.132].

Данный графический кластер воссоздает комический образ огромной толпы людей, говорящих на разных языках и одновременно кричащих: «Закрой дверь!». Конструируемая автором словоформа представляет собой не только семантический повтор. Означаемое как ревеберирующий сигнал спонтанно переходит от выражения на одном языке к выражению на другом языке и в результате утрачивает свое первичное значение. Другими словами, каждый последующее обозначение на другом языке не вносит какие-либо дополнительные семы в общее значение словоформы, а урезает это значение, сводит его к нулю. В то же самое время графическая представленность анализируемого речевого кластера открывает возможность для его многомерной смысловой интерпретации.

Согласно мнению Р. МакХью, *Fermoy* – это также город в Ирландии, *kapakka* по-фински означает «таверна», *kapuk* звучит как немецкое *kaput* («сломанный»), *loos* может обозначать *lost* или *wrong* по-датски; в слове также обнаруживаются такие английские слова, как *zoo*, *askew*, *hoof*, *porter* и возможно многие другие [9, Р. 257]. Прагматическим следствием вавилонского смешения языков и сигнификаций становятся многочисленные потенциальные коннотации, которые усиливают субъективное прочтение анализируемого слова.

Таким образом, в свете концепции М.М. Бахтина художественная проза Дж. Джойса выявляет стилистическое своеобразие, которое достигается введением разноязычных дискурсов и индивидуальных голосов, отражаемых в форме речевых кластеров. В результате язык текстов джойсовских романов представляет собой систему языков, формируемой разнообразием голосов, а гетероглоссия, наполняя повествовательное пространство романов, организуется в структурированную художественную систему. Автор объединяет многоязычные голоса в рамках речевого кластера, представляющего собой самостоятельное высказывание, предоставляет этим голосам абсолютную свободу, связанную с релятивным характером литературных и языковых систем. Джойсовское повествование уравнивается с дезинтеграцией, фрагментацией узуальных границ современных автору лингвистических норм и канонов.

Список литературы / References

1. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Гермeneвтический анализ текста: когнитивные основания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 7. С. 109–113.
2. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Парадоксальность авторского мышления в аспекте когнитивной поэтики (на материале прозы Б. Поплавского) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 576–579.
3. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
4. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
5. Кудряшов И.А., Клеменова Е.Н. Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и методы вузовского обучения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3(39). С. 53–73.
6. Joyce J. *Ulysses*. L.: Penguin, 1985. 719 p.
7. Mercanton J. *The Hours of James Joyce // Portraits of the Artist in Exile: Recollections of James Joyce by Europeans*. Seattle: University of Washington Press, 1979. P. 202–218.
8. Joyce J. *Finnegans Wake*. L.: Wordsworth Classics, 2012. 656 p.
9. McHugh R. *Annotations to "Finnegans Wake"*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1991. 547 p.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Hermenevticheskiy analiz teksta: kognitivnye osnovaniya [Hermeneutic text analysis: cognitive basics] // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij [International journal of applied and fundamental investigations]. 2013. # 7. S. 109–113. [In Russian]
2. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Paradoksal'nost' avtorskogo myshleniya v aspekte kognitivnoj poetiki (na materiale prozy B. Poplavskogo) [Author's thinking paradoxicality in the aspect of cognitive poetics (on the material of B. Poplavsky's prose)] // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and social science]. 2014. # 2. S. 576–579. [in Russian]
3. Fuko M. Porjadok diskursa [The discourse order] // Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let [The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Selected works]. M.: Kastal', 1996. S. 47–96. [in Russian]
4. Bahtin M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovaniya raznyh let [Questions of literature and aesthetics. Selected works]. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 s.
5. Kudrjashov I.A., Klemenova E.N. Dialogicheskaja pedagogika M.M. Bahtina i metody vuzovskogo obuchenija [M.M. Bakhtin's dialogic pedagogies and the education methods in the higher school] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal) [Contemporary investigations of social problems (electronic scientific journal)]. 2016. # 3(39). S. 53–73. [in Russian]
6. Joyce J. *Ulysses*. L.: Penguin, 1985. 719 p.
7. Mercanton J. *The Hours of James Joyce // Portraits of the Artist in Exile: Recollections of James Joyce by Europeans*. Seattle: University of Washington Press, 1979. P. 202–218.
8. Joyce J. *Finnegans Wake*. L.: Wordsworth Classics, 2012. 656 p.
9. McHugh R. *Annotations to "Finnegans Wake"*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1991. 547 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.118

Ковтуненко И.В.

Кандидат филологических наук, доцент,

Южный федеральный университет

**ПРОТИВИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ КАК МАРКЕР ВЫРАЖЕНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
УСТУПКИ В ТЕКСТЕ БЛОГОВ****Аннотация**

В статье исследуются как основная модель реализации риторических уступительных отношений, так и вариативные возможности этой модели на уровне текста блогов. Моделирование данных отношений предполагает использование разнообразных лексико-грамматических средств, которые объективируют оптимальные основания для последующего представления альтернативного мнения на обсуждаемое положение дел. Маркером риторических отношений уступки в данном случае является противительный союз но.

Ключевые слова: блогосфера, риторические уступительные отношения, противительный союз, альтернативное мнение, контраст.

Kovtunen I.V.

PhD in Philology, Associate professor,

Southern Federal University

**ADVERSATIVE CONJUNCTION AS A MARKER OF RHETORICAL CONCESSIVE RELATION
RELIZATION IN THE BLOG TEXT****Abstract**

The article investigates both the basic model of concessive relation realization and its variative possibilities on the level of the blog text. This kind of relation modeling presupposes various lexical and grammatical means which objectify the optimal basis for the further presenting of the alternative opinion concerning the state of affairs under discussion. The adversative conjunction no (but) is considered to be the marker of the rhetorical concessive relations.

Keywords: blogosphere, rhetorical concessive relations, adversative conjunction, alternative opinion, contrast.

С опорой на специфический язык блогов являются стабильной сферой общения пользователей сети интернет, выступая одновременно социальным фактом и лингвистическим феноменом [1], [2], [3]. В связи с этим блоги обуславливают исследовательский интерес представителей разнообразных академических сообществ – социологов, языковедов, когнитологов, в сферу внимания которых попадают варианты он-лайн развивающегося языка, прагматические стратегии, актуализуемые в процессе виртуального взаимодействия собеседников.

Многоаспектный анализ данного взаимодействия можно рассматривать как своеобразную реакцию исследователей на коммуникативные возможности, обеспечиваемые сетью интернет, преобразующей социальный контекст общения. Компьютерно-опосредованная коммуникация – в противоположность непосредственного личного общения – является асинхронной, а поэтому собеседники обмениваются суждениями и аргументами, прибегая к гибричному формату взаимодействия, особому конверсационному поведению.

Тексты, обнаруживаемые в блогосфере, характеризуются динамической природой. Техническая функциональность дает возможность пользователям сети интернет осуществлять повторное структурирование своих суждений, вводить последующие дополнительные аннотации. В частности, комментарии к исходному суждению могут периодически пересматриваться авторами, стремящимися усилить межличностное измерение виртуального общения. Комментарии к исходному суждению могут быть охарактеризованы как гетерогенные с точки зрения языкового стиля и структуры, но реагирующие сообщения всегда являются реакцией собеседника, освещающей его личностную позицию в плане обсуждаемого положения дел, реализуют апеллятивную, фатическую и экспрессивную функции языка.

Между стимулирующим сообщением и реакциями на него устанавливается определенная хронологическая последовательность, что объединяет их в глобальный гипертекст, который может постоянно пополняться новыми высказываниями, аргументами и контраргументами. Реагирующие собеседники имеют также возможность вступать во взаимодействие между собой, минуя автора исходного суждения. Сообщения пользователей сети интернет, участвующих в общении на уровне блогосферы, носят, как правило, монологический характер. При этом каждое из реагирующих сообщений формирует тот или иной тип риторических отношений с исходным сообщением.

Согласно нашим наблюдениям, особого внимания в рамках блогов заслуживает исследование реактивных комментариев, которые, включая исходное стимулирующее суждение, формируют автономный открытый текст. Этому тексту присущи специфические модели развертывания и правила функционирования. В частности, реактивные комментарии частотно содержат контраргументы против исходного суждения, которым предшествует, как правило, согласие с мнением автора суждения. Когерентность диалогического текста формируется за счет того, что само суждение и последующие реакции на него связываются риторическими отношениями уступки.

Эти отношения дают возможность реагирующему собеседнику выразить согласие с точкой зрения адресанта и одновременно представить свои аргументы в пользу суждения, которое противоречит исходному суждению. Приведем пример: (1) “– Я вчера наорала на мужа, выхватила приставку и шибанула ею о кровать (ни приставка, ни кровать не пострадали). А после этого муж заявил, что он не хочет идти со мной в ЗАГС, и это совершенно серьезно. Меня как будто ударило током. Это конец!.. Для меня это невыносимое состояние... – Да, но найдите хорошего психотерапевта, и через полгода-год этот недомуж будет вам нафиг не нужен...” [4].

Инициатор общения (владелец блога) сообщает о неприятном моменте в своих взаимоотношениях с любимым человеком, выдвигает суждение, что данная ситуация порождает для нее невыносимое состояние. Данное суждение

становится для собеседников точкой реагирования. При этом собеседники комментируют сложившееся положение дел, выражают личностные позиции по отношению к заявленной в стимулирующей реплике ситуации.

Так, один из собеседников соглашается, что сложившаяся ситуация является негативной для адресанта, создающей психологический дискомфорт (таким образом делая уступку в пользу точки зрения инициатора общения). Выражение согласия одновременно сопровождается представлением личностной позиции, которая не совпадает с мнением адресанта. Собеседник, фактически, выдвигает мнение, что сложившееся положение дел, по сути дела, не является *невыносимым состоянием*, т.е. обнаруживает смысловую позицию, которая предстает диаметрально противоположной исходному суждению. Высказывания адресанта и реакцию собеседника можно рассматривать как целостный диалогический текст, маркером связности которого выступает сегмент *да, но...*

В отличие от структурного подхода к противительности и уступительности [5, С. 58–68], в рамках данной публикации задействуется концепция уступки, разработанная в теории риторических отношений [6]. Согласно данной теории, модель уступительных отношений предполагает взаимодействие двух собеседников (А и Б), которые последовательно воспроизводят следующие диалогические шаги:

1. А исходное суждение (X);
2. Б признание действительности исходного суждения (X');;
3. Б контраргумент (Y).

Исследователи указывают, что представленная выше модель отражает наиболее частотную реализацию уступительных отношений в спонтанном диалогическом общении [7], [8]. Вместе с тем, как свидетельствуют наши наблюдения, в блогосфере эта модель предполагает разнообразные модификации, включая вариативность в порядке следования и количестве диалогических шагов, предпринимаемых собеседниками, а также в количестве собеседников, участвующих в обсуждении некоторого положения дел. Рассмотрим выявленные нами закономерности более подробно.

Основная модель манифестации уступительных отношений между речевыми действиями автора исходного суждения и реагирующего собеседника предполагает эксплицитное выражение всех компонентов модели, которые последовательно реализуются в соответствии с логикой участия собеседников в обсуждаемом положении дел. При этом уступительная семантика актуализуется в высказывании реагирующего собеседника, который одновременно представляет контрастное умозаключение.

Контраст формируется между компонентом (X) исходного суждения и компонентом (Y) реагирующего суждения. Ср.: (2) *“– Мне почти 40, у меня ничего нет. Идти на снятую квартиру? А дети? С кем? Я совсем не красотка. С первым попавшимся? А как же здесь, все бросить? Бросить человека в таком положении? Он же мне доверяет. Я в замешательстве. (X) Я знаю, это пройдет, все уляжется... – (X') Да, жизнь продолжится в том виде, в каком она есть, но (Y) Вы себя не цените!.. Вы уже решили, что у Вас все позади. У Вас, которая умеет работать и зарабатывать, которая стремится к развитию, ставит цели и достигает их. У вас, кмк, главная проблема – заниженная самооценка”* [9].

Инициатор общения выдвигает утверждения-аргументы, которые подкрепляют результирующее суждение относительно сложившегося в ее жизни положения дел (X). Реагирующий собеседник выражает согласие с мнением адресанта (X'), уступку в пользу ее смысловой позиции, и в то же время иницирует точку зрения (Y), которая контрастирует с исходным суждением, поскольку содержит указания по выходу из кризисного положения дел, в котором оказалась инициатор общения. Диалогические шаги (X) и (X') связываются на основании семантического параллелизма, т.к. содержат синонимические пропозиции. Диалогические шаги (X) и (Y) связываются на основании семантического контраста, т.к. выявляют противоположные взгляды на обсуждаемое положение дел. Целостность диалогического шага реагирующего собеседника маркируется противительным союзом *но*, который связывает согласие с суждением адресанта и выражение контрастирующей позиции.

Фатическая действительность реагирующего действия адресата состоит в том, что они иницируемые им диалогические шаги одновременно объективируют уступку в плане исходно представленной точки зрения автора блога (шаг (X')), а также альтернативное мнение на проблематику, обсуждаемую в данный момент (шаг (Y)). Необходимо отметить, что конструируя основную модель выражения риторических отношений уступки в блогосфере, адресат сначала выражает согласие с суждением говорящего субъекта, а затем иницирует контрастирующую оценочную позицию, выявляющую способы выхода из сложившейся критической ситуации.

Реагирующее действие собеседника можно рассматривать как выражение своеобразного неконфликтного противительного компромисса, который формируется частичными несоответствиями точек зрения пользователей сети интернет, участвующих в обсуждении острых личностных проблем. Реагирующий собеседник, активируя этот принцип, сосредотачивает внимание адресанта на оценочном представлении следствий из его частной жизни, которые, фактически, противоречат абсолютной истинности информативного содержания, обнаруженного адресантом в стимулирующем диалогическом шаге. В данном случае средством маркирования компромисса в блогосфере частотно выступает противительный союз *но*.

Между стимулирующим и реагирующим действиями участников виртуального общения наблюдается структурно-смысловое противопоставление, пропозициональное несходство, не порождающее конфликта в диалогическом взаимодействии. Противопоставление трактуется нами как такая виртуальная интеракция собеседников, при которой реагирующий диалогический ход (Y) оказывается противопоставленным тем или иным сходным элементам диалогического хода адресанта (X) на основании семантического отождествления большинства элементов, которые формируют оба хода. Сфера противопоставления конструируется с опорой на последовательную реализацию таких принципов, как антитеза и противительный компромисс.

Как показали наши наблюдения, функционирование основной модели реализации риторических уступительных отношений предполагает как фиксированный порядок реализации образующих ее ходов, так и допускает пропуск одного из ходов. Трансформации в основной модели, в свою очередь, предопределяют те или иные прагматические

следствия в виртуальном общении. Вариативный потенциал основной модели реализации уступительных риторических отношений, который предполагает иной порядок следования образующих ее диалогических шагов, зафиксирован нами, в частности, для следующего случая.

Адресант в процессе реагирования на исходное суждение автора блога сначала инициирует контрастирующую точку зрения, а впоследствии признает, что позиция автора блога также может являться действенной, фактически соглашается с его суждением. Ср.: (3) – *Я тут подумала, что, оказывается, никогда не жила одна. И тут на тебе – целых две недели одиночества привалило. Своих отправила в деревню, а сама сижу на кухне, чай пью. И знаете что? (X) В холостяцкой жизни есть свой кайф. Понятно, что скучаю по мужу и по детям, но иногда бывает так полезно друг от друга отдохнуть... – (Y) Но с мелкими на одиночество можно и не рассчитывать, все равно каждый раз звонить будут, да и затоскуешь ты вскоре по привычному. (X') Я тоже люблю немного пожить одной. Я сейчас в таком же режиме живу. Сына сдала бабушкам в деревню, муж работает сутками и дома бывает через ночь, а то и через две. Прошло две недели. Первую неделю я жила как ты – работала по 12 часов... Возникли те же мысли, что и у тебя... [10].*

В исходном диалогическом высказывании автор блога выражает оценочное суждение, согласно которому для замужней женщины, у которой есть маленькие дети, иногда полезно побыть некоторое время в одиночестве, отправив все своих в деревню (X). Собеседница, реагирующая на данное суждение, сначала выражает контрастирующую точку зрения, представляющую собой альтернативное видение сложившегося положения дел (Y), которая маркируется противительным союзом *но*. Однако впоследствии собеседница реализует уступку в пользу исходно выраженного мнения (X'), подкрепляет уступительное суждение фактами-аргументами из собственной жизни.

Прагматическая цель уступки (X') заключается в том, чтобы снизить категоричность суждения (Y), не допустить последующего конфликтного развития виртуального общения. В первом диалогическом шаге реагирующей собеседницы (Y) манифестируется точка зрения, противоречащая мнению автора блога. Во втором диалогическом шаге (X') признается, что позиция автора блога (X) также является действенной. В сравнении с основной моделью реализации риторических уступительных отношений в модели-варианте адресат представляет последовательность своих диалогических шагов в обратном порядке. Думается, что подобный порядок способствует тому, что то суждение, которое исходно обнародуется автором блога, начинает занимать сильную позицию в виртуальном общении.

Собранный нами фактический материал также содержит фрагменты виртуального общения, которые наглядно иллюстрируют случаи, когда в результате обратного порядка следования диалогических шагов адресата суждение автора блога (X) утрачивает свою сильную позицию, усиливается прагматическая действенность альтернативной точки зрения, которой придерживается адресат (Y). Ср.: (4) – ... (X) Мужчины мне кажутся слабее, уязвимее и несчастнее... Они, в большинстве своем, не могут о себе позаботиться, за ними нужен постоянный уход... – ... Ты среди каких-то неправильных мужиков живешь, (Y) но на самом деле они сильнее, более адаптированы к жизни, чем женщины. (X') Может быть, мужчина после определенного возраста – это больше источник заботы, чем радости, (Y') но я на своем пути встречала других мужчин, поэтому их люблю и уважаю... [11].

Автор блога выдвигает суждение, согласно которому мужчины по своей природе всего лишь слабые существа, которым требуется постоянный уход со стороны женщин. Адресат, реагирующий на данное суждение, прибегает к выражению диаметрально противоположного мнения, которое вводится противительным союзом *но* (шаг (Y)). В следующем диалогическом шаге адресат все же частично соглашается с предварительно обнародованным суждением автора блога (шаг (X')).

Реализация этого диалогического шага практически приводит к тому, что противоречие, которое возникло между мнениями участников виртуального общения, ослабевает, поскольку адресат признает, что стимулирующее суждение автора блога частично отражает реальное положение дел. По сравнению с фрагментом (3), уступкой в пользу суждения автора блога виртуальное общение в данном случае не исчерпывается: адресат повторно озвучивает свою альтернативную позицию (шаг (Y')). Реагирующий собеседник еще раз манифестирует несогласие с точкой зрения, исходно выдвинутой автором блога. Финальный диалогический шаг адресата в разворачивании виртуального общения занимает сильную позицию.

Таким образом, основная модель реализации уступительных риторических отношений и ее варианты являются для реагирующего собеседника оптимальной возможностью:

1) выразить (частичное) согласие с мнением автора блога, выдвинутым в предшествующей диалогической реплике;

2) в то же самое время озвучить собственную позицию, которая не совпадает с представлениями об обсуждаемом положении дел, которые имеются у автора блога.

При этом контрастивность смысловых позиций собеседников сглаживается за счет уступки, а поэтому виртуальное общение не следует конфликтному сценарию. Вариативные возможности рассматриваемой основной модели также объективируют две несовместимые точки зрения на обсуждаемое положение дел. Контрастность смысловых позиций собеседников формируется компонентами модели (X') и (Y), компонент (X') выявляет согласие адресата с исходным мнением автора блога (X). За счет компонента (X') в реплике адресата, который непосредственно семантизирует уступку в пользу точки зрения автора блога, указанная контрастность сглаживается. Во всех случаях маркером риторических отношений уступки выступает преимущественно противительный союз *но*.

Список литературы / References

1. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1(17). С. 24–31.
2. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Блог как сфера реализации социокультурных стереотипов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2(18). С. 40–48.

3. Кудряшов И.А., Калашникова А.А. Блог как сфера представления стереотипизированного образа носителя культурно-языковых ценностей // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3(19). С. 26–33.
4. Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/15657.html?page=3#comments>.
5. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
6. Couper-Kuhlen E., Thompson S.A. Concessive patterns in conversation // Cause, condition, concession, contrast: cognitive and discourse perspective. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 381–410.
7. Ковальчук Н.В. Синтаксическая модель реализации уступки в спонтанном речевом общении // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 97–105.
8. Володина М.С., Ковальчук Н.В. Текст неформального интервью: выражение знания через оценку // Когнитивные исследования языка. 2-16. № 25. С. 807–812.
9. Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/15657.html>
10. Живой Журнал Белобок // <http://belaboka.livejournal.com/122476.html>
11. Живой Журнал Британцевой // <http://britantseva.livejournal.com/11834.html>

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Kudrjashov I.A., Kalashnikova A.A. Verbal'no-semanticheskij uroven' funkcionirovanija jazykovoj lichnosti v internet-kommunikacii [Verbal and semantic level of language personality functioning in internet-communication] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2015. # 1(17). S. 24–31. [in Russian]
2. Kudrjashov I.A., Kalashnikova A.A. Blog kak sfera realizacii socio-kul'turnyh stereotipov [Blog as a sphere of social and cultural stereotype realization] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2015. # 2(18). S. 40–48. [in Russian]
3. Kudrjashov I.A., Kalashnikova A.A. Blog kak sfera predstavlenija ste-reotipizirovannogo obraza nositelja kul'turno-jazykovyh cennostej [Blog as a sphere of representing the stereotypical image of cultural and linguistic value user] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2015. # 3(19). S. 26–33. [in Russian]
4. Britantseva's Live Journal // <http://britantseva.livejournal.com/15657.html?page=3#comments>. [in Russian]
5. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
6. Couper-Kuhlen E., Thompson S.A. Concessive patterns in conversation // Cause, condition, concession, contrast: cognitive and discourse perspective. Berlin, NY.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 381–410.
7. Koval'chuk N.V. Sintaksicheskaja model' realizacii ustupki v spontannom rechevom obshhenii [Syntactic model of concession realization in the spontaneous speech communication] // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [News of Southern federal University. Philological Science]. 2012. # 4. S. 97–105. [in Russian]
8. Volodina M.S., Koval'chuk N.V. Tekst neformal'nogo interv'ju: vyrazhenie znaniya cherez ocenku [Informal interview text: expressing knowledge through evaluation] // Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 807–812. [in Russian]
9. Britantseva's Live Journal // <http://britantseva.livejournal.com/15657.html> [in Russian]
10. Beloboka's Live Journal // <http://belaboka.livejournal.com/122476.html> [in Russian]
11. Britantseva's Live Journal // <http://britantseva.livejournal.com/11834.html> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.066

Козлова В.А.

Студент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ТЕКСТА И КИНОТЕКСТА: РОМАН И ЕГО
ЭКРАНИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.К. ЛЬЮИСА “ХРОНИКИ
НАРНИИ: ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ” И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ)**

Аннотация

В данной статье рассмотрены вопросы, посвященные методам сравнения литературного текста и его киносценария (экранизации). Проанализированы характерные особенности экранизации литературного текста. Рассмотрена роль сохранения авторского стиля и её влияние на аутентичность оригинального текста экранизации. Выявлена и обоснована необходимость использования лингвистического анализа в процессе толкования. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить метод лингвопоэтического сопоставления, необходимый для анализа романа и его экранизации.

Ключевые слова: кинопост, авторский стиль, экранизация.

Kozlova V.A.

Student, Northern-Eastern Federal University

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NOVEL AND ITS FILM ADAPTATION
(ON THE EXAMPLE OF NOVEL K.C. LEWIS 'THE CHRONICLES
OF NARNIA: THE LION, THE WITCH AND THE WARDROBE ')**

Abstract

This article describes techniques of literary text and its screenplay comparison (film adaptation). Analyzed main aspects of successful adaptation. The role saving the author's style plays and its impact on the authenticity of its original text. Necessity of linguistic analysis usage in the process of interpretation revealed. On the research basis the author underline the importance of linguistic comparison method required for the analysis of the novel and its film adaptation.

Keywords: film text, author's style, adaptation.

Кинофильм изучается как многомерный и многоплановый объект различными науками, как лингвистика, семиотика, литературоведение, эстетика, переводоведение и тд.

По определению Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой «кинопост понимается как связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и / или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями».

В статье «Невербальная семиотика» Г. Е. Крейдлин рассматривает взаимодействия и проблемы взаимоотношения невербальных естественных кодов с естественным языком. Центром исследования является выявление способа функционального взаимодействия особенности выражения коммуникативной направленности речевого высказывания в невербальном аспекте (иллокутивная сила. В невербальной коммуникации весь ряд вербальной, акустической, коммуникации заменяется жестами. Жест определяется как коммуникативно-значимое явление и понимается как в узком, так и в широком смысле [3,2].

При трансформации текста романа на экран, некоторая часть остается неизменной в плане элемента повествования и/или деталей истории в целом.

В таком случае можно говорить о воспроизведении элементов первоисточника (пусть и другим языком).

Художественная задача режиссера заключается в «переводе» - переносе или замене словесного кода из киносценария на другой (преимущественно визуально-аудиальный).

Лексическая составляющая речи персонажей в киносценарии не так аутентична. Хотя события романа и фильма происходят во время второй мировой войны, но авторы романа и сценария привносят реалии современности, соответствующие времени жизни авторов. Хотя мы и можем сказать, что речь, которую дал героям Клайв С. Льюис наиболее соответствует реальности, речь экранизации обуславливается условиями рынка. Для успешной экранизации, сценаристам необходимо установить связь с адресантом (зрителем) для достижения лучшего понимания героев. Язык является основным неаутентичным элементом в большинстве фильмов, рассказывающих о событиях, имеющих место не в соответствующей современности среде.

Поскольку преобразования, как на уровне художественного мира произведения, так и на уровне его текста, качественно обусловлены одними и теми же причинами, то они могут быть описаны в терминах теории перевода: сохранения, опущения, перестановки, замены и добавления.

Например, соответствие фактов, приведенных в киносценарии, роману. Географические, биографические, исторические факты, бытовые аллюзии и реалии: происходят ли события в Англии и Нарнии; Сохранено ли время событий - Вторая Мировая Война и Столетняя Зима; Соответствуют ли биографические характеристики героев в фильме оригиналу; Сохранен ли факт пересылки детей из Лондона в пригороды и соседние графства для безопасности; Уделено ли внимание деталям быта, таким как, правила в особняке профессора, факт наличия служанок и смотрительницы, пришедшие с викторианских времен и т.д. [5, 100]

Типы преобразований словосочетаний могут быть проиллюстрированы на примере реплики одного из персонажей. (см. таблица 1).

Таблица 1 – Типы преобразований словосочетаний

N	Текст романа	Текст сценария	Тип преобразования
1	Well, allow me introduce myself	Allow me introduce myself	Сохранение
2	<i>From the lamp-post to the shores of the Eastern Ocean</i> , every stick and stone you see...is Narnia	...all that lies <i>between</i> the lamp-post and the great castle of Cair Paravel <i>on the eastern sea</i> .	Опускание
3	Lucy Pevensie, from the land of Spare Oom, how would it be if you came and had tea with me?	Daughter of Eve from the far land of Spare Oom <i>where eternal summer reigns around the bright city of War Drobe</i> , how would it be if you came and had tea with me?"	Опускание причастного оборота
4	But it just around the corner. there'll be a roaring fire, and cakes, and toasts...and sardines.	"It's only just round the corner," said the Faun, "and there'll be a roaring fire—and toast—and sardines—and cake."	Перестановка
5	So, Edmund...how, pray, did you come to enter my dominions?	And how, pray, did you come to enter my dominions?	Сохранение

Сохранение индивидуально-авторского стиля при экранизации литературного произведения является залогом адекватного воплощения на экране его идейно-художественного содержания. Несмотря на то, что авторы сценария оба американцы они использовали британский вариант английского языка, зная, что все актеры будут коренными британцами.

Несмотря на небольшой коэффициент сокращения интертекстуальных словосочетаний романа, экранизация обедняется по типам референта словосочетаний, которые используются в фильме. Авторы адаптации пытались сохранить авторский стиль и оставить текст, наиболее близким к роману. Тем не менее, авторы киносценария не сохраняют оригинальное название, а называют историю «The Hundred Year Winter» (Столетняя зима, как аллюзия на столетнюю войну). Стоит отметить, что в прокат фильм вышел под названием, полностью совпадающим с названием романа. Слова авторского повествования переведены в диалог, поэтому большинство сокращенных элементов произошло, т.к. включение в фильм принципиально невозможно.

Список литературы / References

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–79. 3. Базен А. Что такое кино? М., 1972 26. Metz Chr. Essais sur la signification au cinéma. T. 1, 2. Paris, 1971–1972
2. Игнатов К. Ю. Вербальный строй кино и его анализ // Материалы Всероссийского семинара-совещания «Проблемы постдипломного образования». М.: МГУ, Ф-т иностр. языков. 2002. С. 119–131.
3. Игнатов К.Ю. От романа к киносценарию: проблема сохранения авторского стиля // Сборник статей 9-й Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур». Вып. 10. М: Центр по изучению взаимодействия культур, 2003. С. 137–152.
4. Игнатов К.Ю. Слово в книге и на экране: проблема сохранения авторского стиля при экранизации литературного произведения // Сборник статей 11-й Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур». Вып. 13. В 2 ч. Ч. I. М: Центр по изучению взаимодействия культур, 2006. С. 303–314.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.
6. Несмачнова, Е. В. Трансформация текста в процессе экранизации произведения (на примере фэнтезийного романа Корнелии Функе «Чернильное сердце») / Е. В. Несмачнова // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград : Изд-во волгу, 2015. – С. 217–223.
7. Поспелова А. Г. Речевые приоритеты в английском диалоге. Спб., 2001.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Ignatov K.U. Ot romana k kinoscenariju: problema sohraneniya avtorskogo stilja [From novel to the screenplay: the problem of saving the author's style] // Sbornik statej 9-j Mezhdunarodnoj konferencii «Rossija i Zapad: dialog kul'tur» [Russia and West – dialogue of the cultures]. Vyp. 10. M: Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur, 2003. S. 137–152. [In Russian]
2. Ignatov K.U. Slovo v knige i na ekrane: problema sohraneniya avtorskogo stilja pri ekranizacii literaturnogo proizvedeniya [The word in the book and on the screen: the problem of saving author style in the film adaptation of a literary work] // Sbornik statej 11-j Mezhdunarodnoj konferencii «Rossija i Zapad: dialog kul'tur» [Russia and West – dialogue of the cultures]. Vyp. 13. V 2 ch. Ch. I. M: Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur, 2006. S. 303–314. [In Russian]
3. Ignatov K.U. Verbalny story kino I ego analys [Verbal cinema system and its analysis] // «Problemy postdiplomnogo obrazovaniya» [postgraduate problems]. Moskva: MGU, F-t inostr. Jazykov. 2002. S. 119–131. [In Russian]
4. Kreydlin G.E. [Nonverbal semiotics]. Moskva, 2002. [In Russian]
5. Metz Chr. Essais sur la signification au cinéma. T. 1, 2. Paris, 1971–1972
6. Nesmachnova, E. V. Transformacija teksta v processe ekranizacii proizvedeniya (na primere fjenteziinogo romana Kornelii Funke «Chernil'noe serdce») [Transformation of the text in the process of adaptation of the work (on example of "Ink Heart" the fantasy novel by Cornelia Funke)] / E. V. Nesmachnova // Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i lingvodidaktiki [Communicative aspects of modern linguistics and linguistics]. – Volgograd : Izd-vo volgu, 2015. – S. 217–223. [In Russian]
7. Pospelova A. G. Rechevye prioritety v anglijskom dialoge [Speech priorities in the English dialogue]. Spb., 2001. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.145

Котова Н.С.¹, Кудряшов И.А.²¹Доктор филологических наук,

Южно-Российский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

²доктор филологических наук, Южный федеральный университет**ПСИХОПОВЕСТВОВАНИЕ КАК НАРРАТИВНЫЙ ПРИЕМ
В ПРОЗЕ БОРИСА ПОПЛАВСКОГО****Аннотация**

Психоповествование в прозе Б. Поплавского высвечивает экзистенциальное отчаяние персонажа, его уныние и предельную форму тоски при пассивном созерцании повседневного мира и самого себя. Данный нарративный прием позволяет автору отразить эмоционально-волевую сферу персонажа, для которого объективная реальность является фиктивной, представить контрастивное сочетание плана автора и плана персонажа. Автор избирает указанный прием для различных подтекстных целей: аффективного изображения психологических проблем персонажа, передачи субъективно-оценочного отношения к объективной действительности через раскрытие внутреннего мира персонажа. Авторская система языковых средств конструирования психоповествования соотносится с содержанием перцептивного отражения объективной ситуации. «Глубинная семантическая структура» (подтекст) «улавливается» читателем как элемент творческого процесса преобразования «перцептивной» семантики в семантику языковую.

Ключевые слова: психоповествование, нарративный прием, Борис Поплавский, эмоции, сознание персонажа, подтекст.

Kotova N.S.¹, Kudryashov I.A.²¹PhD in Philology,South Russian Institute of Management Branch of Russian Academy of National Economy and State Service
under the President of Russian Federation,²PhD in Philology, Southern Federal University**PSYCHONARRATION AS NARRATIVE TECHNIQUE IN BORIS POPLAVSKY'S PROSE****Abstract**

In Boris Poplavsky's prose psychonarration reveals the character's existential despair, his / her discouragement and the ultimate form of boredom while passive contemplating the daily world and himself / herself. This kind of narrative technique allows the author to reflect the character's emotional and volitional sphere, the outer world for which is the fictive one, represent the contrastive combination of the author's plan and the character's plan as well. The author chooses this technique for various subtextual goals: affective depicting the character's psychological problems, showing his attitude towards the outer world through revealing the character's inner world. The author's system of language means for the psychonarration constructing relates to the content of the objective situation perceptual reflection content. Underlying semantic structure (subtext) is detected by the reader as an element of creative process of transforming «perceptual» semantics into the language semantics.

Keywords: psychonarration, narrative technique, Boris Poplavsky, emotions, character's consciousness, subtext.

Литературная критика творчества писателей-младоземigrants характеризует романы Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов» (1932) и «Домой с небес» (1935) как инновационные тексты, читательское восприятие которых предполагает отход от учета конвенциональных норм классического повествования (более подробно см. [1]). Выступая в качестве таковых, эти произведения требуют от читателя не только моделирования виртуальных миров персонажей, живущих в большей степени внутренними ощущениями, нежели объективными событиями, но и ментального структурирования языковых средств, посредством которых эти миры – с опорой на контекст – воссоздаются в тексте.

Автор порождает такой тип повествования, который оказывается сосредоточенным на «Я» персонажа, предполагает субъективную манеру изложения событий. Текст Б. Поплавского сочетает в себе символическое и воображаемое видение объективного мира, которое маркирует эстетический сдвиг от классического к модернистскому эксперименту в литературе, предполагающему конфликт традиционного порядка и нового видения мира, конфликт художника, пытающегося придать форму хаосу. Персонажи оказываются неспособными к радикальным действиям, сосредоточены на своем внутреннем мире, сомнениях, неопределенности. В связи с этим коммуникативная перспектива всеведущего автора приобретает доминирующий характер.

Инновационность текстов Б. Поплавского видится нам прежде всего в технике эмоциональной репрезентации внутренней жизни персонажа, стремящегося определить смысл своего существования в объективном мире. При этом эмоция трактуется нами как психологическое состояние, процесс, который запускается в ходе достижения речевых / неречевых целей. Эмоции актуализуются с опорой на оценку события как фактора, релевантного цели. Персонаж испытывает положительные эмоции, когда цель достигается, негативные эмоции – когда обнаруживаются препятствия на пути к достижению цели. Эмоциональные состояния характеризуются таким параметром, как длительность / краткосрочность переживания. Если персонаж испытывает данную эмоцию фактически на протяжении всего текста, то ее можно рассматривать как проявление личностных характеристик этого персонажа. На уровне персонажной сферы долгосрочные и кратко испытываемые эмоции предстают своеобразными сигналами для читателя, поскольку они фокусируют читательское внимание на тех реалиях объективного мира, которые являются значимыми для конкретного персонажа.

В романе «Домой с небес», написанном от третьего лица, писатель прибегает к психоповествованию, включающему авторский дискурс о сознании персонажа. В психоповествовании как нарративном приеме автор сообщает читателю о том, что непосредственно происходит в сознании персонажа, какие эмоции он испытывает; при этом сам персонаж до конца не осознает переживаемое. Персонаж представляет собой типизированную индивидуальность, одновременно обусловленную как авторским видением объективной реальности, так и прагматическими требованиями жанрового типа порождаемого текста как данности, внеположенной сознанию. Для достижения коммуникативной цели автор избирает созерцающего «объективного» персонажа, который наделяется «субъективной» прагматической функцией (о подобном типе персонажа более подробно см. [2]).

Психоповествование субъективирует художественный текст, чтобы вынудить читателя пройти той же творческой дорогой, которой априорно прошел автор в процессе конструирования образа персонажа. Адресат текста начинает не только видеть готовые результаты законченной работы, но и рефлексивно воспринимать динамический процесс «стыковки» разнородных эмоциональных проявлений образа персонажа таким способом, каким этот процесс протекал в когнитивном сознании писателя в момент создания образа данного персонажа.

План содержания психоповествования имеет собственную организацию, которая далеко не всегда коррелирует с его формальной манифестацией, поскольку не во всех случаях имеет материальную выраженность. Автор, актуализуя психоповествование, предполагает, что читатель, исходя из языковых характеристик и контекста высказывания, дешифрует неявно выраженную информацию, приложит для этого оптимальные когнитивные усилия. Анализ образа персонажа предполагает, следовательно, анализ образа автора (что неоднократно постулировалось в лингвистических изысканиях [3], [4], [5], [6], [7]). Другими словами, образ автора – скрытая лингвистическая категория текста, выявляемая посредством анализа языковых средств, с помощью которых автор (как филологическая категория) достигает поставленной цели и которые характеризуют только ему присущий творческий «почерк».

Психоповествование в прозе Б. Поплавского фиксирует соотнесение интеллектуального и соматического опыта персонажа, его ощущение децентрации, метаморфозу отчуждающей идентификации с другими в рамках повседневной эмигрантской действительности. Данные проявления ментальной жизни персонажа, в свою очередь, манифестируют экзистенциальное отчаяние, которое порождает в тексте метафору травмы. В результате психоповествование задействует неклассическую категорию воображаемого, в которой закодированы симптомы интеллектуальной, волевой и эмоциональной эволюции человека на фоне онтологии повседневности.

Характер психоповествования определяется позицией автора по отношению к персонажу: автор может отождествлять себя с персонажем, принимать на себя роль беспристрастного наблюдателя со стороны, отказываться от описания происходящих событий через призму восприятия своих персонажей, полагая, что их созерцающее сознание неспособно объяснить объективный мир.

В последнем случае, в частности, рассогласование между автором и персонажем маркируется в авторских комментариях, которые основываются на исключительных знаниях и оценках. Ср.:

«Серый жаркий день, дождь идет в тумане, но снова высыхают мостовые и только изредка погромыхивает над домами. Жарко и сыро, лето без солнца... Как грустно тебе, Олег... У тебя тоже, как у всякого встречающего на усталом, потном лице, та острая и постоянная безысходная летняя грусть оставшихся, оставленных в городе... Да поезжай ты на него посморгать, на это лето у моря, фотографии мои коего полны иллюстрированные журналы, которые ты с независимым видом рассматриваешь на стене киоска!.. Да поезжай ты на него, на это тысячеликое море, и не стыдно ли тебе неосуществимо мечтать... Теперь ты один в кафе, все твои знакомые или разъехались, или отчаялись в твоём бессердечии, а сейчас они нужны тебе, ведь и ты человек, потому что и тебе больно... Ну так, значит, уезжай; не осуществил ли ты до сих пор решительно все, чего тебе хотелось, и не гордишься ли ты именно этим?.. А давно уже тебе так не хотелось прочь от этой теплой, дождливой, городской боли... Уехать оказалось нетрудно ему, студенту и бойскауту, и сразу легчало на душе, все вокруг стало покровительственно нравиться на прощанье, ибо так хорошо вдруг освободиться от подневольного, искреннего сочувствия людям... » [8, С. 231].

Вводные высказывания отрывка, избранного нами для анализа, воспроизводят окружающий мир глазами персонажа, в образе которого концентрируются качества, характерные для «равнодушного» и «бессловесного» зрителя. Подтекст, моделируемый этими высказываниями, передает обостренность данных качеств воспринимающего субъекта: длительность действий символизирует «пассивное», «безучастное» зрительство (ср. *дождь идет, снова высыхают мостовые, дождь изредка погромыхивает над домами*).

Автор констатирует эмоциональный застой во внутреннем мире персонажа, стремящегося избежать активного соприкосновения с объективной действительностью. Ключевым моментом в этом отношении выступает метафора *лето без солнца*. Представляется, что бессловесность персонажа, его равнодушие к тому, что он видит, становится для автора жестким основанием введения в текст психоповествования. Читатель проникает в субъективный мир персонажа, интерпретируя содержание последующих высказываний с точки зрения автора. Психоповествование выявляет эмоционально-волевой опыт персонажа: грусть, потребность в собеседнике, боль одиночества.

При этом внедрение в текст побудительных конструкций отражает «квант» бездеятельного существования персонажа, эксплицирует его потребности «здесь» и «сейчас», которые, возможно, до конца им не осознаются. Повтор *Да поезжай ты...* создает динамичность психоповествования, делает акцент на настоятельности действия для персонажа, способствует моделированию аффективной коммуникации в рамках художественного текста.

Психоповествование включает в себя выражения, которые служат языковыми средствами авторского программирования читательского впечатления об эмоционально-волевой сфере созерцающего персонажа. Прилагательные с экспрессивными значениями, эпитеты и побудительные конструкции задействуются в функции выявления коммуникативной перспективы порождения высказывания, и таким образом определяют, в каком ключе должны восприниматься читателем данные высказывания.

Список литературы / References

1. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Семантический повтор как показатель идиостиля Бориса Поплавского // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 3. С. 87–90.
2. Калинина Е.В. Образ персонажа как текстовая категория: когнитивные перспективы исследования // В мире научных открытий. 2015. № 5.6.(65). С. 2100–2113.
3. Кочетова Л.П. Персонаж – читатель: когнитивные основания художественной коммуникации // Когнитивные исследования. 2015. № 21. С. 160–163.
4. Земляная А.С. Диалог персонажей как фактор полифонической организации художественного повествования Дж. Остин // В мире научных открытий. 2015. № 5.6.(65). С. 2072–2086.
5. Капитонова Н.С. Модернистский текст: эстетическое и лингвистическое своеобразие // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 563–565.
6. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
7. Гаврилова Г.Ф., Ковтуненко И.В. Категория негации и языковые средства ее выражения в сложном предложении (на материале русского и французского языков) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2(36). С. 92–97.
8. Поплавский Б.Ю. Аполлон Безобразов. Домой с небес. СПб.: Logos, Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 352 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Semanticheskij povtor kak pokazatel' idyostilja Borisa Poplavskogo [Semantic repetition as an indicator of Boris Poplavsky's idyostyle] // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki [Humanitarian and social-economic science]. 2014. # 3. S. 87–90. [in Russian]
2. Kalinina E.V. Obraz personazha kak tekstovaja kategorija: kognitivnye perspektivy issledovanija [Character's image as a textual category: cognitive investigation perspectives] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 5.6.(65). S. 2100–2113. [in Russian]
3. Kochetova L.P. Personazh – chitatel': kognitivnye osnovanija hudozhestvennoj kommunikacii [Character – reader: cognitive basis for literary communication] // Kognitivnye issledovanija [Cognitive investigations]. 2015. # 21. S. 160–163. [in Russian]
4. Zemljanaja A.S. Dialog personazhej kak faktor polifonicheskoi organizacii hudozhestvennogo povestvovanija Dzh. Ostin [Characters' dialogue as a factor of polyphonic literary narration organization] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 5.6.(65). S. 2072–2086.
5. Kapitonova N.S. Modernistskij tekst: jesteticheskoe i lingvisticheskoe svoeobrazie [Modernist text: aesthetic and linguistic peculiarities] // Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and social science]. 2014. # 2. S. 563–565. [in Russian]
6. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
7. Gavrilova G.F., Kovtunencko I.V. Kategorija negacii i jazykovye sredstva ee vyrazhenija v slozhnom predlozhenii (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov) [Nagation category and linguistic means of its expressing in the complex sentence (on the material of the Russian and French languages)] // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta [Science vector of Tolyatti State University]. 2016. # 2(36). S. 92–97. [in Russian]
8. Poplavskij B.Ju. Apollon Bezobrazov. Domoj s nebes [Apollo Bezobrazov. Home from the heaven]. SPb.: Logos, Djussel'dorf: Goluboj vsadnik, 1993. 352 s. [in Russian]

*Международный научно-исследовательский журнал включен в базу научного цитирования **Google Scholar**.*

***Google Scholar** – поисковая система по полным текстам научных публикаций всех форматов и дисциплин. Наличие статей в **Google Scholar** увеличивает возможность цитируемости, не только в России, но и за рубежом.*

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.110

Кудрикова Э.И.¹, Дьяков А.И.²¹Старший преподаватель, ²доктор филологических наук,

Сибирский университет потребительской кооперации

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ-ТЕЛЕСКОПОВ АНГЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**Аннотация**

В статье рассматриваются структурные и функционально-семантические особенности слов-телескопов английского происхождения в современном немецком языке. Границы такого лингвистического слияния зависят от семантических отношений между исходными компонентами новообразования и их фонетической совместимости. Исследуется полифункциональный характер использования англицизмов в немецком языке, уточняются их номинативные и прагматические функции, особое внимание уделяется компрессионной функции английских заимствований. В статье анализируется современный языковой материал композитного характера, указываются социолингвистические особенности его употребления, выявляются тенденции в немецком языке, связанные с интенсивным заимствованием английских лексем. В статье рассматриваются случаи гибридного характера телескопических новообразований с точки зрения этимологии их формантов.

Ключевые слова: слова-телескопы, лингвистическое слияние, функциональный синкретизм, морф, морфема.

Kudrikova E.I.¹, Dyakov A.I.²¹Senior teacher, ²PhD in Philology,

Siberian University of Consumer Cooperation

STRUCTURAL AND FUNCTIONAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF PORTMANTEU WORDS OF ENGLISH ORIGIN IN MODERN GERMAN LANGUAGE**Abstract**

The article deals with the structural and functional-semantic features of the portmanteau words of English origin in Modern German. The borders of this linguistic blending depend on semantic relations between initial parts of the contamination and their phonetic compatibility. Polyfunctional character of Anglicisms use in the German language is studied, nominative and pragmatic functions are specified, and special attention is paid to compressive function of English loan-words. The article analyses modern linguistic material of composite character, points out sociolinguistic peculiarities of its use, determines trends in the German language, which are connected with intensive borrowing of English lexical units. The article illustrates some cases of hybrid character of portmanteau words with regard to their formants' etymology.

Keywords: portmanteau words, linguistic blending, functional syncretism, morph, morpheme.

Современный мир претерпевает качественные изменения. Развитие новых, в первую очередь цифровых технологий, процесс глобализации и увеличение объёма информации, ускорение темпа жизни – всё это находит своё отражение в языковом пространстве. Языки меняются, обновляются, появляются новые слова для отображения этого обновления, старые слова приобретают новые значения, интенсифицируются компрессионные тенденции в лексике и синтаксисе. Важную роль в процессе развития языков играют заимствования, особенно из английского языка, широкое распространение которого обуславливается причинами геополитического и социокультурного характера.

Рост числа английских заимствований наблюдается во многих языках, в том числе и в немецком. Причём этот рост настолько интенсивный, что у некоторых он вызывает тревогу: говорят о так называемом *Denglisch* – смеси английского и немецкого, опасности засорения языка иностранными словами. Представляется, что данная опасность несколько преувеличена, так как «для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естествен и обычен, как естественны и обычны контакты между народами – политические, торговые, культурные» [1]. Современные пуристы указывают на чрезмерное использование англицизмов в таких сферах, как реклама и бизнес. Но исследования последних лет показывают, что мода на такую чрезмерную англицизацию немецкого языка идёт на спад даже в этих сферах. Так, несмотря на то, что приток англицизмов в сферу немецкой рекламы в последнее время увеличился, «немецкий язык не сдаёт своих позиций и остаётся главным языком немецкой рекламы» [2]. На это указывает тот факт, что, согласно слогометру, наиболее высокие места в языке современной рекламы продолжают занимать немецкие эквиваленты англицизмов.

Говоря в целом о явлении заимствования англицизмов в немецкий язык, представляется возможным включить его в контекст рассмотрения новых реалий нашей жизни. Мы живём в «быстрое» время, ускоренный темп жизни приводит к усилению компрессионных тенденций в разных сферах. Мы «быстро» едим: *Snack* (лёгкий перекус), *Fast Food* (фастфуд, «быстрая еда»). Мы «быстро» общаемся: на смену традиционной, «улиточной почте» (ретроним *Snail Mail*), когда ответ на письмо приходилось ждать не один день, приходит почта электронная – *E-Mail*. Ускорение и сжатие характеризуют как экстралингвистическую реальность, так и лингвистическое пространство. В языках усиливается тенденция к экономии языковых средств, которая наряду с тенденцией к более точному языковому выражению мыслей является одной из главных движущих сил в развитии языка.

Увеличение количества английских заимствований в немецком языке находится в русле данной тенденции. С одной стороны, сам английский язык более «экономичен» в языковом отношении, чем немецкий. Хотя английский и немецкий – родственные германские языки, но пути их развития в прошлом значительно разошлись. Английский – язык аналитический, большинство слов – недлинные, много односложных. Для немецкого языка характерны синтетические формы выражения грамматических значений. Заимствованные англицизмы оказываются, как правило, короче соответствующих им немецких слов и выражений: *Food* короче, чем *Lebensmittel*, *Box* короче, чем *Schachtel*.

Компрессионная функция англицизмов в языке-рецепторе имеет различные проявления. Довольно часто англицизм заполняет языковую лакуну, то есть отсутствие необходимого наименования для предмета, явления или понятия. В данном случае можно также говорить о языковой экономии. Например: “Wellness – Durch [leichte] körperliche Betätigung erzielt Wohlbefinden [3]”; “Fitness – gute körperliche Verfassung, Leistungsfähigkeit [aufgrund eines planmäßigen sportlichen Trainings]“ [3]. Слова *Wellness* и *Fitness* не имеют односложных аналогов.

В последние десятилетия в немецкий язык активно заимствуются так называемые слова-телескопы. Данный феномен представляет собой словообразовательный процесс, «при котором происходит слияние усечённых основ двух и более лексических единиц» [4]. Такие слова носят название “Kofferwort” – «слово-портмоне» или «слово-бумажник» – термин, который впервые был использован автором известной детской книги «Алиса в стране чудес» [4]. Как и в портмоне, в подобных словообразованиях «два отделения»: начало от одного слова и окончание от другого. Например: *Brunch* (*breakfast* + *lunch*). В контаминации *brunch* конструкт *br* является инициальной частью слова *breakfast*, а *unch* – окончанием основы ‘lunch’.

Подобные новообразования звучат оригинально, но чтобы оценить их достоинства, нужно знать их внутреннее строение. Тот факт, что англицизмы данного вида пользуются в Германии широкой популярностью, говорит о том, что их состав понятен для большинства жителей. Показательно, что победителем конкурса “Молодёжное слово года”, который ежегодно проводится издательством Langenscheidt, в 2015 стало слово-телескоп английского происхождения *Smombie* (*Smart* + *Zombie*). Хорошее знание английского языка подтверждают и результаты исследования уровня владения и среди населения (индекса EPI) – Германия занимает в данном рейтинге 11 место в мире. Данное обстоятельство позволяет рассматривать заимствованные из английского языка слова-телескопы как мотивированные лексические единицы с прозрачной внутренней формой. Если в некоторых случаях внутренняя структура всё же «не чувствуется», то причины такого восприятия, как правило, не связаны с незнанием составных частей заимствования.

Например, слово *Spam* состоит из компонентов *spiced* и *Ham* (ветчина со специями). Если не знать предысторию появления слова, то довольно трудно догадаться о том, какие основы подверглись усечению. Слово *Spam* используется в переносном значении, обозначая массовую рассылку ненужной коммерческой рекламы, и редко у кого ассоциативно связывается с «ветчиной и специями». Таким образом, причиной непрозрачности формы данного слова является фразеологичность его семантики, то обстоятельство, что общее значение слова-телескопа *Spam* не равно сумме значений его составных компонентов.

Следует отметить, что слово-телескоп, если оно закрепляется в языке, способно служить основой для дальнейших деривационных преобразований. Так, слово *Splog* состоит из следующих частей: *Spam* и *Blog*. Первый компонент – уже рассмотренное выше слово “Spam”. Впрочем, и второй конструкт *Blog* представляет собой результат словообразовательного процесса сокращения, так как это усечённый вариант композита *Weblog*, в котором отброшены первые две буквы.

В некоторых словах-портмоне хорошо узнаваема лишь одна из частей: *Bossing* (*Boss* + *Mobbing*). Первый компонент представлен в данном слове полностью, в то время как от второго компонента взят лишь суффикс –ing. Или обратный вариант: *Cosplayer* (*Costume* + *Player*). В данном англицизме полностью сохраняется второй компонент *Player*, а первый усекается до *Cos*. Таким образом, среди слов-телескопов встречаются как слова с прозрачной или полностью сохраняющейся второй частью, так и образования с неизменённой первой и значительно усечённой второй.

В политической лексике последнего времени используются следующие лексические слияния: *Grexit*, *Brexit*, *Swexit*. Первоначально возникло слово *Grexit* (*Greece* + *Exit*) – возможность выхода Греции из Еврозоны: гипотетическое событие, о котором многое писалось и говорилось. Появившийся в 2012 году термин отличался не только краткостью формы и высокой содержательной информативностью, но и благозвучием, что привело к созданию по аналогии таких новообразований, как *Brexit* (*Britain* + *Exit*) и *Swexit* (*Sweden* + *Exit*). *Brexit* – также одна из самых обсуждаемых тем в последнее время. Речь идёт о выходе из Европейского Союза Великобритании в связи с миграционным кризисом. *Swexit* – выход из ЕС Швеции – сценарий развития событий, который поддерживают 21 % шведов. Ещё один аналогичный термин *Fixit* (*Finnland* + *Exit*) совпал по звучанию с английским выражением *Fix it* (устранить неполадки, исправить что-либо). Такая омофония – удобный повод обыграть значения слов: “*Helsinki zwischen Fixit und Fix-it*” (Die Tageszeitung von heute, 23.05.16). В данном примере *Fixit* (выход Финляндии из Еврозоны) противопоставляется *Fix-it* (устранение проблем, исправление ситуации), имплицитно их антиномичность и мысль о том, что даже если Финляндия покинет Еврозону, это не решит всех проблем.

Короткая, состоящая только из двух букв первая часть «политических» сокращений: *Gr-* (*Greece*), *Br-* (*Britain*), *Sw-* (*Sweden*), *Fi-* (*Finnland*) легко позволяет определить очередную страну, собирающуюся покинуть Еврозону, так как выбор таких стран в ЕС небольшой.

Но есть сокращения, где реконструирование усечённых элементов вызывает затруднения. Например, многочисленные варианты селфи (автопортрета): *Relfie* (*Relationship* + *Selfie*), *Welfie* (*Workout* + *Selfie*), *Drelfie* (*Drunk* + *Selfie*), *Helfie* (*Hair* + *Selfie*), *Shelfie* (*Shelf* + *Selfie*). Не зная, о чём речь, невозможно догадаться, что *R* означает *relations* или *W* – *Workout*. Но, вероятно, в данном случае это и не предусматривается. Прозрачность внутренней формы – дополнительный эффект, который может иметь место или не иметь, а на первый план здесь выходят интегрально-дифференциальные характеристики составных компонентов телескопа. К интегральным элементам можно отнести второй компонент *elfie*, общий для всех новообразований и легко узнаваемый. К дифференциальным – усечённый первый компонент, основное назначение которого – дифференцировать вид автопортрета. Таким образом, вид семантических отношений между исходными компонентами релевантен для выбора способа сокращения исходных морфем. Если тип отношений детерминативный, как в приведённых выше примерах, где значение первого компонента лишь модифицирует значение второго, то большему сокращению, как правило, подвергается инициальная часть телескопа.

Слова-телескопы английского происхождения встречаются также в лексике, обозначающей предметы одежды: *Treggins* (*Trousers* + *Leggins*); *Jeggins* (*Jeans* + *Leggins*). Комбинированному виду одежды соответствует лексема с комбинированными усечёнными компонентами. В компьютерной лексике лексическое слияние *Gapps* (*Google* + *Apps*) демонстрирует двойную компрессию: репрезентацией второго компонента *Applications* выступает его сокращённая форма *Apps*, а первый компонент усечён до одной буквы *G* (*Google*), что, однако, не препятствует его идентификации, так как сочетаемость слова *Приложение* с названием поисковой системы *Гугл* в данном случае легко прогнозируема.

Именно это качество – возможность спрогнозировать сочетаемость компонента, наряду с его ярким, узнаваемым по отдельным морфемам или даже фонемам внешним обликом, помогают реконструировать полную форму усечённых слов в телескопических образованиях.

Компоненты телескопа *chillaxen* легко восстанавливаются (*chillen* + *relaxen*), так как их объединяют синонимические отношения. Оба глагола-англицизма имеют значение «расслабляться», поэтому второй компонент образования не несёт дополнительной смысловой нагрузки, а лишь выполняет усилительную функцию.

Лексическое слияние *Phreak* (*Phone* + *Freak*), обозначающее телефонного жулика или взломщика телефонных сетей, по звуковому составу совпадает со словом *Freak*, различаясь с ним лишь графически – написанием начального *F*. То есть *Freak* – просто «чудак», а *Phreak* – это уже мошенник. По аналогии возникает понятие *Phishing* – «фишинг, преступная деятельность интернет-мошенников, действующих под видом благонадёжных компаний и юридических лиц, с целью незаконного получения секретной информации: паролей, данных кредитных карточек, логинов... рыбалка» [5]. В данном примере *Phishing* также можно обозначить как слово-телескоп, хотя компонентами скорее являются не (*phone* + *fishing*), а (*Ph* + *fishing*), где *Ph* выступает в роли носителя семы «интернет-мошенничество». Замена *F* на *Ph* широко используется в жаргоне хакеров.

В названии журнала *Phrack-Magazine* (*Phreak*+*hack*) мы видим «телескоп в телескопе»: возникшее в результате лексического слияния слово *Phreak* вновь участвует в словообразовательном процессе.

Обыгрывание графического написания звука [f] встречается не только у хакеров. Так, одним из кандидатов на звание «англицизм года 2014» в Германии стало английское заимствование *Phablet*. *Phablet* – это слово-портмоне (*Phone* + *Tablet*). Интересно отметить, что наряду с данным дериватом в Германии используется и другой вариант названия телефона-планшета: *Smartlet* (*Smartphone* + *Tablet*), хотя по популярности он значительно уступает первому. Так, по результатам поисковой системы Google.de: со словом *Phablet* – 408.000 сайтов, а со словом *Smartlet* – 19.100 сайтов.

Написание *Ph* вместо *F* используется также в слове *Phabulous*: “*Phabulous! Die besten Phablets im Test*” (google.de 24.05. 2016). Здесь новообразование *Phabulous* (*Phablet* + *Fabulous*) содержит в себе усечённый элемент *Ph*, который в данной ситуации можно интерпретировать как своеобразную аллюзию, то есть отсылку к известному продукту. С этой точки зрения план содержания данного слова-телескопа соответствует плану содержания предикативной единицы и может быть представлен в виде пропозиции: *Phablet ist fabulous (fabelhaft)*!

В следующем примере: *Phabulous Phantom Phorever* (о самолёте) видоизменён графический облик сразу двух слов: *Phabulous* (*fabulous*) и *Phorever* (*forever*). В них содержится аллюзия на название самолёта “Phantom”.

В предложении *Googel erobert die Weltkoogel* (Гугл завоёвывает земной шар) написание слова *Weltkugel* имитирует написание английского слова *Googel*, как бы дублируя ассерцию, эксплицитно представленную на поверхностном уровне высказывания: *Googel erobert die Weltkugel* (Гугл захватывает земной шар), в данном случае – «захватывает» графически, превращая его в *Weltkoogel*.

Таким образом, в одном высказывании для иллюстрации мысли о том, что поисковая система *Google* популярна во всём мире, используются три разных средства: телескопическое новообразование *Weltkoogel* (*Weltkugel* + *Googel*); выбор варианта написания слова *Googel*, позволяющий срифмовать его со словом *Kugel* и подчёркивающий их похожее звучание; использование глагола-сказуемого *erobert* на синтаксическом уровне.

В некоторых случаях контаминация смысла осуществляется за счёт замены части слова на похожий по внешнему облику компонент. Например, в слове *Windows* вторая часть *dows* заменяется на слово *doof* (глупый, скучный, неинтересный): *Windoof*. Такая замена создаёт юмористический эффект и свежесть звучания, подчёркивая при этом отрицательную оценку со стороны говорящего: *Ich glaube, dass Windows doof ist* (Я думаю, что Виндоус – это неинтересно). Аналогичные примеры: *McDoof* (*McDonalds*), *Outdoof* (*outdoors*), *Adoof Flash* (*Adobe Flash*), *Doofware* (*Software*), *Doofloaden* (*downloaden*). Основное условие использования данного приёма – внешняя схожесть меняемых компонентов.

Иногда части телескопических образований имеют общие элементы. Например: *Gypsetter* (*Gypsy* + *Jetsetter*). Элемент *s* можно отнести как к слову *Gypsy*, так и к слову *setter*. Также в этом новообразовании обращает на себя внимание тот факт, что второй компонент – не усечённое слово, а композит (*Jetsetter* = *Jet* + *setter*), в котором первая часть была заменена на элемент *Gyp(s)*. Под композитом, вслед за Дьяковым А.И., мы понимаем «образование, совмещающее в себе семантико-структурную целостность и относительную самостоятельность его компонентов» [6]. В данном случае относительная самостоятельность компонентов композита *Jetsetter* проявляется в возможности комбинироваться с «осколками» морфем других лексических единиц в процессе создания слова-телескопа.

С точки зрения происхождения своих формантов, телескопические новообразования могут носить гибридный характер, то есть иметь только одну из двух частей, образованную от англицизма. Например: *Faulancer* = *Faulenzer* + *Freelancer*. Благодаря созвучию исходных компонентов – немецкого слова *Faulenzer* (лентяй) и англицизма *Freelancer* (фрилансер; человек, работающий не по найму) возникшее слово-телескоп *Faulancer* с прозрачной внутренней формой звучит остроумно и оригинально.

Благозвучие новообразования – не только желаемый результат, но и определяющий фактор процесса создания слов-телескопов. Какие элементы усекаются, а какие сохраняются, во многом зависит от их фонетической и графической сочетаемости. Так, в уже приведённом выше примере *Bossing* (*Boss* + *Mobbing*) нельзя было не сохранить

первую часть в полном виде, иначе появились бы такие комбинации, как *Bobbing* или *Moss* с неузнаваемыми во внутренней форме первоначальными компонентами.

Или возьмём сокращение *Codec* (*Coder* + *Decoder*). В данной лексической контаминации происходит слияние двух инициальных частей. Возможны ли здесь иные варианты? *Cocoder* – звучит хотя и оригинально, но в таком названии программы нет указания на её декодирующую функцию. *Decod* похоже на усечённый вариант от *Decoder* и не отражает двойственный характер новообразования. А в принятом названии “*Codec*” такую двойственность отследить можно: *Codec* (*Cod* + *Dec(od)*).

То есть процесс создания слова-портмоне – это как некая мини-мозаика: как и при выкладывании мозаики нужно скомпоновать различные по форме части таким образом, чтобы получилась «картина» – некий графический образ, зеркально отражающий двойственную природу денотата.

Таким образом, языковая экономия – не единственная цель образования «слов-бумажников», и данный процесс можно рассматривать в контексте функционального синкретизма: компрессия с одной стороны и стремление передать графико-фонетическими средствами концептуальную и денотативную двусоставность явления – с другой стороны.

Отметим, что «функциональный синкретизм – важная черта англицизмов» вообще [7]. Так, говоря о лакунозаполняющей функции [1], нельзя не признать факт экономии языковых средств, когда длинное описание значения слова заменяется одним термином. Например: “*Blister – verkaufsfördernde Verpackung von Waren, die über einer Rückwand aus bedrucktem Karton mit einer durchsichtigen Folie aus Kunststoff umschlossen werden*” (de.wiktionary.org 25.05.2016).

Отмечая полифункциональный характер использования англицизмов в современном немецком языке, выделим, среди прочих функций, компрессионную, как отражающую на уровне лингвистического пространства такие черты современного мира, как сжатие и ускорение. Компрессионные тенденции проявляют себя в языке различными способами, среди которых одним из наиболее ярких и популярных является создание слов-телескопов, где на графическом и фонетическом уровне отражаются компрессионные процессы, имеющие место во внеязыковой действительности.

Слова-телескопы английского происхождения широко используются в современном немецком языке. По своей структуре они представляют лексическую контаминацию двух или более морфем или их «осколков». Границы усечения основ зависят от различных факторов: характера семантических отношений между исходными компонентами новообразования; фонетической совместимости «осколков» и возможности отследить в полученном новом слове образование его составных элементов.

Список литературы / References

1. Крысин, Л. П. Иноязычие в нашей речи – мода или необходимость? [Электронный ресурс]. /Л. П. Крысин. — М.: Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ, 2016. - Режим доступа: <http://www.gramota.ru> (Дата обращения: 17.06.16).
2. Патрикеева А. А. Англицизмы в немецком языке (на материале немецкой рекламы): дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / А. А. Патрикеева. – М.: 2009. С.152.
3. Электронный словарь Мультитран. [Электронный ресурс]. – М.: 2016. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 15.08.16).
4. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке / Л. А. Липилина // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. – 2006. – Вып. 2. – с. 87-92.
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch (DUW). 6., Überarb. Aufl. Hrsg. Von der Dudenredaktion. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 2007 – 2016 S.
6. Дьяков, А. И. Современные англицизмы в профессиональной сфере: многоаспектное моделирование /А. И. Дьяков. – Новосибирск, 2015. С. 182- 227.
7. Дьяков, А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца 90-х годов века в функциональном аспекте: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / А. И. Дьяков. – Барнаул, 2001. С.7.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Krysin, L. P. Inojazychie v nashej rechi – moda ili neobhodimost'? [Speaking another language – fashion or necessity] [Electronic resource]. /L. P. Krysin. — M.: Spravochno-informacionnyj internet-portal GRAMOTA.RU, 2016. - Rezhim dostupa: <http://www.gramota.ru> (Data obrashhenija: 17.06.16). [in Russian]
2. Patrikeeva A. A. Anglicizmy v nemeckom jazyke (na materiale nemeckoj reklamy): dis. kand. filol. nauk: 10.02.20 [Anglicisms in German language (on German commercials materials) / A. A. Patrikeeva. – M.: 2009. S.152.[in Russian]
3. Jelektronnyj slovar' Mul'titran. [Electronic resource]. – M.: 2016. – Rezhim dostupa: <http://www.multitran.ru> (data obrashhenija: 15.08.16).
4. Lipilina L.A. Leksicheskie slijanija v sovremennom anglijskom jazyke [Lexical mergers in modern English language]/ L. A. Lipilina // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. – 2006. – Vyp. 2. – s. 87-92.[in Russian]
5. Duden. Deutsches Universalwörterbuch (DUW). 6., Überarb. Aufl. Hrsg. Von der Dudenredaktion. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, 2007 – 2016 S.[in German]
6. D'jakov, A. I. Sovremennye anglicizmy v professional'noj sfere: mnogoaspektnoe modelirovanie [Modern Anglicisms in professional sphere: multi aspect modeling] /A. I. D'jakov. – Novosibirsk, 2015. S. 182- 227. [in Russian]
7. D'jakov, A. I. Derivacionnaja integracija anglicizmov v russkom jazyke konca 90-h godov veka v funkcional'nom aspekte: avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.01[Derivational integration of Anglicisms in the Russian language in functional aspect] / A. I. D'jakov. – Barnaul, 2001. S.7.[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.019

Маршалкова В.О.

Старший преподаватель,

Донской государственный технический университет

**К ПРОБЛЕМЕ НЕЯВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ
РЕЧЕВЫХ НАМЕРЕНИЙ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРВЬЮ****Аннотация**

Являясь интегральным компонентом смыслов, реализуемых в неформальном интервью, контекст спонтанного взаимодействия собеседников выявляет различные уровни неявности выражения иллокутивных намерений участников, которые, в свою очередь, ассоциируются с разнообразными дискурсивными типами. Полагаем, что высокий уровень неявности выражения смыслов можно рассматривать как яркую прагматическую характеристику неформального интервью. Вследствие того, что внешний контекст взаимодействия не является фиксированным, общие знания интервьюера и респондента постоянно пополняются новыми сведениями. В некотором роде эти знания не являются необоснованной информативной базой, к которой собеседники имеют полный и равный доступ. В процессе своего функционирования язык в полной мере не репрезентирует значения и смыслы говорящего субъекта. Именно поэтому использование языковых средств носит контекстуально предопределяемый характер.

Ключевые слова: неформальное интервью, неявные смыслы, эллипсис, субституция, дейксис, референция.

Marshalkova V.O.

Senior Teacher,

The Don State Technical University

**TO THE PROBLEM OF IMPLICIT EXPRESSING
THE SPEECH INTENTIONS IN INFORMAL INTERVIEW****Abstract**

Being the integral part of senses realized in informal interview, the context of interlocutors' spontaneous interaction reveals different levels of implicitness in interlocutors' illocutive intention expressing which, in its turn, are associated with various discursive types. We argue that the high level of implicitness in sense expressing is considered to be an important pragmatic characteristic of informal interview. The external context of interaction is constantly changing. As a result, the interviewer and the respondent's commonly shared knowledge is replenished with new data. In some way this knowledge is not the unsubstantiated informative base to which the interlocutors have open and equal access. While functioning the language does not represent fully the speaker's meanings and senses. That is why language means usage is context dependant.

Keywords: informal interview, implicit senses, ellipsis, substitution, deixis, reference.

Неформальное интервью как специфический жанр журналистской деятельности отражает общие прагматические закономерности организации непринужденного диалога: собеседники не только попеременно обмениваются коммуникативными позициями говорящего субъекта и реципиента, но и непосредственные спонтанные процессы озвучивания намерений и восприятия сообщений оказываются сопряженными с сохранением в конструируемой диалогической ситуации специфики языкового сознания адресанта и адресата. Иницируя диалогические реплики, интервьюер и респондент делают попытку зафиксировать актуальное речевое содержание, наделенное личностными смыслами. Порождение личностного смысла, т.е. «проекция собственных способов воздействия на конкретных реальных людей в различных локальных ситуациях общения» [1, С. 127], с необходимостью предполагает одновременное формирование в сознании каждого из коммуникантов образов говорящего и адресата. В указанном аспекте процессы говорения и слушания предстают активными коммуникативными установками, являющиеся следствием коммуникативных компетенций участников непринужденной беседы.

Неформальное интервью преимущественно характеризуется неявной выраженностью речевых намерений участников, при этом под «неявностью» понимается контекстуально предопределяемое использование языковых средств, а контекст рассматривается как интегральная составляющая реализуемых смыслов. Необходимо признать, однако, что любое функционирование языка детерминировано контекстом употребления [2], [3]. В неформальном интервью, например, совокупный контекст, в рамках которого осуществляется взаимодействие собеседников, не является строго фиксированным, он совместно конструируется интервьюером и респондентом с опорой на определенные языковые средства, их функционально-прагматические возможности.

С реализацией иницирующей и стимулирующей реплики изменяется внешний контекст неформального общения, проявляя свою прагматическую многогранность. В связи с этим, оставаясь сферой проявления совместного жизненного и речевого опыта собеседников, неформальное интервью превращается в уникальное дискурсивное событие, в рамках которого интерпретации собеседниками объективной реальности, как и текущего положения дел, могут значительно отличаться друг от друга. Следовательно, интерпретация адресатом любого сегмента стимулирующей реплики, основывающийся на внешнем контексте спонтанного общения, предполагает, что адресат, в свою очередь, воссоздает этот контекст с опорой на языковые средства его манифестации.

Реализуемые иллокутивные намерения участников неформального интервью приобретают неявный характер с опорой на следующие речевые средства.

1. Эллипсис и субституция, требующие от адресата восстановления дискурсивных сегментов из контекста, который говорящий субъект задействует как оптимальный элемент восполнения смыслового содержания. Согласно нашим наблюдениям, участники неформального интервью частотно прибегают к использованию текстового, ситуационного и структурного эллипсиса в целях редуцирования своих диалогических высказываний, при этом избегая возможной двусмысленности выражаемых намерений.

При этом субституция «срабатывает» как позиционное введение эллиптированных элементов. Ср.: (1) “ – *You’re hosting the MOBOs next week too – how exciting! – Yea, (it’s) good thing we (are) doing and we’ve got something else on...*” [4, Р. 31]. Элементы реагирующей реплики, избранные респондентом для умалчивания, указываются в круглых скобках. Невысказанные элементы представляют собой личное местоимение, глагол *to be*, выполняющий функцию предиката и вспомогательного средства. Данный тип эллипсиса можно рассматривать как ситуационный, поскольку требует от интервьюера восстановления недостающих элементов, исходя из непосредственной обстановки непринужденного общения.

Приведем еще один пример: (2) “ – *It’s great that people’s culinary creations can still surprise you... – I love those ones about the world – we’re all individuals. – Yes, the creative ones. – Especially the one who came up with a dish called ‘camel Drool’*” [5, Р. 15]. Подчеркнутые случаи субституции, содержащиеся в примере, касаются употребления неопределенного местоимения *one* (в ед. и мн. ч.), которое замещает тот объект высказывания, который был предварительно актуализован в предшествующей реплике. Пример (2) иллюстрирует тот факт, что участник неформального интервью, реагируя на стимулирующую реплику, полагается на контекст взаимодействия, таким образом уточняя для себя речевое значение рассматриваемого местоимения, которое выполняет замещающую функцию.

Частотность эллипсиса и субституции, обнаруживая в рамках неформального интервью, отражает общий интерактивный аспект спонтанного диалогического общения, при котором собеседники полагаются на совместно порождаемые знания относительно обсуждаемых событий, фактов и явлений. Учет этих знаний дает возможность редуцировать местоимения, выполняющие функцию подлежащего, не употреблять полные формы предикатов, а в некоторых случаях и придаточных предложений, поскольку информация, требуемая для логически последовательной интерпретации эллиптированных высказываний, с легкостью восстанавливается из предшествующего хода диалогического дискурса, с опорой на физический контекст разворачиваемого речевого события. В процессе непринужденного общения участники неформального интервью задействуются в своеобразную языковую игру, в которой допустимым оказывается высокий уровень неявной манифестации выражаемых смыслов.

2. Дейксис и референция, требующие от адресата понимания темпоральных, пространственных и личностных условий инициации стимулирующих реплик в терминах определенной точки отсчета, каковой является текущее взаимодействие. Дейктические средства задействуются участниками интервью в целях совместного конструирования внешнего контекста общения. В примере (3) собеседники актуализуют личностный и пространственный дейксис, посредством которого осуществляется идентификация обсуждаемых лиц и местоположений: (3) [в провинциальном кафе] “ – *You come here on Fridays. One can often see you here sitting solely by the window with a glass of dark beer. – Yes, I’m mostly here or my other haunt, you know, is over there. It’s generally quieter there of a Friday, you see, and I like noisy performances like they provide here on Friday evening*” [Chat, Р. 18]. Точкой отсчета на измерения пространства выступает место непосредственного речевого взаимодействия интервьюера и респондента. Исходя из этой точки, осуществляется маркирование пространственных характеристик, о которых ведется разговор (*here – there*).

Референция выступает средством связывания текста неформального интервью, выражается местоимениями, артиклями и указательными местоимениями, которые задействуются в целях указания на специфические референты в данном контексте общения. Адресат извлекает специфический смысл референциальных средств, исходя либо из содержания диалогического текста (анафорическая и катафорическая референция), либо – из содержания текущего контекста общения (экзофорическая референция) (более подробно см. [7, С. 94–101]). В примере (4) обнаруживается шесть случаев употребления референциальных средств (подчеркнуты одной чертой), местоимение *it* соотносится с референтом анафорически: (4) “ – *It’s definitely your moment – do you feel slightly overwhelmed? – Yeah! Absolutely. I’ve always wanted to do it, and the time was right for it this year. I’m not a trained dancer, but I’ve already performed it on the stage. Even if the judges are nice the audience might think: ‘No, I don’t like it’. My posture may be wrong, but I like it enormously and what I’m learning is invaluable. I’d have to work out pretty hard for it, I reckon*” [Now, Р. 17]. Интервьюер ведет непринужденную беседу с непрофессиональным танцором, которому предстоит выступать на престижном конкурсе. В ответной диалогической реплике респондент актуализует местоимение *it* для указания на одно и то же событие – выступление на конкурсе. Интервьюер без труда извлекает из текущего контекста общения анафорический смысл, реализуемый этим местоимением, поскольку выступлению танцора на конкурсе посвящено это общение. Вместе с тем, множественный повтор данного местоимения в реагирующей реплике неявно проливает свет на важность предстоящего события для респондента. Интервьюер понимает, что в данный момент респондент может говорить только о планируемом выступлении на конкурсе. Эта информация не только явно обнаружится в сообщении респондента, но и извлекается как неявный смысл.

Эллипсис и субституция, дейксис и референция обладают общими характеристиками: в отрыве от контекста текущего общения они оказываются лишенными конкретного семантического содержания, но приобретают речевой смысл при употреблении в специфическом контекстуальном окружении. Исследователи указывают, что интерпретации актуальной информации, осуществляемые участниками диалогического взаимодействия, основываются преимущественно на учете неявных контекстуальных сигналов [9].

Представляется, что рассмотренные средства можно рассматривать в качестве подобных сигналов. Неявно проектируемая ими семантика органично согласуется с конверсационными максимумами количества и способа манифестации речевого намерения [10]. В соответствии с максимальной количеством речевой вклад говорящего субъекта в процесс общения должен быть оптимально информативным, не содержать неактуальной информации. Максимум способа манифестации речевого намерения предполагает, что вклад в общение должен быть кратким, не содержать двусмысленности. Придерживаясь аналогичного подхода, некоторые исследователи полагают, что дискурсивный контекст, в рамках которого участники спонтанного общения решают неречевые задачи, конструируется индексальными средствами, с опорой на которые достигается редукция текста с сохранением его семантической

достаточности [11], [12]. Концепция семантической достаточности спонтанно порожденного диалогического текста, в свою очередь, согласуется с максимой количества в теории Г. Грайса.

Неявный (речевой) характер выражаемых иллокутивных намерений в рамках неформального интервью мы рассматриваем как способ достижения семантической достаточности порожденного диалогического текста. Дискурсивная деятельность участников интервью, которые игнорируют контекстуальные параметры общения, может порождать избыточную информацию, не предполагаемую целями текущего обмена репликами. В результате неформальное интервью может утрачивать такую свою важную прагматическую характеристику, как краткость. В равной степени, если участники интервью пренебрегают оптимальной степенью эксплицитного выражения своих иллокутивных намерений, в разговоре возникает неоднозначность и неясность. Контекст выступает конструктивным прагматическим источником решения речевых и неречевых задач. Нежелание / неспособность в полной мере воспользоваться контекстуальным параметром может привести к тому, что явность / эксплицитность языкового выражения исходных установок достигает в неформальном общении избыточности. Другими словами, языковые единицы и выражения с неявным смыслом не снижают эффективности и успешности межличностной коммуникации, а, наоборот, сопутствуют им.

Список литературы / References

1. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе. Ростов-на-Дону: Южное отделение Российской академии образования, 2005. 240 с.
2. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Косвенный экспрессивный акт как отражение эмоционального опыта говорящего субъекта в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1020–1028.
3. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Проблема дифференциации прямых и косвенных экспрессивных актов в аспекте соотношения информационного и иллокутивного модулей // Евразийский союз ученых. 2015. № 10–3(19). С. 95–98.
4. Now. 2014. October, 20. 100 p.
5. Best. 2015. April, 12. 104 p.
6. Chat. 2016. February, 4. 97 p.
7. Скар Г.Д. Тема как конституирующий компонент художественного текста: прагматический и когнитивный аспекты. Ростов-на-Дону: Издательский центр РостГМУ, 2014. 284 с.
8. Now. 2015. October, 26. 100 p.
9. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика VS. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 68–74.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 220–234.
11. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1084–1095.
12. Комиссарова М.С., Кудряшов И.А. Проблема речевой компетенции собеседников в диалогическом взаимодействии // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы V-ой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2015. С. 158–165.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Kudrjashov I.A. Fenomen kommunikativnoj svobody v ustnom i pis'mennom diskurse [Phenomenon of communicative freedom in oral and written discourse]. Rostov-na-Donu: Juzhnoe otdelenie Rossijskoj akademii ob-razovaniya, 2005. 240 s. [in Russian]
2. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Kosvennyj jekspressivnyj akt kak otrazhenie jemocional'nogo opyta govorjashhego sub'ekta v dialogicheskom vzaimodejstvii [Indirect expressive act as the reflection of speaker's emotional experience in dialogic interaction] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.2(71). S. 1020–1028. [in Russian]
3. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Problema differenciacii prjamyh i kosvennyh jekspressivnyh aktov v aspekte sootnoshenija informacionnogo i illokutivnogo modulej [The problem of differentiating direct and indirect expressive acts in the aspect of informative and illocutive module correlation] // Evrazijskij sojuz uchenyh [Scientists'Eurisian Union]. 2015. # 10–3(19). S. 95–98. [in Russian]
4. Now. 2014. October, 20. 100 p.
5. Best. 2015. April, 12. 104 p.
6. Chat. 2016. February, 4. 97 p.
7. Sknar G.D. Tema kak konstitutirujushhij komponent hudozhestvennogo teksta: pragmaticheskij i kognitivnyj aspekty [Theme as constitutive component of the literary text: pragmatic and cognitive aspects]. Rostov-na-Donu: Izdatel'skij centr RostGMU, 2014. 284 s. [in Russian]
8. Now. 2015. October, 26. 100 p.
9. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Lingvofilosofskaja pragmatika VS. kognitivnaja pragmatika: dva vzgljada na odnu i tu zhe problemu [Linguophilosophical pragmatics VS. cognitive pragmatics: two views on the same problem] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 68–74. [in Russian]
10. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshhenie [Logics and speech communication] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in foreign linguistics]. M.: Progress, 1985. Vyp. XVI: Lingvisticheskaja pragmatika [Linguistic pragmatics]. S. 220–234. [in Russian]
11. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Jepistemicheskij status sobesednikov i jevidencial'nye sredstva ego manifestacii v dialogicheskom vzaimodejstvii [Interlocutors' epistemic status and evidential means of its manifestation in dialogic interaction] // V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.2(71). S. 1084–1095. [in Russian]

12. Komissarova M.S., Kudrjashov I.A. Problema rechevoj kompetencii sobesednikov v dialogicheskom vzaimodejstvii [The problem of interlocutors' speech competence in dialogic interaction] // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya [Language and law: actual problems of interaction]: Materialy V-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015. S. 158–165. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.170

Миньяр-Белоручева А.П.

ORCID: 0000-0002-9760-3857, Доктор филологических наук, Профессор,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация

Цель статьи заключается в рассмотрении вопросов, касающихся критического анализа исторического дискурса. Под историческим дискурсом подразумевается исторический текст или совокупность концептуально связанных исторических текстов, интегрированных в определенный исторический контекст. Исторический дискурс поливекторный по своей природе, так как включает разножанровые тексты, отражающие разнообразные аспекты человеческой жизни в прошлом. На основе многочисленных поливекторных первоисточников историки стремятся интерпретировать отобранные для анализа события прошлого, которые, по сути, являются отдельными фрагментами жизни в прошлом.

Ключевые слова: исторический дискурс; первоисточники; историк; полидискурсивность; убеждающие стратегии; события прошлого.

Minyar-Beloroucheva A.P.

ORCID: 0000-0002-9760-3857, PhD in Philology,

Dr. Habil, Professor,

Lomonosov Moscow State University in Moscow

CRITICAL ANALYSIS OF HISTORICAL DISCOURSE

Abstract

The purpose of this paper is to outline the issues concerning critical analysis of historical discourse. Today the study of a text has extended to the analysis of discourse. Discourse is defined in different ways. The most appropriate definition is the one connected with the text as the focus of a situational context. Thus, by historical discourse is implied a historical text or an array of historical texts integrated in a certain historical context. Historical discourse is poly-discursive in its nature as it embraces different texts reflecting diverse aspects of human life in the past. On the bases of numerous and multidiscursive primary sources historians endeavor to interpret events of the past selected for analysis. The primary sources display only fragments of the life in the past. Despite the desire of historians to be objective they are not free from the ideology determined by their class or party and try to impose on the readers their own understanding of events of the past by using different persuasive strategies.

Keywords: historical discourse; historian; poly-discursiveness; persuasive strategies; primary sources; events of the past.

Introuduction

Historical discourse despite its complicated nature has never been in the focus of the linguistic study. Present interest in history can be explained by the desire of every nation to establish its place in history, to reveal its national and cultural identity, to define its role in the development of society in the past. History as an academic discipline is important for politics as well, as it can help political scientists, searching for the analogues in the earlier periods, to understand the present day situation in a better way. History gives us a panoramic life of the past in all its width and variety as single process due to language which is one of the most important tools of historians. Historians emphasize that it is language that revives the events of the past [7, 236] on the pages of their works to give them their second life. To write their own works on history, historians have to analyze a great number of primary sources in order to understand how political, economic and social ideas shaped the life of the people in the past thus predetermining the future. Historians interpret the primary sources from the vantage point of their class, society and ideology. And although the actual historical events may be set forth properly different historians interpret them in different ways. To convince the readers that their interpretation of the events of the past is true, modern historians use various persuasive techniques. For the readers it is important to know the ideology of the historians who analyze and narrate the life in the historical past and reconstruct the atmosphere of the gone away epochs.

The **aim** of the study is to critically analyze historical discourse to expose the persuasive strategies historians use to draw in their readers to adopt their viewpoint and believe in their objectivity.

Material and method

Today the analysis of a text has extended to the analysis of discourse. Discourse, per se, is defined in different ways. As an ambiguous term, it integrates lots of meanings varying from philosophy to linguistics and other branches of study. H.G. Widdowson identifies discourse as *text plus situational context* in opposition to *text* understood as *discourse minus situational context* [6]. In this paper the definition of discourse given by van Dijk is adhered to. According to T. van Dijk, discourse is text in context [6]. Thus, it is evident that *discourse* is wider than *text* as besides *text* it includes multiple extra-language components. Moreover, *text* (written or recorded) is immutable and permanent within ever changing discourse. Unlike *text* which is rigid and unchanging (as it is put down on papyrus, parchment, paper, canned or saved to a diskette), discourse is an open entity. Discourse is fluctuating, it is constantly modifying under different circumstances. The property of discourse is changing in the process of creating or reading a text. Thus *text* and *discourse* are correlate as a variant (*discourse*) and invariant (*text*).

The correlation of text and discourse can be expressed in terms of the Boolean algebra as $a \vee (a \wedge b) = a$. In this formula a stands for discourse, b stands for text and text and discourse comprise discourse. Every text exists within the frame of discourse and despite its stability it can be perceived differently due to the ever changing discourse.

An emphasis should be set on the correlation of text and discourse suggested by Norman Fairclough. The scholar clarified the correlation of discourse and text most explicitly by referring to discourse as 'to the whole process of social interaction of which a text is just a part' [2, 20]. The scholar understands discourse as a three-part phenomenon that includes a text, the process of production and the process of interpretation [2, 20]. According to N. Fairclough text analysis is only an element of discourse analysis which comprises such indispensable processes as production and interpretation. Thus the text's properties are determined by its discourse, i.e. the productive process that precedes its creation and the process of interpretation that comes after it. The text's properties besides two mentioned processes interact with 'member resources' which relate to people's cognition that include the knowledge of language, representations of the natural and social worlds they inhabit, values, beliefs, assumptions [2, 20] and are socially conditioned. Discourse in its nature engages social conditions, which are not homogeneous and can be categorized into *social conditions of production and social conditions of interpretation* [2, 20]. Thus discourse as an intricate substance needs a complex, multilevel analysis that can not be limited only to the analysis of a text or its processes but can be expand to the analysis of the "relationship between text, processes, and their social conditions" [2, 21]

N. Fairclough, who is aware that text and discourse are closely intertwined in their nature and can not be analyzed separately, developed three stages of critical discourse analysis that include: description, interpretation and explanation.

- Description is the stage which is concerned with the formal properties of the text.
- Interpretation is concerned with the relationship between text and interaction – with seeing the text as a product of a process of production, and as a resource in the process of interpretation <...>.
- Explanation is concerned with the relationship between interaction and social context – with the social determination of the processes of production and interpretation, and their social effects [2, 21-22].

By this N. Fairclough emphasizes that the nature of critical discourse analysis differs at different stages. The first stage could have been the simplest one as it concerns the elicitation of the prescribed text's properties, but for the neglected level of turning ideas into a text. As for other stages of interpretation and explanation, the scholar stresses, they are less definite as their multifaceted and opaque relationships deal with cognitive processes that are hidden from the surface analysis.

Critical discourse analysis is aimed at diminishing the obscurity hidden beyond the surface of the text as it studies inexplicable links of causality of discursive practice, events and texts on the one hand and socio-cultural components, relations and processes on the other. Critical discourse analysis that takes language not only as a set of signs, but as 'social practice' implies that every language functions in a society with its cultural, social and psychological particularities in a certain period of time. For critical discourse analysis it is essential to consider that language determined by social and historical conditions in its turn determines the consciousness of people. In history critical discourse analysis is aimed at discovering the events and ideologies that fostered present day societies to acquire power and supremacy.

Results

Critical discourse analysis is indispensable for studying discourse of history as history comes to us not only through semi ruined cultural historical heritage but through texts first of all. Through texts history informs, advocates, persuades, programs Weltanschauung by creating discourse, under which is implied text, immersed in temporal-spatial-cultural context with the aim of providing a certain impact on the mind of the recipient, urging him to act. All these contribute to the hybridity of historical discourse. Thus by discourse of history we imply an array of conceptually connected texts within certain contexts devoted to the study of the events and personalities of the past, as history as academic discipline assists in understanding strong coherence that unites past, present and future. For creation an academic text on history the processes of production and interpretation are very important because they precede it. Before shaping the events of the past in their own texts historians deal with a great number of primary sources that are socially conditioned by the epoch of their creation. Despite the existing notion that primary sources are discourse free, it is difficult to agree with the statement as every document taken as a primary source today was once created in a particular epoch under certain circumstances affecting them. No annalist could be unbiased in his description of the events he had witnessed himself or heard of. At the same no contemporary historian can reconstruct discourse of primary sources, he can only assume it by perceiving *der Zeit Geist*. Only commercial promissory notes, contracts, receipts and vouchers can be impartial. Primary sources discourse should always be taken into consideration by contemporary historians who see and assess them from the vantage point of their time and ideology. Ideology as is known is implemented through discourse which is noted for its dialogue [2]. History is the most ideological academic discipline and this makes its discourse ideological as well permitting historians to interpret one and the same historical event or personality in different ways. Dialogue in historical discourse is created by the numerous intertextual inclusions that bring about the interaction between past and present. However, a historian, by asking questions to the past and seeking answers from it, does not get them from the past but responds to them by himself taking these answers for the answers from the past [8]. All the answers are based on the comparison of different chronologically or chaotically presented facts, but the logic of their presentation is modern and incompatible with the logic of the past. But historians manage to get the necessary answer to show that the past determines the present and future. Due to historical discourse every historian can create his own history by presenting and assessing historical facts, events and personalities in the way he needs to justify the actions of the contemporary politicians and thus to shape the required present and future.

Contemporary historians turn to the past of human society to perceive the truth of the present and future. Historical discourse facing simultaneously past, present and future works out the pattern of the present by shaping the events of the past on the assumption of the current pragmatic tasks. That is why today we frequently witness the endeavor to rewrite history that has become a great tool to change the present and especially the future. And it is not a maxim is a principle which is strictly adhered to nowadays. History is everywhere present in contemporary life. Politicians turn to history to justify their actions, to find the pivot that could help them place the particular action in the historical space to understand whether the occurred activity

was wrong or inevitable and thus categorized as right. To understand the implications of the recently held the Brexit vote in Great Britain, even journalists turn to history. Some of them parallel it with the battle of Trafalgar when on October 21, 1805 Vice Admiral Horatio Lord Nelson with his last breath 'gained for England another hundred years of history' [3]. The Brexit vote is expected to have the same effect, but with the unpredictable future any conclusion is cautiously drawn as it can go either way. The same attitude is typical for the assessment of the events of the far past.

Discussion

In their academic texts historians seldom express their ideas and seldom give an overt assessment of the events of the past as the ideas and assessment are determined by contemporary politics. The interconnectedness of practices is a reciprocal process. Social structures of present are constitutive of historical discursive practices, and historical social structures determine discursive practices of present. For this purpose historians try to narrate the events of the past not to distort them (although we frequently witness the distortion of historical facts) but to modify the perception of them. To be convincing historians use different persuasive strategies and techniques. Critical analysis of historical discourse is aimed at the study of historians' elusive ideology sheltered beyond the surface level of the text.

Primarily the implicit attitude of historians to different events of the past can be revealed by means of metaphors as their 'expressive value has always been a central concern of those interested in persuasive language' [2, 99]. At present the realm of metaphors is not limited to poetry or literary discourse as any facet of the historical past can be embodied in metaphors that are of particular interest as "different metaphors have different ideological attachment" [2, 100]. British historian S.T. Bindoff in his book "Tudor England" characterizes Cardinal Wolsey as the man who had "paid the penalty" because he "served himself better than his King", but immediately refutes it by writing that "he had served Henry VIII better than he could have known or claimed" explaining that "he, by the herculean labours of close on twenty years, preserved inviolate the principle of one-man rule, he had also paved the way for that great extension of monarchical power which before his death Henry had begun to realize" [1, 87]. The historian continues to metaphorically enumerate the great deeds of the Cardinal saying that, "Instead of hiding in the earth of a pedestrian prudence the talent of secular authority entrusted to his keeping, this royal servant had traded his talents abroad and with them earned the huge dividend of the legatine authority" [1, 87]. Here due to the implicit metaphorical representation of Cardinal Wolsey who even today is considered to be as an ambiguous historical personality S.T. Bindoff makes an image of a great hero of the man whose personality is not properly assessed even today. Striving to be objective and at the same endeavoring to persuade his readers in the greatness of the historical personality S.T. Bindoff uses a metaphor 'herculean labours of close on twenty years' which implies that by his death Cardinal Wolsey had carried out the penance for all his misdeeds by opaquely helping Henry VIII extend his monarchical power by implementing the Act of Supremacy into life. Here we see the reverberating power of the metaphor that turns Cardinal Wolsey into a powerful, larger than life antique hero throwing Wolseian shadow on Hercules and due to the merge of the source and target spheres turning them into one personality that lacks negative qualities because of the paid penalty. The ideological meaning of mythological metaphors is great as they send the readers back to the Golden Age of the great heroes whose deeds glorified them for centuries to come. Thus metaphor has made us look at Cardinal Wolsey in a new way to understand his greatness, although nothing essential has been written so far about his deeds. Here the metaphors that create a unique cognitive space are aimed at the glorification of Cardinal Wolsey. A cluster of metaphors used to characterize any historical personality creates an atmosphere of trustworthiness concerning him. Due to the metaphorical field made by the cluster of metaphors we feel that our knowledge is suffice to historically judge this or that personality. The might of Cardinal Wolsey's political power who prepared the way for 'the breach with Rome' [4, 209] is not only expressed metaphorically. Thus, the historian does not only write that, 'He concentrated power in the hands of one man – himself – to an extent unheard of before' [4, 207-208], he devotes the rest of the page to the enumeration of all the cardinal's positions in which the reader is lost. However, from the viewpoint of knowledge the second approach is more informative, but from the point of view of image making metaphors can not be substituted by anything else but other metaphors. As they persuade without arguments, infinitely expand the historical thinking limited by the borderlines of the present and give nonverbal characteristics of a historical personalities and events. Metaphor is a set of linguistic, cross mental and cognitive characteristics, it possesses the dual power of the language. Thus, the functions of metaphorical and non- metaphorical characteristics are quite different.

Conclusion

Fairclough was right saying that "Different metaphors imply different ways of dealing with things" [2, 100]. Metaphors are the best tools of implicit persuasiveness especially in historical discourse where the attitude to historical events and historical personalities can change under the impact of the current political events. The structure of critical discourse analysis worked out by N. Fairclough is universal and can be applied to any discourse.

To sum up it should be said that despite the efforts of the historians to present the historical past in the favorable for them way, nothing can change the historical facts and events. Historians can only change the readers' perception of the past, which eventually may completely displace and distort the real events and facts.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Bindoff, S.T. Tudor England. – London: Penguin Books, 1983. – 320 p.
2. Fairclough, N. Language and Power. – 2d Edition. – London: Longman, 2001. – 226 p.
3. Quigley B. Brexit Brings Final Death to British Empire. URL: <http://observer.com/2016/07/brexit-brings-final-death-to-british-empire/>; 07/08/16 10:30am
4. Myer A.R. England in the Late Middle Ages. – London: Penguin Books, 1971. –288 p.
5. Van Dijk, T. Discourse, Power and Access. In C.R. Caldas-Coulthard, and M. Coulthard (eds.) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. –London: Routledge, 1996. – Pp. 84-106.
6. Widdowson, H.G. Discourse Analysis. – Oxford: Oxford Introduction to Language Study ELT, 2007. – 152 p.
7. Gerder, I.G. Outline of a Philosophical History of Humanity / I.G. Gerder. – M.: Nauka, 1977. – 703 s. [in Russian]
8. Gurevich, A.Ya. Selected works. Volume 2. The medieval world / A.Ya. Gurevich. – M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. – 560 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.184

Миньяр-Белоручева А.П.¹, Княжинская Е.В.²¹ORCID: 0000-0002-9760-3857 Доктор филологических наук, профессор,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

²старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО****Аннотация**

В статье рассматриваются особенности формирования языковой модели мира исторического прошлого. Язык исторической науки играет определяющую роль в становлении и развитии научно-профессионального языкового сознания историка как языковой личности, использующей в своей научно-профессиональной речевой деятельности особые вербальные стратегии. Изучение картины мира историка происходит на основе анализа его языка, неоднородный лексический состав которого подразделяется на общеупотребительную терминологию, специальную терминологию и общенаучную. Общенаучная терминология, междисциплинарная по своему характеру, является метаязыком науки. Специальная терминология, особенность которой обусловлена изучаемой эпохой и отражает все многовековые преобразования, происходившие в жизни человеческого общества, участвует в формировании когнитивной карты ученого-историка.

Ключевые слова: когнитивная карта, историк, язык историка, профессиональное языковое сознание, специальная терминология, общенаучная терминология.

Minyar-Beloroucheva A.P.¹, Knyazhinskaya E.V.²¹PhD in Philology, Dr. Habil, Professor,

Lomonosov Moscow State University in Moscow

²Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University in Moscow**FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC WELTBILD OF THE HISTORICAL PAST****Abstract**

The article discusses the development of linguistic Weltbild of the Historical past. The language of history plays a decisive role in the formation and development of academic and professional language consciousness of a historian as a linguistic personality, who uses in his/her academic and professional speech particular verbal strategy. The study of the world view of a historian occurs due to the analysis of the historian's vocabulary, which is heterogeneous and consists of three terminological strata such as: general terms, specialized terms and academic terms. Academic terminology, interdisciplinary in its nature, is the metalanguage of science. Specialized terminology, which is connected with the analyzed epoch and reflects all the changes in the life of human societies occurred in the course of time, is the foundation for the formation of cognitive maps of historians.

Keywords: cognitive map, historian, language of a historian, professional language awareness, special terminology, scientific terminology.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма во главу угла поставила изучение «когнитивной инфраструктуры мозга» [7] человека вообще, и специфику формирования и функционирования его профессионального языкового сознания [14], в частности. Взаимосвязь языка, сознания и научно-профессиональной деятельности находится в фокусе научных исследований, поскольку изучение этих сложных отношений позволит понять процессы, происходящие в ментальном пространстве специалистов разных областей знания, при формировании их профессионально-ориентированного когнитивно-языкового сознания. Как известно, «образ мира» [9], являющийся сущностью языкового сознания профессионала, формируется при усвоении профессионально ориентированного языка. Представляется, что для изучения когнитивной карты ученых, специализирующихся в разных областях науки, следует обратиться к изучению научно-профессионального языка, отражающего видение мира, обусловленное их научной и профессиональной деятельностью. Научные знания, дифференцированные, структурированные и систематизированные по разным областям, нашли свое практическое применение в разных профессиях, получивших названия соответственно сферам науки, которые они представляют. В научно-профессиональном общении используется “shared code” – кодифицированный язык, позволяющий ученым, изучающим явления как одной конкретной научной области, так и разных областей науки, понимать друг друга при осуществлении устной и письменной коммуникации.

Язык играет определяющую роль в создании не только языковой картины мира, но и в модели научно-профессионального универсума, познающей посредством изучения профессионально ориентированного дискурса. Под дискурсом понимается совокупность тематически связанных научно или профессионально ориентированных текстов (характеризующихся определенным набором лексических и грамматических единиц), создающих единое концептуальное пространство. Научный дискурс конкретной области знания играет определяющую роль в формировании научно-профессионального языкового сознания личности, обладающей специфическим видением мира. Частота воспроизведения текстов научного дискурса обусловлена областью знания, результаты исследования которой анализируются, излагаются и описываются в них. Если, согласно Ю.Н. Караулову, в формировании личности определяющую роль играет язык [8], то и профессионально ориентированный язык занимает ведущее место при становлении научно-профессиональной личности. Занимая центральное место в структуре языковой профессиональной личности, лингво-когнитивный уровень, представленный профессиональным лексиконом, способствует формированию профессионально-ориентированного языкового сознания, и, следовательно, и определенной модели мира [14, 21]. Профессионально-ориентированный язык исторической науки не является исключением, оказывая соответствующее влияние на становление и развитие научно-профессионального языкового

сознания историка как языковой личности, использующей в своей научно-профессиональной речевой деятельности особые вербальные стратегии.

Современный повышенный интерес к истории можно объяснить стремлением каждого народа установить свое место в историческом пространстве, раскрыть национально-культурную самобытность, определить свою роль в развитии общества в прошлом и на основе имеющегося опыта предопределить будущее. В свете особого внимания к истории, изучение научно-профессионального сознания историка посредством анализа его языка представляется весьма актуальным. Научный исторический дискурс способствует формированию научно-профессиональной языковой личности историка. Особенность истории как науки заключается в невозможности эмпирически изучить события прошлого. Они постигаются посредством изучения многочисленных первоисточников и интерпретируются в зависимости от идеологических воззрений историков, представляющих собой сформированную научно-профессиональную языковую личность.

Изучение картины мира историка происходит на основе анализа его языка, лексический состав которого обусловленный изучаемой эпохой, изменяется в соответствии с изучаемой исторической реальностью в разный временной период. Язык историка отражает преобразования, происходившие в жизни человеческого общества на протяжении тысячелетий. Лексика языка историка неоднородна по своему составу и состоит из трех слоев: общепотребительной терминологии, специальной терминологии и общенаучной терминологии [12, 17].

Общепотребительная терминология научного дискурса, составляющая нейтральную ткань повествования, является каркасом, на котором, по мере усвоения других слоев лексики, происходит формирование научно-профессиональной языковой личности. Она представлена служебными частями речи которые не участвуют в процессе номинации понятий, предметов и явлений, а обозначают отношения между ними.

Общенаучная терминология, отражающая научные понятия, соотносящиеся с объектами, явлениями и процессами в различных областях знания, способствует формированию научно-профессионального языкового сознания, составляет метаязык ученых. Употребляющаяся для выражения наиболее общих понятий научной категоризации, обеспечивающая языковое выражение более или менее постоянных элементов общего процесса научного познания, способствующая логическому и последовательному изложению материала общенаучная терминология составляет научно-профессиональную основу научного дискурса.

Общенаучная терминология характеризуется устойчивостью и воспроизводимостью. В научном дискурсе, предназначенном для передачи информации в емкой и точной форме, слово поглощается его окружением, создавая устойчивые образования, воспринимающиеся как единое целое [18] и являющиеся автоматизированными средствами языкового выражения научной мысли. Классики отечественного языкознания высказывали мысль о том, что в процессе общения не весь речевой материал создается заново. Так, Г.О. Винокур отмечал: «вовсе не следует утверждать, что в языке должно быть «клише» у фиксированных формул: у них есть своя функция и свое место в механизме языкового выражения» [6, 182]. Л.В. Щерба подчеркивал, что «наш литературный язык заставляет отливать наши мысли в формы, им заранее заготовленные» [21, 133], что «языковая сокровищница является неисчислимым запасом всех готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов и охотно снабжает ими своих клиентов, которые в большинстве случаев просто повторяют слышанное», пользуясь «готовыми фразами» [21, 134]. В.В. Виноградов писал, что «большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул клише» [5, 128]. В научном дискурсе общенаучная терминология, отличающаяся устойчивостью и воспроизводимостью способствует созданию модели научно-профессионального универсума.

Изучение общенаучной терминологии в ее естественной языковой среде, предоставляет возможность «описать ее состав, следуя внутренним связям между ее элементами» [17, с.7]. Анализ научного дискурса различных областей знания позволяет выявить как общенаучные полилексемные образования, так и специально-научные [10].

Общенаучные предельные синтагматические последовательности, представляющие собой, воспроизводятся в научном дискурсе любой области знания в качестве устойчивых средств языкового выражения научной мысли [4, с.3]. Посредством соположения общенаучных терминов с опорой на ключевой общенаучный термин, создаются общенаучные паттерны, интердисциплинарные по своему характеру.

Связанная с открытиями, обобщениями, гипотезами, систематизацией, организацией материала и способами его подачи общенаучная терминология представляет сложную систему. Общенаучные предельные синтагматические последовательности, обеспечивающие языковое выражение постоянных элементов общего процесса научного познания, классифицированные в соответствии с основными стадиями научного познания [1, с.160], составили основу предельных синтагматических последовательностей, функционирующих в научном историческом дискурсе. Это оказалось возможным благодаря обобщенности содержательного фона, отражающего типовые категории процесса научного познания.

В научном историческом дискурсе функционирует значительное количество стереотипных предельных синтагматических последовательностей с устойчивым лексическим наполнением, используемых для выражения наиболее общих понятий научной категоризации, «семантическим ядром» которых являются общенаучные термины. Универсальные лексические единицы несут в себе элементы общего, характерного для научного дискурса, независимо от его типа. Общее, как известно, составляет сущность отдельного. Однако, отдельное – суть диалектического единства общего и особенного, в котором проявляется индивидуальное, особенное и общее. Это отражается в специально-научных предельных синтагматических последовательностях, свойственных для научного дискурса конкретной области знания. Основу специально-научных предельных синтагматических последовательностей научного исторического дискурса составляет специальная терминология исторической науки.

Общенаучные термины можно отнести к универсалиям научного дискурса, придающим упорядоченность и логичность научному изложению [2, 427]. В настоящее время когнитивно-дискурсивны исследования все чаще дополняются лингвосинергетическими. Если рассмотреть предельные синтагматические последовательности с позиций лингвосинергетики, то они могут восприниматься как «репеллеры», совокупность характеристик,

направленных на сохранение правил изложения и оформления научного высказывания, существующих более трехсот лет с целью поддержания устойчивости научного дискурса в целом. Состоящий из одних «репеллеров», научный дискурс не мог бы так долго существовать. Противоположный вектор развития научного дискурса заключен в «аттракторах», придающих форме и содержанию гибкость и динамизм [15, 105] и вербализующихся в специально-научных предельных синтагматических последовательностях.

Специально-научные предельные синтагматические последовательности научного дискурса конкретной науки, отражают специфику данной области знания и образуются в результате соединения общенаучных и специальных терминов. Специально-научные предельные синтагматические последовательности исторического дискурса создаются соположением общенаучных и исторических терминов [10; 19].

Среди специально-научных синтагматических последовательностей, функционирующих в научном историческом дискурсе и отражающих особенности исторической науки, выделяются атрибутивные образования: *historical problem*, *ancient history* и глагольные: *to outline the historical factors*, etc. Специально-научные предельные синтагматические последовательности представлены следующими образованиями: *Historians often express considerable doubts as to... etc.* Изучение историками исторических источников нашло отражение в специально-исторических предельных синтагматических последовательностях: *The primary sources are fragmentary... .* [11]. Функционирование специальных исторических терминов в составе общенаучных терминов, представленных предельными синтагматическими последовательностями, свидетельствует о предметной специфике научно-профессиональной коммуникации.

Все социально-политические изменения, смена жизненного уклада зафиксированы в специальной исторической терминологии, которая является показателем «культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры» [16, 243]. Исторические термины отражают основные категории и понятия исторической науки. Они способствуют созданию единого континуума – исторического прошлого человечества. Каждая эпоха необратима во времени и характеризуется свойственными только ей обстоятельствами, выраженными в исторических терминах. Историки используют исторические термины для того, чтобы соединить «пеструю во времени и пространстве картину истории в единое целое» [2, с.30]. Иерархически организованные, исторические термины представляют собой вербализованную модель развития человеческого общества. Особенность исторических терминов заключается в том, что они являются постфакторными образованиями [12, 76]. Это объясняется тем, что для осмысления и выражения исторических событий требуется определенное время. В этом качестве они используются для изложения фактов событийной истории. Исторические термины отражают исторические концептуальные универсалии и исторические процессы, пережитые человечеством в разных регионах планеты в разное время. Исторические термины относятся к специально ориентированному лексикону, способствующему формированию научно-профессионального языкового сознания. Исходя из современных им понятий, историки стремятся создать модель определенного исторического общества, отразив типичные, по их мнению, для каждой эпохи понятия [13, с. 94] в терминах исторической науки. Однако для понимания того, что происходило в историческом прошлом, необходимо не искусственно создавать термины, которые во многих случаях используются для решения насущных задач современности [13], а стремиться «понять тот язык, на котором думали, говорили и принимали решения» люди прошлого [22, 10]. Тем не менее, независимо от способа их создания, исторические термины в первую очередь способствуют формированию языкового сознания историка. Функционируя в историческом дискурсе, они трансформируют «обыденную реальность <...> в соответствии с актуальными потребностями ситуации профессионально-коммуникативного взаимодействия» [14, 21]. Научно-профессиональная языковая личность историка формируется в условиях их коллективной деятельности и коммуникации. Формирование научно-профессиональной языковой личности относится к сложному, многоступенчатому процессу, требующему определенных усилий. Для успешной коммуникации историку необходимо владеть в первую очередь общенаучной, специально-научной и специальной терминологией. Для высококвалифицированной научно-профессиональной языковой личности характерно свободное владение терминологией, свойственной конкретной науке, и связанной с ней профессиональной деятельностью. Язык истории играет определяющую роль в формировании модели мира исторического прошлого в ментальном пространстве историка. При формировании научно-профессионального языкового сознания историка и его становлении как языковой научно-профессиональной личности необходимо опираться на исторический дискурс, совокупность текстов которого создает модель мира исторического прошлого и служит источником извлечения необходимых лексических единиц, усвоение которых является залогом успешной коммуникации ученых-историков.

Список литературы / References

1. Ахманова О.С. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 211 с.
2. Барг М.А. Категории и методы исторической науки/ М.А. Барг. – М.: Наука, 1984. – 343 с.
3. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Переводчик Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
4. Богрданова Т.Н. Выделение предельных синтагматических единиц в стиле научного изложения. Дис... канд. филол. наук. – М., 1987. – 151 с.
5. Виноградов В.В. Введение в грамматическое учение о слове // Современный русский язык/ В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1938. – Вып. 1 – 160 с.
6. Винокур Г.О. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. – М.: Работник просвещения, 1925. – 215 с.
7. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие/ Е.И. Голованова URL: <http://www.ModernLib.ru>
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Леонтьев А.Н. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983, с. 251-261.

10. Миньяр-Белоручева А.П. Предельные синтагматические последовательности в научных исторических текстах. Дис... канд. филол. наук. – М., 1987. – 164 с.
11. Миньяр-Белоручева А.П. Распространенные англо-русские фразеологические обороты общенаучной тематики (материалы к практическим занятиям) / Под ред. С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 79 с.
12. Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – 220с.
13. Миньяр-Белоручева А.П. Смена парадигм в истории и лингвистике. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2014, том 11, № 1, с. 12-17.
14. Мыскин С.В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1988. – 20 с.
15. Пихтовникова Л.С. Лингвосинергетика: основы и очерк направления. Монография. – Х: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2012. – 180 с.
16. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.
17. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во Литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
18. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. – М.: Высшая школа, 1981. – 143 с.
19. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание как предельная единица речи // Основные направления в развитии научной работы на кафедре английского языка филологического факультета МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 30–44.
20. Федорова И.В. Лексическая стратификация научно-технического текста. Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1986. – 24 с.
21. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Высшая школа, 1957. – 309 с.
22. Hobsbawm, E. Globalization, Democracy and Terrorism. – London: Little Brown, 2007. – 184 p.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Akhmanova O.S. Voprosy optimalizatsii estestvennykh kommunikativnykh system [The issues of optimization of natural communication systems]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 211 с. [in Russian]
2. Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoy nauki [Categories and methods of historical science]. – М.: Nauka, 1984. – 343 s. [in Russian]
3. Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury. Perevodchik Per. s fr., vstup. st. i sost. S.N. Zenkina [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. М.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2003. – 512 s. [in Russian]
4. Bogrdanova T.N. Vydelenie predel'nykh sintagmaticheskikh edinit v stile nauchnogo izlozheniya [Ultimate syntagmatic units in the style of scientific presentation]. Dis... kand. filol. nauk. – М., 1987. – 151 s. [in Russian]
5. Vinogradov V.V. Vvedenie v grammaticheskoe uchenie o slove // Sovremennyy russkiy yazyk [Introduction to grammatical teaching about the word // Modern Russian language]. – М.: Uchpedgiz, 1938. – Vyp. 1 – 160 s. [in Russian]
6. Vinokur G.O. Kul'tura yazyka. Ocherki lingvisticheskoy tekhnologii [The culture of language. Essays on linguistic technologies]. – М.: Rabotnik prosveshcheniya, 1925. – 215 s. [in Russian]
7. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: uchebnoe posobie [Introduction to cognitive terminology]. URL: <http://www.ModernLib.ru> [in Russian]
8. Karaulov Yu.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. – М.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – 264 s.
9. Leont'ev A.N. Leont'ev A.N. Obraz mira. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya [The image of the world. Selected psychological works]. – М.: Pedagogika, 1983, s. 251-261. [in Russian]
10. Minyar-Belouchcheva A.P. Predel'nye sintagmaticheskie posledovatel'nosti v nauchnykh istoricheskikh tekstakh [Ultimate syntagmatic sequences in academic historical texts]. Dis... kand. filol. nauk. – М., 1987. – 164 s. [in Russian]
11. Minyar-Belouchcheva A.P. Rasprostranennye anglo-russkie frazeologicheskie oboroty obshchenauchnoy tematiki (materialy k prakticheskim zanyatiyam) [Commonly used Anglo-Russian phraseological units of the general scientific subjects (materials for practical exercises)] / Pod red. S.G. Ter-Minasovoy. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 79 s. [in Russian]
12. Minyar-Belouchcheva A.P. Yazyk istorika [The language of the historian]. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – 220s. [in Russian]
13. Minyar-Belouchcheva A.P. Smena paradigm v istorii i lingvistike [Paradigm change in history and linguistics]. // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. Chelyabinsk: Изд-во YuUrGU (Chelyabinsk), 2014, том 11, № 1, с. 12-17. [in Russian]
14. Myskin S.V. Professional'noe yazykovoe soznanie i osobennosti ego funktsionirovaniya [Professional linguistic consciousness and the features of its functioning]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. – М., 1988. – 20 s. [in Russian]
15. Pikhtovnikova L.S. Lingvosinergetika: osnovy i ocherk napravleniya. Monografiya [Linguistic synergy: fundamentals and an essay of trend. Monograph]. – Kh: KhNU imeni V.N. Karazina, 2012. – 180 s. [in Russian]
16. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies]: Per. s angl. / Obshch. red. i vstup. st. A.E. Kibrika. – М.: Издательская группа Progress, Univers, 1993. – 656 s. [in Russian]
17. Smirnitckiy A.I. Leksikologiya angliyskogo yazyka [Lexicology of the English language]. – М.: Изд-во Literaturny na inostrannykh yazykakh, 1956. – 260 s. [in Russian]
18. Ter-Minasova S.G. Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektakh [The phrase in scientific-linguistic and didactic aspects]. – М.: Vysshaya shkola, 1981. – 143 s. [in Russian]
19. Ter-Minasova S.G. Slovosochetanie kak predel'naya edinitsa rechi [The phrase as the ultimate unit of speech] // Osnovnye napravleniya v razvitii nauchnoy raboty na kafedre angliyskogo yazyka filologicheskogo fakul'teta MGU. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 30–44. [in Russian]

20. Fedorova I.V. Leksicheskaya stratifikatsiya nauchno-tekhnicheskogo teksta [Lexical stratification of scientific and technical texts.]. Avtoref. dis... kand. filol. nauk. – M., 1986. – 24 s. [in Russian]

21. Shcherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. – M.: Vysshaya shkola, 1957. – 309 s. [in Russian]

22. Hobsbawm, E. Globalization, Democracy and Terrorism. – London: Little Brown, 2007. – 184 p. [in English]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.128

Михалькова С.М.

ORCID: 0000-0002-3250-8373, Аспирант,

Ивановский государственный университет

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОД КНИГИ А.А. ВОЗНЕСЕНСКОГО «ВИТРАЖНЫХ ДЕЛ МАСТЕР»

Аннотация

Цель статьи – охарактеризовать такое специфическое качество поэзии Вознесенского, как архитектурность. В задачи статьи входит анализ составляющих этого понятия в книге «Витражных дел мастер». Эта книга построена как эстетическое целое по аналогии с пространством здания. Сквозным принципом в организации гетерогенных элементов в книге является принцип витража. Главный герой книги – художник, а ее архитектурная логика связана с тайнами жизни, смерти, творчества. Итоги проведенного анализа могут найти практическое применение в учебном процессе по историко-литературным дисциплинам.

Ключевые слова: архитектурность, витраж, авангардная традиция, художник, творчество.

Mihal'kova S.M.

ORCID: 0000-0002-3250-8373, Postgraduate student,

Ivanovo State University

ARCHITECTURAL CODE OF A.A. VOZNESENSKY'S BOOK «STAINED-GLASS MASTER»

Abstract

The purpose of this article is to characterize such specific quality of the poetry of Voznesensky as architectural. The task of the article is to analyze the components of this concept in his book «Stained-glass master». This book is designed as an aesthetic whole by analogy with the space of the building. Cross-cutting principle in the organization of heterogeneous elements in this book is that of stained glass. The main character of the book is an artist, and its architectural logic is associated with the mysteries of life, death, art. The results of the analysis may find practical application in the educational process in the disciplines of literary history.

Keywords: architectural, stained glass window, avant-garde tradition, the artist, creativity.

Внутренняя связь поэзии Вознесенского с широко понимаемой «архитектурностью» отмечалась неоднократно: «Среди «художников всех времен» Вознесенскому особенно близки зодчие, ваятели, живописцы <...> особенно отчетливо сказывается в ней архитектурное видение мира («архитекторы – в стихотворцы»)» [1, с. 405]. По нашему мнению, «архитектурность» в случае с Вознесенским, органично усвоившим авангардную традицию (авангардный текст способен наглядно воплощать смысл как концепцию и конструкцию, нередко «монтажен» и «коллажен» [2, с. 16]), символически обозначает «конструкцию», «наглядность», «современность», («связь через века – от Микеланджело до аэропорта») и т.д. Т.е. речь идёт о философии творчества как внутреннем архитектурном принципе.

«Витражных дел мастер» – одна из лучших книг Вознесенского, представляющая собой законченную «монтажную структуру», эстетическое целое. Сквозная для Вознесенского тема искусства как божественного служения и божественного строительства находит в книге формализованное выражение. Это книга о художнике, предстоящем перед Творцом и одновременно тоже являющегося частью структуры. Витражная тема для Вознесенского связана со светом, божественной природой искусства (в традиции Марка Шагала [3]). В книге же мы видим и витражность как синтез «осколков» самых разных традиций (религиозной, художественной, публицистической и др.), а также видов искусства (скульптура, архитектура, балет и т.д.), соединённых устойчивыми мотивами и общей темой искусства как служения.

Непосредственно «сколы» (они же – «школы») предвзывает стихотворение «Памятник». Поэт не воздвигает памятник, а объявляет памятником отцу себя. Наиболее человеческие черты «отца» принимают огромные масштабы («От Волги по Юкон / пусть будет знаменито, / как, цокнув языком, / любил он землянику») [4, с. 3]. Отец – это не только земной отец, но и небесный, соответственно, сын его является богочеловеком, и через это образ бога прирастает человеческими чертами, причем отец-бог предстает скульптором (художническая ипостась божественного принципиальна). Человек-творец способен на чудо: «Он жил мужским трудом, / в свет превращая воду» [4, с. 3]. Превращения на этом не заканчиваются, жизнь сменяется смертью, но, принимая служение после смерти отца, художник обретает третью составляющую – «Дух» (переход временного существования во вневременное).

Первый скол называется «Ностальгия по настоящему» и открывается стихотворением «Хобби света», которое содержит в себе все основные мотивы книги: «настоящесть», противопоставленная чужому, ненающему; мотив художнического труда, ремесла («крылья за моей спиной / работают, как ветряки», т.е. творчество одновременно является продуктом работы и переработки и стихийной энергии); поп-артовская непринципиальность, эклектичность материала, преображаемая искусством («Я нашёл тебя на свалке. / Но я заставлю тебя сиять» [4, с. 8]); молитвенная обращенность творческого труда к Высшему началу; мотив веры в человека, силы искусства и т.д. Мастер не питает иллюзий по поводу человеческой природы, однако «1 % Микеланджело» является в его глазах оправданием вида, тем,

что приближает его к совершенному, божественному. Перед нами книга, написанная художником о художнике, поэтому для ее восприятия как целого имеет большое значение то, как образ художника трансформируется на всём пространстве книги, приобретая своеобразную «многоэтажность».

В первую очередь значима его трансформация на уровне вида искусства. Первый скол по-настоящему витражен: здесь присутствуют и сам витражных дел мастер, и Бог-творец природы (стихотворение «Озеро», где герой-художник через обострившееся чувство природной красоты переживает встречу с Богом и особенно остро ощущает свою «бездарность» в сравнении с ним), и актриса («Озеро», «Звезда»), и Микеланджело («Молитва Микеланджело» – одно из главных стихотворений книги, «Эрмитажный Микеланджело»), и Шукшин, художник с «активной совестью» («Смерть Шукшина»), и великий хоккеист, который работает могильщиком («Кумир»), и т.д.

Микеланджело для Вознесенского – архетипический образ художника, не случайно «микеланджеловские» тексты расставлены по всей книге, подобно колоннам, с самой мощной опорой в виде второго скола. Стихотворение «Эрмитажный Микеланджело» представляет собой экфрасис, переходящий в свободные размышления по поводу скульптуры «Скрюченный мальчик». Вознесенский предпринимает попытку декодировать послание великого мастера («что впредсоставил в тебя чувственный старец?» [4, с. 58]) и выходит на метафору скрепки, которую напомнили ему очертания скульптуры и которая остаётся от художника тогда, когда «тексты истлели». Это и связь художественных традиций через поколение, и связь художника с божественным). На последнее указывает разворот темы человеческой бренности во второй строфе (дух и тело разъединяются в противовес остающейся «скрепке») и форма молитвенного обращения, почти всегда сопутствующая у Вознесенского упоминанию Микеланджело. Искусство, уравнивая Сидорова и Медичи, даёт человеку почувствовать себя мгновенным, но инструментом в руках Создателя. «Скрюченный мальчик» к тому же является неоконченной фигуркой демона смерти, которую Микеланджело создавал для капеллы Медичи. Понимание художником своей смертности остро обостряет у него чувство своего предназначения, заставляет возводить земное к небесному, вечному.

Ещё одна важная «колонна» микеланджеловского ряда, написанная в форме молитвенного обращения – «Молитва Микеланджело», поднимающая три «темы». Первая – вновь мысль о себе как о Божией частице, на этот раз природной: «Боже, ведь я же Твой стебель», вторая – вопрошание (не путать с ропотом): «что ж меня отдал толпе? / Боже, что я Тебе сделал?», третья – ответ «догадавшегося» художника на собственный вопрос, одновременно являющийся постановкой вопроса самому себе: «Что я не сделал Тебе?» [4, с. 22] Вознесенский-Микеланджело приходит к «идеальной» мысли о личной ответственности художника перед Богом не только за содеянное, но и за не сделанное, то есть за степень реализации способностей, данных ему Богом.

Первый скол по-витражному пёстр, однако имеет продуманную структуру со своими опорными «колоннами», стихотворениями-витражами внутри витража и сквозными орнаментальными мотивами (например, свет). Вся же книга сконструирована по аналогии с пространством здания. Входом к нему является стихотворение «Памятник», фундаментом (по вертикали) или прихожей (в горизонтальной плоскости) является первое стихотворение первого скола «Хобби света». Каждый из сколов можно считать этажом. Если сделать разворот на 90 градусов и поставить их вертикально, то они образуют семь колонн, расположенных по принципу чередования и симметрии (так соблюдается правило золотого сечения). Все темы, заложенные в «фундаменте», то есть в «Хобби света», как ветви дерева, прорастают в «витражах» всех последующих сколов. По принципу витражности и симметричности построены три уровня книги: сборник целиком, каждый скол и отдельные стихотворения. Симметрия на уровне сколов заключается в чередовании «витражных» сколов с «жанрово-тематическими». Все три жанрово-тематических («опорных») скола посвящены конкретным личностям или историческим событиям и конкретным видам искусства, а также имеют конкретные жанровые обозначения. Жанр второго скола, посвящённого Микеланджело, относится к пластическим видам искусства – это «мемориал». Четвёртый скол имеет авторское жанровое обозначение, относящееся к сфере искусств изобразительных, героиня же его представляет балет – это «Портрет Плисецкой». Он камерный, похожий на будуар с богато детализированным интерьером, где много «окон», оставленных для возможности трансцендентного прорыва в область авторских размышлений об искусстве или выхода в более обширное архитектурно-художественное пространство: «Я её вижу на фоне чистых линий Генри Мура и капеллы Роншан»; «Её абрис схож с летящими египетскими контурами» [4, с. 169]. У Плисецкой много масок: она и сверстница в колготках, и громоподобная языческая богиня или жрица, и «гений чистой красоты».

Шестой скол – это практически постмодернистская драма с примесью рок-оперы, основанная на авангардно переосмысленных исторических событиях, – «Авось!», один из наиболее радикальных, игровых экспериментов Вознесенского. Он также витражен в духе современных произведений, стилизующихся под «нон-фикшн», т.е. фрагментарен. Элементы разнородны: это документальный материал (письма, рапорты, донесения), близкие к абсурдистским диалоги, молитвы Богородицы (и даже одна молитва Богородицы – Резанову), эксплуатация самого образа Богородицы, описание свадьбы, архивные документы, поданные в игровой манере и т.д.

В структуре сборника чрезвычайно важную роль играют внутренние связи (книга строится по принципу «метацикла»). Например, «Монолог Резанова» внезапно появляется в конце седьмого скола (вне шестого), чтобы явить не вмещающееся в формат экспериментального мюзиклового спектакля «откровение», а «свет» из «Хобби света» возвращается в обличье звезды, символизирующей одновременно искушение и «величие замысла» для художника, берущего на себя боль стены («На моих неумелых ладах / проступают следы от гвоздя») в стихотворении «Жил художник в нужде и гордыне». Художник подобен верующему (мотив стигматов), утвердившемуся в своей вере, его путь – пути Христа: он проходит через искушение и через страдание, и ему даётся по вере его: «Умер он, изможденный профессией. / Усмехнулась скотина-звезда. / и картину его не повесят. / Но картина висит без гвоздя» [4, с. 3]. Художник, создатель понимается Вознесенским широко – это и витражных дел мастер, и скульптор, он же художник (переводы и вообще повышенный интерес к фигуре Микеланджело), и балерина, и гончар по кличке «Полубес» – и все они сводятся к фигуре некоего высшего Творца. Художник у Вознесенского многофункционален и синтетичен, т.к. на правах создателя красоты претендует на отношение ко всем формам творчества.

Таким образом, книга «Витражных дел мастер» сконструирована Вознесенским по аналогии с пространством здания, со стихотворениями, играющими роль входа, фундамента, семью этажами-«сколами» и сквозным принципом витражности в организации разноуровневых элементов. Художник – главный герой, идущий по этажам и заглядывающий в каждое окно, витражным оком воспринимая мир. Конструктивная логика книги – это одновременно и логика «безотчетного»: тайны жизни, смерти, творчества и т.д. Отсюда один из планов книги – обращенность к Высшему началу.

Список литературы / References

1. Пьяных М.Ф. Вознесенский А.А. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 1. С. 404–407.
2. Раппапорт А.Г. К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа // Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино. – М.: Наука, 1988. – С. 14–22.
3. Шагал М. Витражи в Иерусалиме. К открытию синагоги с витражами работы Шагала в Медицинском центре Хадасса, Иерусалим, 1962 год. // Шагал М. Об искусстве и культуре [Электронный ресурс] // <http://www.m-chagall.ru/library/Ob-iskusstve-i-kulture33.html>
4. Вознесенский А.А. Витражных дел мастер. – М.: Молодая гвардия. 1976. – 336 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. P'janyh M.F. Voznesenskij A.A. // Russkaja literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskij slovar' [Russian literature of XX century. Prose writers, poets, playwrights. Bibliographic dictionary]. – М.: OLMA-PRESS Invest, 2005. – V. 1. P. 404–407. [in Russian]
2. Rappaport A.G. K ponimaniju pojeticheskogo i kul'turno-istoricheskogo smysla montazha [By understanding the poetic and cultural-historical meaning of the installation] // Montazh. Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino [Installation. Literature. Art. Theater. Cinema.]. – М.: Nauka, 1988. – P. 14–22. [in Russian]
3. Shagal M. Vitrazhi v Ierusalime. K otkrytiju sinagogi s vitrazhami raboty Shagala v Medicinskom centre Hadassa, Ierusalim, 1962 god [Stained glass windows in Jerusalem. By the opening of the synagogue with the Chagall stained glasses in the Hadassah Medical center, Jerusalem, 1962]. // Shagal M. Ob iskustve i kul'ture [About art and culture [Electronic resource]] // <http://www.m-chagall.ru/library/Ob-iskusstve-i-kulture33.html> [in Russian]
4. Voznesenskij A.A. Vitraznyh del master [Stained-glass master]. – М.: Molodaja gvardija. 1976. – 336 p. [in Russian]

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

*Мы настоятельно рекомендуем всем нашим авторам зарегистрироваться в системе **Science Index РИНЦ**.*

Таким образом, авторы могут более детально контролировать список своих публикаций, не только в нашем журнале, но и во всех научных изданиях, входящих в РИНЦ. Регистрация в системе также позволит узнать индекс научного цитирования автора и его публикаций.

Подробную инструкцию по регистрации в системе Science Index РИНЦ Вы можете найти на нашем сайте <http://research-journal.org/> в разделе «Полезно знать».

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.142

Олизько Н.С.

ORCID: 0000-0001-6241-6093, Доктор филологических наук, Профессор,

Челябинский государственный университет

МЕТАЯЗЫК ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В АМЕРИКАНСКОМ И РУССКОМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**Аннотация**

Статья посвящена особенностям использования филологического метаязыка в американском и русском постмодернистском художественном дискурсе. В центре внимания автора находятся произведения двух известных представителей постмодернизма – Джона Барта и Виктора Пелевина. Утверждается, что метаязык лингвистики и литературоведения выполняет в художественных произведениях названных писателей различные функции: служит средством авторского комментария, способом самоописания художественного текста; с помощью филологического метаязыка в постмодернистском произведении формируется метатекст. Отмечается, что принадлежащие к филологическому дискурсу описания потенциальной обратимости, цикличности, процессуальности, диалогичности, насыщенности множественными смыслами и гетерогенности повествования не только отражают сущностные черты постмодернистского произведения, но и становятся его частью. В статье показано, что метатекстовая игра в виде фрактальных моделей концентрических кругов и спиралей становится инструментом авторской оценки собственных произведений и произведений постмодернизма в целом как специфического способа миромоделирования. Делается вывод, что с помощью филологического метаязыка, инкорпорированного в структуру художественного дискурса, обеспечивается семиотический сдвиг, в результате которого постмодернистское произведение как вторичная моделирующая система приобретает способность надстраиваться над естественным языком (в данном случае – русским или английским), а также над художественным дискурсом, порождая так называемый метадискурс.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс; художественный текст; метаязык; фрактальная модель; метадискурс.

Olizko N.S.

ORCID: 0000-0001-6241-6093, PhD in Philology, Professor, Chelyabinsk State University

THE METALANGUAGE OF THE PHILOLOGICAL SCIENCE IN AMERICAN AND RUSSIAN POSTMODERN ART DISCOURSE**Abstract**

The article is dedicated to the peculiarities of the philological metalanguage use in American and Russian postmodern art discourse. In the center of the author's attention there are works of two known representatives of postmodernism – John Barth and Victor Pelevin. It is claimed that the metalanguage of linguistics and literature studies accomplishes different functions in works of art of the above mentioned writers: it can perform the function of author's comments and literary text self description; with the help of the philological metalanguage the metatext is formed in a postmodern work. It is reported that the description of the potential invertibility, circularity, procedurality, intention of multiple meanings and inhomogeneity of narration belonging to philological discourse not only reflects essential features of a postmodern work, but becomes its part. It is shown in the article that the metatext game in the form of fractal models of concentric circles and spirals becomes an instrument of authors' estimation of their own works and works of postmodernism as a specific way of world modeling. To draw the conclusion, with the help of the metalanguage, incorporated in the structure of the art discourse, semiotic shift can be provided and as a result a postmodern work as a secondary modeling system acquires the ability to overbuild itself above the natural language (in this very case – Russian or English), and also above the art discourse creating the so called "metadiscourse".

Keywords: postmodern discourse, literary text, metalanguage, fractal model, metadiscourse.

Introduction

Postmodern discourse is a continuous process of sign constructing. In order to determine its notional representation the integration of linguistic persona of a reader into the metasystem of the work, created by linguistic persona of a writer, is necessary. Consequently, decoding of the special metalanguage, filled with constituent meaning and supposing corresponding set of means, acquires the special meaningfulness in the art discourse.

The aim of the article is the analysis of the peculiarities of philological metalanguage realization in American and Russian postmodern discourse through the works of two known representatives of postmodernism – John Barth and Victor Pelevin.

Philological comment in postmodern text

On the structural-semantic metalanguage level the author's comment gets the form of defining of the terms, specification of the meanings of the corresponding expressions, paraphrasing and translation of foreign extracts. In most cases corresponding elements are marked graphically – with the help of brackets and quotation marks. For example, in works of John Barth in brackets there are definitions of the words, which can be unknown to a reader due to their specific use.

"Proetus", I declared, "says I'm innocent, and in the respect that my role in those deaths was not an example of proairesis (by which will be meant a voluntary act preceded by deliberation), I agree [1].

Those familiar with my fiction will recognize in this account several pet motifs of mine: the sibling rivalry, the hero's naiveté, the accomplishment of labors by their transcension (here literal), and the final termination of all tasks by the extermination (here figurative) of the taskmaster; the Protean counselor (Polyeidus means 'many forms'); the romantic triangle; et cetera [1].

These extracts appear to be classical examples of introducing the scientific metalanguage comment to the narration – framing literary text is commented by means of framed philological metatext.

Appeal to scientific metalanguage by means of etymological, word building and other kinds of analysis of lexical items can be found in the works written by V. Pelevin. The novel called "Empire V", dedicated to immortal creatures, sucking away people's energy – product of the so called "intellect B", acquaints a reader with vampire reality which is described by means of terms "discourse" and "glamour", forming dichotomy. The author suggests the original explanation of the origin of these terms.

"Glamour" originates from the Scottish word determining magic. It originates from "grammar", and "grammar" in its turn goes back to "grammatica". In the Middle Ages it was used to determine different demonstrations of learning, including occulted practices which were associated with literacy [5].

In Medieval Latin there was a term "discursus" - "running to and fro", "escape back and forth". If we keep a close watch on the origin of it, so this word originated from the verb "discurrere". "Currere" means "to run", "dis" is a negative particle. Discourse is a ban of escape [5].

In the first example the philological comment, represented in the form of a quasi logical spiral chain "glamour – grammar – grammatica", leads a reader to an associative connection between terms "glamour" and "literacy". In the second extract the liberal word building analysis of the lexical item "discursus" ascribes an absolutely opposite meaning to the term "discourse". Such use of the metalanguage opens unlimited possibilities of indirect influence on the reader while presenting philosophical, political and religious questions.

Comments in the form of translation and short notes referring to corresponding precedent setting phenomena contribute to deeper understanding of the text by means of actualization of connections with well known names and statements. One of the characters of the novel "Empire V" comments on the meaning of the expression "a mare's nest", used to characterize the work of V.V. Nabokov.

"An awful night dream" in English is "night mare". Vladimir Vladimirovich mentions it somewhere. But why "grey"? The most terrible of night mares is insomnia... Insomnia, your stare is dull and ashen... Ashen, gray... [5].

The development of the idea is accomplished by means of a spiral – associations in the Russian and English languages interlace, "a mare" becomes the embodiment of "insanity", "terror", "insomnia", that is confirmed by means of fractal reproduction of the quotation from V. Nabokov in two languages.

The metalanguage as a means of self description of a literary text

The use of the philological metalanguage, being a means of terms and notions definer, is an effective way of "self description" of a work. For example, in the novel "The Life of Insects", written by V. Pelevin, the moth, named Mitya, dwelling upon the theme of a creation of a literary text, expresses a wish to describe the life of insects in its work.

If I were to write a novel about insects, I would represent their life in this very way – a village near the sea, darkness, and in this darkness several electric bulbs are on, but above them there are disgusting dances. And everything is flying towards that light, because there is nothing else there. But to fly to those bulbs is... [7].

The telescope type inclusion of one text into the other (the novel of the moth repeats the plot of the whole work, on the pages of which it appears), being a means of "self description", represents the main idea of the novel – "The Life of the Insects": the natural-philosophic picture of the world of the insects adequately reflects the life of people, being in the constant search for the meaning of existence.

The process of self description is closely connected with the realization of one of the most important elements of the concept sphere of the postmodern discourse – the concept "a mask of the author", letting the writer present various linguistic and literary problems of the narration. So, in the main circle of the main themes of the novel by J. Barth "Chimera" the theme of creation of this very work is included, and the novelist himself turns out to be one of the characters. The author is always busy with creative problems and he discusses them with a reader, placing his own thoughts into the mouth of the Genie, behind whose mask J. Barth can be seen. In the middle of the narration the Genie tells Scheherazade about the work on "series made of three novellas – long stories, which will get their own meaning one in another" (it is referred to the novel – "Chimera"). Moreover, according to his words, two novellas have already been written. Working on the third one, the author appears to be on the pages of his own narration.

The Genie ... repeated that he was still in the middle of that third novella in the series, and so far from drafting the climax and denouement, had yet even to plot them in outline. Turning then to me, to my great surprise he announced that the title of the story was Duniyazadiad; that its central character was not my sister but myself, the image of whose circumstances, on my 'wedding-night-to-come', he found as arresting for tale-tellers of his particular place and time as was my sister's for the estate of narrative artists in general [1].

Isomorphism of this extract and novella "Chimera" (at first, as it is known, the novella, called "Perceid" appeared, then "Bellerophoniad" and "Duniyazadiad" were written) helps the Genie explain the peculiarities of the trilogy building. The use of terms and notions of literary studies (novella, climax, denouement, plot, central character, tale tellers, and narrative artists) helps to interpret this fragment as a metatext, demonstrating self-similar development of the work. In this case, metalanguage comments of the linguistic character, accompanying the statement, help to draw the reader's attention to those its sides, which could be hidden, if they were used differently. In the above mentioned extract we find out an attempt of re-thinking the proto text (the fairy tale "The Arabian Nights") in order to find out a new meaning of the work ("Chimera"). So, not Scheherazade, but her younger sister Duniyazadiad (in her person the narration is performed) becomes the main character of Barth.

The Genie constantly involves Scheherazade in the dialogue about the technique of story-telling, participants of the narration process and literature experiments. In particular, he discusses whether a story might imaginably be framed from inside, so that the usual relationship between container and contained would be reversed and paradoxically reversible [1]. (Compare Mobius strip as a symbol of invertibility of container and contained).

They speculated endlessly on such questions as whether a story might imaginably be framed from inside, so that the usual relation between container and contained would be reversed and paradoxically reversible – and what human state of affairs such an odd construction might usefully figure [1].

The author takes an attempt of drawing a parallel structural peculiarities of the novella and human relationships. He says about his wish to write “a series of seven concentric stories-within-stories, so arranged that the climax of the innermost would precipitate that of the next tale out, and that of the next, et cetera”, comparing this process to “the chain of orgasms” (this idea goes back to “Love Discourse” by Juliya Kristeva and “A Lover’s Discourse: Fragments” by R. Barth).

Or whether one might go beyond the usual tale-within-a-tale, beyond even the tales-within-tales- within-tales-within-tales, and conceive a series of seven concentric stories-within-stories, so arranged that the climax of the innermost would precipitate that of the next tale out, and that of the next, et cetera, like a string of firecrackers or the chains of orgasms [1].

Described by J. Barth the fractal model of concentric circles becomes the framework for metaphor, built on the isomorphism of the literary creation and art of love, which, in its turn, is a point of departure of discussions about parallelism of relationships between genders and relationships between a teller and a listener. On the lexical level, it appears in the use of items, building correlative thematic lines: teller, listener, reader, tale – on the one hand, and masculine, feminine, intercourse – on the other hand. On syntactical level the above mentioned correspondence is emphasized with the help of the use of parallel constructions.

The book about Sherry herself which he claimed to be reading from, in his opinion the best illustration of all that the very relation between teller and told was by nature erotic. The teller’s role, he felt, regardless of his actual gender, was essentially masculine, the listener’s or reader’s feminine, and the tale was the medium of their intercourse [1].

In “Bellerophoniad” the linguistic metalanguage as a means of self description becomes the framework for irony, referring not only to the character, “getting lost among the lines of his own story”, but also to the author, who laughs bitterly at himself, when he makes “a three part digression”, trying to climb out of “sinking in exposition as in quick mire”.

We’re in a three-part digression already, sinking in exposition as in quick mire! The Deterioration of the Literary Unit: yes, well, things are deteriorating right enough, deteriorating; everything is deteriorated; deterioration everywhere. God knows I’m not what I used to be; no help for that. But never for want of words! Too much to say, that’s my complaint: everything to get said, and all at once or I’ll forget it. Already I’ve forgotten half what I’d in mind to write; pen can’t keep up; I make mad side-notes, notes of notes for notes [1].

Abundance of lexical items with negative connotation lets the author show the feeling of uncertainty, and the repeated use of negative particles emphasizes impossibility to change anything. Intensification of the emotional strain is connected with the repetition of different grammar forms of the word “deterioration”, being the framework for the ironic remark of the author about the modern state of literature – “the deterioration of the literary unit”. Realizing the truth of this estimation with regard to his own “creation”, the author applies for self irony and determines his work as “mad side-notes, notes of notes for notes”.

Irony of such kind is characteristic for works by V. Pelevin, too. For example, the novel called “Sacred Book of the Werewolf” opens with “The comment of the Expert”, describing the history of appearance of the discussed work and expressing critical estimation of the last one. The preface (comment in the person of the Major of militia – Tengiz Kokoev, Peldis Sharm – presenter of the TV program “Karaoke Homeland” and philologists – Maya Maracharskaya and Igor Koshkodavlenko, sharing the same degree level) anticipates possible negative comments about the novel and demonstrates the author’s uncensorious attitude to bias and incompetence of critics.

This text, also known under the name of “A Hu-Li” is an unskillful literary falsification, made by an unknown author in the first quarter of the 21st century. Most experts agree that not that manuscript is interesting, but that way, with the help of which it was thrown into the world. The text file, titled “A Hu-Li”, was supposed to be on the hard disc of the portable computer, found under “dramatic circumstances” in one of Moscow parks [8].

Apart from conveying the author’s attitude, this preface, describing the final scene of the novel, performs an important plot forming function: the writer finishes still not beginning narration, which at the end of the plot leads a reader to the beginning of the development of events.

The Philological metalanguage as a framework for the creation of the metatext

In the art discourse of postmodernism, the metalanguage comment is not limited by defining peculiarities of the exact work organization. The author, as a rule, makes an attempt to state essential characteristics of postmodern writing as a whole, paying special attention to the problem of defining the notion “postmodernism”.

Science tractates of J. Barth, for example, are dedicated to studying peculiarities of different literary directions, which are relatively divided by him into the literature of “exhaustion” and the literature of “supplying”. Realism is called “exhausted” literature unable to reflect peculiarities of modern life. “Truly realistic” approach to the problems of modern art, concerning “breaking” of traditional forms of narration and destruction of “old-fashioned” ideas about the plot, genre, and composition, is relevant to “renewed” literature, being able to “fill the modern art with new contents”. The case is that the postmodernism is the only kind of art, “corresponding with needs of the epoch”, when “individual acquires the special meaning” for each person. This literature is “an example of individual perception of reality” [3].

This theory is confirmed by J. Barth with practice, and he realizes the idea of exhaustiveness of traditional literature in the short story called “Title” (short story collection “Lost in the Funhouse”). By means of the spiral organization of narration he constantly returns a reader to the initial idea, expressed with the help of the phrase “to fill in the blank”. The icon repetition of this expression in the structure of rhetorical questions (*Did you think I meant to fill in the blank? What memes you think I wouldn’t fill in the blank instead? Even if I should fill in the blank with my idle pen?*), imperative constructions (*Try to fill the blank, effect what can’t be faced or else fill the blank. Let the end be blank; anything’s better than this*) and philosophic conclusions (*Only hope is to fill the blank. You can’t fill in the blank; I can’t fill in the blank. Or won’t. It sounds as if somebody intends to fill in the blank*) draws the recipient’s attention to the problems of the “exhausted” literature of the realism.

Presentation of this theme is continued in the short story “Lost in the Funhouse”, where the description of the events (the teenager, called Ambrose, goes to Ocean city with his family on the occasion of The Day of Independence celebration) is accompanied by the metalanguage incorporations: every narrative element is presented together with the author’s comment, determining the corresponding spiral turn of the work development.

En route to Ocean City he sat in the back seat of the family car with his brother Peter, age fifteen, and Magda G____, age fourteen, a pretty girl and exquisite young lady, who lived not far from them on B____ Street in the town of D____, Maryland. Initials, blanks, or both were often substituted for proper names in nineteenth-century fiction to enhance the illusion of reality. It is as if the author felt it necessary to delete the names for reasons of tact or legal liability. Interestingly, as with other aspects of realism, it is an illusion that is being enhanced, by purely artificial means [2].

The reflection of the author about the text structure in terms and notions of linguistics (initials, proper names) and literary studies (Nineteenth-century fiction, illusion of reality, author) helps to analyze this extract as a metatext. The construction, formed in this way, can be described as a spiral, which presents self-similar development of a short story on the language and metalanguage levels. The author's comment provides moving to a new level of the work understanding due to the fact that the metatext is not just a special kind of the language forming, but it creates the background of the statement, revealing its foreground. In other words, the metalanguage, being the special form of expression, is able, to some extent, to influence the contents of the part of the statement it refers to. In this case, the author, commenting the description of the events from the life of the main character, makes a reader think about the influence means and approaches of "the truly realistic" literature.

The problem of clarification of the essence of postmodernism is also repeatedly brought up in works written by V. Pelevin. In the novella called "The Life of Insects" postmodernism is defined as "the art of Soviet match men" [7]. In "Sacred Book of the Werewolf" the case is about "the culture, preferring to resell the patterns, created by others, instead of creating new ones" [8]. In "Numbers" postmodernism appears "when you make a doll out of a doll, while you yourself are a doll" [6].

A novel called "Macedonian Criticism of French Thought" takes a special place in this line. In the frames of this novella, a similarly named composition of the main character Kiki is quoted – "strange mixture of layers of the text, overflowing one into another, not interrelated at all at first sight", these are "memories about the childhood, intimate diaries, a philosophical tractate and technical description" [6]. The work, introduced into the text of the narration, is dedicated to the analysis of works of such "French thinkers of the last century" as Michel Foucault, Jacques Derrida, Jacques Lacan and others. In addition to the above mentioned, the author emphasizes that Kiki "had never read those philosophers in his life, but had only heard several quotations and terms from their works" [6]. However, this fact did not prevent the character from making announcements about "absolute worthlessness of great Frenchmen" [6].

For example, he compares two philosophers, Baudrillard and Derrida: *"As for Jean Baudrillard, in his compositions it is possible to change all affirmative sentences into negative ones without any harm to the meaning. Besides, it is possible to change all nouns into the words with the opposite meanings, and again without any consequences. And even more, it is possible to perform these operations simultaneously, in any succession, or even several times at a run, and the reader will not feel again any noticeable changes. But Jacques Derrida, a real intellectual will agree, dives deeper and does not come up longer. As for Baudrillard, it is possible to change the meaning of the statement into an opposite one, while in case of Derrida, it is mostly impossible to change the meaning of the sentence with any operations"* [6].

The presented fractal model of concentric circles consists of texts inserted one into the other: the metatext by V. Pelevin comments the metatext of Kiki, commenting the peculiarities of works by Jean Baudrillard and Jacques Derrida. Their works are semantically analyzed, the use of such terms as "meaning", "sense", "noun", "statement", "sentence" and others prove it. The analysis proves impossibility to change the meaning in compositions of French scientists. According to Kiki's interpretation it means impossibility to find any sense. V. Pelevin understands it as impossibility of "critics" to convey the meaning put into the works of French researchers.

The main postulate of the postmodernism, applying both to works written by V. Pelevin and works by other representatives of this current, is stated in "A Note About Looking For the Wind": "Nothing should be invented, everything that this novella should contain has already been invented, but these extracts are scattered in books of different epochs" [6].

Conclusion

To draw the conclusion in case of the analysis of peculiarities of the philological metalanguage realization in American and Russian postmodern art discourse, it is necessary to mention that any narration requires the comment, explaining ideas of the writer referring to the work construction. Belonging to the scientific metalanguage, the descriptions of the potential invertibility, circularity, procedurality, dialogueness, intention of multiple meanings and inhomogeneity of narration reflect essential features of any work of postmodernism. Represented in the form of fractal models of concentric circles and spirals the metatext game becomes the means of expressing the author's estimation of his own works and works of postmodernism as a specific way of the world modeling.

The performed analysis helps to state that the philological metalanguage, incorporated in the structure of the art discourse, creates semiotic shift. As a result a postmodern work as a secondary modeling system acquires the ability to overbuild itself not only above the natural language (in this very case – Russian or English), but also above the art discourse creating the so called "metadiscourse".

Список литературы / References

- Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. – Челябинск, 2009. – 343 с.
- Пелевин В. О. Ампи́р В: роман. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 416 с.
- Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 416 с.
- Пелевин В. О. Жизнь насекомых: повесть. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 256 с.
- Пелевин В. О. Священная книга оборотня. – Москва : ЭКСМО, 2009. – 416 с.
- Barth J. Chimera. – New York: Fawcett Crest Book, 1973. – 320p.
- Barth J. Lost in the Funhouse. Fiction for print, tape, live voice. – New York: Doubleday & Company, 1968. – 201p.
- Barth J. The Friday Book: Essays and Other Notification. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1997. – 286 p.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Olizko N.S. Semiotiko-sinergeticheskaja interpretacija osobennostej realizacii kategorij intertekstual'nosti i interdiskursivnosti v postmodernistskom hudozhestvennom diskurse [The semiotic – synergetic interpretation of the peculiarities of intertextual and interdiscourse categories realization in postmodern art discourse]: dissertation / N.S.Olizko. – Chelyabinsk, 2009. – 343p. [in Russian]
2. Pelevin V.O. Ampir V: roman [Empire V: novel]. – Moscow: EKSMO, 2008. – 416 p. [in Russian]
3. Pelevin V.O. Dialektika Perehnodnogo Perioda iz Niotkuda v Nikuda [The Dialectics of Transition Period from out of Nowhere to Nowhere]. – Moscow: EKSMO, 2008. – 426 p. [in Russian]
4. Pelevin V.O. Zhizn' nasekomyh: povest' [The Life of Insects: novel]. – Moscow: EKSMO, 2008. – 256 p. [in Russian]
5. Pelevin V.O. Svjashhennaja kniga oborotnja [The Sacred Book of the Werewolf]. – Moscow: EKSMO, 2009. – 416 p. [in Russian]
6. Barth J. Chimera. – New York: Fawcett Crest Book, 1973. – 320p.
7. Barth J. Lost in the Funhouse. Fiction for print, tape, live voice. – New York: Doubleday & Company, 1968. – 201p.
8. Barth J. The Friday Book: Essays and Other Notification. – Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1997. – 286 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.050

Полуднева Е.И.¹, Модина Г.И.²¹Магистрант, ²кандидат филологических наук, Дальневосточный федеральный университет.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАННЕГО ТВОРЧЕСТВА УИЛЬЯМА БАТЛЕРА ЙЕЙТСА

Аннотация

В статье рассмотрены - факторы, повлиявшие на эстетические взгляды Уильяма Батлера Йейтса, традиции, под влиянием которых складывалось его раннее творчество, истоки символизма Йейтса. Анализ эстетических оснований ранней лирики поэта произведен на основе эстетических сочинений - статей и эссе, написанных Йейтсом в период раннего творчества; в них отражены представления Йейтса об искусстве в целом, о значении и роли символа в искусстве, о поэзии, миссии поэта и поэтическом призвании.

Ключевые слова: Йейтс, эстетика, символизм.

Poludneva E.I.¹, Modina G.I.²¹Master's Degree Student, ²PhD in Philology, Far Eastern Federal University

AESTHETIC GROUNDS OF WILLIAM BATLER YEATS' EARLY WORKS

Abstract

The article considers factors which determined Yeats' aesthetic views, traditions which influenced his early works, background of Yeats' symbolism. The analysis of the aesthetic grounds of the poet's early works is based on his aesthetic publications – articles and essays, written by Yeats during the period of his early lyrics; they reflect Yeats' thoughts about art in whole, about significance of symbol in art, about poetry, poet's mission and poetic vocation.

Keywords: Yeats, aesthetics, symbolism.

Творчество Уильяма Батлера Йейтса (1865 – 1939) часто привлекает внимание отечественных и зарубежных литературоведов (В. А. Ряполова, А. П. Саруханян, Г. М. Кружков, С. М. Боура, А. Дж. Сток), но объектом исследования, как правило, становится лирика позднего периода и драматургия. Раннее творчество и ранние эстетические сочинения остаются наименее изученной частью наследия ирландского поэта. Эстетическим основаниям раннего творчества Йейтса посвящена данная статья.

В статьях и эссе, созданных в 1890 – 1910-е годы воплощено мировоззрение Йейтса, его представления о творчестве, поэзии, роли поэта и поэтическом призвании. В это же время Йейтс пишет эссе о тех поэтах и художниках, кого он считал своими учителями: об Уильяме Блейке, Перси Биши Шелли, Уильяме Моррисе, Данте Габриэле Россетти.

Эстетические взгляды Йейтса складывались под влиянием нескольких традиций. Юность его прошла в ирландском городке Слайго. Йейтс остро осознавал собственную национальную принадлежность. Народная поэзия Ирландии стала первым эстетическим опытом будущего поэта. Изучению ирландского фольклора посвятит он многие годы своей жизни.

В детстве Йейтс воспринял влияние иной традиции. Его отец, Джон Батлер Йейтс, был художником, испытывавшим влияние прерафаэлитов. Живопись и поэзия Россетти были знакомы и близки Йейтсу, как и творчество Ханта, Милле и Уотерхауса, что сказалось на формировании его поэтического стиля.

Чрезвычайно важной была для Йейтса традиция английской ренессансной и романтической литературы, сам он признавал влияние Спенсера, Блейка, Шелли, Вордсворта (эссе «Блейк и воображение», 1897, «Самый счастливый поэт», 1902, «Философия поэзии Шелли», 1900).

В 1890-е годы начинается увлечение Йейтса восточной философией, литературой, эзотерическими учениями. Поэт осмысляет этот новый для него интеллектуальный опыт эстетически в статьях «Магия» (1901), «Роза Алхимии» (1913). В статье «Некоторые превосходные японские пьесы» (1916) Йейтс пишет, о влиянии японской традиции на его творчество.

В 1890-е годы Йейтс все чаще задумывается о сущности символа.

Йейтс пишет работы «Символизм живописи» (1898), «Символизм поэзии» (1900), «Осень тела» (1898). «Символ, – полагает он – единственный феномен, свободный от всевозможных оков настолько, чтобы выразить совершенство»

[6, 232]. Истинное искусство символично, именно это качество позволяет воплотить в произведении «Божественную сущность» [6, 231].

Йейтс отождествляет символизм и мистицизм. Символика, пишет он в статье «Символизм живописи», создает тайный мистический подтекст, содержащий сокровенное знание.

Творчество представляется ему мистическим, полностью иррациональным процессом. «В творчестве каждого поэта или художника кто, как Россетти или Вагнер работал в рамках традиционного или личного символизма, действительно существует мистика; и эти люди часто впадают в состояние транса или видят сны наяву», пишет поэт [6, 235]. Потому особенно близки ему художественное творчество и эстетические суждения визионера Блейка.

Размышляя в статье «Символизм поэзии» о сущности поэтического символа, Йейтс определяет отношения символа и метафоры. Всякий символ по природе своей есть метафора, полагает он, но не всякая, а лишь «совершенная», «глубокая», способная открыть истинную сущность явления, метафора становится символом [7, 243]. Непременным условием создания символического образа Йейтс считает гармонию изобразительного и выразительного начал: «Все звуки, все цвета, все формы <...> вызывают неопределенные, но, тем не менее, конкретные эмоции, <...> и когда звук, цвет и форма находятся в музыкальном соотношении, они становятся едины». И лишь тогда образ становится символом. [7, 244].

Йейтс различает символы «эмоциональные» и символы «интеллектуальные». Первые обращены к чувствам, вторые, затрагивая эмоциональную сферу, рожают мысль.

Наибольшее значение он придает символам интеллектуальным, рождающим «только идеи или идеи наравне с эмоциями» [7, 251]. Истинными поэтическими символами Йейтс считает интеллектуальные символы, так как: «символы эмоциональные читатель наблюдает со стороны, видит в них внешние события. Интеллектуальные символы, приобщают его разум к чистому интеллекту, он духовно соединяется с ними» [7, 252].

Поэтическая символика, полагает Йейтс, прямо связана с глубоким философским осмыслением мира, ясным представлением об истине [3, 303].

Профессор Эми Джаральдин Сток в книге «Йейтс: его поэзия и мысли» так оценивает его работы о символизме: «Ранние эстетические работы Йейтса ясно дают понять, что он расценивал символизм как путь мысли, идущий из далеких времен, выражая понятия, для которых у современников нет определений, и он не верил, что отказавшись от него, люди станут мудрее» [2, 48].

Заметим, что это представление о ценности символа в поэтическом сознании Йейтса возникло не сразу. В эссе «Магия» (1901) он критически оценивает свое юношеское восприятие символа: «Я думал тогда, что мы приписываем символу особую силу, и с успехом могли бы обойтись без него. В те дни я использовал уже существующие значения символов, вместо того, чтобы самому создавать их» [5, 64].

Йейтс стремился создавать собственные значения известных символов. «Теперь, - утверждает поэт в эссе «Магия», - я вижу, что символ обладает величайшей силой, независимо от того, сознательно ли обращаются к ним мастера магии, или почти бессознательно близкие магам поэты, музыканты, и художники» [5, 66].

С годами Йейтс все больше увлекается исследованиями символов, и некоторые из них («роза», «башня») становятся лейтмотивами его творчества, выражая основные представления о мире.

Мир предстает перед поэтом сложной системой символов, и символ становится центральной категорией его поэтики.

В ранних, посвященных проблемам творчества, работах, Йейтс размышляет о сущности поэта. В эти размышлениях сказалась уверенность в нерасторжимой связи мистического и символического начал. «Йейтс, - пишет Сесил Морис Боура в книге «Наследие символизма», - не считает поэзию замкнутой в себе, со своими ритуалами и собственным значением. Он видит в ней часть более обширной сферы, способ коммуникации с духовным миром, который находится за пределами видимого. Для него поэт сродни медиуму. Он - интерпретатор незримого, а его поэзия - череда откровений, данных ему» [1, 185].

По замечанию Боура, Йейтс принимает доктрину символизма, не только потому, что «ее высокие стандарты соответствуют его художественному вкусу, но и потому, что мистическая направленность соответствует его склонной к мистицизму натуре» [1, 187].

Поэт, полагает Йейтс, деятельно познает жизнь и отражает ее в искусстве, преломляя через призму своего сознания, избегая при этом корыстных побуждений, ложной дидактики. Радость творчества Йейтс отождествляет с радостью первой любви. Поэзию он сравнивает с мелодией, звучащей в сердце поэта. Поэт же должен облечь ее в слова. Совершенство творчества определено совершенством души творца. В стремлении к поэтическому идеалу, художник должен бесконечно совершенствовать собственную душу. Йейтс представляет совершенного поэта аскетом. Сравнивая в эссе «Два рода аскетизма» (1906) поэта и святого, Йейтс приходит к заключению: поэт «отождествляет себя с душой мира, и душа его должна быть свободной от пороков. Аскетизм поэта состоит не в отказе от женщин и вина, а от газет. Все преходящее должно быть отвергнуто. Бурные страсти не долговечнее цветка. Отказавшись от них, святой заботится о вечности своей души. А истинный поэт, стремясь увековечить искусство, пребывает между миром сакральным и профанным. Если он предпочтет профанный, изменчивый мир, его ум утратит остроту и критичность, чувства потускнеют. Поэту должно научиться жить на грани двух миров: вечного и преходящего, чтобы совершенствовать свое искусство». [4, 286].

Искусство для Йейтса - способ постижения истинного знания о мире материальном и идеальном. Поэт (или любой творец) при этом выступает в роли медиума - посредника между реальным и сверхъестественным мирами. Символ - это инструмент поэта, с его помощью он устанавливает связь между мирами. Таким образом, поэт у Йейтса является вечным бардом, находящимся вне времени, вне эпохи, вне общественных идеологий, вне конфессий. Он лишен религиозных предрассудков, и обладает индивидуальной верой. В творчестве он объединяет и примиряет культуры, эпохи, религии и идеологии всех времен.

Эта позиция, выраженная в ранних эстетических сочинениях Йейтса, стала основой его поэтической практики.

Список литературы / References

1. Bowra. C. M., The heritage of Symbolism. - London: MacMillan & Co LTD, 1962. – 231 p.
2. Stock. A. G., W. B. Yeats. His poetry and thought. – Cambridge: University press, 1961. – 254 p.
3. Yeats W. B., Autumn Body. //Ideas of Good and Evil. //W. B. Yeats. Essays and Intriductions. – London: MacMillan & Co LTD, 1961. – 530 p.
4. Yeats W. B., Discoveries. //W. B. Yeats. Essays and Intriductions. – London: MacMillan & Co LTD, 1961. – 530 p.
5. Yeats W. B., Magic. //Ideas of Good and Evil. //W. B. Yeats. Essays and Intriductions. – London: MacMillan & Co LTD, 1961. – 530 p.
6. Yeats W. B., Symbolism of Painting. //Ideas of Good and Evil. //W. B. Yeats. Essays and Intriductions. – London: MacMillan & Co LTD, 1961. – 530 p.
7. Yeats W. B., Symbolism of Poetry. //Ideas of Good and Evil. //W. B. Yeats. Essays and Intriductions. – London: MacMillan & Co LTD, 1961. – 530 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.120

Романова Л.Н.

ORCID 000-0002-4690-0907, кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук

«ПОРТРЕТЫ ЯКУТСКИХ ЖЕНЩИН» А.Е. КУЛАКОВСКОГО – ПЕРВЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация

В статье представлен анализ цикла «Портреты якутских женщин» А.Е. Кулаковского как первого метажанрового образования в якутской художественной литературе. Якутский поэт в создании циклов опирается на традиции устного народного творчества и классической русской сатирической портретистики. Выявлены основные объединяющие свойства циклического образования в композиционном и образно-языковом плане. Определено, что цикл имеет структурообразующую роль в формировании сборника стихов. Так, принципы создания портретных характеристик цикла использованы и в других произведениях авторского сборника.

Ключевые слова: цикл, портрет, якутская поэзия.

Romanova L.N.

ORCID 000-0002-4690-0907, PhD in Philology, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

“THE PORTRAITS OF THE YAKUT WOMEN” OF AU. KULAKOVSKIY – THE FIRST POETIC CYCLE IN THE YAKUT POETRY LITERATURE

Abstract

In the article is represented the cyclical analysis “The portraits of the Yakut women” of AU. Kulakovskiy as first metagenre formation in the Yakut artistic literature. Yakut poet in the creation of cycles rests on the tradition of oral people creation and classical Russian satirical portretista. Are revealed the basic uniting properties cyclic formations in the composition and descriptive-lingual plan. It is determined, that the cycle has the structure-forming role in the formation of the collection of verses. Thus, the principles of the creation of the portrait characteristics of cycle are used also in other works of author's collection.

Keywords: cycle, portrait, Yakut poetry.

Первым якутским поэтом Алексеем Елисеевичем Кулаковским-Ексекулях Алексеем (1877-1926 гг.) заложены основы многих стихотворных жанров национальной литературы – от лирического стихотворения до поэмы и цикла. При этом первопоэт опирался как на традиции устной словесности (обрядовой поэзии, народных песен и т.д.), так и на литературный опыт классической русской литературы. Так, новаторским явлением зарождающейся якутской поэзии начала XX в. стал цикл “Портреты якутских женщин”, включенный в первое прижизненное издание Кулаковского 1924-1925 гг. «Ырыа-хоһоон» (“Песни-стихи”).

Необходимо отметить то, что якутскому художественному сознанию в целом свойственна некая “цикличность”. Стремление объединять народные песни под общим названием, по тематике и даже по ритмико-композиционным признакам (*дэгэрэн* и *дьиэрэтии* ырыа - ритмичная и протяжная песня) наблюдается и в обрядовой культуре народа саха, и в лирической песенной традиции (календарно-обрядовые и сезонные песни «Дьыл кэлиитин ырыата» (песни смены времен года); *личны*е любовные песни, песни-перепевки, бытовые песни и т.д.).

В поэзии Кулаковского центральное место занимает Человек. Антропологическая линия творчества поэта выстраивается от отрицательного образа Человека к идеальному, от сатирического изображения к одическому. Нравоописательность, социально-философская направленность поэзии проявилась особенно ярко в галерее портретов, занимающих в сборнике Кулаковского одно из важных мест («Потреты якутских женщин», «Деревенская женщина», «Скупой богач», «Городская девушка», «Городские девушки», «Песня пьяного буржуя», «Песня столетней старухи», «Красивая девушка», «Проклятый до рождения», «Певец»). На концептирующее значение портретов в творчестве Кулаковского указывает и то, что им был создан цикл потретов, который стал первым сложным метажанровым образованием в истории национальной поэзии.

Цикл «Портреты якутских женщин» («Саха дьахталларын мэтириэттэрэ») представляет собой описание семи женских образов, большинство из которых представляет собой подчеркнuto антиэстетический портрет современницы поэта. В соответствии с проблематикой и сатирическим пафосом произведений цикла, отражающих пороки

несовершенного общества и эмоциональное отношение автора к ним, портреты имеют утрированно-гиперболизированный, и вместе с тем реалистический характер.

Циклы портретов, при общем их тематическом (портретном) характере, отличает полигенетичность по отношению к устной традиции: с одной стороны, по форме, по способам внешней и внутренней характеристики они восходят к народным песням – *туойуу*, *хоһуйуу* (воспевание); с другой – детализированность описания, гиперболизированность, соотнесение с окружающим миром обнаруживают схожесть с эпическим описанием образов в эпосе олонхо.

Кроме того, автор, несомненно, опирается на классические образцы русской сатирической портретистики XVIII-XIX вв. (произведения Антиоха Кантемира, М. Ломоносова, А. Сумарокова, В. Державина, А. Пушкина и др.). Отсюда предельная обобщенность и метафоричность, фрагментарность и детализированность в малом объеме, трагедийность сатирической интонации, сочетающей в себе лирическую, социально-политическую и философскую линии.

Портрет в литературе часто является одной из характерных примет времени, ведь «Портрет – это летопись эпохи через галерею портретируемых» [1, 5]. Портрет в лирике – это, прежде всего, исследование Человека в его взаимосвязи с обществом, Вселенной. Поэтому в литературе он становится одним из самых важных форм отражения авторского мировидения. В этом ряду особое место занимает сатирический портрет, порожденный чувством скорби писателя о низком уровне нравственности современного ему общества. Однако при всей своей саркастичности и трагедийности, сатирический портрет, высмеивая те или иные пороки, имеет целью усовершенствовать человека и общество. Таков характер и сатирических портретов Алексея Кулаковского.

В прижизненном издании 1924-1925 гг. портреты были даны по порядковому номеру, но известно, что в рукописном варианте [2, 1-7] произведения цикла имели конкретные названия в соответствии с характером и судьбой героинь «Хобуоччу» («Сплетница»), «Баай хотун» («Богатая госпожа»), «Чэпчэки» («Ветреная»), «Албын» («Лгунья»), «Дьүдэйбит» («Горемычная»), «Тыллаах» («Злоязычная»). Сравнение рукописного и окончательного (книжного) варианта произведений говорит о том, что замена названий стихов цикла на порядковые номера было обусловлено усложнением образов, расширением поэтической характеристики, неким указанием на типичность образов.

В большинстве портретов описываемые внешние признаки становятся видимым симптомом внутренних свойств человека: характера, нравов, психологических особенностей (например, неряшливость, внешняя запущенность свидетельствует о недалеком уме; насушенные брови, острые губы – злобного нрава, раздражительности, неуживчивости и т.д.).

Композиция каждого из портретов не однотипна: в одних, образ дан с социальной мотивацией нынешнего состояния героини (1-й портрет), с вкраплением «биографических» штрихов (5-й, 6-й портреты); в других показаны статичные образы, сформировавшиеся характеры без мотивационных и биографических предпосылок. Первый тип имеет характер мини-поэм, содержащих при небольшом объеме емкое повествование о судьбе женщины. Другая группа структурно и семантически очень близка к народным воспевательным песням – *туойуу*, *хоһуйуу*. Кроме того, седьмой портрет по своей форме (рифмическим параметрам), изобразительно-выразительным средствам описания близок к жанру скороговорки, о чем говорит игровой характер скороговочных усеченных выражений.

Одним из главных приемов типизации в портретах стало обширное применение пословиц и поговорок, свидетельствующих о распространенности представленных образов. Только в одном портрете якутской женщины (№2) поэт привлекает множество народных пословиц о злоязычных женщинах, что свидетельствует о типичности и распространенности этого образа: «*Икки атахтаах этиһэн / Иннигэр түспэтэх, / Сытыы тыллаах / сытаан сысыбатах*» (двуногому не поспорить ее, остро слову не догнать ее длинный язык); «*Биир тылга / Биэс уону эппиэттээн иирэр, / Икки тылгы / Икки сүүһү этэн илгистэр*» (в ответ на одно слово пятьдесят, отвечая безумствует, двум словам двести, отвечая, от злости трясется); «*Бэлэһигэр биэс игнэлэнэн / Сангарарын дьаабылаабат*» (у нее в глотке пять иголок, не разбирает, что говорит); «*Тимир тириитин кэтэн*» (надев свою железную шкуру); «*Хата хагдан оттоох сиргэ / Хаһан эмэ олоодоойбуут*» (народная пословица гласит: «*Хагдан оттоох сиргэ олоору суох күтүр*» (ее нельзя сажать на сухое сено – имеется ввиду, что от злой, острой на язык женщины может загореться сухая трава) и т.д.

В образе сплетницы и сводницы в пятом портрете Кулаковский использует выразительные, меткие пословицы: «*Олбуордар остуоруйаларын / Нойосуус субуруттар*» (сплетни двора наизусть перечисляет), «*Сип гыммыты / Ситиигэ тилэ сылдьан / Ситэрэн сэнэргээн сэргэбэлэтэр, / Сап гыммыты / Сапка тилэ сылдьан / Сааһынан саһаран саататар*» (всякое шушукание на веревочку навязывает, всякое шептание на нитку нанизывает – запоминает и, от себя добавляя, складно рассказывая, людей развлекает). В «Портретах якутских женщин» народные пословицы и поговорки дополняют сатирическое изображение героинь, помогают типизации образа.

Основную архитектурную роль во всех стихах выполняет фразовая синонимия и синтаксический параллелизм, в структуре которых соседствуют сравнительные обороты, метафоры и развернутые эпитеты и паремииологические обороты. Высока значимость в портрете образных глаголов и именных существительных с признаком обладания. Все это определяет целостность циклической структуры.

Автор также мастерски передает особенности речи героинь, свойственные их характерам (например, использование вокативов «*кутукаларыам*» (беденькие мои), «*бизбэкэлэриэм*» (чада мои), «*чыычаахтарыам*» (птенчики мои); междометные восклицания удивления, возмущения и т.д.: «*Эчикийэ*», «*Арах пахай, айы саат*» и т.д.).

Цикл портретов Кулаковского стал одним из первых образцов социальной и психологической (нравственной) типизации в сатирической поэзии. И хотя в своих примечаниях автор, видимо, под давлением цензуры все время отмечал, что изображенные типы были характерны для прошлых веков, очевидно, что портреты имеют вневременной характер.

«Портреты якутских женщин» Кулаковского при внутреннем циклическом единстве еще имеют и внешнюю межтекстовую связь с другими стихами сборника, что позволяет говорить в определенной степени о зарождении «книжной» целостности в творчестве первого якутского поэта. Так, в имплицитный ареал «Портретов якутских женщин» включены другие стихотворения сборника «Скупой богач», «Деревенская девушка», дилогия «Городская девушка» и «Городские девушки», «Песня столетней старухи». «Портретный» характер имеют также произведения «Обездоленный до рождения», «Песня пьяного буржуя», «Певец». Таким образом, рассмотренный нами цикл А.Е. Кулаковского в значительной степени выполняет текстообразующую, концептирующую роль в формировании книжной структуры.

Первый цикл предопределил в дальнейшем широкое развитие и популярность метажанровых образований в якутской поэзии. Цикл стал одним из излюбленных жанровых форм якутских поэтов.

Список литературы / References

1. Лушников Б.В. Рисунок. Портрет. – М.: Владос, 2004. – 142 с.
2. Кулаковский А.Е. Стихи. Тетрадь Сергеева–Макарова // Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 26. Ед. хр. 28. Л.1-7.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Lushnikov B.V. Pisunok. Portret [Figure. Portrait]. – М.: Vlados, 2004. – 142 p. [in Russian]
2. Kulakovskiy A.U. Stihi. Tetradi' Sergeeva–Makarova // Arhiv Jakutskogo nauchnogo centra SO RAN. [The archive of Yakut scientific center of Siberian department of Russian Academy of Science]. F. 4. Op. 26. Ed. hr. 28. L.1-7. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.021

Савельев С.В.,¹ Савельева И.Г.²

^{1,2}Кандидат филологических наук, ГОУ ВО МО

«Государственный социально-гуманитарный университет»

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ «ДРУГОЙ» В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблемам понимания в современной британской прозе проблем мультикультурализма в общем, и рецепции мультикультурного другого в частности. При этом проблема рассматривается не на материале эксплицитно мультикультурных художественных текстов, а так называемого «романа о судьбах страны», в которых мультикультурность не является центральной темой или сюжетообразующим элементом. Перспективным представляется применение методов когнитивного литературоведения, позволяющих реконструировать из художественного текста прототипические черты, приписываемые носителям иной лингвокультуры и описать модели построения сюжетов произведения с такими персонажами как этнокультурный другой.

Ключевые слова: когнитивное литературоведение, британская литература, роман, мультикультурность

Saveliev S.V.,¹ Savelieva I.G.²

^{1,2}PhD in Philology, State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region

“State University of Humanities and Social Studies”

ETHNICAL AND CULTURAL “OTHER” IN CONTEMPORARY BRITISH FICTION: GOING BEYOND THE STEREOTYPE

Abstract

Covering the issues of multiculturalism in contemporary British fiction, the present article is aimed to explore how modern novel explores the stereotype of the ethno-cultural other. However, the focus of our attention is not the multicultural novel per se, but rather the state of the nation novel, in which the ethno-cultural other is allegedly reduced to a stereotype, so that to fit into the larger portrait of the nation. Taking this into account we approach the topic using the methodology of cognitive literary theory, and endeavor to reconstruct the cultural other using the methods of prototype theory. This in turn allows us to describe productive plot-building models for the state of the nation novel.

Keywords: cognitive literary theory, British fiction, multiculturalism

Можно достаточно смело утверждать, что в конце 1990-х годов в филологической науке, по крайней мере в языкознании, произошел поворот в сторону междисциплинарности. И если лингвисты в подавляющем своём большинстве достаточно смело «перебрасывают мостики» в культурологию, антропологию, информационные технологии и когнитивную науку во всем её многообразии. При этом литературоведение, традиционно рассматривающее лингвистические характеристики художественного текста как в значительной степени вспомогательные, а в части использования нетрадиционных для данной науки парадигм, в частности парадигмы когнитивной. Традиционно когнитивную науку мало интересуют художественные, в значительной степени «искусственные» тексты, отличающиеся большей образностью по сравнению с текстами «обыденными». Тем не менее, именно романский текст, рассмотренный под когнитивным углом может дать в определённой степени верифицируемые лингвокультурологические данные, дающие достаточно точное представление о видении одной этно- и лингвокультурной группой другой группы, а, следовательно, и о стереотипическом представлении группами друг друга.

Таким образом, остаётся проблема выбора материала для рассмотрения, т.е. художественного текста или текстов дающих достаточно большой объем актуальных лингвокультурологических данных о современном состоянии

общества и, что важно, уровня межэтнических отношений в нем. В качестве материала мы выбрали два современных британских романа: «Неделя в декабре» Себастьяна Фолкса (2009) (*A Week in December* by Sebastian Faulks) и «Столица» Джона Ленчестера (2013) (*Capital* by David Lanchester). Данные тексты любопытны для исследователя следующими параметрами:

1. В целом общее для обоих романов время повествования, неделя с 16 по 26 декабря 2007 у Фолкса и декабрь 2007 – ноябрь 2008 у Ленчестера, то есть период финансового кризиса и резкого повышения террористической угрозы в Великобритании.

2. Общий локус повествования – Лондон.

3. Общий принцип организации нарратива – общий нарратив складывается из нарративов отдельных персонажей, которые (нарративы) пересекаются на разных этапах развертывания сюжета.

4. Сходный набор ключевых персонажей, являющихся этнокультурными «другими»: выходец (выходцы) из Пакистана, выходец из Восточной Европы (в первую очередь Польши), образы которых укладываются в признаваемые большинством границы соответствующего этнокультурного стереотипа.

5. Наличие ситуации нарушения коммуникации между, условно, «коренными англичанами» и «мигрантами».

6. Авторы обоих романов не являются представителями т.н. «мультикультурного» направления и пишут в жанре *state of the nation novel* (т.н. «роман о судьбах страны») [1] и, при этом, являются профессиональными журналистами, то есть людьми, умеющими профессионально формировать представление читателя о той или иной этнической, культурной или социальной группе, что, в целом находит определенное подтверждение в интервью с Себастьяном Фолксом

Мы предполагаем, что за счет упомянутой выше структурной общности авторами реализуются сходные когнитивные модели построения сюжетной линии персонажей, являющихся этнокультурными «другими», и, соответственно, сходные языковые средства оформления этих моделей. Следовательно, отклонения от предсказуемой когнитивной модели, изменение её языкового оформления позволяет читателю выйти за рамки стереотипического представления о польском рабочем-мигранте или молодом британце пакистанского происхождения.

Для начала обратим наше внимание на роман «Неделя в декабре». В данном романе вниманию читателя предлагаются четыре персонажа, относимых к т.н. этнокультурным «другим». Жан-Франсуа Стейзак определяет другого как «лицо исключенное из доминантной группы, дискредитируемое или обладающее качествами личности, считающимися неприемлемыми» [2]. К таким «другим» в данном романе мы относим Фарука аль-Рашида, крупного бизнесмена, выходца из Мирпура, столицы провинции Азад Кашмир в Пакистане его сына Хассана, родившегося и выросшего в Шотландии и ставшего членом террористической группы, польского профессионального футболиста по имени Спайк (Spike), настоящее имя Тадеуш Боровски (Tadeusz Borowski), приехавший играть в одной из команд Премьер-лиги и его подругу русскоязычную девушку Ольгу, приехавшую в Лондон из Украины в поисках лучшей жизни.

Рассмотрим первую пару персонажей – Фарука аль-Рашида (Farooq al-Rashid) и его сына Хассана (Hassan). Первое уже упоминание Фарука в романе, а именно в схеме рассадки гостей на приёме в честь продвижения по карьерной лестнице в Консервативной партии Ланса Топпинга, одного из главных персонажей романа, которую, схему продумывает его жена, Софи:

<...> • Farooq and Nasim al-Rashid. Sophie sucked her pen. Farooq was a chutney magnate and a large private donor to party funds. He seemed a nice chap. But they both were keen 'Allah-botherers', as Clare Darnley put it. [3]

Данный пример особенно показателен. Во-первых, сама по себе ситуация званого ужина может быть представлена как скрипт (в концепции Шенка) [7], или, что несколько логичнее в данной ситуации фрейм со слотами, которые в виду ограниченности их объема нужно заполнять только наиболее значимыми данными (знаками) которые будут гарантированно соотнесены только с соответствующим ему референтом. В нашем случае слоты заполняются следующими данными: БОЛЬШОЙ (magnate, large) – ДЕНЬГИ (donor to funds) – ИНФОРМАЦИЯ О ЭТНИЧЕСКОМ СТЕРЕОТИПЕ (chutney, Allah-botherers). Во-вторых, мы уже в самом начале романа видим границы культурной рецепции «другого» одним из ключевых персонажей, стереотипизированным обеспеченным англичанином, участвующим в принятии решений о судьбах страны. В нашем случае это «экзистенциальные границы» персонажа: его профессиональная ниша (Chutney) и образ его мыслей (Allah-botherer). Любопытно, что уже в самом начале повествования мы наблюдаем эксплицитную пейоративную оценку персонажу Botherer – тот, кто выполняет действие *bother* – «надоедать», «беспокоить», «тревожить», «утомлять». При этом, оформление оценки как цитаты ('Allah-botherers', as Clare Darnley put it.) даёт занятный коммуникативный эффект, с одной стороны, цитирование чужих слов снимает с говорящего часть ответственности за содержание высказывания и одновременно придает ему больший вес именно за счет цитирования, т.е. выражения согласия с ним.

Подобной стереотипизации подвергается и Хассан, первичное формирование образа которого также осуществляется посредством фрейма со слотами:

In the rear carriage of <...> Circle Line train Hassan al-Rashid sat staring straight ahead. Normally, without a book to read, he would move his head up and down so that the reflection of his face in the convex window opposite would develop panda eyes, elongate like an image in a fairground mirror and then pop. But this was not the day for such frivolity: he was on his way to buy the constituents of a bomb. [3]

Отсутствие продолжения данного микронарратива, за которым следует описание пассажиров вагона так, как их видит Хассан фактически превращает данный микротекст в весьма эффектный пример скрипта (или фрейма со слотами) «Исламский террорист». Действительно, в нем достаточно стереотипной информации: актер – Хассан – носит имя входящее в десятку популярных пакистанских мужских имен, образ действия – *sat staring straight ahead; not the day for such frivolity* (устремленность вперед, к цели) – цель – *buy the constituents of a bomb*. При этом образ Хассана как протипического террориста усиливается за счет присутствия в отрывке любопытного контраста: *panda* и

fairground mirror противопоставлены *bomb*, таким образом из фрейма исключаются заполнители, свойственные таким фреймам как ИГРА, ВЕСЕЛЬЕ, РАДОСТЬ.

Дальнейшее разворачивание образа Фарука и Хассана можно представить в виде схем (скриптов) которые мы условно назвали «умеренный британский мусульманин» – Фарук и «радикальный британский мусульманин» – Хассан. При этом схема «радикал» представляется автору более интересной и соответственно, содержит больше элементов. Это предпочтение выражается как в фактическом объёме нарративов, так и в степени их детализации.

Наиболее значимыми для данных персонажей нам представляются примеры попыток изменения ими своей этнокультурной идентичности. Так, Фарук Хассан, практически ассимилировавшийся в Великобритании, должен получить Орден Британской империи из рук Королевы за вклад в экономику страны, боится, что не сможет поддержать светскую беседу с монархом если речь пойдёт о литературе и нанимает «настоящего английского джентльмена» литературного критика Ральфа Трентера (K. Tranter) «потренировать его в литературе». Рассмотрим диалог между Фаруком и его женой Насим перед первой встречей с Трентером:

'Of course, love,' said Nasim. She smiled at her husband's way of speaking; the larger the successive houses they had lived in, the less Kocker had come to sound like a Bradford Paki, as she'd once heard him called, and the more like David Niven.

In the course of her long and happy marriage to Farooq, Nasim herself had lost her Yorkshire accent and now spoke in a way she fancied was pretty close to the BBC - the old BBC, since nowadays so many people on the radio seemed to have come from Bradford.

'What sort of man do you think he'll be?' she asked Kocker.

'An old-style English gentleman, I think.'

'A bit of a Prince Charles?'

'I expect so. He was at Oxford University. Do you think my suit is smart enough?' [3]

Данный пример, малопоказательный для российского читателя, в части формирования стереотипа весьма информативен для читателя британского, уже, английского. В частности, в данном примере мы видим, как стереотип формируется за счет использования реалий, прецедентного имени, социолингвистической информации, а также фрейма «Английский джентльмен». Использование лексемы *Paki*, этнофолизма в контексте а Bradford Paki, as she'd once heard him called позволяет утверждать, что в начале своего пути к успеху Фарук был жертвой, как минимум вербального притеснения. При этом указание на город Брэдфорд, графство Йоркшир является эксплицитным указанием на то, что его речь, несмотря на наличие акцента свойственного носителям урду, отличалось от речи «автохтонного» населения весьма незначительно, что в свою очередь, позволяет говорить о достаточно высокой степени интеграции Фарука британскую лингвокультуру. То же самое можно сказать и о его жене, также носительнице Йоркширского диалекта. Упоминание диалекта принципиально важно, равно как и форма ухода от него. Англичанин, часто вполне осознанно, соотносит себя с какой-либо группой и социальным классом по двум показателям, часто взаимопроницающим понятиям *accent* и *dialect*, что приблизительно соотносится с понятиями социолект и диалект, говор. Значительная диалектная вариативность английского языка обусловила, в том числе формирование стереотипных представлений о носителях того или иного диалекта. Так, например, за носителями йоркширского диалекта закрепился стереотип здравомыслящие и надёжные люди, не способные на предательство. Таким образом отказ от Фаруком от северного диалекта в пользу некоего «стандарта» на основе более престижного, но при этом искусственного «языка старой BBC» демонстрирует любопытное и обычно не свойственное литературным этнокультурным «другим» стремление к изменению своей лингвокультурной идентичности. При этом моделью для такого изменения является искусственно сконструированный стереотип аристократического акцента, прецедентное имя - David Niven, британский актёр 1930-х – 1960-х годов, игравший, преимущественно, английских аристократов в голливудских фильмах и «английского джентльмена». Здесь нужно сделать оговорку: для разных этнокультурных и возрастных групп, в Британии и за её пределами, представление о протипическом джентльмене может варьироваться, и поэтому использование второго прецедентного имени, Принц Чарльз, достаточно точно и весьма иронично характеризует Фарука и Насим, которые, теперь уже наверняка, имеют весьма смутное представление о Англии и английском национальном характере. Данное противоречие становится ещё более явным при анализе фрейма «Визит джентльмена», в котором Фарук значительное внимание уделяет костюмному коду (smart suit). Реплика Фарука 'I expect so. He was at Oxford University. Do you think my suit is smart enough?' несёт достаточно большой каламбурный потенциал. Фарук соединяет понятия, не обязательно обуславливающие друг друга – уровень образования и качество одежды, дополнительную каламбурность вносит и лексема smart, имеющая значение «умный» и «красивый и при этом подобранный со вкусом». Фарук осознаёт свою ошибку позже, когда видит Трентера, одетого совсем не так как персонажи телесериала «Аббатство Даунтон»:

The door had revealed a slight, gingery man in a blue anorak with a green tie, brown shoes and forty-eight hours of stubble on his chin. His eyes were a little pink.

Любопытно и то, как Трентер принимает идентичность Фарука и признаёт её частью современной английской идентичности:

As he watched Kocker's thick black eyebrows spliced with thin grey wires and saw the Adam's apple drag up in his throat, Tranter, for no reason, found himself suddenly thinking of where this man and his ancestors had come from - an agricultural valley in Pakistan, he presumed. He had an involuntary picture of bloody British partition; of religion and greed and the violence, over centuries; and of millions of the rural poor like the al-Rashids - bullied by Arab Muslims pushing east and by raiding Mongols forging south and west, then exploited by their own people.

"Waste pipes chuckle into tunnels, /Steam's escaping here and there," Kocker's voice went on, proud and even. "Morning trains through Camden cutting/Shake the Crescent and the Square."

Betjeman's words, and their thoughts for the businesswomen in their baths, had a strange effect on Tranter, as they issued through Farooq al-Rashid's mouth. The vision he had was no longer of the Mirpur Valley but of the city of London - of himself

and this Pakistani illiterate as cells in a giant body, celebrated by the verse of a second-generation Dutch immigrant. What a pair of old frauds we are, he thought.

<...>

As Knocker's baritone with its Yorkshire vowels and Kashmiri consonants ('vaste pipes') came to an end, Tranter's vulpine features began to soften in the short December light.

He coughed and looked away. It was only a little light verse; but in his long bitterness he had almost forgotten what words - the stuff from which he'd made his life - could really do.

Фактически, в данном отрывке мы видим, как Трентер преодолевает некоторую неприязнь к Фаруку, и включает его в группу к которой он принадлежит сам – лондонцы. Отправной точкой является стереотипическое представление Трентера о факторах, сформировавших пакистанскую идентичность Фарука (образы колониального прошлого Британии, принадлежащие коллективной памяти англичан. На следующем этапе мы наблюдаем помещение Трентера и Фарука в единое пространство поэтического текста, стихотворения Джона Бетчемана (Betjeman) о Лондоне. При этом читатель наблюдает визуализацию поэтического образа, настолько же реального для Трентера как и коллективная память о колониальном прошлом, в результате чего следует мысленное признание Трентера, что настолько же «обманщик», настолько же «искусственен» как и Фарук.

Второй парой персонажей в романе Фолкса являются футболист из Польши Тадеуш Боровски по прозвищу «Спайк» и его подруга, по совместительству модель, работающая в сфере эскорт и смежных услуг Ольга.

«Первое знакомство» со Спайком происходит на том же этапе, что и с Фаруком – в схеме рассадки гостей:

Tadeusz 'Spike' Borowski. Even more ticklish, this one, thought Sophie. Borowski was a Polish footballer who had settled with a London club. Arsenal, was it? No, another one. Lance had met him when his team were turning on some Christmas street lights and had taken a liking to him. He thought it would make them look modern to have Spike there. But did he speak English? Would he behave? What did footballers like to do after dinner? 'Dogging', was it, or 'spit-roasting'? She wasn't quite sure what either of these things was.[3]

Идентично примеру с Фаруком мы наблюдаем фрейм со слотами, которые на этот раз заполняются следующим образом: НЕПОНЯТНЫЙ, СЛОЖНЫЙ, ПРОБЛЕМНЫЙ (ticklish) – НЕИНТЕГРИРОВАННЫЙ (But did he speak English? Would he behave?) – НЕПОНЯТНЫЙ (What did footballers like to do after dinner? 'Dogging', was it, or 'spit-roasting'? She wasn't quite sure what either of these things was). Как видно из данного примера польский футболист оказывается ещё более «другим», что явно этически, лингвистически и культурно «другой» Фарук, любопытно и исключение из фрейма Ольги, русскоязычной девушки украинского происхождения, что, на наш взгляд является великолепным примером реализации стереотипа через нулевой знак, т.е. существование Ольги, о социально-спорной профессии которой Софи ничего не известно на протяжении всей книги, делает Ольгу классической «другой» – исключенным лицом, опциональным слотом во фрейме. При этом этничность Ольги постоянно остаётся неясной, то есть каждый персонаж, за исключением Тадеуша и самой Ольги, «локализует» весьма приблизительно, равно как соотносит её с её именем:

She was called, *allegedly*, Olya and *claimed* to be keen on tennis and cooking. She was slim, as were almost all the girls at babesdelight, but she had large breasts which she held coquettishly in her hands as she grinned out from her *Transylvanian* background.[3]

В данном случае стереотип «Девушка из Восточной Европы», формируется не только путём указания на стереотипные действия, использования реалий и прецедентных имён, но и путем использования глаголов и наречий с семантикой неопределённости, необходимости доказательств, наличия оснований для недоверия.

В формировании стереотипа «другого» значительную роль может играть языковой барьер, непонимание «другим» представителей окружающей его культуры. В это смысле показательна экипировка Спайка:

In his kitbag he carried two pairs of boots, underwear, sweatshirts, gloves, a selection of crucifixes and two dictionaries. Max, the bootman, had told him on the phone there would be fluorescent bibs and a selection of team kit at the ground. Borowski looked up 'bib' in his Polish-English dictionary, where it offered 'sliniaczek'. His English-English dictionary defined bib as 'child's food guard'; though 'bib v' was also defined as 'drink alcohol to excess'. He'd heard a lot about English footballers' habits, but he didn't think the manager would kick off a training session by drinking to excess. Afterwards, maybe. [3]

В данном случае, мы наблюдаем появление во фрейме «экипировка футболиста» дополнительных слотов – переводной и толковый словари, которые оказываются либо совершенно бесполезными (английско-польский), либо контекстуально обманчивыми, вызывающими в памяти Спайка стереотипные представления об английских футболистах.

В массовом сознании англичан выходцы из Польши ассоциируются с трудолюбием и умением делать порученную работу хорошо и старательно. При этом Фолкс выходит за границы типажа «польский сантехник / строитель» и экстраполирует трудолюбие на академическую сферу, при этом несколько иронизируя над ним:

'Fancy a smoothie, love?' said the woman behind the counter.

'What?'

She picked up a bottle and showed him.

He shook his head and moved off. "Fancy a smoothie, love?" What did it all mean? The way these people spoke was not in the books; he was already aware of that, and had taken steps to understand them. Using the computer in the 'office suite' at his hotel, Spike had found a website called interbabel.com that linked into numerous thesauruses and colloquial translation engines. Interbabel.com certainly had the dope. It had so many possibilities, in fact, that he was spoilt for choice, over-informed. This didn't stop him pursuing all the links and meanings, all the definitions and re-translations: he'd graduated in politics and economics before taking up football professionally; he owed his degree to his willingness to study thoroughly, and he carried the habit through to all parts of life. 'Stubborn' ('przymiotnik') or 'dogged' ('uparty') were words the press in his own country applied to him. [3]

Похожую ситуацию мы видим и в следующем примере:

'Hello. I am Spike Borowski.' He held out his hand to the young man.

'Finbar Veals,' he said softly, looking down at his new white trainers.

None of the three syllables sounded like a name to Spike. English people didn't seem to be called John Robinson any more; but linguistically it had been a bad day all round.

Также значимым фактором является лишение Тадеуша имени и замена его на прозвище Spike, - шип, острие, гвоздь и т.п. По имени его называет только Ольга. При этом происходит уменьшение интенционала, т.е. футболист Боровски не может быть никем кроме как футболистом, но не человеком по имени Тадеуш.

В романе Джона Ленчестера Столица (*Capital*) в которой мы наблюдаем сходную модель построения текста – отдельные истории в общей повествовательной рамке и те же группы этнокультурных других – Ахмед и Рохинка Камаль (Ahmed and Rohinka Kamal), выходцы из Пакистана которые занимаются мелкой торговлей и братья Ахмеда – Усман и Шахид и польский строитель Збигнев Томачевски (Zbigniew Tomaszewski) и его подруга венгерка Матия (Matya)

Отличие романа Джона Ленчестера состоит в том, что он, не выходя за существующие границы стереотипа «другого» конструирует его руками либо самого другого, либо членов его «группы».

Рассмотрим такое формирование стереотипа на примере Збигнева:

Bogdan the builder, whose name was not actually Bogdan sat at the kitchen table in the Younts' house. He was drinking strong tea from a mug; he had come to like tea and fully understood why the English took it seriously. In front of him was a sheet of paper with numbers on it and a pen and a plate with a biscuit which he had taken out of politeness but did not intend to eat. Across from him sat Arabella Yount, who was drinking weak Lapsang Souchong out of a cup and adjusting her hair behind her ears. She was wearing make-up, tiny diamond earrings, and what she called non-going-out clothes': a pink velour tracksuit.

'Don't spare me, Bogdan. Is it horrible? Just how bad is it? I can't bear the suspense. Is it truly awful? It is, isn't it?' said Arabella happily.

Bogdan, whose name was Zbigniew Tomaszewski, put his pencil next to the first line of items on his list and said: It is not too bad' Arabella sighed in relief. 'But it will not be cheap' [4]

В данном примере мы видим ситуацию, сходную с ситуацией Спайка Боровски – лишение истинного имени и присваивание имени стереотипного. При этом, мы наблюдаем любопытный феномен – жертва стереотипа – Богдан/Збигнев даже рад приобретенному имени, которое, в определённой степени способствует сохранению его истинной, не стереотипной идентичности:

His first job in London had been on a crew in the next street, Mackell Road, and someone had recommended them to number 54 in this street; the job was for one man and his old friend Piotr had let him take it, for which Zbigniew was and always would be grateful. That was when he had acquired his London nick-name, too, because there was a Bogdan on the crew and the man in Pepys Road had got the names mixed up, and Zbigniew had never corrected him. He quite liked being called Bogdan because it left no doubt in his mind that he did not really live in London, that his life here was a temporary interlude: he was there to work and make money before going home to his real life in Poland. [4]

Подобное переживание испытывает и Матия, няня, отправляемая своей нанимательницей в качестве спутницы Роджера Янта на благотворительном балу. При этом достаточно стандартный мотив Золушки применим не к Матии, которая свободно перемещается между идентичностями: тайная роковая женщина <> наёмная няня в семье банкира, а к Роджеру, для которого Матия остаётся недоступным сексуальным объектом.

Рассмотрим ещё одного персонажа романа Д. Ленчестера – Шахида Камала (Shahid Kamal), брата упомянутых нами ранее Ахмеда и Усмана. Выбор имени персонажа, вкупе с указанием его этничности через место рождения, Лахор, Пакистан, с самого начала задает границы когнитивной интерпретационной схемы для данного персонажа. В первую очередь это «мученик за веру», и подчас, террорист, о чем, в частности, пишет Роберт Кэмпбел [5]. При этом имя Шахид является относительно распространённым в Пакистане, однако, в отличие от имени Усман, входящем в первую десятку популярных пакистанских мужских имён, входит уже только в первую тридцатку. Если попытаться описать данную стратегию выбора имени персонажа в рамках концепции Э. Рош [6], то Шахид Камаль предстаёт перед читателем прототипическим исламским экстремистом, что, в свою очередь позволяет автору выстроить вполне предсказуемую схему, на основании которой выстраивается нарратив. При этом, в случае Шахида, построение нарратива о Шахиде, а следовательно формирование в сознании читателя стереотипа «британский мусульманин» происходит в рамках микросхемы (стр.35-35) и макросхемы, разворачивающейся на протяжении всего романа и в более развернутой форме повторяющей микросхему. Рассмотрим это развертывание на небольшом отрывке о пребывании Шахида в Чечне (Ичкерии) в 1993 в составе группы бельгийских мусульман, а затем задержание Шахида в 2008 году, т.н. нарративное настоящее романа по ложному подозрению в подготовке к совершению теракта в составе той же группы бельгийцев алжирского происхождения:

<...>He'd gone to Bristol instead but dropped out after a year and went on a mission to save his brothers in religion in Chechnya. He'd been gone for four months. Although no member of the Kamal family ever referred to this as anything other than a joke, it hadn't felt like a joke at the time to Shahid. Chechnya itself had been horrible, a brutal disillusionment – Shahid mainly remembered being shouted at, a permanent sense of moral ambiguity where he'd expected to find a shining light of virtue, a feeling that it was hard, among the good guys, to tell who the good guys were, and being cold and hungry and frightened, right up until he came down with diphtheria and was smuggled back out the same way he'd come in. But the trip there had been sensational, the best time of his life <...>^[4]

В данном примере мы можем наблюдать значимые для нас лексические маркеры, помогающие установить связь между микро- и макросхемами. Первый элемент – клауза *no member of the Kamal family ever referred to this as anything other than a joke, it hadn't felt like a joke at the time to Shahid*. Ключевой лексемой здесь является слово *joke*, имеющим два условно противопоставленных друг другу, как минимум в британском варианте английского языка значения:

«некий текст который способен вызвать смех и имеющий комическую составляющую» и «нечто (ситуация, высказывание, действие) настолько плохое или глупое, что вызывает раздражение»

Действительно, в конце романа мы наконец узнаём, что внезапный арест Шахида стал неожиданным результатом нелепой шутки его брата Усмана, оказавшейся совершенно не смешной для Шахида:

<...> 'It wasn't you who—' began Shahid and Usman held up his hand.

'I know – it was you who ended up in Paddington Green, but that was not the idea, they got it all wrong, it was that idiot Iqbal, if he hadn't...'. Usman trailed off. Shahid just sat there. [4]

Хотя в данном примере мы не наблюдаем лексему *joke*, мы тем не менее, видим указание на неё в глаголе *get*, для которого, при использовании в значении «быстро понимать» *joke* является типичным и статистически частотным пациенсом.

Вторым значимым компонентом микросхемы, повторяющимся в макросхеме является микронарратив о пребывании в Чечне, демонстрирующий определённые черты скрипта, основанного, вероятнее всего на многочисленных публикациях о наемниках и путях их проникновения в зоны боевых действий:

– SHAHID – SHOUTED AT, – MORAL AMBIGUITY – BEING COLD AND HUNGRY AND FRIGHTENED – CAME DOWN WITH DIPHTHERIA – SMUGGLED BACK OUT.

Построение нарратива на основа данного скрипта фактически завершает формирование прототипического образа террориста, и, соответственно, стереотипического образа молодого британского мусульманина. Не смотря на сказанное выше, скрипт имеет две особенности, делающих данный скрипт несколько нестандартным. В частности, в шаге *come down* который можно трактовать как «переход вниз, смерть», мы видим его модернизацию. Шахид выбыл из рядов джихадистов не в результате борьбы с «неверными», а в результате нарушения правил личной гигиены, что делает его «не совсем правильным мусульманином» и добавляет повествованию некоторый элемент комизма.

Список литературы / References

1. The Penguin dictionary of literary terms and literary theory. / Cuddon J. A., C. E. Preston. – 4 изд. – London: Penguin, 1999: Penguin reference.
2. Staszak J. F. Other/otherness.// International Encyclopedia of Human Geography, 2008, Elsevier [Электронный ресурс] - <http://www.unige.ch/sciences-societe/geo/collaborateurs/publicationsJFS/OtherOtherness.pdf>
3. A Week in December. / Faulks S.: Vintage Digital, 2011. – 402 с. С.14
4. Capital. / Lanchester J. – 1 изд. – New York: W.W. Norton & Company, 2012. 527 ;
5. Women, war & hypocrites. / Campbell R. A. – Sydney N.S.: Cape Breton University Press, 2010. vii, 234 ; С. 167 - 170
6. Rosch, E., "Classification of Real-World Objects: Origins and Representations in Cognition", pp. 212–222 in Johnson-Laird, P.N. & Wason, P.C., Thinking: Readings in Cognitive Science, Cambridge University Press, (Cambridge), 1977.
7. Schank, Roger; R. P. Abelson (1977). Scripts, Plans, Goals, and Understanding. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.109

Сенько Е.В.

ORCID: 0000-0001-6951-9343, Доктор филологических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье описываются особенности процесса лексического заимствования на современном этапе развития русского языка; утверждается, что доминирующая в настоящее время специфика процесса заимствования предполагает не только ее детерминированность характерными чертами исторической эпохи, своеобразием господствующей общественно-политической системы, но и свидетельствует об эволюции коммуникативного сознания, что обуславливает явно выраженное изменение концептуализации объективной реальности, является причиной изменения ценностных парадигм российского общества.

Ключевые слова: система; заимствование; концепт, менталитет, ценность.

Senko E.V.

ORCID: 0000-0001-6951-9343, PhD in Philology, Professor, North - Ossetian State University
FOREIGN WORDS AS A MECHANISM OF CHANGES IN NATIONAL MENTALITY

Abstract

This article describes the features of the process of lexical borrowing in the current stage of development of the Russian language; states that currently the dominant specificity borrowing process involves not only its determinism characteristic features of a historical epoch, originality of the dominant social and political system, but also shows the evolution of communicative consciousness, resulting in a pronounced change in the conceptualization of the objective reality, is the reason for the change of value paradigms Russian society.

Keywords: system; borrowing; concept, mentality, value.

Вхождение современного российского социума в общемировое пространство закономерно обуславливает усиление процесса обновления русской языковой системы за счет иноязычного лексического материала. Последний представляет собой постоянный объект научного исследования [7], однако лингвокогнитивная обусловленность заимствования раскрыта пока недостаточно полно и конкретно.

Цель статьи – показать, что современный процесс заимствования наглядно демонстрирует изменение ценностных составляющих в русской концептуальной картине мира.

Рубеж XX и XXI столетий – сложный период в диахронической судьбе России. 90-е годы XX века – «период второго (после революции 1917 года) крупного социального потрясения, «перестроечное возмущение» [5:2]; XXI век – еще один переходный этап в общественно-исторической судьбе России, связанный с развитием многополярности, с одной стороны, и усилением межэтнической интеграции, с другой.

Иноязычное влияние на русскую языковую систему наблюдается на всех ее уровнях; кроме того, интенсивный поток подобного лексического транслирования ведет к изменениям когнитивного характера; соответственно наблюдаются заметные сдвиги в современном языковом вкусе и речевом поведении. Причина в том, что «представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, носитель языка принимает их на веру, не задумываясь, параллельно перенимая и заключенный в них взгляд на мир, то есть ту или иную концептуализацию действительности» [12: 8]. Известно, что природа концептов не однотипна: наряду с концептами, семантически стабильными у разных этносов, есть концепты, содержание которых нетождественно в понятийной картине разных народов, в силу чего они вступают в противоречие с чуждыми для них концептосферами, не совпадая в своих ценностных компонентах. Между тем традиционно для национального менталитета русского этноса одно из главных предпочтений – приоритет нравственных категорий: в связи с этим В.В. Колесов утверждает, что для русского человека «всякое дело, мысль или слово ... окрашены нравственным идеалом»; отсюда «нет ничего, что не сопрягалось бы с моральным в поведении и мыслях ...; каждый результат деятельности, т.е. продукт, предмет, вещь и т.д., окрашен признаком красоты» [6:123]. Таким образом, жизнь русского человека всегда была ориентирована на идеал положительного жизненного начала.

К сожалению, в современных представлениях исконные приоритеты русского менталитета в целом ряде случаев вытеснены чужими духовными установками, оказались «искривленными» под влиянием иностранных ментальных категорий. Именно в этом аспекте обратим внимание на иноязычные инновации в лексике современного русского языка.

Легко заметить, что целый ряд новых лексических единиц связан с распространением в современной российской жизни идеологии успеха, потребления и наживы: *баксы, бизнес, делать деньги, заниматься любовью, мачо, яппи* и др. Однако в русской культуре успех и удовольствие чисто материального характера никогда не были основополагающими жизненными ценностями. Несмотря на это, в современном русском языке прилагательное *успешный* одно из самых актуальных; оно вытеснило семантически соотносительное с ним прилагательное *преуспевающий*, традиционно использовавшееся в этом отношении для характеристики личности, но имевшее, по данным словарей, оттенок неодобрительности: [*предприимчивый делец* – 8:1992]. Исконное прилагательное *успешный* увеличило объем своего содержания, заимствовав новое значение в результате семантического калькирования. В результате словом *успешный* в настоящее время можно назвать не только какое-либо дело, мероприятие, но человека: *успешный артист, успешный бизнесмен, успешный юноша* и т.п. По данным А.Д. Шмелева, поэт Наум Коржавин в поэме «Сплетения» (1980) соответствующее английское слово поясняет в сноске русским прилагательным *успешливый*, «настойко в то время казалось невозможным сочетание успешный человек» [12: 11].

Целый ряд инолексем и словосочетаний в лексике современного русского языка утратил в своем значении сему негативного характера: *амбиция, бизнес, коммерсант, олигарх, постельная сцена, шокировать* и др.

Латинское *ambitio* «тщеславие, честолюбие, а также хождение вокруг, обхаживание» пришло в русский язык из французского, имея ярко выраженную отрицательную окраску. В связи с этим оно выступало в роли синонима к словам *чванство, спесивость, властолюбие, апломб, зазнайство*. Данные негативные оценки отражены в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, где *амбициозный* – это сებაлюбивый, тщеславный, жадный до почестей, похвал, поощрений наградами и отличиями [4:58]. Отрицательная характеристика прилагательного сохранялась достаточно долго. Даже в последних изданиях словаря С.И. Ожегова положительных оттенков в значениях этого слова нет.

В современном русском языке прилагательное *амбициозный* имеет новое значение – «масштабный, направленный на достижение больших целей»: *Первый канал представляет самый амбициозный проект в истории документалистики – фильм «Планета Земля»*. Ср.: *В советские времена нам постоянно вдалбливали, что «амбиция» – это плохо* [Юрий Башмет. Вокзал мечты. Пример из Национального корпуса русского языка].

В западноевропейских языках слово *амбиция* уже давно имеет нейтральное значение – стремление, цель, предмет желания. В результате семантического калькирования данное существительное приобрело аналогичную семантику и в русском языке. Таким путем было заимствовано понятие, не совсем типичное для русских национальных традиций, что мотивируется изменением общественного сознания ряда носителей русского языка, для которых желание во что бы то ни стало добиться чего-либо в разных сферах деятельности представляется вполне естественным, не связанным с моральной оценкой: «устремления» заменяются, таким образом, «амбициями».

В противоположном направлении изменилось значение прилагательного *ангажированный*. По данным «Современного словаря иностранных слов», оно происходит от французского *engaged* – ангажированный; доброволец, от *engager* – ангажировать, приглашать; в этом же словаре указываются следующие значения производящего глагола: 1) (сер. XVIII в.). Нанимать, приглашать кого-л. на службу; завербовывать. Ангажировать на службу в свою команду. Ангажировать в свой театр первоклассных артистов. 2. (кон. XVIII в.). Приглашать на танец. Ангажировать на вальс. 3. (сер. XIX в.). Приглашать артиста или артистический коллектив на определённый срок для участия в спектаклях, концертах. Ангажировать труппу на концерты в свой город [2: 61].

Сегодня слово *ангажированный* несёт несколько иную смысловую нагрузку, отрицательную, нелицеприятную: со второй половины XX века *ангажированный* – активно придерживающийся той или иной политической ориентации или связанный с тем или иным общественным течением; завербованный. *Ангажированная пресса. Ангажированные журналисты* [2: 62], то есть речь идет о том, что принципиальный человек превращается ради выгоды в личность,

противоположного характера, готовую исполнить все, что будет приказано. В современном русском языке прилагательное *ангажированный* – модное наименование, однако заимствования подобного рода – это лишь скрытое смягчение негативной характеристики, звучащей приятнее для лингвистически некомпетентного человека, чем исконное слово, отражающее истинное представление о называемой реалии.

«Нравственная редукция» произошла и в семантической структуре адъектива *деликатный*, которое претерпело два противоположенных семантических сдвига. Пришедшее из французского языка слово *delicat* сначала сузило свою семантику и стало функционировать в русской лексической системе с целью обозначения корректного поведения в сфере межличностных отношений. Заимствование, таким образом, было оправданно: синонимизируясь с прилагательными *чуткий*, *тактичный*, оно не совпадало с ними в объеме своего значения.

Впоследствии слово *деликатный* было заимствовано повторно из английского языка, в результате резко изменилась его синтагматика: *деликатный дизайн*, *деликатная стирка*, *деликатная ткань*, *деликатный переезд*, *деликатный порошок* и др. [примеры из Национального корпуса русского языка]. Очевидно, что русская концептосфера, отводящая одно из главных мест понятию деликатности, претерпевает значительное изменение, тем самым сводится на нет длительная работа языка над семантикой данного слова.

Ценность всегда выступает как оценка, как определение полезности, целесообразности чего-либо, то есть с ценностной точки зрения то или иное явление проецируется на шкалу «хорошо – плохо». Для изучения лингвистического аспекта ценности важными являются оценки в словесной форме. Примером этого и служат новые значения указанных иноязычных слов. В их ряду и такие имена прилагательные, как *ангажированный*, *брутальный*, *гламурный*, *крутой*, *харизматичный* и др.

Ценность связана с выбором путей, способов и средств деятельности и, по-видимому, неотделима от такого выбора. Человек стремится к чему-либо, игнорирует что-либо, оценивает окружающих его людей, жизненные обстоятельства, собственное поведение и действует на основе этой оценки. Такого рода оценочность заключена, например, в слове *брутальный*: *брутальный подход*, *брутальный руководитель*, *брутальное высказывание* и т.п. Брутальность стала основой определенного стиля общения.

По одной из этимологий, данная лексическая единица происходит от лат. *brutalis* «животный, плотский», в свою очередь восходящего к лат. *brutus* «грубый, тяжёлый, тупой»; слово оскск. происхождения, из праиндоевр. *gwer – «тяжёлый». Впоследствии слово приобрело знач. «скотский» [3].

В настоящее время брутальный значит грубый или жестокий; выражающий соответственно грубость, жестокость: *Воцарение варваров, начинающих творить свою брутальную, грубую красоту, совсем не утонченную, но, несомненно, более витальную, живую, может вселять надежды* [Национальный корпус русского языка]; *Зато целый сезон ты сможешь носить мой свитер и даже сапоги. Соглашайся, Рыжик, у тебя в этом наряде будет здорово брутальный вид* [Национальный корпус русского языка]. Следует, однако, заметить, что слово *брутальный* постепенно теряет отрицательную коннотацию, оно функционирует в русской речи в качестве номинации сильной и мужественной личности.

Как известно, ценности исторически обусловлены: «ценностный фрагмент картины мира, отраженный в индивидуальном сознании, включает разные виды иерархически связанных ценностных представлений и не тождественен ни аналогичному аспекту картины мира других носителей языка, ни прототипическому ценностному фрагменту данной языковой общности [10: 223-242]. Каждой эпохе присущ особый строй языка, свой характер мышления. Тем не менее ненормально высокие темпы понижения литературного канона в современной русской речи свидетельствуют о том, что мы теряем наши духовные наследственные факторы, хранящиеся в языке. Из него уходят традиционно присущие русскому сознанию нравственные идеалы; исконные предпочтения русского менталитета оказываются вытесненными другими духовными приоритетами: на первый план выдвинулись амбициозность, брутальность, крутизна, олигархия, самодостаточность и другие подобные нравственные «ценности».

Своеобразие настоящего момента в состоянии русского языка можно объяснить влиянием социальных, психологических и собственно лингвистических факторов, то есть изменениями, которые произошли в нашем обществе за последние десятилетия. Можно также утверждать, что «одной из существенных причин указанного отношения к иноязычному слову является ослабление чувства этнической идентичности, что провоцирует обращение к языковому опыту более успешных этносов» [1: 76].

Безусловно, новые ценностные установки всегда отличаются от предыдущих, но в главном они должны все-таки соответствовать традиционным российским ценностям. На сегодняшний день этого констатировать нельзя. В связи со сказанным представляется правомерным утверждение о том, что «русская языковая картина мира испытывает идеологическое и культурологическое давление», что и явилось причиной смены парадигм ценностей российского общества [11:10]. Таким образом, лексические заимствования последних десятилетий свидетельствуют об эволюции коммуникативного сознания и достаточно явно выраженном параллельном изменении концептуализации объективной реальности.

Список литературы / References

1. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. М.: Флинта: Наука, 2010. 128 с.
2. Баш Л.М. Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л. Вечеслова. М.: Цитадель-тр., Вече, 2012. 960 с.
3. Брутальный [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/брутальный>.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. Т.1. 752 с..
5. Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. Мюнхен: Verlag von Otto Sagner, 1994. 359 с.
6. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
7. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI века. М.: ЭЛПИС, 2008. 495 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

9. Руденко О. Ю. Феномен иноязычности в современном русском языке (на материале словарей и языка СМИ): автореф. дисс. канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2012. 25 с.
10. Чернявская Е.А. Отражение ценностных ориентаций человека в языке: Сборник научных трудов Поморского государственного университета. Архангельск. 2005. С. 223 - 242.
11. Шестак Л.А. Русский язык: состояние и перспективы: Материалы Международной научной конференции. Волгоград. 2007. С.7 – 12.
12. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи: Материалы Международной научной конференции. Нижний Новгород. 2007. С. 7 -11.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Bagana Zh., Hapilina E. V. Kontaktnaja lingvistika. Vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm [Contact linguistics. Interaction of languages and bilingualism]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 128 p. [in Russian].
2. Bash L.M. Sovremennij slovar' inostrannyh slov: Tolkovanie, slovoupotreblenie, jetimologija [Modern dictionary of foreign words: interpretation, word usage, word formation, etymology] / L.M. Bash, A.V. Bobrova, G.L. Vecheslova. M.: Citadel'-tr., Veche, 2012. 960 p. [in Russian].
3. Brutal'nyj [Brutal]. [Electronic resource]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/brutal'nyj>. [in Russian].
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory Dictionary of Russian language]. M.: RIPOL KLASSIK, 2002. V.1. 752 p. [in Russian].
5. Dulichenko A. D. Russkij jazyk konca XX stoletija [Russian end of the XX century language]. Mjunhen: Verlag von Otto Sagner, 1994. 359 p. [in Russian].
6. Kolesov V. V. Jazyk i mental'nost' [Language and mentality]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 240 p. [in Russian].
7. Marinova E. V. Inojazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI veka [Foreign words in the Russian language the end of XX - beginning of XXI century]. M.: JeLPIS, 2008. 495 p. [in Russian].
8. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. 23-e izd., ispr. [Dictionary of Russian language. 23th ed., Rev.] M.: Russkij jazyk, 1990. 917 p. [in Russian].
9. Rudenko O. Ju. Fenomen inojazychnosti v sovremennom russkom jazyke (na materiale slovarej i jazyka SMI): avtoref. diss. kand. filol. Nauk [Foreign-language phenomenon in the modern Russian language (on a material of language dictionaries and media): Abstract. diss. cand. Philology. sciences]. Rostov-na-Donu, 2012. 25 p. [in Russian].
10. Chernjavskaia E.A. Otrazhenie cennostnyh orientacij cheloveka v jazyke: Sbornik nauchnyh trudov Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta [Collection of scientific works of the Pomor State University]. Arkhangelsk. 2005. P. 223 - 242. [in Russian].
11. Shestak L.A. Russkij jazyk: sostojanie i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Proceedings of the International Scientific Conference]. Volgograd. 2007. P. 7 – 12. Vol.1
12. Shmelev A.D. Jevojlucija russkoj jazykovolj kartiny mira v aspekte kul'tury rechi: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Proceedings of the International Scientific Conference].Nizhny Novgorod. 2007. P. 7 -11. [in Russian].

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.130

Темирбулатова А.С.

ORCID: 0000-0002-4534-5331

Преподаватель, Донской государственный технический университет

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ОЦЕНКА, ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ, ХЕДЖИРОВАНИЕ**Аннотация**

Авторский выбор языковых средств оценки детерминруется не столько доступными альтернативами, обеспечиваемыми системой языка, сколько ограниченным набором вариантов, выработанным академическим сообществом. Значения и смыслы продуцируются текстом в процессе диалогического взаимодействия автора и читателя в условиях специфического социального окружения. Категоризация интерактивных характеристик научного текста выявляет, как автор, реализуя дисциплинарную практику, конструирует и поддерживает контакт с читателем и – шире – с академическим сообществом, к которому он принадлежит. Для создания эффекта убеждения автор «подключается» к ценностной системе академического сообщества, делает рациональный выбор риторических средств выражения оценки, которые задействуются при установлении абсолютной или сравнительной ценности таких компонентом текста, как суждение и образ имплицуемой читательской аудитории. Авторская оценка как способ достижения убедительности текста оказывается социально ситуативным актом, реализуемым в дисциплинарном или институциональном контексте, в том числе, посредством такого приема, как хеджирование.

Ключевые слова: научный текст, оценка, эвиденциальность, хеджирование, читатель, академическое сообщество.

Temirbulatova A.S.

ORCID: 0000-0002-4534-5331

Teacher, Don State Technical University

SCIENTIFIC TEXT: EVALUATION, DISCIPLINARY CONTEXT, HEDGING**Abstract**

The author's choice of evaluative linguistic means is determined not only with accessible alternatives of the language system, but rather with the limited set of variants worked out by the academic community. The text produces the meanings and senses in the process of dialogic interaction between the author and the reader in specific social surroundings. The categorization of the scientific text interactive characteristics reveals how the author realizing the disciplinary practice constructs and maintains the contact with the reader and – wider – with the academic community he / she pertain to. For persuasive effect constructing the author 'switches' to the academic community's value system, makes the rational choice of evaluative rhetoric means which are used while establishing absolute or comparative values of such text components as judgment and implied reading audience image. The author's evaluation as a way of achieving the text persuasiveness turns out to be a socially situated act realizing in disciplinary or institutional context, in particular, by such method as hedging.

Keywords: scientific text, evaluation, evidentiality, hedging, reader, academic community.

С утверждением антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании, кардинальной переоценкой структуралистских воззрений на замкнутость языковой системы, ее автономность и независимость от экстралингвистических факторов, научный текст более не рассматривается как беспристрастная и безличная форма дискурсивной деятельности представителей академического сообщества. В этой связи выдвигается справедливое мнение, что в основе порождения научного текста лежит попытка автора убедить читателя в действенности своей методологической и теоретической позиции, что предопределяет установление диалогического контакта между участниками научной коммуникации в рамках данного текста.

Представители академического сообщества не просто производят тексты, которые достоверно и многогранно отражают внешнюю реальность, но также активно задействуют языковые средства с целью установления, конструирования и согласования социальных отношений. В процессе создания научных текстов авторы воссоздают достоверный языковой образ своего «Я», результаты теоретической деятельности, признавая единение с читательской аудиторией, допуская возможность альтернативных взглядов на рассматриваемую проблематику, контролируя читательское внимание. В результате «Я» автора трактуется в современной лингвистике как фундаментальная категория не только художественного, публицистического, но и научного текста, с опорой на которую конструируется аргумент, нацеленный на убеждение читателя [1]. Строго говоря, научный текст выявляет авторскую ориентацию на фактор адресата, прагматические следствия учета данного фактора. В связи с этим исследователи научного текста фокусируют внимание на проблематике, связанной с оценкой и разнообразными средствами ее реализации, предопределяющими интерактивную природу текста.

Способы выражения авторского мнения интерпретируются в современной лингвистике в прямой зависимости от разносторонних характеристик языка [2], [3], [4], [5]. При этом понятие оценки в рамках научного текста можно определить как прагматическое следствие инициации авторского суждения, актуализации его эмоционально-волевой сферы в процессе выражения точки зрения относительно актуальной проблемы. Активация межличностного измерения в акте порождения научного текста базируется на том, что функционирование языка имманентно соотносится с социальным, культурным и институциональным контекстом [6]. Дискурсивное отражение коммуникативного взаимодействия с читателем с опорой на языковые характеристики текстового произведения оказывается возможным за счет того, что автор осуществляет комментарий к выдвигаемым актуальным положениям, проецирует свою деятельность в соответствии с ожиданиями целевой аудитории.

Степень интенсивности выражения оценки прежде всего выявляет прагматическое отношение автора к утверждаемому, проливает свет на эмоциональное состояние адресанта текста, сопровождающее акт выдвижения

суждения, его моральные и эстетические установки. Используя те или иные оценочные средства, автор научного текста испытывает влияние со стороны устоявшихся в академическом сообществе эпистемологических постулатов и допустимых критериев обоснования мнения, что, в свою очередь, усиливает специфический культурный и институциональный контекст научного изложения.

Обеспечение научного текста интерактивными характеристиками исходно предполагает принятие определенной точки зрения в отношении как обсуждаемой проблематики, так и предварительно выраженных мнений других представителей академического сообщества, специализирующихся на той же самой проблематике. Адресат признает научную новизну и теоретическую значимость текста, если автор демонстрирует академическую компетенцию в решении актуальных проблем, которая, по крайней мере, частично реализуется через:

- диалог автора с читателем;
- установление предметно-логических связей между разнообразными субъектами и актуальными идеями;
- проектирование совместного с адресатом профессионального контекста в рамках проводимого изыскания;
- преследование личностных и дисциплинарных целей в процессе диалогического обмена мнениями с имплициремой читательской аудиторией;
- порождение в рамках текста узнаваемого социального мира с опорой на риторический выбор языковых средств, которые обеспечивают значимость, оригинальность и достоверность исследования.
- программирование читательского отклика на публикацию, предотвращение негативной критики выдвигаемых аргументов;
- помещение проводимого исследования в широкий интертекстуальный контекст существующих точек зрения по заявляемой в тексте проблематике.

Результаты и выводы, представляемые автором в научном тексте, выражают действенную авторскую позицию по рассматриваемой проблематике, которую читатели призваны признать как убедительную, основанную на весомых доводах и аргументах. Эти результаты и выводы последовательно отражают образ «Я» исследователя, становятся стимулом для вовлечения имплициремой читательской аудитории в обсуждение освещаемой в тексте проблематики.

Таким образом, оценка, выражаемая автором, предстают критической характеристикой научного текста, обеспечивает эффективность авторской аргументации и – шире – устанавливает значимость текста в системе ценностей, выработанной в рамках академического сообщества. Оценка отражается в языковых способах репрезентации «Я» исследователя в тексте, оформлении авторских суждений и комментариях к мнениям других представителей академического сообщества, способах маркирования авторской компетентности в сфере обсуждаемой актуальной проблематики. Оценочные значения и смыслы становятся прагматическим основанием для инициации диалогических взаимодействий между автором и читателем, объективируя образ адресата в рамках текста, предопределяя дискурсивную роль адресата как полноправного участника разворачиваемого коммуникативного процесса, интерпретации которого вносят существенный вклад в понимание о научном тексте как целостной и аргументируемой социальной структуре.

В рамках научного текста оценка выражается с опорой на самый широкий спектр языковых средств, что, в свою очередь, проблематизирует создание гибкой типологии. Для отражения оценочной перспективы, аргументативно подкрепляющей выдвигаемые суждения, авторы-исследователи прибегают не только к явным лексическим средствам, но также к имплицитному (менее очевидному) кодированию с опорой на союзное подчинение связываемых пропозиций, повтор, контраст и т.д. Оценка не всегда маркируется языковыми средствами. Например, автор может не выводить умозаключения из представляемого аргумента, что свидетельствует о невозможности подобных отношений. Не всегда оказывается возможным целостно и однозначно выявить точку зрения академического сообщества на рассматриваемую проблематику, поскольку она кодируется на уровне глубоких языковых структур.

Оценка имеет непосредственное отношение к прагматической организации авторского взаимодействия с читателем, аргументативным способом аннотирования представителями академического сообщества своих текстов в целях комментирования суждений в аспекте их точности и достоверности, отражению авторской позиции по отношению к выражаемым пропозициям и читателю. Оценочные значения и смыслы концентрируются в таких характеристиках научного текста, как:

- 1) эвиденциальность, отражающая приверженность автора к представлению достоверности актуализуемой информации и ее потенциальное воздействие на читательскую аудиторию;
- 2) образ автора, представляющий собой личностную проекцию адресанта в тексте, выявляющий его компетенцию обосновывать выражаемые суждения и поддерживать диалогический контакт с читателем;
- 3) эмоционально-волевая сфера автора, манифестирующая широкий спектр личностных и профессиональных установок в плане утверждаемых пропозиций, включая переживания, связанные с удовлетворением / неудовлетворением авторских текущих интересов, видение внешнего мира и воззрения на этот мир.

Отражая подобные характеристики, оценочные значения и смыслы манифестируются, в том числе, посредством такого прагматического приема, как хеджирование, в основе которого лежит авторское намерение снять с себя ответственность за действенность выдвигаемого суждения, представляя информация не как объективный факт, а как мнение по этому факту. Вследствие того что авторские суждения оцениваются и интерпретируются читателем сквозь призму существующих дисциплинарных постулатов, адресант текста предварительно просчитывает, каким информативным весом наделять то или иное суждение, предопределив степень его точности и достоверности. Хеджирование – коммуникативная стратегия автора научного текста, предполагающая выражение суждения как возможную, а не бесспорную констатацию некоторого положения дел, что определяет это средство как действенный способ достижения эффективной аргументации в научном тексте.

Вместе с тем, это оптимальный способ обоснования выражаемого мнения посредством его согласования с теоретическими позициями, которых придерживаются другие представители академического сообщества. Интерпретируя данное согласование, читатель научного текста приходит к убеждению, что поскольку данный автор

является не единственным, кто пришел к обозначенным в тексте выводам, то его точка зрения предстает корректной и соответствующей действительности. Хеджирование подразумевает, что авторское суждение подкрепляется действенным обоснованием, а не только полученными новыми знаниями, выявляя степень убежденности, которую целесообразно отнести к выдвигаемому суждению. Ср.:

“For all who study the evolution of language, syntax must somehow be grounded in conceptual structure. But no one has yet even attempted to spell out how any individual variation in the complexity of conceptual structure or in the degree of skill with which conceptual structure was utilised could have had implications for an initial step into syntax. Thus gradualism in the evolution of syntax remains an article of faith rather than a logically based hypothesis” [7, P. 267].

Автор выявляет исследовательскую установку при обсуждении проблематики, связанной с происхождением языка: синтаксис должен рассматриваться как явление, укорененное в концептуальной структуре. При этом данное суждение приобретает форму не доказанного постулата, а предположения, выраженного с высокой степенью уверенности, что подчеркивается семантикой модального глагола *must*. Другими словами, авторское мнение выражается не как утвердившееся мнение, а гипотеза, которую еще предстоит доказать. Очевидно, что еще зафиксировано достоверных источников, на которые можно полагаться для доказательства обсуждаемого суждения, а поэтому оно и приобретает форму предположения. Подобная организация суждения отражает такую характеристику научного текста, как эвиденциальность. Актуальность выдвинутого суждения определяется автором за счет того, что рассматривается как неизбежное для учета всеми исследователями, которые сталкиваются с проблемой происхождения языка (ср. *for all who study the evolution of language...*).

Одновременно автор указывает, что еще не предпринимались попытки выявить, как отдельные вариации в сложной концептуальной структуре или в навыках использования концептуальной структуры предопределяют зарождение синтаксических явлений. Данное суждение, подкрепляющее актуальность проводимого автором изыскания, опять-таки выражается в форме «менее сильного» предположения, а не объективного научного факта (ср. *could have had implications for...*). В результате автор приходит к заключению, что постепенность в развитии синтаксиса в большей степени остается проблемой, основанной на вере, а не логически обосновываемой гипотезой. Это суждение представляется как объективный факт, поскольку его детализации и анализу посвящается последующий текст.

Фактуальность суждения (в противовес гипотетическому характеру) нацелена на убеждение читателя в необходимости изучать обозначенную проблематику. Там, где необходимо установить диалогический контекст с читателем, автор прибегает к хеджированию (оформлению своего суждения как мнения), там же, где оказывается существенным поддержать контакт с читателем, автор выражает свою позицию как своевременный научный факт. Читатель стимулируется к выражению реакции на данные суждения с целью их поддержания и принятия к сведению. Автор, неявно репрезентируя свой образ в тексте, ориентируется на фактор адресата, задействует для этих целей потенциал своей эмоционально-волевой сферы.

Таким образом, действенной прагматической причиной функционирования хеджирования в научном тексте предстает то, что этот прием потенциально препятствует возможному критическим реакциям со стороны читательской аудитории, объективирует возможность усиления достоверного описания актуальной проблематики. Данный прием проектирует образ автора, его эмоционально-волевую сферу, обеспечивая выдвигаемые суждения субъективной оценкой. С опорой на хеджирование автор научного текста формулирует суждения, содержащие новую актуальную информацию, конструирует свое мнение через убеждение адресата в истинности выдвигаемых пропозиций. Хеджирование – важнейший прагматический источник обеспечения достоверности актуальных суждений, предполагающий разнообразные формы своей реализации, в том числе, посредством модальных глаголов.

Список литературы / References

1. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
2. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 43 с.
3. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Контрастивное взаимодействие образов автора и персонажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 936–942.
4. Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 30–33.
5. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Текст репортажа в аспекте критического дискурс-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 6. С. 140–145.
6. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Антропоцентрический подход к изучению современного юридического дискурса // European Social Science Journal. 2013. № 8–1(35). С. 235–242.
7. Bickerton D. How protolanguage becomes language // The Evolutionary emergence of language. Social Function and origins of linguistic form. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 264–284.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funktsional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
2. Kudrjashov I.A. Fenomen kommunikativnoj svobody v ustnom i pis'mennom diskurse [Communicative freedom phenomenon in oral and written discourse]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 43 s. [in Russian]
3. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kontrastivnoe vzaimodejstvie obrazov avtora i personazha v hudozhestvennom tekste [Contrastive interaction of author and character's images in the literary text] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2016. # 25. S. 936–942. [in Russian]

4. Azarova O.A., Kudrjashov I.A. Kognitivnyj podhod k issledovaniju nejavnogo znanija [Cognitive approach to implicit knowledge investigation] // Kognitivnye issledovaniya jazyka [Cognitive language investigations]. 2015. # 21. S. 30–33. [in Russian]
5. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza [The reportage text in the aspect of critical discourse analysis] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Herold of Novosibirsk State University]. Serija: Istorija, filologija. 2015. T. 14. # 6. S. 140–145. [in Russian]
6. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Antropocentricheskij podhod k izucheniju sovremennogo juridicheskogo diskursa [Anthropocentric approach to contemporary law discourse investigation] // European Social Science Journal. 2013. # 8–1(35). S. 235–242. [in Russian]
7. Bickerton D. How protolanguage becomes language // The Evolutionary emergence of language. Social Function and origins of linguistic form. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 264–284.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.069

Гобрусенко Г.К.

ORCID: 0000-0002-5588-884X, Аспирант,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ГИБРИДУ: СТАНОВЛЕНИЕ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы онтологической гетерогенности современной культуры и самоопределения человека в условиях стремительного развития науки и технологии. Особое внимание уделяется вопросу о том, каким образом материальные объекты инкорпорированы в современные культурные процессы и во взаимодействия между культурами. Трансформации современной культуры анализируются с помощью концептов сети, перевода, киборга, гибрида, которые были разработаны в рамках современных «исследований науки и технологии» (Science and Technology Studies, STS), в частности, в акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT) Б. Латура и концепциях Э. Пикеринга и Д. Харавэй.

Ключевые слова: общество, наука, технологии, взаимодействие, гибрид, киборг, сеть, культура, Латур, Харавэй.

Gobrusenko G.K.

ORCID: 0000-0002-5588-884X, Postgraduate student,

Moscow State University.

FROM HUMAN TO HYBRID: THE EMERGENCE OF NETWORK CULTURE

Abstract

The article deals with the problems of ontological heterogeneity of modern culture and of human identity in the conditions of rapid development of science and technology. Special attention is paid to the question of how material objects are incorporated into contemporary cultural processes and interactions between cultures. The transformation of modern culture are analyzed using the concepts of network, translation, cyborg, hybrid and etc., which have been developed in the contemporary «science and technology studies» (STS), in particular, actor-network theory (ANT) by B. Latour and concepts by A. Pickering and D. Haraway.

Keywords: society, science, technology, interaction, hybrid, cyborg, network, culture, Latour, Haraway.

Начало XX века можно считать первым серьезным кризисом новоевропейской философии субъекта, ознаменовавшимся призывом основателя феноменологии Э. Гуссерля: «Назад, к самим вещам». Несмотря на то, что этот призыв не был реализован, и большинство феноменологов, включая самого Гуссерля, в итоге сделало выбор в пользу того или иного концепта субъекта – трансцендентального, экзистенциального, социального, попытки вернуться «назад, к вещам» осуществляются до сих пор. Поиск более фундаментальных онтологических структур уже во второй половине XX века выявил принципиальную недостаточность субъективистской перспективы, указав на то, что субъект выступает не как некоторая незыблемая точка отсчета, а скорее как неустойчивый результат более сложных гетерогенных процессов и отношений.

Пересмотр традиционного образа независимого субъекта как источника и движущей силы рационального познания и преобразования окружающего мира стал одним из наиболее значимых результатов начавшейся на рубеже 60-70-х годов тотальной ревизии дискурса новоевропейской философии¹, особенно его основополагающих понятий: «субъект», «рациональность», «знание», которые были подвергнуты критике, прежде всего, в философии науки. Если в начале XX века данная сфера была представлена в основном позитивистскими стратегиями и их модификациями,

¹ Во второй половине XX века появляется множество новых дискурсов и философских программ, в которых понятие субъекта оказывается под вопросом. В качестве наиболее значимых из них можно выделить постструктуралистскую идею «смерти автора», постмодернистскую критику различных унифицирующих метанарративов (см. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998), критика дуалистического понимания проблемы «сознание–тело» с позиций социобиологии (см. Wilson E. Sociobiology. Cambridge (MA): Belknap, 1980), возрастание интереса к материальным объектам в социо-гуманитарных науках (см., например, Miller D. Material cultures. L.: UCL Press., 1998) и появление новых моделей организации взаимодействий человеческих и нечеловеческих агентов, в частности, акторно-сетевой теории Б. Латура (см. [2], а также разработка теорий сложности и хаоса в социо-гуманитарных науках (см. Casti J. Complexification: explaining a paradoxical world through the science of surprise. L.: Abacus, 1994).

которые были ориентированы на изучение науки в качестве некоторого набора формальных когнитивных процедур, производящих всеобщее и необходимое знание о мире, то к началу 60-х годов благодаря развитию постпозитивистских подходов К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и др. исследования науки начинают стремительно приобретать междисциплинарный и трансдисциплинарный характер. Открытие исторического и социо-культурного измерения научного знания способствовало увеличению числа не только самих науковедческих проблем, но и стратегий их решения, чьи методы и концептуально-понятийные ресурсы все чаще были позаимствованы у различных нефилософских дисциплин – истории, психологии, социологии, культурологии, экономики, этнографии и т.д.

Появление альтернативных моделей философии науки, учитывающих культурно-историческую и практическую составляющую научной рациональности,² привело не только к существенному расширению исследовательского поля данной философской дисциплины, но и к размыванию самих границ между «наукой» и «не наукой», вследствие чего этапы познавательного процесса были приравнены к социо-культурным ситуациям, что способствовало сближению и синтезу эпистемологических, социологических и культурологических парадигм. К началу 80-х годов социологические подходы к изучению науки заняли доминирующее положение в сформировавшемся поле междисциплинарных обменов, дополнив науковедческие программы «социологии научного знания» (Sociology of Science Knowledge, SSK) и «исследованиями науки и технологий» (Science and Technology Studies, STS), которые долгое время входили в состав направления под названием «социальный конструктивизм»³.

Приоритетной темой социального конструктивизма стало исследование науки как одной из форм социальной организации с присущими ей нормами, правилами и практиками, при этом акцент делался на лабораторной деятельности ученых, в которой взаимодействия с природными объектами и искусственными артефактами (инструментами и приборами) сочетаются с социальными отношениями в научном коллективе. С точки зрения социального конструктивизма, именно материальные объекты играют детерминирующую роль в конкретных познавательных ситуациях.

Сформировавшаяся в рамках социального конструктивизма «феминистская теория науки» сфокусировалась на анализе гендерных различий и взаимоотношений полов в рамках научных практик, тем самым, обратив внимание исследователей науки на телесную составляющую познающего субъекта. Благодаря феминистской эпистемологии в фокус исследований философии и социологии науки, ориентированных, прежде всего, на изучение наук о природе, в частности, физики, попали науки о человеке, например, биология и антропология, что повлекло за собой дальнейшее взаимопроникновение естественнонаучных и гуманитарных дисциплин⁴ и открытие новых исследовательских перспектив.

Указанные тенденции инициировали так называемый «поворот к вещам» (в другой терминологии к материальному, к объектам) в поле междисциплинарных исследований науки, который был связан с радикальной переоценкой роли «вещей» (материальных объектов и артефактов) в человеческих практиках. В концептуальных рамках данного поворота была переосмыслена фундаментальная оппозиция западной философии науки, согласно которой наука как теоретическое знание противопоставлялась технике как продукту практического применения теории. Поскольку понятие объекта («вещи») трактовалось предельно широко – под него попадали растения, животные, объекты и явления природы, искусственно созданные артефакты, то и понятие технологии было расширено до всего множества объектов материальной культуры, что, в свою очередь, привело к сближению предметных областей философии науки и философии технологии⁵ и к последующей интеграции данных дисциплин⁶.

Понятия «общества», «науки» и «технологии» становятся, по сути, взаимозаменяемыми, а автономия человеческой деятельности оказывается под вопросом, поскольку действуют не люди, а «сложные взаимосвязи людей и материальных предметов, таких как, знаки, машины, технологии, тексты, физические среды, животные, растения и отходы производств» [10, с. 28], в результате чего общество превращается в «рискованное предприятие науки»⁷ [13, р. 102]. В связи с этим, все большую актуальность приобретает проблема самоопределения современного человека, живущего в мире, который стремительно изменяется в результате проникновения научно-технологических факторов во все сферы жизни. Вовлеченность человека в современную научно-технологическую культуру требует нового осмысления, поскольку мы уже не можем позиционировать себя в качестве самодостаточных индивидов.

Один из ведущих исследователей науки и технологии Бруно Латур охарактеризовал современную культурную ситуацию как эпоху «распространения гибридов». По мнению французского социолога, наш мир уже давно

² Научная рациональность в рамках данных подходов характеризовалась как исторически и культурно детерминированная, подверженная изменениям, проблемно-ориентированная и т.п.

³ Данное направление на разных стадиях своего развития было представлено такими выдающимися исследователями как Б. Барнс, Д. Блур, Г. Колинз, Т. Пинч, С. Вулгар, Б. Латур, Э. Пикеринг, С. Фулер и др.

⁴ Об этом свидетельствует появление, например, таких дисциплин как социобиология, биополитика. Подробнее см. Карпинская Р.С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995.

⁵ Следует отметить, что до поворота к материальному философия технологии не была ориентирована на науковедческую проблематику вследствие того, что техника трактовалась как практическое приложение теоретической науки. В традиционных концепциях технология, как правило, представлялась в качестве орудий и инструментов, машин и механизмов, используемых человеком с определенной целью и зависящих от его деятельности, но не наоборот. Свойства и возможности современных технологий демонстрируют несостоятельность подобных точек зрения и требуют принципиально новой концептуализации технологии, которую на сегодняшний день пытаются разрабатывать такие философы науки как Д. Айди, А. Финберг, Г. Дрейфус и др.

⁶ Как констатирует американский биолог и философ науки Д. Харавэй, современные наука и технология «взрываются друг в друге» [12, р. 34]. Об этом явно свидетельствует стремительное развитие во второй половине XX в. информационных и биологических наук и технологий, которые разрушают привычные концептуальные и физические границы между обществом, наукой и технологией, делая человеческие тела объектом и результатом масштабной технологической интервенции.

⁷ Эта характеристика современного общества отсылает к концепции «общества риска» немецкого социолога У. Бека, согласно которой возрастают риски умножения объемов производственных отходов и роста степени загрязнения окружающей среды, угрожающие существованию человечества. См. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

заполнили объекты, онтологически и семиотически занимающие положение «между природой и культурой» – соединения машин, людей, природных явлений и технологий: озоновые дыры, глобальное потепление, клоны, имплантанты, трансплантанты и т.п. Той же точки зрения придерживается и Харавэй, которая в своем знаменитом «Манифесте киборгов» говорит о том, что фигура киборга, физического и семиотического гибрида биологических и технологических элементов, – это форма вызова, брошенного культурой высоких технологий классическим дуализмам [11, с. 362]. И Латур, и Харавэй предлагают новую специфическую концепцию общества и культуры, которая предполагает неразрывную взаимосвязь человеческих и нечеловеческих агентов, humans и nonhumans, находящихся в режиме постоянного диалога⁸ и совместного гетерогенного становления.

Одним из главных следствий междисциплинарных дискуссий об онтологической гетерогенности современной культуры в сфере «исследований науки и технологии» можно считать новый взгляд на nonhumans, согласно которому во множестве ситуаций люди и «вещи» являются взаимозаменяемыми, становясь, по сути, воплощением друг друга. И те, и другие предстают одновременно как действующие лица (субъекты действия), при этом их базовой характеристикой становится способность оказывать если не целенаправленное, то, по крайней мере, значимое воздействие друг на друга. В связи с этим, утверждение о том, что во взаимодействиях humans и nonhumans в качестве источника смыслов выступают только человеческие существа, оказывается, как минимум, проблематичным, поскольку «вещи» демонстрируют способность производить и изменять значения в той же степени, что и люди. Например, человек с оружием – это соединение, в котором оба элемента, и человек и оружие, активны и наделяют друг друга определенным значением [14, р. 178-179].

Преодоление асимметрии в трактовке человека и мира, неизбежно возникающей в концепциях, основанных на дуалистической парадигме, наиболее успешно было реализовано в так называемых симметрических онтологиях⁹, разработанных акторно-сетевой теорией (Actor-Network Theory, ANT) Б. Латура и подходами-сателлитами Э. Пикеринга и Д. Харавэй, которые на протяжении последних двух десятилетий занимают ведущее положение в STS. В симметрических онтологиях в качестве альтернативы различным модификациям картезианского дуализма и механическому монизму за основу берется реляционный принцип понимания природы вещей, согласно которому онтологический статус и свойства любого объекта (человека, природного явления, технического устройства) не заданы a priori, но постоянно определяются и переопределяются его взаимоотношениями с другими сущностями. Базовой моделью организации и описания таких взаимоотношений становится сеть, представляющая собой совокупность гетерогенных взаимосвязей объектов, действий и событий, в которой не существует непреодолимых границ между онтологически различными регионами, так как последние пребывают в становлении по отношению друг к другу. Сетевая модель исключает любой вид традиционного фундаментализма или трансцендентализма: «чистые» субъекты и объекты, равно как и «чистые» сознание и материя возможны лишь как относительный результат временной стабилизации сетевых отношений, и потому не могут выступать в качестве исходного пункта при осмыслении реальности. Ключом к пониманию мира становятся не экстремальные сущности, а ситуации взаимодействия, в которых nonhumans, в том числе человеческое тело, являются действующими лицами – акторами, а не пассивными объектами.

Центральным понятием симметрических онтологий является понятие «становления» или «практики». Именно практика является исходным онтологическим пунктом, позволяющим уйти от традиционных противопоставлений и получить новое понимание мира как действия (или «мира как глагола» в терминологии Харавэй). Непрерывное взаимо конституирование сущностей порождает «смешанные» (гибридные) формы реальности, в которых субъекты и объекты, тело и сознание являются «материально-семиотическими агентами», не только наделяющими друг друга значениями, но и в большинстве случаев соединенными между собой в единые организмы. С точки зрения, Пикеринга, практика – это диалектическое единство «сопротивления и приспособления» множества равноправных агентов, будь то люди, природные явления или материальные артефакты. «Мир – это непрерывно действующие вещи, которые относятся к нам не как представления к бесплотному интеллекту, но как материальные силы к телесным существам» [16, р. 6].

Предложенная Пикерингом онтологическая модель «валяцов практики» (the mangle of practice) по аналогии со старыми отжимными машинами (валяцами), прокатывавшими белье между двух валиков, представляет культуру как процесс «непрерывного взаимного прокатывания человеческих и нечеловеческих субъектов действия» [16, р. 204-205]. «Практика – это поле взаимодействия человека с материальным окружением, где детерминация осуществляется в обоих направлениях» [17, р. 152]. Это своеобразный «танец действия» [16, р. 116], не предполагающий достижения какого бы то ни было предсказуемого и устойчивого результата. Таким образом, практика становится универсальной онтологической категорией, распространяющейся на «все значимые конфигурации мира» [17, р. 38].

Симметрические онтологии STS представляют собой серьезный вызов антропоцентризму, настаивая на том, что у нас нет оснований для антропологизации социологии и культуры. Предложенная ими концептуализация нечеловеческой активности¹⁰ позволяет не только по-новому взглянуть на изменения, происходящие в современной культуре, но и пересмотреть само понятие культуры, которое традиционно ассоциировалось, прежде всего, с символической деятельностью людей, поэтому наш дальнейший анализ будет строиться вокруг двух ключевых вопросов:

⁸ Для «исследований науки и технологии» характерна трактовка «вещей» как диалоговых объектов, «обладающих историей, отзывчивостью, культурой, темпераментом – <...> всеми качествами, в которых им традиционно отказывали гуманисты» [14, р. 3].

⁹ В основе данных онтологических построений лежит модификация принципа симметрии, разработанного Д. Блуром для социологии знания. См. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Философско-литературный журнал «Логос», 2002. № 5/6, с. 162-185.

¹⁰ На сегодняшний день в STS разработано достаточно много разнообразных концепций нечеловеческих агентов, но поскольку все они имеют ряд общих черт и базируются на теории гибридов Б. Латура, то можно говорить о единой концептуализации nonhumans для STS.

1. Каким образом материальные объекты инкорпорированы в современные культурные процессы и во взаимодействия между культурами?

2. Какой инструментарий предоставляют Science and Technology Studies для концептуализации культурных трансформаций?

Культура традиционно понималась как «достаточно замкнутое и локальное образование»¹¹ [4, с. 3], что во многом было связано с идеей общества «как ограниченной и относительно замкнутой системы» [9, с. 16], пространственно локализованной в конкретном географическом регионе¹². Метафоры системы, структуры и региона являются главными концептуальными ресурсами понимания общества в социологическом дискурсе, различные теоретические ракурсы которого представлены подходами критической теории, этнометодологии, функционализма, интеракционизма, марксизма, теории структуризации, веберовской теории, феминизма и теории систем.¹³ Вслед за пониманием общества как конкретной социально-экономической структуры, культура трактовалась как некая, свойственная определенному обществу, застывшая система этнических и религиозных ценностных установок и традиций, изменения в которой происходили очень медленно и по времени превосходили жизнь человека. Безусловно, такие локальные системы вступали в определенный диалог друг с другом, но поскольку возможности коммуникации (в особенности, тех средств, которые могли ее обеспечить) были весьма ограниченными, основные культуруобразующие компоненты не подвергались серьезному влиянию извне.

По мнению М. Маклюэна, именно развитие средств коммуникации определяло тот или иной тип общества, культуры и форм человеческого восприятия [3, с. 13]. В своей знаменитой работе, посвященной становлению «галактики Гуттенберга», канадский культуролог показывает, как коммуникационные технологии становились все более массовыми и общедоступными (от алфавита до средств электронной коммуникации), охватывая человечество в глобальном масштабе, что, в свою очередь, привело к уничтожению локальных обществ и их культур. Наука и технология становятся мощным интегративным фактором, способствующим разрыву границ между замкнутыми культурными системами и к радикальной трансформации существовавших между ними коммуникативных пространств, поскольку технологии выступили в роли того инструмента, который позволил конструировать смыслы не только людям, но и вещам. Если язык материальных объектов – это язык практики и восприятия, то технологии дают вещам возможность высказаться, превращая развитие современной культуры в глобальный, «бесконечно открытый процесс моделирования» [15, р. 418], который не может полностью контролироваться усилиями человеческого субъекта.

На сегодняшний день многие исследователи говорят о необходимости переопределения понятия общества в связи с происходящими в мире процессами глобализации и интеграции, которые способствуют разрушению привычного изоморфизма между социумом и государством и утрате пространственно-временной фиксированности, а значит и прежней стабильности социальных процессов¹⁴. На данный момент пока сложно констатировать существование единого глобального общества, поскольку многие глобальные процессы носят открытый, плохо предсказуемый и незавершенный характер, но можно выделить различные «отдельные уровни глобальной взаимозависимости» [10, с. 27], которые во многом конституированы нечеловеческой активностью, демонстрирующей текучесть и пластичность социальных и культурных феноменов.

Подвижность социальных границ связана, прежде всего, с развитием новой глобальной инфраструктуры¹⁵. Появление машин и технологий, способствующих разрыву связей между индивидом и конкретным национальным обществом, приводит к радикальному изменению пространственно-временных параметров социального «региона» и возникновению принципиально новых форм практики¹⁶, которые уже не связаны непосредственно с намерениями и действиями людей, а зависят от взаимодействий множества человеческих и нечеловеческих акторов.

В рамках конкретного общества может реализовываться множество рассредоточенных во времени и пространстве процессов, физически и символически пересекающих границы национальных государств и представляющих собой гетерогенные потоки информации, людей и предметов с разной степенью проникновения, которые непрерывно комбинируются и рекомбинируются между собой, тем самым, дестабилизируя порядок организации локальных регионов. Возрастающая скорость циркуляции гетерогенных потоков и, как следствие, сжатие пространственно-временных параметров¹⁷ порождают нелинейные, хаотические, и, по большей части, непреднамеренные социальные последствия, которые все чаще приобретают непредсказуемый масштаб¹⁸.

¹¹ «В человеческом обществе никогда не было культуры вообще, а существовала некая система таких локальных культур, которые были отдалены друг от друга даже пространственно, и взаимосвязь между ними была лишь относительной» [4, с. 3].

¹² В европейской и американской социологической традиции «общество» и его характерные формы социальной дифференциации, в особенности разделение на классы, крепко переплетены с «национальным государством» [10, с. 21].

¹³ Реконструкцию представлений об обществе, характерных для каждого из этих направлений см. [10, с. 17-18].

¹⁴ Как отмечает американский социолог М. Манн, «сегодня мы живем в глобальном обществе. Оно не унитарно и не представляет собой идеологическое общество или государство, но является уникальной силовой сетью. Взрывные волны проносятся по ней, сокрушая империи, перемещая огромные массы людей, материалов и сообщений, угрожая, в конечном счете, экосистеме и атмосфере планеты» [10, с. 26-27].

¹⁵ Примерами такой инфраструктуры являются «оптоволоконные кабели, реактивные самолеты, аудиовизуальные передачи, цифровое телевидение, компьютерные сети (включая Интернет), спутники, кредитные карты, факсы, электронные торговые терминалы, переносные телефоны, электронные биржи, высокоскоростные поезда и виртуальная реальность» [10, с. 53-54].

¹⁶ Например, «сравнительно дешевые заморские поездки; возможность приобретать потребительские товары и выбирать образ жизни по всему миру (допустим, мексиканскую еду, индийские кувшины, африканские украшения, южноамериканский кофе); доступ к общению жителей разных стран через Интернет; возможность формировать «новые социальные группы», часто противостоящие или выдвигающие альтернативы отдельным сторонам глобализации; свобода участия в глобальных культурных инициативах, таких как Кубок мира, или знакомство с этнической музыкой» [10, с. 58].

¹⁷ К числу сложных сетевых структур, направляющих свои ресурсы, в частности, оборудование и технологии, на цели, способствующие сжатию пространства-времени можно отнести ООН, Всемирный банк, Microsoft, CNN, Greenpeace, News

В свете происходящих изменений человеческие возможности становятся все более ограниченными, попадая в серьезную зависимость от активности материальных агентов. Как замечает американский теоретик архитектуры и дизайна У. Митчелл, «мне нет необходимости напрямую управлять всеми функциями машин и устройств, которыми я пользуюсь; я полагаюсь на посредничество электронного интеллекта, заключенного в моем сотовом телефоне, автомобиле, домашних электроприборах или операционной системе моего ноутбука, а также на программное обеспечение»¹⁹. Чаще всего я не знаю, встроен ли этот интеллект непосредственно в устройство, обеспечивается ли он удаленными серверами или является комбинацией того и другого» [6, с. 50]. Этот весьма наглядный пример показывает, что большая часть возможностей современного человека (от элементарного физического перемещения из одного пункта в другой до участия в online-играх) может быть реализована только в результате взаимодействия с огромным количеством нечеловеческих агентов, рассредоточенных в пространстве. Наш интеллект больше не может претендовать на уникальность, выступая всего лишь одним из узлов²⁰ глобальной коммуникативной системы, представляющей собой «гибрид» человека, природы и технологии.

Понятие «гибрида» было предложено Латуром для анализа ситуаций пересечения элементов природного, технологического и социального порядков, для которых характерно коллективное распределение деятельности и идентичности, т.е. таких ситуаций, когда практически невозможно атрибутировать одно конкретное действие тому или иному отдельному агенту – человеческому или нечеловеческому. При этом Латур не настаивает на существовании гибридов как некоторых чистых сущностей, а делает акцент, прежде всего, на динамичных процессах гибридизации и очищения. Если результатом первой совокупности практик выступает распределение деятельности и идентичности между humans и nonhumans, то вторая «посредством “очищения” создает две совершенно различные онтологические зоны» [2, с. 71], в одной из которых локализуется общество человеческих индивидов с его культурными ценностями, в другой – природа, материальные объекты и технологии. Таким образом, очищение – это выявление чистых форм из гибридов²¹, в частности, чистых социо-культурных интеракций, находящихся вне сетей сложных взаимодействий с nonhumans.

Латур предлагает новую онтологическую интерпретацию взаимосвязи между двумя совокупностями практик, согласно которой «точка разделения и точка соединения становятся исходной точкой. Объяснения уже не идут от чистых форм к явлениям, но двигаются от центра к крайним точкам» [2, с. 148], т.е. ни субъектов, ни объектов, ни humans, ни nonhumans не существует до их взаимодействия друг с другом, в котором и происходит их взаимоопределение. Приоритет отношений над субстанциями исключает возможность доминирующего воздействия какой-то одной сущности на все остальные, например, человеческого субъекта на материальные артефакты. Человеческий субъект в подобной схеме не наделен какими-либо особыми функциями и превращается в не более чем еще один из компонентов гетерогенной сети интеракций. Следовательно, главный вывод из данной концепции состоит в том, что современные общества не являются исключительно человеческими, это всегда гибриды, семиотическая составляющая которых напрямую зависит от перформативной активности материальных агентов.

Другим, не менее значимым концептом, применяемым в STS для анализа взаимодействий природы, культуры и технологии, стало понятие киборга, являющееся концептуальной модификацией латуровского гибрида и получившее широкое распространение после издания в 1985-м году «Манифеста киборгов» Д. Харавэ. На сегодняшний день в междисциплинарном поле «исследований науки» существуют две, во многом схожие по своим концептуальным ресурсам, программы изучения взаимодействий биологического и технологического. Одна из них делает акцент на киборгизации человека, т.е. оставляет приоритет за организмом (биологической составляющей), другая говорит об антропоморфизации робота, т.е. о расширении возможностей механизма (технологической составляющей) за счет биологических параметров и имитаций [7, с. 138]. Соответственно, первая задействует упомянутое выше понятие киборга²² (от англ. cybernetic organism – кибернетический организм) как биологического организма, оснащенного различными механическими и технологическими компонентами, в то время, как вторая использует термин

International, Олимпийское движение, Английский язык, Международную ассоциацию воздушного транспорта, McDonalds, Coca-Cola и т.п. [10, с. 57]. Все выше перечисленные «глобальные предприятия представляют собой эффективные сети людей, навыков, технологий, брендов, которые работают с минимальным количеством сбоев.

¹⁸ К примеру, на сегодняшний день мы можем констатировать «серьезный рост ядерной, химической и военной технологий, а равно новых отходов и рисков для здоровья, о которых нельзя уже просто утверждать, что они порождены внутри обществ как конкретных регионов и являются их проблемой» [10, с. 54].

¹⁹ «Нелюди часто могут заменять потенциально ненадежных человеческих особей – обучение последних правильному поведению может требовать очень больших усилий, избежать которых позволяет замена людей внечеловеческими образованиями» [10, с. 117].

²⁰ Машинный разум с каждым годом демонстрирует все возрастающую способность к автономному функционированию, о чем свидетельствует, например, сетевое общение, в котором мы не всегда можем определить, кто является автором полученного нами ответа – машина или человек (в первую очередь, это касается писем техподдержки, которые мы получаем по электронной почте, при регистрации на сайтах и т.п.), или компьютерные игры, в которых программа может выступать в качестве более серьезного противника, нежели человек. Как замечает Митчелл, «так, незаметно для нас, машины прошли тест Тьюринга. <...> По мере того как узлы с искусственным интеллектом распространяются повсеместно, сеть электронных устройств уплотняется, а цифровые обратные связи множатся, город становится огромным разумом, а биологический мозг – элементом более крупных когнитивных систем» [6, с. 51].

²¹ По мнению Латура, субъект-объектная дихотомия – результат процедур очищения, которые преобладали над процессами гибридизации в новоевропейской философии, способствуя появлению дуалистических онтологий с четким разделением природного и культурного порядков.

²² Термин «киборг» был введен М.Е. Клайнсом и Н.С. Клином в 1960 г. в рамках концепции возможности жизни человека за пределами Земли в связи с развитием космических исследований.

«андроид»²³ (от греч. *andr* – человек, мужчина и *eidos* – подобный, схожий) в значении «человекоподобный робот» [там же, с. 138].

Программа киборгизации связана, прежде всего, с развитием западноевропейской философской мысли, основанной на картезианском дуализме ментального и физического и идущей по пути «механизации» и технологической интервенции живого на фоне достижений научно-технического прогресса. В свою очередь, программа антропоморфизации наиболее характерна для восточной, в частности, японской культуры. В полной мере она реализуется в рамках японской робототехники, наделяющей роботов человеческими характеристиками, которые не сводятся только к симуляции внешних эффектов человеческого поведения, например, речи, характерных реакций и движений, но также предполагают наличие у них структур сознания²⁴ [там же, с. 41].

На наш взгляд, программы киборгизации и антропоморфизации в исследованиях технауки с разных сторон подходят к одной и той же серьезной проблеме, требующей глубокого философского осмысления, а именно, к проблеме самопонимания современного человека, «застающего себя в мире, чей облик стремительно меняется под воздействием высокоразвитых и направляющих друг друга науки и технологии» [8, с. 49]. Обе программы, по сути, приходят в решении данной проблемы к единому выводу о том, что проникновение научно-технологических факторов во все сферы человеческой жизни не только радикально трансформирует общество и культуру, но приводит к появлению принципиально новых форм жизни (будь то киборг, представляющий собой технологическое расширение нашей органической целостности, или андроид, являющийся «живым» техническим аналогом человека), которые образуют иной уровень экзистенциального бытия, требующий не только концептуализации вне привычных нам бинарных оппозиций, но и новой философской рефлексии.

В отличие от гибридов Латура²⁵ киборги и андроиды как формы жизни существовали не всегда, фактически они появились в результате развития современной технауки²⁶. С точки зрения Харавэи, «киборги, гибриды, мозаики, химеры» [11, с. 362] – это основной продукт «культуры высоких технологий» [там же, с. 362]. В мире киборгов границы между человеческим и животным, «животно-человеческим» [там же, с. 327] и машиной, физическим и нефизическим теряют свою актуальность, поскольку киборг изначально множественен и неоднороден, его нельзя представить как простое смешение чистых сущностей²⁷. Прежние иерархии в виде рас, классов, гендера, на протяжении веков определявшие мировое устройство, уступают место сложным сетям, делающим возможным «всеобщий перевод» как «эффективную коммуникацию» [там же, с. 344]. Таким образом, киборг – это не только эмпирически фиксируемое сочетание биологических и технологических компонентов, но и определенный порядок представления, в котором вопрос «человек или машина?» не имеет смысла, поскольку биологическое (к примеру, наш мозг) уже неотделимо от технологического (например, от программного обеспечения, представляющего собой компьютерный интеллект и выполняющего функции нашей памяти).

Важную роль в формировании подобного порядка представлений играет трансформация человеческих чувств в результате технологической интервенции и появление их новых гибридных форм. Социальную обусловленность человеческих чувственных практик отмечал еще Г. Зиммель, но развитие науки и технологии отодвигает на второй план вопросы о социо-культурной детерминации восприятия, ставя перед исследователем куда более серьезные проблемы, касающиеся, например, бессилия наших чувств по отношению к рискам, порождаемым технаукой (радиоактивное излучение невозможно потрогать, увидеть, понюхать, попробовать на вкус или услышать)²⁸, или воплощения чувственности в материальных объектах (появление «невидящего» зрения, реализуемого машинами для самих себя, «автоматизация восприятия» и т.п.)²⁹.

Со времен зиммелевского исследования чувств, в котором немецкий социолог особую роль отводил зрению, распространение визуального восприятия достигло колоссальных масштабов (переход «от печатного станка к электронным формам репрезентации, от фотокамеры, требующей непосредственного присутствия, к циркуляции цифровых изображений по всему земному шару и за его пределами» [10, с. 123], оказывая непосредственное влияние на трансформацию других чувств, в особенности, слуха (появление грампластинок, магнитных пленок, компакт-дисков, портативных аудио/видео плееров и т.п.). Если к концу XIX века зрение было почти полностью отделено от

²³ Первое упоминание данного термина относят еще к XIII веку (Альберт Кельнский), значительную роль в широком распространении понятия «андроид» приписывают произведению «Будущая Ева» французского писателя Филиппа Огюста Матюаса Вилье де Лиль-Адама, в котором была описана искусственная женщина [7, с. 138].

²⁴ Антропоморфизации *nonhumans* в японской культуре во многом способствует и отсутствие в японском языке четкого разделения природы на живую и неживую. «Само слово “shizen”, при помощи которого передается понятие “природа”, соответствует лишь одному из значений этого понятия в культуре Запада. “Shizen” соответствует, скорее, изначальному понятию греческого “physis” – тому, что делает существо тем, кем оно является и позволяет развиваться соответственно “собственной природе”. Но “shizen” никоим образом не может обозначать единство явлений, независимых от человека. В сознании японцев просто нет объективного представления о природе как об особом участке мира, из которого выделен человек²⁴» [1, с. 48], поэтому роботы-андроиды выступают в качестве одной из форм жизни, сосуществующей вместе с человеком.

²⁵ Согласно Латуру, человеческие общества были гибридными образованиями на протяжении всего своего развития, но люди не всегда правильно описывали то, что практиковали.

²⁶ «Машины конца XX века сделали глубоко двусмысленным различие между естественным и искусственным, умом и телом, саморазвивающимися и выстраиваемым извне, как и многие другие разграничения, ранее применявшиеся к организмам и машинам» [11, с. 327].

²⁷ «История происхождения в западном гуманистическом смысле основывается на мифе об изначальном единстве, полноте, блаженстве и ужасе, изображаемых фаллической матерью, от которой все люди должны оторваться – задача индивидуального развития и истории. <...> Киборг пропускает стадию изначального единства, отождествления с природой в западном смысле» [11, с. 325].

²⁸ См., например, Adam B. Radiated Identities: In Pursuit of the Temporal Complexity of Conceptual Cultural Practices // Theory, Culture and Society Conference. Berlin, 1995.

²⁹ См., например, Thrift N. Spatial formations. London: Sage, 1996.

других чувств и занимало доминирующую позицию по отношению ко всем остальным, способствуя появлению описанных М. Фуко дисциплинарных институций, то в XX веке благодаря развитию новых технологий возникают и новые способы визуального восприятия, которое теперь осуществляется сложными гибридами.

Одним из таких гибридов, по мнению Д. Урри, является «фотограф», представляющий собой сочетание человека и камеры и формирующий особый способ видения, связанный с определенной эстетикой производства «заслуживающих внимания» визуальных образов³⁰. Камера не только становится неотъемлемой частью субъектности, но и демонстрирует способность наделять значением все, что запечатлевает³¹. Мир, увиденный через камеру, предстает с одной стороны, как нечто субъективное, произведенное конкретным избирательным взглядом, с другой стороны, как объективное положение вещей, зафиксированное с помощью фотоснимка или видеоряда. При этом, важно подчеркнуть, что избирательный взгляд не является нашей человеческой привилегией, он формируется и направляется с помощью камеры, создающей векторы и траектории наших визуальных ощущений и превращающей мир в обзримую совокупность образов³².

Камеры и фотоаппараты радикально трансформируют практики современных путешественников, многие из которых уже не могут получить удовольствие от простого зрительного восприятия пейзажей или экспонатов, для удовлетворения своих эстетических потребностей им необходимо взаимодействие с камерой, перформативным образом превращающей пейзаж или экспонат в особое зрелище, достойное тиражирования и коллекционирования, т.е. в достопримечательность.

Другими, не менее важными, для современной культуры гибридными формами являются взаимодействия человека с компьютером и телевизионным экраном, которые, по сравнению с камерой, еще больше материализуют и автоматизируют зрительное чувство, позволяя транслировать огромное количество визуальных образов практически на любые расстояния и связывать между собой самые отдаленные точки земного шара. Благодаря телевидению и компьютерным технологиям множество виртуальных пространств пересекаются в одной точке, вследствие чего по ним можно перемещаться, практически не задействовав при этом телесную составляющую³³. Практика подобных перемещений соединяет первоначально несвязанные между собой визуальные потоки в единую цепь событий, невольным участником которой в связи с массовым распространением компьютеров и телевизионных устройств может стать каждый³⁴.

Легкость управления процессами комбинирования виртуальных пространств, лежащая в основе телевизионной и компьютерной экспансии, порождает такую форму зрительного восприятия как мимолетный, рассеянный взгляд³⁵, чаще следующий за определенным «звуковым ландшафтом», нежели за тем или иным визуальным рядом [10, с. 133-134]. Фоновый режим на сегодняшний день все чаще становится основным режимом работы телевизионных экранов, которые конституируют множество разнообразных видов деятельности, сопряженных не столько с просмотром, сколько с прослушиванием телепрограмм, в связи с чем, можно констатировать начало реабилитации устной традиции в западных обществах. Этому во много способствует и проникновение различных звуковых технологий (радиоприемников, медиаплееров, громкоговорителей, сотовых телефонов и т.п.) во все сферы жизни общества. Звуковой ландшафт современного города является крайне насыщенным, совмещающий множество несовместимых звуковых потоков, образующих неустранимый фон нашей повседневной деятельности.

В отличие от зрения слух нельзя полностью изолировать от воздействующих на него объектов, поэтому звуковые контакты не являются привилегией человеческого контроля³⁶. Тишина в современном обществе становится искусственно изобретенной средой, попасть в которую практически невозможно³⁷. В связи с этим, культовым предметом современного звукового ландшафта становятся наушники, подключенные к переносным аудио/видео плеерам или сотовым телефонам и представляющие собой своеобразный фильтр, через который звуки окружающего мира воспринимаются как некие побочные эффекты, едва уловимые в приватном звуковом пространстве. По сравнению с визуальными, звуковые устройства гораздо более мобильны, поскольку встраиваются непосредственно в человеческое тело³⁸ и перемещаются вместе с ним, конституируя более функциональные гибриды.

³⁰ «Трудно найти почтовые открытки или туристические фотографии “пейзажей” отбросов, болезней, бедности, сточных вод и запустения» [10, с. 129].

³¹ См., например, Барт Р. *Camera lucida*. М.: Ad Marginem, 1997.

³² Хорошим примером в данном случае может служить «кодакизация» Египта или, другими словами, превращение страны в некоторый набор точек обзора и соответствующих им достопримечательностей, которые с помощью камеры должен запечатлеть каждый турист. Подробнее см. Gregory D. *Scripting Egypt: Orientalism and the Cultures of Travel* / Duncan J., Gregory D. *Writes of Passage*. L.: Routledge, 1999.

³³ Перемещение по различным виртуальным реальностям в данном случае может осуществляться с помощью нажатия кнопки на клавиатуре или пульта дистанционного управления, т.е. путем одного минимального движения.

³⁴ Сегодня с компьютерами и телевизорами можно взаимодействовать не только в частных жилых помещениях, но и в различных публичных пространствах – торговых центрах, клубах, барах, кафе, уличных витринах и т.п., даже будучи в этом незаинтересованным.

³⁵ О различии мимолетного и пристального взгляда см. Urry J. *Consuming Places*. L.: Routledge, 1995.

³⁶ По мнению Урри, «мир пережил настоящую революцию в звуке, отчасти сопоставимую с визуальной» [10, с. 150], что привело к появлению принципиально новых форм звукового восприятия и возрастанию потребностей в «слуховых развлечениях».

³⁷ Даже в читальных залах библиотек, требующих соблюдения тишины, все чаще звучит фоновая музыка или работают интерактивные дисплеи, не говоря уже о том, что в других публичных и частных, открытых и закрытых пространствах искусственно созданные шумы (двигатели автомобилей, звуковые оповещения, теле и радио приемники и т.п.) не только уничтожают тишину, но и заглушают естественные звуки природы (раскаты грома, стук дождя, порывы ветра, рокот водопада и т.п.)

³⁸ «Все больше музыки помещается во все более крошечные коробочки. Раньше человек мог унести две-три мелодии; сегодня люди передвигаются с тысячами треков» [6, с. 87].

Уже на примере трансформаций зрительного и слухового восприятия видно, что они производят радикальную делокализацию наших отношений друг с другом, с вещами и с окружающей средой, предоставляя нам возможность удаленного и асинхронного взаимодействия. Наша нервная система, по сути, выходит за пределы нашего тела, расширяясь за счет «медных проводов, оптоволоконных кабелей и беспроводных каналов, соединяющих мозг с электронной памятью, узлами обработки информации, сенсорами и приводами, расположенными по всему миру и даже в космосе» [6, с. 44]. В результате трансформации восприятия изменяется и наша способность к дифференциации поступающих сигналов: с помощью различных устройств, являющихся техническим продолжением наших органов чувств мы можем наблюдать микроскопические объекты, видеть световое излучение даже при его низкой интенсивности, различать звуки за пределами слышимого диапазона, или, наоборот, жестко отфильтровывать то, что не является важным и интересным.

Стремительная миниатюризация технологий и превращение многих из них незаметные имплантаты позволяет нашим чувствам функционировать непрерывно или по требованию, с одной стороны, все больше расширяя возможности нашего восприятия, с другой, приводя к своеобразной атрофии органов чувств самих по себе, поскольку способность к дифференциации воспринимаемого материала все больше попадает в прямую зависимость от различных технических устройств. Речь идет уже не о нашей собственной чувствительности, а о чувствительности искусственных «сенсоров с сетевым подключением» [6, с. 45]. Таким образом, современный человек уже не является самодостаточным даже на уровне собственной биологической и физиологической организации, он «рассредоточенный в пространстве киборг» [6, с. 56], состоящий из множества различных уровней и сложных взаимосвязей между ними. Следовательно, взаимодействия не только между людьми, но между культурами как семиотическими системами во многом обеспечиваются «конститутивными маневрами материальных агентов» [16, р. 581], являющихся неотъемлемой составляющей человеческих практик.

Следуя за основными идеями концептуальных разработок Латура и Харавэй, Митчелл предлагает дуалистическую метафору рамок и сетей для анализа мира «электрокочевых киборгов»³⁹ и гибридов. Согласно данной метафоре, каждый из нас «состоит из биологического ядра, окруженного системой искусственных рамок и сетей. <...> Рамки определяют пределы помещений и пространств, тогда как сети организуют пространство связей и потоков» [6, с. 14]. По мнению Митчелла, сегодня происходит инверсия соотношения между рамками и сетями⁴⁰, сопровождающаяся колоссальным ростом мобильности людей и вещей и распределением событий по множеству пунктов и моментов все более непредсказуемым образом. В то время, как рамки приобретают все большую проницаемость, сетевые взаимодействия становятся главной характеристикой современной цивилизации, инициируя фундаментальный сдвиг человеческой субъективности, которая представляет собой множество взаимосвязей, пересекающихся и накладывающихся друг на друга. Человек больше не может позиционировать себя в качестве неизменной и обособленной личности, поскольку он соединен с множеством других людей и объектов, его физические и ментальные системы выходят далеко за пределы телесной оболочки, а его пространственно-временные координаты становятся все более неопределенными, растворяясь в глобальной сверхвзаимосвязанности⁴¹.

Разворачиваясь в непредсказуемых масштабах, сетевые взаимодействия детерриториализуют и денационализуют культурные и информационные детерминанты, мобильность которых стремительно возрастает, пересекая локальные контексты действия. Исходя из перспективы множественности акторов и сетей, можно заключить, что локальные культуры все быстрее приобретает сетевой характер, превращаясь в множество динамичных взаимосвязей, которые распространяются в глобальном масштабе за счет образования пересечений (узлов), аккумулирующих в себе различные «ресурсы», как материальные, так и символические. Процессы гомогенизации, угрожающие специфике местных культур, в таком случае, оказываются связанными в первую очередь с тем, что отдельные культурные формы образуют крупные децентрализованные, крайне разветвленные сети, охватывающие практически весь мир и способные аккумулировать другие, менее масштабные сетевые структуры. Такие глобальные сети опираются на множество узлов, количество которых постоянно увеличивается, в результате чего такой сети очень трудно противостоять. Ярким примером глобальной, децентрализованной сети может служить так называемая «компьютерная культура», опирающаяся на огромное количество взаимосвязанных узлов (стационарных компьютеров, ноутбуков, планшетов, сотовых телефонов, Интернет-серверов, провайдерские компании, производителей программного обеспечения и компьютерных игр и т.д.) и подчинившая себе множество других сетей (национальные системы связи, образования и т.д.). Отсутствие центра и жесткой иерархии между узлами (производители компьютерных процессоров поддерживают стабильность данной сети в той же мере, что корректная работа антивирусной программы) делает компьютерную культуру достаточно неуязвимой, поскольку разрушение отдельных узлов не приведет к прекращению функционирования всей сети.

Циркуляция, охватывающая огромные масштабы, в сетях становится важнее замкнутости и автономности, поэтому современные общества и культуры, тесно связанные сетями взаимозависимостей, уже нельзя эффективно разделить с помощью расстояний, стен, границ и оболочек. Соответственно, особое значение в сетевой культуре

³⁹ Категории «человечество» и «человек» уже неуместны для тех, «кто составляет тексты на беспроводных ноутбуках, пишет на бегу, беспрестанно смещает и множит географические и электронные точки зрения, таскает с собой цифровые камеры, углубляется в мировую паутину в поисках источников, идет по следу в сетях цитат, перекрестных ссылок и гипертекстовых связей, рассылает поисковых роботов, копается в метаданных и отслеживает потоки электронной почты и мгновенных сообщений» [6, с. 85].

⁴⁰ «То, что в древности символом города являлась окружность крепостных стен, демонстрирует, что ограничивающие, отделяющие и иногда защищающие рамки когда-то были решающим механизмом политической географии. <...> Однако, к середине XX века самым запоминающимся символом Лондона стала схема его метрополитена, а Лос-Анджелеса – карта его автострад. Именно использование этих сетей, а не пребывание внутри стен, делало человека жителем Лондона или Лос-Анджелеса» [6, с. 18].

⁴¹ «По мере искусственного расширения тела за пределы оболочки из плоти размываются признаки пола, расы и даже биологического вида» [6, с. 84].

приобретают точки доступа к циркулирующим потокам⁴². Таким образом, одной из главных сетевых дифференциаций становится наличие/отсутствие доступа⁴³ в силу того, что неравномерность «подключения» может усиливать одни культурные формы, и подрывать другие.

Сетевые культуры, основанные на непрерывной циркуляции людей, материальных артефактов, образов, информации и т.д. порождают у современного человека не только новые возможности, потребности и желания, но и новые риски. К последним можно отнести повсеместное распространение новых неизлечимых болезней, в особенности СПИДа; стремительный рост числа экологических угроз, пересекающих природные и государственные границы; возрастание степени риска потери национального суверенитета вследствие выхода из-под контроля гетерогенных потоков, циркулирующих через территории национальных государств; набирающие силу тенденции гомогенизации (вплоть до полной нейтрализации различий) локальных культур и т.д. Мы являемся свидетелями становления новой неопределенной и амбивалентной культуры риска, культуры непредсказуемых последствий, которая формируется в результате ослабления и ограничения возможностей отдельных индивидов и обществ в целом под натиском «многочисленных «внечеловеческих» глобальных потоков и множественных сетей» [10, с. 59]. При этом, на наш взгляд, крайне важно подчеркнуть, что неоднородные потоки, циркуляция которых осуществляется с разной скоростью, могут быть как фактором, обеспечивающим определенную степень стабилизации сетевых отношений, так и фактором, разрушающим сетевые структуры. Примером разрушения относительно стабильной сети является крах коммунистических режимов в Восточной Европе, который произошел во многом по причине того, что во второй половине XX в., начиная с 60-70-х гг., число коммуникационных (как и число самих средств и форм коммуникации) и туристических контактов с западными странами стремительно росло. Вследствие этого, потоки «западных объектов» (товаров, атрибутов западного стиля, произведений искусства) стали оказывать непосредственное влияние на формирование как индивидуальной, так и коллективной культурной идентичности [10, с. 64-67]⁴⁴.

Становление сетевых культур ставит перед человечеством множество вопросов, ответы на которые только предстоит найти современным ученым, философам и теоретикам культуры. Каковы будут новые ценностные ориентиры сетевых коллективов людей и *post-humans*, которые, по всей видимости, будут способны действовать на огромных расстояниях, конституируя неожиданные и непредсказуемые динамичные взаимосвязи? Концептуализация новых мобильных культур и их внезапных бифуркаций требует новой исследовательской оптики вне характерных для философии культуры противоборствующих стратегий сциентизма/антисциентизма и вне привычных классификационных категорий. Порожденные наукой и технологией «блуждающие гибриды» [10, с. 297] создают новые уровни организации жизни и новые формы общности, в которых нам только предстоит увидеть окружающий мир, а также найти и осознать самих себя.

Список литературы / References

1. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
2. Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Издательство Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005.
4. Миронов В.В. Наука и «кризис культуры» (или затянувшийся карнавал). Ст.1. Вестник Московского университета. Серия 7, Философия, 1996. №4. С. 3-13.
5. Миронов В.В. Наука и «кризис культуры» (или затянувшийся карнавал). Ст.2. Вестник Московского университета. Серия 7, Философия, 1996. №5. С. 3-12.
6. Митчелл У. Я плюс плюс: Человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012.
7. Середкина Е.В. Анализ программ киборгизации и антропоморфизации в контексте философии «хай-тек». Вестник Пермского государственного технического университета: культура, история, философия, право, 2010. №3. С. 137-146.
8. Столярова О.Е. Постнеклассический облик науки: исследования технауки (обзор). Философия в XX веке: сб. обзоров. М., ИНИОН РАН, 2002. Т. I-II. С. 41-81.
9. Урри Д. Мобильности. М.: «Праксис», 2012.
10. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.
11. Харавэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. Гендерная теория и искусство. Антология. М.: РОССПЭН, 2005.

⁴² Как замечает Митчелл, «если вы работник умственного труда, то личная библиотека, собранная в вашем кабинете, может оказаться менее полезной, нежели доступ к мобильной сети и приобретенные права интеллектуальной собственности на содержащуюся в сети информацию. <...> Если вы не можете позволить себе приобрести или так или иначе добыть такие права, если вы занесены в черный список, если вы потеряли свои карточки и мобильное оборудование, забыли пароли, утратили ярлык RFID, да и просто если у вас сели батарейки, вы <...> оказываетесь посреди недоступного изобилия» [6, с. 81].

⁴³ Последователь Латура, Д. Урри называет такие неравенства «туннелями» (которые даже не зафиксированы в юрисдикциях отдельных обществ), поскольку то, с чем мы сталкиваемся в данном случае представляет собой «сворачивание времени и пространства <...> телекоммуникационными и транспортными структурами, где каналы, минуя одни области, соединяют другие плотными в информационном и транспортном отношении «туннелями»» [10, с. 57].

⁴⁴ Структура этих обществ была, по сути, подорвана изнутри, поскольку даже изоляция с помощью максимально охраняемых границ оказалась бессильна перед наплывом неконтролируемого потока знаков, образов, вещей, пересекающих данные границы и встраивающихся в местный культурный контекст самыми непредсказуемыми способами.

12. Haraway D. Modest witness@Second_millennium. FemaleMan OnkoMause: Feminism and technoscience. N.Y., London: Routledge, 1997.
13. Latour B. Ein ding ist ein thing: A philosophical platform for a left European party. Concepts and transformation. Amsterdam/Philadelphia: Benjamin, 1998. Vol.3, (1/2). P. 97-112.
14. Latour B. Pandora's hope: essays of the reality of science studies. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
15. Pickering A. Concepts and the mangle of practice: constructing quaternions. The South Atlant. quart. Durham. 1995. Vol 94, (2). P. 417-465.
16. Pickering A. The mangle of practice: Time, agency and science. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
17. Rouse J. Engaging science: How to understand its practices philosophically. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Deskola P. Po tu storonu prirody i kul'tury [Beyond nature and culture]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. [in Russian]
2. Latour B. Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii [We have never been modern]. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo un-ta v S.-Peterburge, 2006. [in Russian]
3. McLuhan M. Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatajushhego [The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man]. M.: Akademicheskij Proekt: Fond «Mir», 2005. [in Russian]
4. Mironov V.V. Nauka i «krizis kul'tury» (ili zatjanuvshijsja karnaval) [Science and the crisis of culture (protracted carnival)]. St.1. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7, Filosofija, 1996. №4. P. 3-13. [in Russian]
5. Mironov V.V. Nauka i «krizis kul'tury» (ili zatjanuvshijsja karnaval) [Science and the crisis of culture (protracted carnival)]. St.2. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7, Filosofija, 1996. №5. P. 3-12. [in Russian]
6. Mitchell W. Ja pljus pljus: Chelovek, gorod, seti [Me++: The Cyborg Self and the Networked City]. M.: Strelka Press, 2012. [in Russian]
7. Seredkina E.V. Analiz programm kiborgizacii i antropomorfizacii v kontekste filosofii «haj-tek» [The analysis of programs of cyborgization and anthropomorphization in the context of the philosophy of "high-tech"]. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta: kul'tura, istorija, filosofija, pravo, 2010. №3. P. 137-146. [in Russian]
8. Stoljarova O.E. Postneklassičeskij oblik nauki: issledovanija tehnologii (obzor) [Post-non-classical character of science: studies of technoscience (review)]. Filosofija v XX veke: sb. obzorov. M., INION RAN, 2002. T. I-II. P. 41-81. [in Russian]
9. Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. M.: «Praksis», 2012. [in Russian]
10. Urry J. Sociologija za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija [Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century]. M.: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2012. [in Russian]
11. Haraway D. Manifest kiborgov: nauka, tehnologija i socialističeskij feminizm 1980-h gg [The cyborg's manifesto: science, technology and socialist feminism in the 1980-ies]. Gendernaja teorija i iskusstvo. Antologija. M.: ROSSPJeN, 2005. [in Russian]
12. Haraway D. Modest witness@Second_millennium. FemaleMan OnkoMause: Feminism and technoscience. N.Y., London: Routledge, 1997.
13. Latour B. Ein ding ist ein thing: A philosophical platform for a left European party. Concepts and transformation. Amsterdam/Philadelphia: Benjamin, 1998. Vol.3, (1/2). P. 97-112.
14. Latour B. Pandora's hope: essays of the reality of science studies. Cambridge: Harvard University Press, 1999.
15. Pickering A. Concepts and the mangle of practice: constructing quaternions. The South Atlant. quart. Durham. 1995. Vol 94, (2). P. 417-465.
16. Pickering A. The mangle of practice: Time, agency and science. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
17. Rouse J. Engaging science: How to understand its practices philosophically. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.064

Кулешов В.Е.¹, Кочеткова Е.В.²¹Профессор, доктор философских наук, Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова²доцент, кандидат физико-математических наук, Морской государственный университет имени Г.И. Невельского**АЛЬТРУИЗМ КАК УСЛОВИЕ ОБРЕТЕНИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ****Аннотация**

«Альтруизм или эгоизм?» – какая жизненная позиция из названных является истинной, а, значит, – целесообразной, выгодной для индивида? Среди множества факторов, определяющих стратегию жизни человека, важным является его рациональное решение, которое оправдывает избранный вариант отношения к людям. Эгоист ошибается в определении иерархии ценностей. Он придает высшую смысловую значимость потребностям (чаще всего материальным), которые объективно не могут быть смыслом жизни. Удовлетворяя их любыми средствами, он, в конечном итоге, превращает свою жизнь в бессмысленную. Эгоист, по большому жизненному счету, – всегда проигравший. Этот вывод доказывается авторами через философское моделирование судьбы «абсолютного» эгоиста. Альтруистическая же нравственная атмосфера в социальных отношениях является условием развития как индивида, так и общества. Поэтому в настоящее время в России необходима пропаганда нравственных качеств как высших, элитарных характеристик личности.

Ключевые слова: альтруизм, эгоизм, нравственность, смысл жизни.

Kuleshov V.E.¹, Kochetkova E.V.²¹PhD in Philosophy, Pacific Higher Naval College after S.O. Makarov²PhD in Physics and Mathematics, Maritime State University after G.I. Nevelskoy**ALTRUISM AS A CONDITION OF MEANING OF LIFE ATTAINMENT****Abstract**

“Altruism or Egoism?” – which life philosophy is true and therefore is advisable for an individual? Man’s worldview choice depends on lots of factors. The most important is his rational solution which justifies the chosen behavior. An egoist attaches particular importance to needs, values which in reality do not represent the meaning of life. So the egoist in most cases is a loser. The authors’ conclusion has been proved by means of modeling philosophy of the egoist personal destiny. Altruistic moral atmosphere in social relations is man’s progress and society development as well. For this reason a public awareness campaign of morality as man’s elite personal characteristic is essential nowadays.

Keywords: altruism, egoism, morality, meaning of life.

Целью данной статьи является нахождение ответа на вопрос: «Альтруизм или эгоизм?». Какая жизненная позиция из названных целесообразна, правильна, истинна? Но, если она истинна, то, как само собой разумеющееся, она должна быть выигрышной, выгодной по своим итогам, результатам. То, что не эгоизм, а альтруизм отдельного человека выгоден для общества, является аксиомой.

Он не только выгоден, но и жизненно необходим любому социуму. Общество в условиях перманентной гражданской войны или взаимной вражды его членов обречено или на самоуничтожение, или на уничтожение внешней силой, так как для защиты необходимы взаимопомощь и единство действий. Даже в животном мире это правило предопределяло естественный отбор и выживание тех или иных видов. Отечественный мыслитель П.А. Кропоткин в своей работе «Этика» вслед за Ч. Дарвином акцентирует внимание, что «в великой борьбе за существование, ведущейся каждым животным видом против враждебных ему климатических условий, внешней обстановки жизни и естественных врагов, больших и малых, те виды имеют наибольшие шансы выжить, которые последовательнее держатся взаимной поддержки, тогда как те виды, которые этого не делают, вымирают. И то же самое мы видим в истории человечества» [1, 54].

Природу Кропоткин называет первым учителем этики. «Общественный инстинкт, прирожденный человеку, как и всем общественным животным, – вот источник всех этических понятий и всего последующего развития нравственности» [1, 55]. Отчасти соглашаясь с этим тезисом мыслителя, мы в настоящее время вынуждены констатировать, что современному человеку, в отличие от братьев наших меньших, нужно доказывать объективную необходимость и целесообразность нравственного отношения к жизни.

Тысячи лет борьбы за существование превратили доминирование внутривидовой взаимопомощи над враждой у стадных животных и у наших далеких предков в инстинкт. Этот инстинкт обеспечил выживание людей в первобытных племенах и перспективу дальнейшего развития человека. Но, в отличие от видов животных, находящихся в стабильных поведенческих алгоритмах существования, человек, благодаря развитию мышления, постоянно изменял как окружающую его среду, так и свой образ жизни в широком значении этого термина. Наряду с инстинктами рациональный расчет все в увеличивающейся степени стал влиять на выбор действий и поступков.

В каждом выборе конкретного действия в той или иной степени участвуют все структурные элементы сознания: знания, чувства, воля, практические навыки. Но ведущим элементом, заставляющим действовать все остальные, является знание, на основе которого у индивида формируется убеждение, уверенность в правильности, надежности выбранной нравственной позиции. В этом случае у него появляется желание, стремление поступать так, а не иначе, которое принято называть положительной нравственной мотивацией. Мотив проявляет себя как внутренняя движущая сила, как непосредственная побудительная причина поступка.

Мотивы действуют, когда выбор уже осуществлен. А аргументами осуществления выбора являются нравственные ценности. Ценность – это то, что признается индивидом и социумом как превосходное, стоящее над всем и к чему люди относятся с уважением, признанием, почтением. Ценности не существуют как нечто внешнее, независимое от человека. Они связаны с потребностями людей. То, что может удовлетворить актуальную потребность, становится ценным для индивида. Чем острее потребность, тем ценнее воспринимается средство или способ ее удовлетворения.

Для мыслящего индивида высшей является потребность в смысле жизни. Его сознание нуждается в ответе на вопрос: «Зачем и как я должен жить, чтобы моя жизнь объективно имела ценность и оправдание?» Но одного знания ответа на вопрос недостаточно – надо еще жить со смыслом, чтобы ощущать его. Ведь нельзя ощущать того, чего не имеешь. И нужна человеческая мудрость, чтобы и выбор, и действие осуществлялись в русле творения добра.

К сожалению, как свидетельствуют история и судьбы отдельных людей, сознание способно не только находить полезные решения, но и ошибаться, что может приводить к несчастьям, трагедиям, гибели, то есть субъект мышления, по вине этого самого мышления, может в конечном итоге не выигрывать, а проигрывать. Абстрагируясь от множества возможных объективных и субъективных факторов, приводящих к жизненным ошибкам, важно в контексте наших рассуждений выделить обобщенную причину, которую можно сформулировать как несоответствие возможностей, способностей конкретного человека, уровня его интеллекта сложности той или иной решаемой проблемы. К предельно сложным проблемам относятся и те, которые в философии и общественном мнении получили статус вечных. Среди них – проблема нравственной позиции как смысложизненной ценности индивида. Мы констатировали выгодность, необходимость для общества индивидуального альтруизма.

А вот выгодна ли такая жизненная позиция самому альтруисту? Ответ для обыденного сознания (и, к сожалению, для ряда философов) не очевиден. Более того, упрощенный, арифметический, подход убеждает в жертвенности нравственной позиции. Ведь если один выиграл – другой проиграл. Подтверждением распространенности такой точки зрения является определение, данное в Словаре русского языка: «Альтруизм – бескорыстная забота о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами; противоп. эгоизм» [2, 34].

Ошибкой в данном определении является представление альтруиста как жертвы, которая отказывается от своих интересов. Но это неприемлемо, даже абсурдно, так как сам альтруист принадлежит к этим самым людям и его интересы, его благо для него не менее ценны, чем интересы и благо других. И только потому, что он любит, уважает себя как личность, он любит и уважает другого человека. Именно о такой обусловленности и причинной зависимости говорится в Библии: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Если человек не любит себя, он не может любить ни ближнего, ни дальнего. Альтруист видит в другом самого себя. Поэтому способен поставить себя на его место. Не только материальные ценности, но в первую очередь такое нравственное отношение к людям является для альтруиста личным интересом – и он им не жертвует (вопреки точке зрения в вышеприведенном определении).

Иллюзия жизненного проигрыша альтруиста перед эгоистом возникает из-за идеологического навязывания упрощенной духовной сферы человека: зауживания диапазона его интересов до сугубо материальных.

Как свидетельствует постсоветская реальность, когда исчезло идеологическое и политическое обеспечение нравственных ценностей, узкая кучка и ранее неотягощенных этими ценностями так называемых «новых русских», оказавшаяся возле деважа «экономического пирога», не только не жертвовала «личными интересами», но, реализуя на практике принцип «Надуй ближнего, либо он надует тебя», поделила и присвоила большую часть общенародной собственности. Естественно, что общественные, то есть народные, интересы волновали их меньше всего. Казалось бы, этика и альтруизм посрамлены окончательно и бесповоротно в национальном масштабе.

И это было бы действительно так, если бы богатство, деньги, независимо от способов их приобретения, являлись конечной целью и высшей, абсолютной ценностью прожитой жизни. Но мы уже констатировали, что в иерархии ценностей для *homo sapiens* высшей является смысл жизни. Высшей, – так как для человека он дороже самой жизни. Следовательно, критерием выигрыша или проигрыша альтруиста является обретение или утрата смысла жизни. Без положительного значения этого критерия все остальные приобретения (материальные, статусные и др.) перестают быть ценностями. Зачем они нужны, если жизнь становится ненужной?! Поэтому для определения степени выгоды или невыгоды гуманной нравственной позиции индивида для него самого необходимо учитывать не только и не столько успех в чем-либо «здесь и сейчас», но всю совокупность последствий на основе главного критерия.

В философской и публицистической литературе именно из-за подмены критерия «жизненного успеха» эта важная этическая задача пока не имеет однозначного, убедительного решения. Существованию здесь нежелательного «плюрализма мнений» также способствует сложная духовная реальность. Её представляют не стопроцентно идеальные святые и законченные негодяи, а индивиды, в каждом из которых могут быть разные соотношения противоположных мотивационных установок. Можно говорить лишь об относительном доминировании альтруистических или эгоистических начал в конкретном человеке. В такой реальности иногда невозможно гарантировать надежность этической оценки поступков человека. Поэтому исследователи даже при истинных выводах оказываются в роли идеологических или религиозных менторов, то есть апологетике нравственной позиции не хватает доказательности.

Чтобы оставаться в русле этой самой доказательности, проведем мысленный эксперимент: логически смоделируем вариант отношений с людьми абсолютного, стопроцентного эгоиста (или абсолютного альтруиста). Так, например, по аналогии, в природе не может быть абсолютного температурного нуля, или абсолютного вакуума, но физики мысленно моделируют эти величины в интересах получения недостающего знания. Отношения альтруиста, как было отмечено выше, основаны на любви и сострадании к другому человеку, к другим людям, что порождает стремление помочь им в решении жизненных и служебных проблем. Абсолютный эгоист испытывает к другому противоположные чувства: не любит его, он видит в нем конкурента в борьбе за выживание – его необходимо победить, использовать как средство для достижения поставленных целей. Эгоист убежден, что подобные отношения человека к человеку являются всеобщим жизненным законом, что все остальные смотрят на эту проблему аналогичным образом. А если он и встретит индивида, своим поведением демонстрирующего альтруизм, он объяснит это изворотливостью, хитростью или глупостью, наивностью человека («незнанием жизни»).

Каждый человек решает свои жизненные задачи и проблемы среди людей и через людей. Моделируя динамику отношений абсолютного эгоиста с окружающими, мы вынуждены констатировать стопроцентный безнравственный результат всех его действий, который ощутят, почувствуют люди. Их реакция, в зависимости от собственных

моральных установок, может представлять собой обиду, негодование, ненависть и т.п. Проявлением названных чувств будут различные формы выражения презрения, попытки восстановления справедливости, осуществления мести... А так как речь идет не об отдельном случае (поступке), а о жизни в целом, однозначно прогнозируется жизненный проигрыш эгоиста. Этот проигрыш заключается в абсолютной отрицательной эмоциональной атмосфере, которую излучают на него окружающие, и находиться в ней, по меньшей мере, дискомфортно. И в данном случае не могут прогнозироваться пожизненные успехи и реализация интересов в какой бы то ни было сфере деятельности: создание вокруг себя фатальных отрицательных отношений блокирует в конечном итоге перспективу перманентного творения зла. Мы логически пришли к выводу, который интуитивно провозглашает народная мудрость: «Что посеешь – то пожнешь».

Отрицательная эмоциональная атмосфера не только окружает эгоиста внешне, но и пронизывает его внутренний духовный мир. В нем она встречает не доброту, не чувство вины, способные ее нейтрализовать, а свой аналог, в результате чего происходит сложение, увеличение ненависти, озлобленности индивида к окружающим. Но так как вся давящая эмоциональная тяжесть этих чувств находится не вне, а внутри эгоиста, он сам оказывается их главной жертвой. Он этого может не осознавать, но в действительности эгоист ненавидит сам себя. За творение зла его существование оказывается погруженным в своеобразный ад, только адские мучения в данном случае вполне реальны и ожидают грешника не на том, а на этом свете. О таком внутреннем психологическом разладе эгоиста писал Э. Фромм: «Он неизбежно несчастен и тревожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует. Кажется, что он слишком много заботится о себе, но в действительности он только делает безуспешные попытки скрывать и компенсировать свой провал в деле заботы о своем собственном «Я» [3, 5].

Если не пониманием своей нравственной (следовательно, человеческой) ущербности, то её подсознательным ощущением можно объяснить нашумевшие состязания так называемых «новых русских» в демонстрации материальных приобретений и, якобы, жизненных наслаждений. Но эти безумные попытки компенсировать свою отрицательную ценность остаются безуспешными, так как отнюдь не повышают их внешнюю – человеческую – оценку. Более того, попытки утвердить значимость своего «Я» в русле демонстрации эгоизма приводят к противоположному результату: в общественном мнении, в человеческой и исторической памяти они перестают существовать как личности, как представители народа. Получается, что «успешное» в рациональном плане решение задач при отсутствии нравственного оправдания разрушает, ликвидирует главную ценность человека – смысл его жизни.

Эгоистическое отношение к окружающим лишает жизненного смысла как затраченные усилия, так и ценности, приобретенные этими усилиями. Данный тезис, являясь одним из положений христианского учения, вместе с тем вполне обосновывается и философской логикой. Лишь задавая вопрос «Зачем, ради чего я поступаю так, а не иначе?», учитывая не только удовлетворение конкретной потребности «здесь и сейчас», а весь комплекс следствий, в том числе ценность, смысл поступка для результатов жизнедеятельности в целом, можно окончательно вести речь о жизненном выигрыше или проигрыше человека.

Допустим, он, используя других людей, как средство, в ущерб им «успешно» решает свои бытовые и финансовые проблемы. А зачем? Чтобы жить хорошо, иметь много денег. А зачем? Ответы здесь в зависимости от целей индивида будут разные, начиная от потребности ресторанных наслаждений и кончая необходимостью материального благополучия семьи и обеспечения безбедной будущности потомства. Спросим еще раз: «Зачем?», не забывая при этом, что ответы интересуют и нас, и субъекта действий в связи со смыслом его жизни. Так или иначе при попытках отвечать он окажется в тупике или замкнутом круге, из которого нет выхода. То есть он или вообще не найдет ответа, или придет к объяснению типа «наслаждаться, чтобы наслаждаться».

Даже гуманная, на первый взгляд, цель эгоиста – сделать своих потомков богатыми и счастливыми – при ее даже элементарном философском рассмотрении приводит к осознанию бессмысленности ее достижения подобными средствами. Ведь если ему удастся воспитать своих детей честными и порядочными (альтруистами), стыд за отца не может не стать их главным наследственным приобретением. Хотя воспитание их гуманистами в данном случае весьма проблематично. Если же дети вырастут эгоистами (что весьма вероятно), то, состязаясь друг с другом в изворотливости, они отплатят источнику богатства отнюдь не любовью. Необходимо иметь в виду, что эгоизм как жизненная позиция индивида направлен на всех: ближних и дальних. Родственники здесь – не исключение. Иллюзию исключения могут создавать природные инстинкты родительской заботы и детской любви к матери и отцу, но они, согласно той же природе, действуют до поры до времени. Можно брать любые другие примеры личных целей, для достижения которых необходимо творить зло людям, но итог получается аналогичный: бессмысленность конкретных поступков и жизни в целом.

Проведенное логическое моделирование результатов жизни абсолютного эгоиста уже не требует создавать подобную причинно-следственную цепочку, касающуюся исследования противоположной нравственной позиции – альтруистической. Проигрыш эгоиста приводит к однозначному выводу: обретение, а значит, и ощущение смысла жизни как главной ценности возможно лишь на пути творения добра. Поэтому творить добродетели окружающим, добиваться нравственных результатов своих поступков выгодно самому человеку. И выгода эта абсолютна. По своей значимости с ней не могут конкурировать никакие добытые несправедливым путем материальные ценности или высокие должности, так как здесь ценностью является сам человек, а не то, что его окружает или что ему принадлежит. Причем его жизнь ценна как для него, так и для других людей – ближних и дальних. В этом случае и получается то служение Отечеству, которое во все времена являлось одной из главных тем нравственных исканий русских мыслителей.

Индивид, способный поместить свое «я» в другом, понять его, не может не участвовать в решении его проблем, если это участие необходимо. Творение добра окружающим является для него долгом не только перед людьми, но долгом прежде всего перед самим собой. Устанавливая служебные и личные отношения с людьми на основе добродетели, оставляя в их душах и памяти добрый след, он постепенно, год за годом создает вокруг себя и своего

имени своеобразную ауру благодарности, благожелательности, уважения, долга. Большинство людей стремятся на добро ответить добром. И если эгоист рано или поздно оказывается в эмоциональном аду, который может стать невыносимым при открытии им бессмысленности жизни, то гуманист создает вокруг себя и в себе эмоциональный рай, обусловленный пониманием своей правоты и преобладанием во взаимоотношениях людей положительных реакций и оценок. Помогая устанавливать гармонию в жизни других и наблюдая позитивные результаты этого содействия, он в своем собственном духовном мире начинает ощущать то, что мы называем смыслом жизни.

Образное употребление понятий ада ирая в контексте данных рассуждений уместно потому, что ад (муки) и рай (наслаждение) как нравственные итоги поступков человека совпадают с их трактовкой в религии. То есть Христос предлагал людям принять на веру то, что, в принципе, доказывается рационально, с помощью философской логики. Но тогда у него и не было другой возможности спасти людей, весьма далеких от философии и философствования. В настоящее время научная составляющая мировоззрения человека играет гораздо большую роль в регулировании его жизнедеятельности, чем это было две тысячи лет назад. Современному мыслящему человеку трудно принять на веру то, что отвергается его логикой. Поэтому дискурсивные исследования нравственно-смысловых проблем в настоящее время становятся особенно актуальными. И если наука решает проблему смысла жизни, исходя из интересов этого самого смысла, помогает обрести его в действительности, то ее ответы на смысложизненные вопросы получают статус той истины, которой жаждет и без которой не может обрести гармонию существования человеческое сознание.

Мы специально на уровне теоретических рассуждений рассмотрели два противоположных нравственных полюса, чтобы, исходя из интересов человека, увидеть, где находится истина смысла. Конечно, в реальной жизни очень редко можно встретить законченного негодяя или идеального праведника. Иногда в конкретной ситуации бывает очень трудно определить, какое действие послужит добру, а какое – злу. Ориентация на истину смысла при выборе поступка увеличивает шансы человека не ошибиться. Но эта ориентация не заложена в биологической природе человека – она является результатом обучения и воспитания, содержание которого определяется соответствующими государственными институтами.

Нравственное воспитание личности осуществляется под воздействием двух групп факторов. Первая – это те условия, те общественные отношения, которые окружают индивида, в которые он включен, «вписан» и которые он не может игнорировать при осуществлении своей жизнедеятельности. Следовательно, необходимо как в обществе в целом, так и в микросреде (в семье, коллективе и т.п.) формировать гуманные социальные отношения.

Вторая группа факторов связана с целенаправленным воздействием на сознание человека в процессе его образования как в учебных заведениях, так и через средства массовой информации. Обе группы факторов находятся в диалектической взаимосвязи. При формировании нравственной культуры общества они обуславливают друг друга. Идеи, оторванные от жизненных реалий, не будут восприниматься широкими народными массами, а гуманизируют эти реалии люди, уже имеющие соответствующие знания и нравственные убеждения. Эта диалектика касается большинства населения. Но как в прошлом, так и в настоящем находились и находятся личности, которые своими нравственными убеждениями и соответствующей им жизненной позицией поднимают моральную планку общества, вносят в него ценности, которые постепенно осваиваются сначала ближайшим социальным окружением, а затем служат примером для многих.

Формировать нравственное сознание значит целенаправленно воздействовать на все его структурные элементы. Прежде всего, необходимо расширять *этические знания* человека и развивать гибкое, диалектическое, творческое мышление, без которого невозможно адекватно воспринимать социальную жизнь и с высокой вероятностью направлять свою деятельность в русло добра. Причем чем шире социальные масштабы действий индивида, тем сложнее спрогнозировать их нравственный результат, так как наряду с желаемыми, планируемыми могут появляться непредвиденные следствия, снижающие или сводящие на нет положительный эффект. Поэтому нравственный человек не может претендовать на высокую должность, до которой он профессионально не дорос.

В процессе нравственного воспитания формируется и развивается этическое мышление, которое предполагает умение оперировать нравственными понятиями и оценками, мотивировать поведение, давать нравственные оценки общественным явлениям. При этом в содержательном объеме этического мышления целесообразно выделить ряд основных положений, которые вполне логически доказываются и играют важную роль в формировании нравственной позиции личности:

1. Среди них – золотое правило нравственности: «Чего ты не хочешь самому себе, того не желай и не делай другому».

2. Важнейшим условием ответственности индивида за свое поведение и действия является его свобода. Ограничителем же индивидуальной свободы выступает аналогичная свобода других людей.

3. Вне нравственности невозможно в перспективе выживание как социума, так и человечества в целом. Данный тезис подразумевает необходимость приближать в максимально возможной степени правовые регуляторы отношений к требованиям морали как в масштабе отдельной страны, так и в мировой политике.

4. Истинная историческая оценка жизни и деятельности индивида это всегда оценка нравственная. Поэтому истинность или ошибочность жизненной позиции определяется моральными критериями ее регуляторов.

5. Прогрессивная направленность развития человечества и результирующая тенденция гуманизации социальных отношений позволяют констатировать, что добро и справедливость в конечном итоге всегда побеждают. Временные поражения на пути творения добра не являются основанием для вывода о доминировании эгоизма и зла в человеческой природе.

6. Для достижения нравственного результата недостаточно только желания творить добро. Наряду с этим необходимо еще быть профессионалом в решении задач, за которые берется человек. Искусный плотник ценней для страны, чем царь (король, президент и т.п.), доведший ее до разрушения, революции, кризиса. Данное положение обязывает, с одной стороны, реально оценивать свои возможности, а с другой – постоянно стремиться к самосовершенствованию с целью максимально реализовать заложенный в человеке созидательный потенциал.

Нравственное воспитание в образовательной системе страны тем эффективнее, чем логичнее, доказательнее показывается необходимость и целесообразность выполнения этических принципов каждым человеком. Массовое же сознание формируется существующей социально-экономической реальностью и доминирующей идеологией, которая всегда связана с этой реальностью и является своеобразным её отражением в умах людей. Перспектива и национальная идея России не могут опираться на материальную конкуренцию как смысловую ценность.

Когда проблемы выжить не существует, инстинкт обогащения, абсолютизированный обыденным сознанием до значимости жизненной цели, оборачивается против самого человека. Стимулировать его, как это делают сегодня средства массовой информации, значит обманывать людей, способствовать обесмысливанию конкретных индивидуальных жизней и одичанию всего общества. Речь идет не об апологетике нищеты и бедности и не о критике богатства как такового, а об истинной оценке человека, его способности быть счастливым и приносить счастье окружающим. В настоящее время нужна пропаганда нравственных качеств как высших, элитарных характеристик человека. Причем она должна быть не гласом вопиющего в пустыне, а направлением культурной политики государства, претендующего на создание счастливой человеческой жизни для своих граждан.

Список литературы / References

1. Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
2. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. 1. – 696 с.
3. Фромм Э. Искусство любви. – М.: Знание, 1991. – 62 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Kropotkin P.A. Etika [Ethics]. – М.: Politizdat. 1991. – 496 p. [in Russian]
2. Slovar russkogo yazyka: v 4 tomah. [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. – М.: Russkiy yasyk, 1985-1988. – V.1. – 696 p. [in Russian]
3. Fromm E. Iskusstvo ljubit [The art of loving]. – М.: Znanie, 1991. – 62 c. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.029

Купарашвили М.Д.

Профессор, доктор философских наук, кафедра философии,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОПЫТ ИНТЕНСИВНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА

Аннотация

Статья предлагает анализ стилистики постмодернистского мышления, его цели, средства их достижения и результатов. Яркий представитель постмодернизма Жиль Делез конструирует способ интенсивного философствования, который осуществляется через интеллектуальную диагностику времени. Философ-стилист достигает цели посредством шизофренического языка. Увлеченность формой стиля девальвирует смысл текста и множит безрезультативные рассуждения иногда безупречные с точки зрения эстетики.

Ключевые слова: стилистика изложения текста, опыт интенсивного философствования, интеллектуальная диагностика, пространство мысли, эстетизм, шизофренический язык.

Kuparashvili M.G.

PhD in Philosophy, Professor of Philosophy,
Dostoevsky Omsk State University

EXPERIENCE THE INTENSE PHILOSOPHY OF GILLES DELEUZE

Abstract

The article offers an analysis of the style of postmodern thinking, its goals, its achievements and results. Bright representative of post-modernism, Gilles Deleuze constructs a way of an intense method of philosophizing, which is carried through intelligent diagnostics time. Philosopher-stylist achieves the purpose by schizophrenic language. Enthusiasm for the form style devalues the meaning of the text and multiplies fruitless arguments sometimes impeccable from the point of view of aesthetics.

Keywords: style of the text, the experience of intense philosophizing, intelligent diagnostics, the space of thought, aesthetics, schizophrenic language.

Безнадёжно изменились времена, прежние способы изложения смысла потеряли актуальность, утратили способность цеплять за живой интерес, соблазнить ум и завладеть интеллектом современника. Все стало привычно, пресно, обыденно и как то даже пропало нафталином. Устойчивые языковые и смысловые конструкции обнаружили чопорность и косность, из носителей актуальных живых измышлений превратились в монументы незыблемых догматов слепыми пустотами внутри.

Характеризуя фигуру Мишеля Фуко в современной философии, Жиль Делез говорил, что он не только великий философ, но и удивительный стилист [1, с. 195], и это справедливо не только по отношению к Фуко, но и к самому Делезу, и к постмодернизму в целом. Грандиозная переделка эпохальных представлений предлагает глобальное переосмысление бытия. Ощущение завершенности эпохи предъявляет настоятельное требование к оформлению нового способа философствования. Здесь большое значение приобретает стилистика рассуждения, которая оформляется с учетом понимаемых возможностей и эмоционально-умственной готовности современника.

Осознанно и неосознанно поиски шли уже с начала XX в. Появлялись к новые основания и принципиально новые конструкции. В орбиту актуализации со временем стягиваются и вовлекаются лингвистика, поэтика, семиотика, литературоведение, психоаналитика. Основным вопросом полемики становится вопрос раскрытия ресурсов

смыслосодержания, смыслообразования и трансформации значения в знаковых системах (текстах). Таким образом, новым основанием для реконструкции стало: восстановление утраченного смысла. В лучших традициях постмодернизма Делез демонстрирует собственное видение механизма поиска и его результат. Ключевым обстоятельством является выбор фона как смыслового пространства, в котором разворачиваются основные идеи философа.

Его взгляды предопределяются имманентностью и разворачиваются в пространстве. Задачи, которые ставятся в контексте смены эпохи: разорвать замкнутый круг установлений (норм, традиции), найти механизм рождения нового смысла (по причине износа старого) и отрефлексировать понятие истины (достоверности) в новых условиях. Имманентность и пространственность, горизонтальность и коннективность (здесь, связанность компонентов информационно-коммуникативной инфраструктуры) – основные принципы упорядочения хаоса, которые предпочитает Делез.

В этом случае, механизм упорядочивания выглядит следующим образом: кусок пространства мысли «вырезается» из хаоса. Он содержит хаотические элементы, которые как раз и подлежат упорядочению, чтобы создать некую картину мира. В качестве способов, или принципов разнovidных упорядочений принимаются искусство, наука и философия. Искусство – чувственная разновидность, заключает кусок хаоса в раму, создает ощущения; наука предстает как функциональная переменная, заключает хаос в систему координат, делает хаос реферированным; а философия – концептуальная вариация, заключает хаос в творящих идеях, делает хаос концептом [2, с. 238-239]. И в другом месте: «я мыслю философию как логику множеств... Создавать концепты – значит конструировать какую-то часть плана, добавлять одну часть к предыдущим, заполнить отсутствие» [1, с.191-192]. Стиль в философии – это движение концепта [1, с.183]. Необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев собственно так работали и осознавались классические и неклассические формы науки, философии и искусства.

Однако постнеклассическое состояние науки, философии, искусства вносит некоторые коррективы в работе этого механизма – оставляет элементы в куске вырезанного хаоса, так сказать, в естественном виде и, 1)или пытается центрировать пространство произвольно, с точки зрения каждого элемента, 2)или воспринимает всю «вырезку» как естество, природу, объективную действительность. В первом случае наука, философия и искусство «строят планы над хаосом», сражаются с ним, отвоёвывая у него куски. К примеру, по поводу науки: «у нее есть другая более упорная мечта – заполучить себе кусок хаоса, даже если в нем будут шевелиться самые разные силы. Все рациональное единство, к которому стремится наука, она отдала бы за крохотный комочек хаоса, который она могла бы изучать» [2, с. 238].

Во втором случае, удовольствие созерцать мир как он есть в собственной данности, в неокультурном виде по-своему восхищает и очаровывает. Однако это – кусок хаоса и более ничего, «хаос как состояние целого – не предвидимое и не предзаданное заранее» [2, с.236]. Для постижения, выражения и, тем более, артикуляции новой картины мира, существующие легитимные и просто известные способы и средства не пригодны. Необходимо объяснить это и находить те понятийные сетки, которые могли бы адекватно выразить «силовое многообразие и подвжность жизни», необходимо расширить план имманенции, бежать вдоль линии горизонта, продвигать этот план всегда еще дальше. «Разве не требуется от нас отказаться от всякой вертикали как трансценденции..?» [1, с.193]. «...нет ни универсального, ни трансцендентного, ни Единого, ни субъекта (ни объекта), ни Разума, есть только процессы, которые могут быть процессами унификации, субъективации, рационализации, но ничем более». Множества – это те начала, где что-то происходит, как племена населяют пустыню, но она не перестает быть пустыней, так множества населяют поле имманенции [1, с.190].

Для нахождения средства выражения того, что «что-то происходит», создаются множества разномыслия, которые населяют поле имманенции. При этом нужно подчеркнуть, что они не гарантируют объективность описания, истинность или существенность имманенций, отсюда индифферентность к содержательным качествам этих описаний. Интерес в них вызывает сугубо эстетический момент их вербального разворачивания. Ведь сама процедура поиска смысла безусловно гарантирует лишь сам поиск, отсюда важность стилистики и претензии на эстетизм.

Таким образом, для Делеза основным смыслом и целью нового способа философствования становится разрушение традиционной структуры знака (понятия, суждения, имени, предложения). Он утверждает принципиальную неспособность знака адекватно предложить познающему индивиду обозначаемое им предмет или явление. Чтобы найти новые основания смысла Делез предлагает создать иную стилистику изложения, принципиальные иные способы обнаружения (репрезентации, переоткрытия) существующих вещей и явлений, чтобы они снова могли существовать. «Две вещи сопротивляются стилю: гомогенный язык и, напротив, когда гетерогенность настолько велика, что она оборачивается безразличием, беспричинностью...Стиль существует, когда слово высекает молнию, вспышка которой освещает даже отдаленные окраины языка» [1, с.183-184]. С одной стороны, подчеркивается настоятельная необходимость внесения смысла в знак на понятном современнику языке, чтобы разглядеть его содержание, а с другой – к слову предъявляется требование быть сверхвпечатляющим, чтобы привлечь к себе внимание в собственном эстетическом качестве, за которым смысла не разглядеть.

И здесь приходится особо обратить внимание на то, что смысл действительно является характеристикой пространства. Он – пространственное измерение значения предмета, связан с его прочтением в данном пространстве, контексте, в конкретных координатах, иногда весьма широких (эпохальных).

Целесообразно вспомнить и то, что в постмодернистской традиции смысл не открывают, не обнаруживают, - его выстраивают, конструируют, реконструируют, объективируют (Р. Ингарден, Х.Р. Яусс, В. Изер). Это связано с вынесением смысла из предметного мира. Он становится атрибутом языка, текста, знака. Их форма, модус и грамматика определяют качество смысла. Введение инстанции смысла четвертым структурным элементом знака стало необходимо не потому, что прежняя система его не имела, а наоборот, чтобы заменить его новым и указать на его растворенность в тернарной системе и, обозначить его обособленность и аутентичность – в кватернарной. Именно поэтому понадобилась разорвать «порочный круг» тернарной структуры знака, как устаревшего, «обросшего

повседневной банальностью». По мнению Делеза, философствование в рамках этого круга обречено на неудачу, так как действительное событие ускользает от него. Только разрывая круг, разворачивая и раскручивая его, можно обнаружить отношение смысла как токового. Только благодаря этому смысл предстает перед нами во всей своей несводимости ни к чему, его генетическая сила оживляет априорную внутреннюю модель предложения (знака).

Так пространство, в котором возникает опыт интенсивного философствования, связано с новым толкованием знака, введением иной стилистики подачи. Взамен традиционной тернарной структуры (с элементами: означающее (собственно знак), означаемое (концепт, смысловое содержание) и рефрент (реальный предмет)), Делез предлагает весьма неоднозначную, крайне подвижную и скользящую по поверхности предмета, кватернарную структуру знака: 1. денотация или индификация (выражение, обозначение, указание), 2. манифестация (выражение себя, Я), 3. сигнификация (значение) и 4. смысл [3, с. 26-39].

Делез приходит к выводу, что смысл может находиться в двух состояниях: 1. фактическом/правовом. В таком случае смысл косвенно вводится через круг знака как очевидность, по умолчанию, по принципу подразумевания (примером служат работы К. Льюиса). 2. апостериорном/априорном. Смысл здесь обнаруживается явно, как таковой, посредством разрыва круга и провёртки его вдоль границы между знаком и вещью.

На уровне рациональной парадигмы, человек и его сущность развиваются и разворачиваются в рамках первого состояния мысли. Дискурс легитимации рационального дискурса не допускает второе состояние. Однако, в свое время, каждая эпоха должна разорвать этот круг, чтобы быть в состоянии отвечать на вызов времени, на вопрошающее состояние сомнения. Разворачивать, означает раскрыть денотацию, сигнификацию и манифестацию, обнаруживая актуализированное временем наследие (смысл) человечества (т.е. новый смысл старых объектов), и/или новые выражения старых, вечных смыслов.

При смене традиционных средств выражения, философ-стилист, как человек находящийся в состоянии мысли, в этих условиях, может занимать две позиции: или резонировать по поводу уже поставленного диагноза, или же отважиться на опыт интеллектуальной диагностики. Делез считает, что для того, чтобы отважиться на опыт интеллектуальной диагностики необходимо быть художником, творцом, которого, вслед за Ницше, он называет «клиницистом цивилизации», приравнивая его к врачу-симптомологу. Художник максимально рискует, экспериментируя на себе, и этот риск дает ему права на диагноз. Философу необходимо взять на себя риск творца и тогда появится возможность мыслить этим опытом, войти в это событие, а не делать его объектом «незаинтересованного» созерцания, которое разрушает опыт. Философ должен занимать метапозицию.... наблюдать объект изнутри. Растворяясь в предмете для обнаружения родника смысла, Делез опирается на доиндивидуальное, безличное состояние, которое нельзя определить как поле сознания. При помощи метода интеллектуальной диагностики (и заимствуя семиотические теории Стоя), Делез конструирует понятие «шизофренического языка» противопоставляя его поэтическому языку, структурирующего «слова-страсти» и «слова-действия». По мнению Делеза, в обоих случаях, язык является знаком, лишенным смысла. То есть это язык, знак, который сливается либо со страстью, либо с действием.

Для выражения результативного опыта необходимы экстраординарные средства, нормативный язык не способен их выразить, отсюда примат шизофренического языка, он характеризуется безумным соскальзыванием ряда обозначаемого на ряд обозначающего. При помощи этого действия, Делез стремится получить подспудный смысл, который возникает глубоко внутри, далеко от поверхности, как результат действия под-смысла. По мнению Делеза, от бессмысленности, которая процветает на поверхности, под-смысл должен отличаться наличием смысла. На данном этапе об эстетической стороне дела не вспоминают, однако по факту, по завершению интеллектуального опыта, это единственное, что на самом деле остается слушателю.

На деле, соскальзывание, физически уничтожает эти ряды, они оба исчезают, остается только интеллектуальная игра, так как, огромное значение приобретает не столько концепция, но и манера, стиль изложения, способ ее аргументации, что представляет собой интеллектуальную игру в буквальном смысле. Об исчезнувших означающего и означающего речь уже не идет, они не актуальны и скучны. Игра оказывается самодовлеющим явлением. Она направлена на себя и получает наслаждение от наблюдения за самым процессом своего «саморазвертывания», претендует на интеллектуальный эстетизм мысли. В жертву эстетизму приносятся содержание, т.е. смысл. Ради создания мелких эффектов используются эпатаж, эротика, остроумие, театральность.

Такая установка на нарратологическую игру становится необходимой чертой постмодернистской практики. Она получила ее в наследство от Ницше и Хайдеггера. «Свободная игра активной интерпретации» становится условием свободы интерпретирующего сознания. Претендуя на демонстрацию живой мысли, презируя написанные мертвые истины, интенсивное философствование соблазняется сугубо эстетическим наслаждением сомнительного характера, которое приносит схоластическая практика непосредственного самонаблюдения и самолюбования в акте мышления и наррации. Так происходит смена способа распознавания текста. Текст эстетизируется, приобретает исключительно эстетические особенности: иносказательность, метафоричность, аллюзивность, аллегоричность, ассоциативность. Любой текст становится вымышленным. Блестя и переливая миллиардами оттенков и разнозначения, он надежно уводит от главного события знака – его смысла.

Таким образом, опыт интенсивного философствования видит состояние отсутствия смысла, пытается его восстанавливать в иных вербальных выразительных, способных производить впечатление на окружающих. Интеллектуальная диагностика через шизофренический язык пытается достучаться до собеседника, вовлекая его в процесс сотворения смысла и находит такое количество смыслов, вполне легитимных, имеющих право на существование, что смысл теряет себя, исчезает вовсе. Остаются приятные ощущения эстетического достоинства от самой процедуры поиска.

Отсюда вывод: учитывая только пространственную целесообразность смысла, без его прежних и возможных новых иерархий, т.е. временных трансформаций, невозможно определиться в оценке его ценности.

Список литературы / References

1. Делез Ж. Переговоры. – СПб.: Наука, 2004. – С.233.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. – М.: Академический проект, 2009. – С.216.
3. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Akademia, 1995. – С.298.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Deleuze G. Peregovori [Negotiations]. -Saint Petersburg: Nauka, 2004. –P. 233 [in Russian]
2. Deleuze G., Guattari F. Chto takoe filosofia [What is philosophy]. -Moscow: Akademicheskii proekt, 2009. –P. 216 [in Russian]
3. Deleuze G. Logika smisla [Logic of sense]. - Moscow: Akademia, 1995. –P. 298 [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.117

Покровская Е.М.¹, Раитина М.Ю.²,^{1,2}Доцент, кандидат философских наук,

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ КЛАСТЕРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация

Научная проблема статьи сконцентрирована на поиске новых форм и способов взаимодействия кластеров наука-образование-производство. Авторами предложена система институционального взаимодействия данных кластеров, механизм интеграции кластеров и сформулирован мех-анизм формирования кластерной среды, фундирующую роль в котором играет инновационно-технологический центр (ИТЦ). Научная и практическая новизна заключается в описании модели системного управления кластерным взаимодействием на основе функциональных связей.

Ключевые слова: интеграция кластеров, взаимодействие науки, образования и производства, система кластерного взаимодействия.

Pokrovskaya E.M.¹, Raitina M.Y.²^{1,2}Associate professor, PhD in Philosophy,

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

PROBLEM OF THE FORMATION OF THE INSTITUTIONAL CLUSTER INTERACTION ENVIRONMENT

Abstract

The scientific problem of the article is concentrated on the search for new forms and ways of science-education-production clusters' interacting. The authors propose an institutional system of the clusters interaction, mechanism for the integration of clusters given above this basic role of innovation theological center. Scientific and practical novelty is the description of model of clusters' interaction management on the basis functional interrelation.

Keywords: clusters' integration, science, education and production interaction, clusters' interaction system.

В последнее десятилетие в России активно обсуждаются вопросы интеграции науки, образования, производства и поиска новых форм сопряжения потенциалов данной триады. Научные знания и опыт, накопленные по проблеме и необходимые для понимания процессов инновационно-технологического развития, позволяют концептуализировать модель системного взаимодействия наука – образование – производство. Под кластером понимается в общем смысле блок из нескольких объектов, схожих по своей функциональности и собранных воедино для удобства доступа или увеличения производительности. В настоящее время создана масштабная сеть кластерной инфраструктуры, вместе с тем наблюдается локальность ее функционирования, обусловленная, в том числе недостаточным обеспечением единой методологической и понятийной базой в ходе сопровождения кластерного взаимодействия. Для успешного формирования инновационной инфраструктуры должен быть выполнен комплекс научных и организационно-теоретических мероприятий, основным из которых является создание инновационно-технологических центров, координирующих работу кластерной системы. Отметим, что тема взаимодействия кластерных систем в контексте трансдисциплинарности, мультидисциплинарности актуальна при поисках путей повышения эффективности различных видов интеллектуальной деятельности: образовательной, фундаментальной научно-исследовательской, а также при решении инженерных задач. По мысли Ю.П. Похолкова, «это объясняется ожиданием синергетического эффекта или новых неожиданных результатов на стыке дисциплин (наук)» [1].

Теоретико-методологической базой исследования явились законы и принципы системного анализа (целостности, комплексности, эмерджентности, системности, интегративности), теория управления, теория организации. В качестве основного инструмента исследования использовались методы системного, стратегического и экспертного анализа. Мировая практика показывает, что именно развитая инновационная инфраструктура становится главной характеристикой современных кластеров, поскольку определяет эффективный механизм их функционирования. Вместе с тем необходимость адаптации к российским реалиям очевидна. Как отмечают в литературе [2,3], в основном кластеры направлены на достижение следующих целей:

- повышение конкурентоспособности всех участников кластера за счет внедрения новых технологий;
- формирование векторов технологического прорыва;
- коммерциализацию знаний;
- повышение эффективности наукоемких услуг с помощью эффекта синергии;
- опережающего развития среды генерации знаний.

Выделяют виды кластеров по институциональной, географической, секторальной ориентированности (инновационные, промышленные, региональные, транснациональные и прочие) [4].

Реализация идей и концепций в российской практике артикулирует ряд трудностей, а именно:

- отсутствует системное институциональное взаимодействие между научным, образовательным и производственным кластерами, и не разработан механизм взаимодействия кластерных систем;
- проблема внедрения научно-исследовательских результатов, инновационных научных разработок и их дальнейшая коммерциализация;
- отсутствует долгосрочное прогнозирование подготовки кадров для реального сектора экономики;
- в недостаточной мере осуществляется социальное, геополитическое, экономическое регулирование процессов интеграции;
- не сформированы традиции инновационного предпринимательского мышления в научном дискурсе.

Исходя из обозначенных проблем, представим институциональную систему кластерного взаимодействия наука – образование – производство.

Рис. 1 – Система кластерного взаимодействия

На рис. 1 представлены функциональные связи взаимодействия элементов кластерной системы, где ведущее значение отводится инновационно-технологическому центру, выполняющему интегрирующую роль. Отметим также необходимость разработки новой методологии управления кластерными системами и новых принципов действия механизмов государственной поддержки кластерных инициатив и кластерных организаций.

В целях формирования единой методологической и понятийной базы сформулируем понятие инновационно-технологического центра применительно к данному исследованию. Инновационно-технологический центр выполняет функцию организационно-управленческого механизма в виде институционального кластера, инициированного государством, закрепленного на федеральном, региональном, законодательном уровнях, и поддержан всеми участниками кластерного взаимодействия.

В основу управления кластерным взаимодействием заложен принцип поддержания стабильной работы с постоянной адаптацией к меняющимся условиям (к актуальному состоянию окружающей среды), что обеспечивает необходимую точность, устойчивость и качество процесса управления [5]. Данная модель управления включает систему кластерного взаимодействия, где инновационно-технологический центр (ИТЦ), выполняет функцию интегратора. Математический алгоритм управления эффективным взаимодействием кластеров возможно вычислить используя методы математического программирования, статистические методы и когнитивное моделирование.

Рассматривая механизм интеграции кластеров в качестве опорных элементов, возможно выделить основные структурированные блоки, содержащие набор минимально необходимых действий по управлению кластерами, а именно: блок управления, блок предложения, блок спроса и внедрения. Ключевыми задачами по каждому блоку выступают следующие задачи соответственно:

блок управления:

- развить системную работу по формированию инновационно-предпринимательского мышления социума;
- разработать систему оценки эффективности функционирования и взаимодействия кластеров с целью их своевременной реорганизации в случае снижения или прекращения их функциональности;
- подготовить нормативно-правовую документацию, процессный регламент взаимодействия.

блок предложения:

- активизировать участие в сетевых площадках непрерывного образования: школа-вуз-предприятие;
- гарантировать трудоустройство выпускникам;
- обеспечить стажировочные площадки на производстве.

блок спроса и внедрения:

- учитывать изменяющиеся требования работодателей как главных заказчиков профессионального образования и его качества;
- разработать прогнозы потребностей в специалистах, составить прогнозные оценки;
- осуществлять мониторинг потребностей мирового рынка в продукции/инновационных научных достижениях.

В заключение отметим:

- предложенные в работе блоки в качестве опорных элементов системы кластерного взаимодействия обеспечивают комплексную корреляцию комплексного функционирования системы;
- разработанный механизм кластерного взаимодействия в зависимости от рассматриваемого рынка может менять содержание прогнозных оценок, территориальное позиционирование и т.д. Это позволяет обосновать и построить систему успешной интеграции кластеров наука-образование-производство с целью устойчивого развития экономики России, трансфер ее инновационных идей и разработок на международный рынок;
- необходимо осуществление системного мониторинга и экспертизы существующих успешных взаимодействий на отдельных локальных площадках;
- главным препятствием во взаимодействии кластеров является отсутствие методологической базы по управлению кластерными системами в контексте инновационных междисциплинарных проектов.

Список литературы / References

1. Похолков Ю.П. Инженерное образование. – 2014. №14. С. 2–3.
2. Шурыгин Ю.А., Боков Л.А., Уваров А.Ф., Шелупанов А.А. Исследовательский университет как драйвер региональной экономики. – Томск: НИИ ТПУ, 2014. – С. 70–71.
3. Бирюков А.В. Преимущества современных инновационных кластеров. // Транспортное дело России. – 2009. №1. С. 41–43.
4. Regional Clusters in Europe electronic document //Observatory of European SMEs. 2002 (3). Luxembourg, 2002. Режим доступа: http://ec.europa.eu/enterprise/enterprisepolicy/analysis/doc/smes_observatory_2002_report3_en.pdf. (дата обращения: 23.09.2016)
5. Горских О.В., Покровская Е.М. Культурно-образовательная среда университета и ее функции как ресурс эффективного межкультурного взаимодействия // Педагогический журнал. №4. С. 60–72.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Pokholkov Y. P. Inzhenernoe obrazovanie [Engineering education]. 2014 #14. P. 2–3. [in Russian]
2. Shurigin Y.A., Bokov L.A., Uvarov A.F., Shelupanov A.A. Issledovatel'skij universitet kak drajver regional'noj jekonomiki [Research University as a driver of the regional economy]. Tomsk: The research Institute TPU. 2014. – P. 70–71. [in Russian]
3. Biryukov B. Preimushhestva sovremennyh innovacionnyh klasterov [The advantages of modern innovation clusters]. Transportnoe delo Rossii [Transport of Russia]. – 2009. #1. P. 4–43. [in Russian]
4. Regional Clusters in Europe electronic document //Observatory of European SMEs. 2002 (3). Luxembourg, 2002. Access mode: http://ec.europa.eu/enterprise/enterprisepolicy/analysis/doc/smesobservatory_2002_report3_en.pdf.
5. Gorskih O.V. and Pokrovskaya E.M., Kul'turno-obrazovatel'naya sreda universiteta i ee funktsii kak resurs effektivnogomezkhkul'turnogovzaimodeistviya [Cultural and educational environment of university and its function as a resource for effective intercultural interaction]. Pedagogicheskiizhurnal [Pedagogical Journal]. – 2014. #5. P. 60–72. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.068

Синдянкин Н.Н.

Кандидат юридических наук,

Мордовский гуманитарный институт

СФЕРА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ (ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация

В статье рассматривается проблема юридического регулирования информационных процессов. Правовое регулирование в современном социуме представлено как совокупность неупорядоченных информационных отношений, обусловленных правовыми средствами. Современные правовые социосистемы в рамках концепции структурного функционализма представлены цикличностью, ограниченностью, непрерывностью, структурным сопряжением и самореферентностью социосистем. Правовое взаимодействие смыкается с выборочным воздействием правовых элементов, что содействует их слиянию в рамках социосистемы и сохранению ее единства.

Ключевые слова: правовые категории, правовая доктрина, смысловая преемственность, социосистемы, динамика социосистем, контур регуляции, механизмы адаптации, самоорганизация, структурное сопряжение, информационное общество.

Sindyankin N.N.

PhD in Jurisprudence, Mordovian humanitarian institute

THE SCOPE OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION MEDIA (PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract

The problem of legal regulation of information processes. Legal regulation in modern society is represented as a set of unordered information relations caused by legal means. Modern legal sociosystem within the structural functionalist concept presented cycles, bounded, continuous, self-referential and structural conjugation sociosystem. Legal cooperation joins the selective influence of the legal elements that facilitate their merger within sociosystem and preserve its unity.

Keywords: legal categories, the legal doctrine, semantic continuity, sociosystem, sociosystem dynamics, regulation loop, mechanisms of adaptation, self-organization, structural coupling, information society.

Современная эпистемология в структуре информационного общества требует усиления представления к формулировке используемых в ней юридических терминов. Это связано с тем, что логика размышления обусловлена аргументацией выводов и осознанием содержания в рамках определенных выводов. Следует держать в голове и то, что изучающие науку юридические определения являются инструментами концепции права, и основываются на нормативных мнениях, выступают составляющей законописи.

Различное осознание юридических процессов, обусловленных правовыми конструкциями нормативных актов, влечет несогласованность законодательных конструкций, отсутствие смыслового содержания характеризующегося нормами законодательства. Это создает неудобства обыкновенной деятельности не только самих людей создающих законы, а в итоге и других лиц, реализующих свои личные полномочия. Разнообразие применяемых творцом законов методов не позволяет обнаружить определенное представление создателем нормативных актов подходов не позволяющих охарактеризовать четкое понимание правовых категорий. Н.А. Богданова отмечает, что институциональные характеристики отношений, регулируются нормами конституционного права. Правовые категории – это определенные конструкции, объединяющие основания норм и правовые установления [2, с. 24-26]. Установления в концепции информационного общества определены структурными а механизмами управления, включающими воздействия и движения информационных процессов. Первоначально в юридическом событии очертание регуляции юридических явлений и процессов - это положение при котором правовая социосистема отыскивает более максимально стабильное состояние в структуре правовой системы, потому что при пропорциональности информационно-справочной величины размера и информационно справочного содержания в пределах определенного краткосрочно созданного временного промежутка социосистема функционально действует, выражая особенный метод сдерживания во взаимодействии с другими объектами и со средой. В этом временном событии действует принцип устойчивости, задает эффективно-выгодное и корпоративное соглашение систем. Сложность сдерживания системных конструкций социосистем подходит одинаково как к их функционированию, так и к выделению определенных условий их формирования. Но при всем этом взаимодействие смыкается с выборочным воздействием на систему, что содействует слиянию системы, сохранению ее единства. Движение правовых элементов социосистем "по горизонтали" определяется ходом формирования процесса в рамках юриспруденции при котором реализуется фиксированная функция этих элементов при довольно размеренном состоянии социосистем, отражающего стабильные связи и справедливого сотрудничества между существующими характерными ее особенностями процессов децентрализация и дегуманизация. Развитие правовых социосистем связано с конфигурацией их целевых приоритетов. Базой их формирования является самовоспроизведение составляющих правовую систему элементов и функций, из-за этого правовые социосистемы детерминированы, "управляются" изнутри, но не снаружи. Среда, окружение имеют все шансы играть ролевое назначение "пускового механизма" в правовом процессе, оказывать влияние на системные свойства юриспруденции через привыкание и усложнение наружных воздействий посредством трансформации правовых конструкций и иной организации системы. Анализ динамики правовых социосистем с прохождением устойчивых состояний как справедливого сотрудничества со средой рассматривается в целенаправленном, многоэтапном преобразовании коммуникационных данных, обеспечивающих интегративное взаимодействие правовых элементов социосистемы.

Правовая регуляция – это положение, при котором социосистема отыскивает максимально более стабильное состояние, потому что при соотношении справочно-уведомительной величины размера и справочно-уведомительного содержания в пределах определенного временного промежутка социосистема функционально действует, используя специфичный метод сдерживания во взаимодействии с другими объектами, со средой. В этом непредвиденном представлении действует принцип нормативной стойкости, который задает эффективно-выгодное и согласованное корпоративное согласование систем. Сложность сдерживания системных правовых конструкций определяется трудностями в рассмотрении обязанностей правовых элементов в социосистемах юриспруденции. Правовое взаимодействие смыкается с выборочным воздействием правовых элементов, что содействует их слиянию в рамках социосистемы и сохранению ее единства. Движение социосистем "по горизонтали" определяется ходом формирования процесса дел, при котором реализуется фиксированная назначенная функция, в пределах рамок размеренного высококачественного состояния, отражающего стабильные связи и справедливого сотрудничества между сосуществующими характерными особенностями, составляющими, процессами (децентрализация, сосредоточение, дегуманизация, социализация). Развитие правовых социосистем связано с конфигурацией их целевых мишеней. Базой формирования их процесса является самовоспроизведение элементов, составляющих систему и функций, из-за этого оно детерминировано, "управляется" изнутри, но не снаружи. Среда, окружение имеют все шансы играть ролевую функцию значения "пускового механизма" в этом процессе и оказывать влияние на свойства системные конструкции через механические устройства привыкания и усложнения наружных воздействий посредством модификации конструкции и организации системы. Анализ динамики правовых социосистем с характеристикой стабильных положений, справедливого сотрудничества со средой рассматривается как основополагающее, многоэтапное преобразование коммуникационных данных, как регулирование, обеспечивающее передвижное равновесие. Развитие правовых социосистем связано с конфигурацией их целевых направленностей. Базой формирования их процесса является самовоспроизведение определяющих систему составляющих и функций, из-за этого осуществляется детерминация правовых элементов социосистем, которая "управляется" изнутри, но не снаружи. Среда, окружение имеют все шансы играть ролевую назначенную функцию «пускового механизма» в этом процессе и оказывать влияние на свойства, системные конструкции через механические устройства привыкания и усложнения наружных воздействий посредством модификации конструкции и организации системы. Анализ динамики правовых социосистем с прохождением стабильных положений, справедливого сотрудничества со средой рассматривается как целенаправленное, многоэтапное преобразование коммуникационных данных, как регулирование, обеспечивающее передвижное равновесие социосистемы со средой [1, с. 34-42]. Динамика правовых социосистем не исчерпывается нахождением их стабильного и действенного положения, потому что современное уведомительно-справочное общество заключает в себе большое количество структур, взаимная миссия которых определяется их неравновесностью и флуктуациями, являющиеся причинами появления когерентного, согласованного сдерживания составляющих либо подсистем, порождающих кооперативный (синергетический) эффект.

Следовательно, вектор динамики социосистем определяется аномальным отличием их характеристик от "нормы" и стремлением вернуться к, характеристикам правовых систем носящих случайный характер. Дезорганизационные представления формирования правового процесса в обществе с точки зрения естественного его видения составляют нужные элементы социального развития; часто связанные с процессами старения, прогнозирования и обновления информации [2, с. 13-16]. Чем больше проблем и противоречий накапливается в той либо другой социальной системе, тем более трудным становится управление, из-за этого появляются регулярно возобновляемые взаимные отношения меж управляющей и управляемой системами [3]. Управляемая правовая система представлена самовоспроизводящими правовыми элементами правовой системы.

Управляемая правовая система рассматривается как совокупность взаимодействующих элементов юриспруденции в социосреде.

Динамика правовых социосистем не исчерпывается нахождением их устойчивого и эффективного положения, так как современное информационное общество включает в себя множество структур, взаимодействие между которыми формирует неравновесность и флуктуация как факторы когерентного, согласованного поведения правовых элементов или подсистем права, порождающих кооперативный (синергетический) эффект. Следовательно, вектор динамики правовых социосистем определяется отклонением их параметров от "нормы" и стремлением возвратиться к ней, а правовые характеристики систем носят случайно-стихийный характер.

В структуре правовой системы дезорганизационные процессы в информационном обществе по-своему естественны и объективны и составляют необходимый элемент социального развития; нередко это связано с процессами старения, прогнозирования и обновления правовой информации в структуре юридических процессов и явлений. [2, с. 13-16]. Чем больше проблем юридического плана и противоречий накапливается в той или иной социально-правовой системе, тем более трудным становится управление юридическими элементами данной системы, поэтому возникают регулярно возобновляемые взаимоотношения между управляющей и управляемой правовыми подсистемами, формируются их направленность, плановость и целесообразность, подчинение правовых систем принципу наибольшей вероятности, переход к статистически более вероятному состоянию.

Список литературы / References

1. Виноградов В.А. Информация как глобальная проблема современности. - М.: Мир, 1981. - 185 с.
2. Вертяшев С.М. Интеллект системообразующий и накопление информации, дающее жизнь интеллектуальным системам: введение в изучение систем, невозможных для существования без контекстно-зависимых языков. - Санкт-Петербург: Наука, 2009. - 270 с.
3. Липицкий В.А. Юридическая ответственность. - Тольятти, 2002. - 480 с.
4. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. - М., 1997. - 119 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Vinogradov V.A. Informacija kak global'naja problema sovremennosti [Information as global problem of the present]. - M.: Mir, 1981. - 185 s. [in Russian]
2. Vertjashev S.M. Intel'ekt sistemoobrazujushhij i nakoplenie informacii, dajushhee zhizn' intellektual'nym sistemam: vvedenie v izuchenie sistem, nevozmozhnyh dlja sushhestvovaniya bez kontekstno-zavisimyh jazykov [Intelligence backbone and the accumulating of information giving life to intellectual systems: introduction in studying of systems, impossible for existence without context-dependent languages]. - Sankt-Peterburg: Nauka, 2009. - 270 s. [in Russian]
3. Lipickij V.A. Juridicheskaja otvetstvennost' [Legal responsibility]. Tol'jatti, 2002. - 480 s. [in Russian]
4. Luchin V.O. Konstitucionnye normy i pravootnoshenija [Constitutional regulations and legal relationship]. - M., 1997. - 119 s. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.054

Фомина Н.И.¹, Тихомирова О.Б.²¹ORCID: 0000-0003-4362-5206, Кандидат педагогических наук, доцент²ORCID: 0000-0002-8653-6652, Кандидат педагогических наук, доцентФГАОУ ВО Национальный исследовательский Нижегородский университет
имени Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал) в г. Арзамас**ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Л.Н.ТОЛСТОГО****Аннотация**

В статье раскрываются основные аспекты философской позиции урегулирования межнациональных отношений в литературном наследии Л.Н.Толстого. Отмечается ряд факторов, влияющих на развитие межнациональных отношений в современном российском обществе. Авторы статьи исследуют ряд художественных произведений, в которых наиболее ярко выражено отношение писателя к проблеме взаимоотношений людей различных национальностей. В статье обосновывается утверждение о том, что гуманистическая позиция Л.Н.Толстого не имеет временных ограничений, поэтому учение писателя образует концептуальную основу построения отношений между представителями разных национальностей.

Ключевые слова: литературное наследие Л.Н.Толстого, межнациональные отношения, гражданская идентичность, малые народности, нравственные ценности.

Fomina N.I.¹, Tikhomirova O.B.²¹ORCID: 0000-0003-4362-5206, PhD in Pedagogy, Associate professor,²ORCID: 0000-0002-8653-6652, PhD in Pedagogy, Associate professor

Federal State Autonomous educational institution national research University of Nizhni Novgorod

Named after N.I. Lobachevsky (Arzamas branch), in Arzamas

**PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE SETTLEMENT OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE LITERARY
HERITAGE OF LEO TOLSTOY****Abstract**

In article the main aspects of a philosophical position of settlement of the international relations in the literary heritage of L. N. Tolstoy reveal. A number of the factors influencing development of the international relations in modern Russian society is noted. Authors of article investigate a number of works of art in which the writer's relation to a problem of relationship of people of various nationalities is most brightly expressed. The statement that the humanistic position of L. N. Tolstoy has no temporary restrictions therefore the doctrine of the writer forms a conceptual basis of creation of the relations between representatives of different nationalities is proved in article.

Keywords: Leo Tolstoy's literary heritage, ethnic relations, civic identity, the small nation, moral values.

В настоящее время вопросам урегулирования отношений между народами уделяется большое внимание. На правительственном уровне определены законодательные документы, регламентирующие национальные отношения. Так в программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», реализация которой рассчитана на 2014-2020 годы, указывается на то, что в современном мире продолжает сохраняться негативное влияние на межнациональные отношения, дошедшие до нас со времен советской национальной политики.

Отмечаются факторы, которые ведут к нежелательным последствиям в развитии межнациональных отношений: непринятие, а, порой, неправильное истолкование традиций, нравственных ценностей народов России; не исполнение правовых норм, постановка личных интересов отдельных представителей власти выше долга перед обществом, перед возложенными обязательствами; внедрение политики во все сферы жизни общества; не достаточно должное внимание руководителей любого уровня вопросам формирования гражданского единства, а также изучению исторических аспектов культуры межнационального общения; растущее расслоение в обществе по имущественным показателям, по отданию привилегий одной сферы общественной деятельности другой, что ведёт к усилению социального неравенства, обеднению одних регионов и экономическому скачку других; распространённость негативных позиций в отношении людей другой национальности; не эффективность мер в отношении малых народностей в области социальной политики.

К основным проблемам, связанным с состоянием межнациональных отношений в современной России авторы программы относят [1]: не пропорциональность роста национального и религиозного самосознания по отношению к

общероссийскому гражданскому самосознанию; неудовлетворённость русского народа в реализации этнокультурных потребностей; экстремистские и националистические настроения отдельных этнических групп, опирающиеся на религиозные и политические основания; усиление межнациональной напряжённости вследствие внутренней миграции в субъектах российской Федерации. Перечисленные проблемы можно дополнить расхождением в содержании отдельных законодательных актов различных субъектов Российской Федерации, а также недооценкой, а порой и игнорированием исторического опыта, мировоззренческих концепций, отражённых в художественных произведениях классиков отечественной и мировой литературы и др.

На фоне всех событий, происходящих в мире, основной становится цель укрепления гражданского и духовного единства российской нации. Для решения этой задачи необходимы радикальные меры, принятые со стороны государства. В данной ситуации необходимо принятие мер в области, как государственной межнациональной политики, так и общественных институтов, национально-культурных и религиозных организаций. В решении данного вопроса необходимо больше уделять внимания сохранению народных традиций, социализации мигрантов.

При этом общественное сознание должно учитывать исторический опыт и принимать в качестве мировоззренческих основ философские концепции, отражённые в произведениях классиков мировой литературы.

В творчестве Л.Н.Толстого вопросам межнациональных отношений уделяется большое внимание (повести «Хаджи-Мурат», «Ильяс», «Кавказский пленник», рассказ «Много ли человеку земли нужно», «Севастопольские рассказы» и др.). Л.Н. Толстой подчёркивает, что у каждого народа есть свои особенности не только в быту, религии, но и в чертах характера. Вражда и отчуждение народов могут проявляться именно в силу замкнутости своих национальных представлений и обычаев.

Обозначая цель своей жизни в самом начале своего творческого пути, Л.Н.Толстой говорит о том, что славы не хочет и презирает её [2, с.26]. Он желает принимать большое участие в делах, идущих на счастье и пользу людей. «Лермонтов и я – не литераторы» [2, с.28] говорит Л.Н.Толстой, так как видит свою задачу не в литературной славе, а в деятельности направленной на улучшение жизни всех людей, за состояние мира. В этом он видел свою личную нравственную ответственность.

Единение всех людей в любви – вот главная мысль Л.Н.Толстого. Истина – «единение в любви». Вопрос о межнациональных отношениях разных народов не раз рассматривался в литературных произведениях Л.Н.Толстого, среди которых особо следует отметить повесть «Хаджи-Мурат».

Как среди русского народа, так и народов Кавказа существуют положительные и отрицательные моменты, что прозорливо подметил Л.Н. Толстой. Порой, полярное разделение мнений в отношении характеристики событий во многом зависит от субъективных позиций той или иной стороны. Однако для конструктивного диалога необходима их объективная оценка. Поэтому необходимо, чтобы лучшие представители народов могли здраво оценить действия друг друга, побеждая собственные предрассудки, умели сопереживать друг другу, стремились к взаимопониманию. Позиция Л.Н.Толстого отражена в его высказывании о том, что «люди мирно живут между собой и согласно действуют только тогда, когда они соединены одним и тем же мировоззрением, то есть одинаково понимают цель и назначение своей деятельности» [2, с. 16].

В «Севастопольских рассказах» Л.Н.Толстой с огромной художественной силой изобразил ужасы и противоречия войны. Красной нитью в описании поля боя, где вперемежку лежат трупы русских, французов, англичан проходит мысль об античеловечности и противоестественности войны для людей любой национальности.

Неоднократно бывая в башкирских степях, общаясь с башкирами, оказывая в течение некоторого времени помощь им и самарским крестьянам в дни страшного голода, Л.Н. Толстой опубликовал «Письмо к издателям» [3, с. 7], что произвело большое впечатление: значительные денежные средства и десятки тысяч пудов хлеба были собраны в пользу голодающих.

Великий писатель и сам оказал большую материальную помощь. Для создания литературных произведений Л.Н.Толстому благоприятным материалом послужило указанное обстоятельство. Углублённое изучение истории башкирского народа позволило собрать нужный материал для создания художественного произведения. Л.Н.Толстой пришёл к выводу о многолетнем, бесконтрольном расхищении башкирских земель ловкими дельцами. Рассказ «Много ли человеку земли нужно» (1885 год) имел под собой основу, описанную ещё Геродотом. У скифов, как и у башкир, продажа и покупка земли происходила так: покупатель обычно с восхода до заката должен был обехать землю, которую он хочет купить. Часто человек погибал при осуществлении своих замыслов, так как не мог вовремя справиться со своими желаниями из-за жадности и страсти к богатству. Так героя одного из рассказов Пахома губит собственная жадность. Он мечтал о большом участке земли, который можно обойти только за день, но заплатить за эту землю небольшую плату. И даже сон, который не предвещал ничего хорошего, не может удержать героя от соблазна. В результате только три аршина земли и смерть. Полная противоположность содержания в рассказе «Ильяс» (1885). Когда-то богатый башкир вместе с женой находит подлинное счастье, освободившись от богатства, обнищав и став батраками другого бая.

Л.Н.Толстой указывает читателям, что как у русских, так и у башкир имеют место быть одни и те же основные духовные ценности. У тех и других имеются соблазны, которые преодолеваются сознанием истинных общечеловеческих благ, которые не измерить ни количеством захваченной земли, ни деньгами, ни властью.

Осознавая общечеловеческие ценности, творчество Л.Н.Толстого приводит к пониманию взаимосвязи и взаимозависимости всех людей и народов. Мир синкретичен во всех отношениях между людьми и государствами. Проводя аналогию с современной политикой на Северном Кавказе и теми событиями, которые происходили во времена Л.Н.Толстого в этом регионе, необходимо сделать соответствующие выводы. Несомненно, что реакционная политика того времени по отношению к народам Чечни вызвала справедливое и стойкое противление. Для урегулирования этого конфликта, скорее всего, было необходимо применение более гибкой политики со стороны царского правительства. Эти уроки истории должны быть учтены и в наше время. Литературное наследие Л.Н.Толстого велико. Гуманистическая позиция писателя не имеет временных ограничений. Весь мир ищет

нравственную, духовную, мировоззренческую основу для построения будущих межнациональных отношений. Учение Л.Н.Толстого сильно тем, что не даёт нам готовых рецептов, но указывает на основные направления и предупреждает нас о возможных ошибках на пути достижения целей гармонизации межнациональных отношений.

Список литературы / References

1. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы). – [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 15.10.2015).
2. Маймин Е.А. Лев Толстой. – М.: Наука, 1978. – 192 с.
3. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1979. – 336 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Federal'naja celevaja programma «Ukrepjenie edinstva rossijskoj nacii i jetnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody) [The federal target program "Strengthening the unity of the Russian nation and ethno-cultural development of the peoples of Russia (2014-2020)]. – [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (data obrashhenija: 15.10.2015). [in Russian]
2. Majmin E.A. Lev Tolstoj [Lev Tolstoj] – M.: Nauka, 1978. – 192 s. [in Russian]
3. Tolstoj L.N. Povesti i rasskazy [Novels and Stories] – Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 336 s. [in Russian]

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PEDAGOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.051

Болгов В.Н.¹, Камалов Н.К.², Тагирова Н.П.³, Дробинина Н.В.⁴

¹ORCID: 0000-0002-9450-7800, Кандидат педагогических наук, доцент, ²ORCID: 0000-0003-2070-602X, Старший преподаватель, ³ORCID: 0000-0001-5748-8359, Кандидат педагогических наук, доцент, ⁴ORCID: 0000-0002-1428-1734, Старший преподаватель,

Набережночелнинский институт Казанского (Поволжского) федерального университета

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА «РЕАКЦИОМЕР» ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ РЕАКЦИИ ЮНЫХ ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ

Аннотация

В статье рассмотрено быстрота реакции в спорте, в частности в фехтовании. Обычно о быстроте реагирования человека судят по времени его психических реакций. Время реакции является одним из самых удобных показателей при изучении динамики нервных процессов. Для изучения влияния различных факторов на быстроту реакции, выявления особенностей двигательных реакций юных фехтовальщиков группы тренера Н.К. Камалова, была подготовлена компьютерная программа «Реакциомер». Компьютерная программа может быть установлена на домашний компьютер спортсмена или ноутбук тренера, что позволит мобильно и автономно проводить тестирование в различных обстоятельствах: во время отдыха, тренировки, соревнований.

Ключевые слова: быстрота реакции, фехтовальщик, простая реакция, сложная реакция.

Bolgov V.N.¹, Kamalov N.K.², Tagirova N.P.³, Drobinina N.V.⁴

¹ORCID: 0000-0002-9450-7800, PhD in Pedagogy, Associate professor, ²ORCID: 0000-0003-2070-602X, Senior lecturer, ³ORCID: 0000-0001-5748-8359, PhD in Pedagogy, Associate professor, ⁴ORCID: 0000-0002-1428-1734, Senior lecturer,

Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University

THE COMPUTER PROGRAM «PEAKЦИОМЕР» FOR RESEARCH OF IMPELLENT REACTION OF YOUNG FENCERS

Abstract

In clause it is considered speed of reaction in sports, in particular in fencing. Usually speed of reaction of the person judge on time of its mental reactions. Time of reaction is one of the most convenient parameters at studying dynamics of nervous processes. For studying influence of various factors on speed of reaction, revealing of features of impellent reactions of young fencers of group of trainer N.K.Kamalova, the computer program «Реакциомер» has been prepared. The computer program can be established on a house computer of the sportsman or ноутбук the trainer that will allow to spend mobile and independently testing in various circumstances: during rest, training, competitions.

Keywords: speed of reaction, the fencer, simple reaction, complex reaction.

Быстрота реакции в спорте имеет большое значение. Зачастую исход спортивного состязания зависит от того, насколько своевременно и рационально спортсмен реагирует на изменения в спортивной ситуации. Фехтовальщик во время боя должен быстро ориентироваться в меняющейся обстановке и мгновенно находить наиболее целесообразное в данных условиях действие. Помимо отработки технических приемов и тактических действий тренеры по фехтованию обязаны уделять особое внимание развитию быстроты реакции, быстроты и точности зрительного восприятия.

Обычно о быстроте реагирования человека судят по времени его психических реакций. Все разновидности реакции имеют одну и ту же структуру: восприятие сигнала (предварительный период); осознание сигнала (основной период, латентный); ответное действие (исполнительный период)[1].

В психологии спорта различают простые и сложные реакции. Простые реакции характеризуются одним сигналом и одним заранее известным, ответным действием. Сложные реакции определяются двумя и более сигналами, одним или несколькими ответными действиями.

В простых реакциях выделяют три типа: сенсорный, моторный и нейтральный. Тип реакции зависит от направленности внимания спортсмена. Сенсорный тип – когда внимание спортсмена сосредоточено на ожидаемом сигнале. Моторный тип – когда спортсмен сосредоточен на предстоящем действии. При нейтральном типе реакции у спортсмена нет акцента внимания.

Сложные реакции являются более адекватными действиям фехтовальщика в бою, так как включают в себя такие компоненты как различение и узнавание раздражителя. В сложной реакции участвуют несколько психических процессов: внимание, память, мышление, воля, эмоции. В сложной реакции проявляется творчество фехтовальщика, выражающаяся в осмысленности его движений.

Физиологической основой повышения скорости реакций у спортсменов являются сдвиги в корковой деятельности, возникающие под влиянием спортивных тренировок и выступлений на соревнованиях. «В связи с тренировкой изменяются основные показатели нервной активности: сила возбудительного и тормозного процессов, равновесия между этими процессами, т.е. соотношение силы возбуждения и силы торможения, и, наконец, подвижность их» (Н.В. Зимкин). Увеличение скорости реакций под влиянием спортивной деятельности связано, прежде всего, с повышением подвижности возбудительных и тормозных процессов, так как скорость реакции, то есть время латентного периода, определяется в первую очередь степенью подвижности нервных процессов. Величина времени реакции, у одного и того же спортсмена, может изменяться под влиянием весьма многих факторов, от изменений внешней среды, до изменений внутренней среды. Так, время реакции может зависеть от стартового возбуждения, значимости состязания, степени тренированности, утомления, двигательного опыта, разминки, а также на каком компоненте движения концентрируется внимание – сенсорном или моторном. Время двигательной реакции у спортсменов обычно значительно меньше, чем у лиц, не занимающихся спортом. Наиболее короткая двигательная реакция характерна для спортсменов, специализирующихся в спортивных играх, боксе, фехтовании, а также для спортсменов, в тренировке которых преобладают скоростные упражнения.

Время реакции является одним из самых удобных показателей при изучении динамики нервных процессов. Время реакции – временной интервал между предъявлением раздражителя (сигнала) и началом обусловленного инструкцией ответа испытуемого на этот сигнал. Время простейшей двигательной реакции, фиксирующей факт появления некоего сигнала ("реакция обнаружения"), находится в пределах 0,15-0,3 сек. Для сложных реакций, выделение одного из нескольких возможных сигналов ("реакция различения") или выбор одного из нескольких ответов ("реакция выбора"), оно увеличивается.

Получаемые при измерении времени реакции данные объективно характеризуют состояние корковой нейродинамики спортсмена в текущий момент. Измерение латентного времени простой двигательной реакции человека на внешний сигнал широко используется в практике для оценки функционального состояния ЦНС (рис. 1).

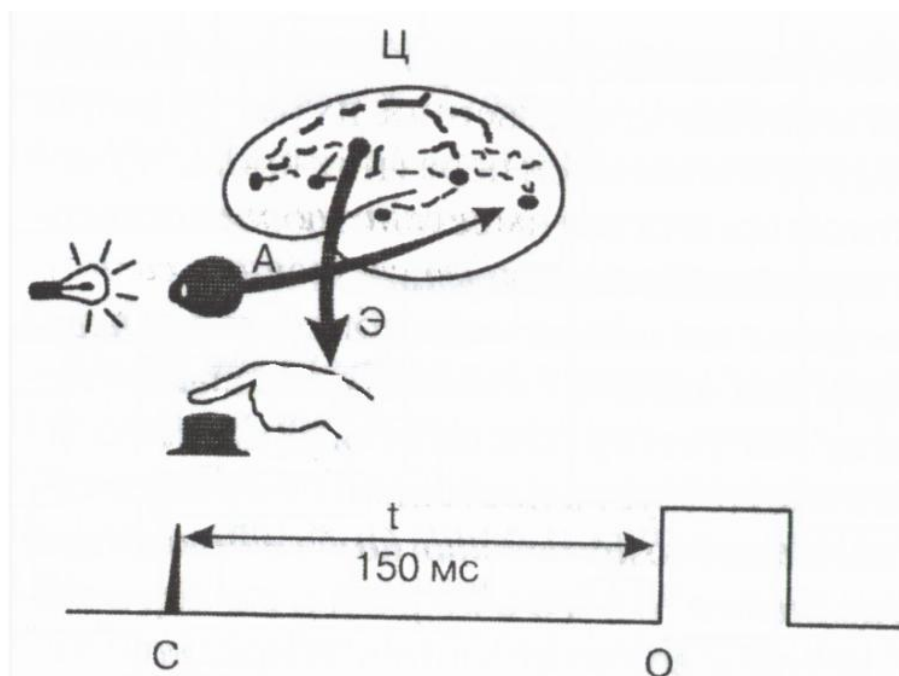

Рис. 1 – Схема измерения времени двигательной реакции [2]

А – афферентные

Э – эфферентные и Ц – центральные пути; С – отметка светового сигнала, О – отметка нажима кнопки, t 150мс – время реакции.

Методы и организация исследования.

Для изучения влияния различных факторов на быстроту реакции, выявления особенностей двигательных реакций юных фехтовальщиков группы тренера Н.К. Камалова, была подготовлена компьютерная программа «Реакциомер». Программа имеет три функциональных блока:

- 1) Измерение скорости простой и сложной реакций на зрительный раздражитель.
- 2) Определение устойчивости к утомлению.
- 3) Исследование цепной реакции.

При работе с первым блоком - на монитор компьютера в случайном месте, с асинхронной задержкой времени от 1 до 5 сек, выводится зрительный объект в виде цветного прямоугольника. При изучении простой реакции прямоугольник одного цвета и задача испытуемого при его появлении нажать на определенную клавишу клавиатуры. Всего дается 12 попыток. Для изучения сложной реакции (выбор действия в зависимости от появляющегося объекта) на монитор компьютера в случайном месте, с асинхронной задержкой времени от 1 до 5 сек, выводится прямоугольники различного цвета. В зависимости от цвета прямоугольника на клавиатуре нажимаются определенные клавиши. Программа, по выбору, позволяет работать с двумя, тремя, или четырьмя цветами. В каждом случае дается 12 попыток. По окончании теста, на экран выводится протокол тестирования в котором представлено: 1) время реакции каждой из 12 попыток; 2) среднее арифметическое времени всех попыток; 3) стандартное отклонение от средней как показатель разброса результатов; 4) коэффициент вариации как показатель стабильности; 5) количество совершенных при тестировании ошибок (преждевременное нажатие на клавишу или выбор клавиши не соответствующей цвету прямоугольника). Кроме этого протокол автоматически записывается в файл и сохраняется на компьютере.

Отличие второго блока (определение устойчивости к утомлению) от первого в том, что в нем дается 60 попыток и в протоколе тестирования, кроме данных по всем 60 попыткам приводятся данные по отрезкам из 12 попыток (5 по 12), что позволяет отслеживать изменение скорости реакции в зависимости от времени работы.

Третий блок (исследование цепной реакции) реализован в виде автотемпа. Автотемп исследовался следующим образом. Как только испытуемый нажимал на клавишу клавиатуры при появлении на экране первого прямоугольника это служило программе сигналом для вывода следующего объекта. По инструкции испытуемый должен как можно быстрее нажимать на соответствующие цвету прямоугольника клавиши клавиатуры в течении 20 секунд. По истечении этого периода на экран монитора выводится протокол содержащий количество правильных и ошибочных реакций. Эти же результаты записываются в файл. Включение подобного теста обосновывается тем, что во время боя у фехтовальщика реакции следуют одна за другой и при этом требуется постоянная сосредоточенность и готовность.

Выводы:

1. Компьютерная программа может быть установлена на домашний компьютер спортсмена или ноутбук тренера, что позволит мобильно и автономно проводить тестирование в различных обстоятельствах: во время отдыха, тренировки, соревнований.

Литература

1. Головин С.Ю. Что такое время реакции? Словарь практического психолога. – URL: www.vocabulary.ru/dictionary/25
2. Нервная система. – URL: www.sportzal.com/post/813

References

1. Golovin S.Yu. Chto takoe vremja reakcii? Slovar' prakticheskogo psihologa [What is time of reaction? The Dictionary of the practical psychologist]. – URL: www.vocabulary.ru/dictionary/25 <<http://www.vocabulary.ru/dictionary/25>> [in Russian]
2. Nervnaja sistema [Nervous system]. – URL: www.sportzal.com/post/813 <http://www.sportzal.com/post/813> [in Russian]

«Международный научно-исследовательский журнал» включен в систему **OpenAIRE**.

OpenAIRE — европейская поисковая система по академическим материалам открытого доступа. Один из главнейших репозиториев научной информации в Европейском Союзе. Данная база позволяет увеличить цитируемость Ваших материалов в Европе.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.004

Гиниятуллина Э.Х.

Аспирант,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ УМЕНИЙ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**Аннотация.**

В данной статье представлены методические аспекты формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста, представляющие собой единое целое, т.к. содержат систему взаимосвязанных частей. Раскрыты структура и функции методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста. Методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста рассмотрена на основе поликультурного, герменевтического и партисипативного подходов, обеспечивающих методологическую многоуровневость и иерархический характер методики.

Ключевые слова: методика, педагогические принципы, функции, методы, компоненты, педагогические условия, поликультурные умения, дети старшего дошкольного возраста.

Giniyatullina E.Kh.

Postgraduate student,

South-Ural State Humanitarian Pedagogical University

METHODOLOGICAL ASPECTS OF PRESCHOOL CHILDREN'S POLYCULTURAL SKILLS FORMATION**Abstract**

The article deals with the methodological aspects of preschool children's polycultural skills formation that is a single unit as it contains the system of interrelated parts. Revealed the structure and functions of the methods of preschool children's polycultural skills formation. The methods of preschool children's polycultural skills formation based on the polycultural, participatory and hermeneutic approaches, that ensure methodological and multi-level hierarchical nature of the methods.

Keywords: methodology, pedagogical principles, functions, components, pedagogical conditions, polycultural skills, preschool children.

Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями в дошкольном образовании, связанные с необходимостью осуществления поликультурного образования детей путем активного применения инновационных педагогических технологий, ориентированных на модернизацию дошкольного образования и как результат переход на новый качественный уровень.

Поликультурное образование как одна из ведущих тенденций современного общества предполагает приобщение ребенка к миру человеческих ценностей, которое направлено на формирование толерантности к иным культурам и на развитие способностей к межкультурной коммуникации.

Дошкольное образование находится в состоянии непрерывного процесса самосовершенствования. Педагогический процесс направлен на формирование всесторонне развитого ребенка и на сохранение и укрепление здоровья ребенка: применяются парциальные программы развития, которые сочетают разные стороны педагогического процесса и ориентированы на соблюдение принципа комплексности, также вводятся дополнительные занятия для детей: иностранный язык, компьютерное обучение, леготехнология, робототехника, хореография и т.д.

Востребованность обучения детей дошкольного возраста иностранному языку определяется желанием родителей повысить уровень языковой подготовки детей, благотворно влияющий на развитие родной речи.

Согласно В.В. Кабакчи, мир вступил в эпоху билингвизма, когда каждому человеку необходимо владеть минимум двумя языковыми системами - системой родного языка и системой какого-либо еще иностранного языка, так как в третьем тысячелетии становится очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и культур [2]. А культура, как справедливо отмечают А.М. Кулага, Е.Ю. Никитина и др. [3;4;5], - это и результат, и процесс, и деятельность, и отношение, и норма. Поэтому изучение живого языка как средства общения невозможно без одновременного изучения культуры того народа, который говорит на этом языке [2].

Такая взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и языка побудила уделить более пристальное внимание проблеме формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста в процессе изучения иностранного языка, поскольку отсутствуют научные психолого-педагогические рекомендации по поликультурному образованию в процессе овладения детьми дошкольного возраста более чем одной языковой системой.

Проведенное исследование показало, что основными недостатками существующей в настоящее время системы поликультурного образования детей дошкольного возраста являются отсутствие четко поставленных целей, усвоение формальных аспектов иностранного языка, пренебрежение культурной составляющей и слабый уровень мотивации к получению поликультурного образования.

Реализация поставленных в работе задач потребовала разработки и внедрения методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста. В качестве теоретико-методической основы формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста мы выделили интеграцию поликультурного (общенаучный уровень), герменевтического (конкретно-научный уровень) и партисипативного (методико-технологический уровень) подходов, обеспечивающие методологическую многоуровневость и иерархический характер методики за счёт структурной взаимосвязи и концептуального единства.

Методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста рассматривается как динамичная система, включающая следующие структурные компоненты (рис. 1):

1. *Мотивационно-ценностный компонент* формирования поликультурных умений определяется как потребность в языковой деятельности; присутствие у детей старшего дошкольного возраста желания вступать в межкультурное общение; стремительная тенденция применения полученных языковых знаний на практике.

2. *Содержательный компонент* методики представлен как процесс формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста. Он обладает рядом признаков, характеризующих образовательный процесс, среди которых мы выделяем дифференцированность, целесообразность, последовательность. В рамках содержательного компонента осуществляется интеграция *межкультурного, языкового, коммуникативно-толерантного и дискурсивного блоков*, каждый из которых предполагает определенные знания и умения, необходимые для формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста.

3. *Технологический компонент* методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста представлен методами, средствами, формами и этапами педагогической деятельности, т.к. направлен на содержание представленного процесса, координирует методическую основу педагогической деятельности по формированию поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста средствами иностранного языка.

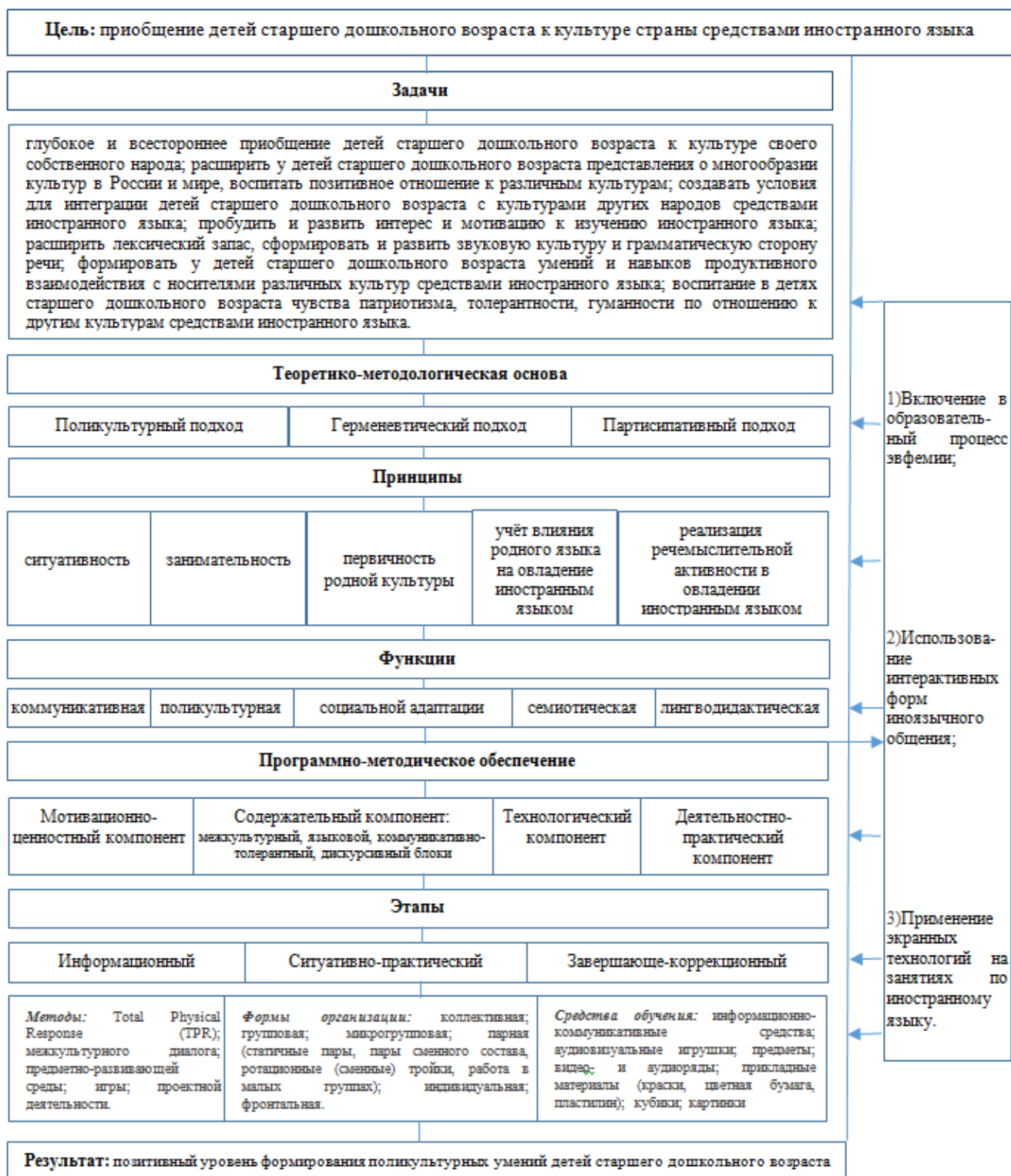

Рис. 1 – Методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста

4. *Деятельностно-практический компонент* методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста находит свое выражение в уровне развития иноязычных навыков (направлен на развитие потребности в самоактуализации и самосовершенствовании умений и навыков межкультурного взаимодействия), что свидетельствует об оптимальном уровне сформированности поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста.

Главным механизмом методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста являются *функции*: коммуникативная, поликультурная, функция социальной адаптации, семиотическая и лингводидактическая функция.

Инструментальным выражением методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста являются выделенные нами *педагогические принципы*: ситуативности, занимательности, первичности родной культуры, учета родного языка, синтетичности усвоения, реализации речемыслительной активности в овладении иностранной речью, каждый из которых отражает целевую, структурную и содержательные характеристики процесса формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста.

Исследования показали, что успешность реализации методики формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста зависит от комплекса *педагогических условий*: включение в образовательный процесс эвфемии; использование интерактивных форм иноязычного обучения; применение экранных технологий на занятиях по иностранному языку.

Представленная методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста является единым целым, т.к. содержит систему взаимосвязанных частей. Методика является открытой и динамичной, что позволяет учитывать особенности процесса обучения детей дошкольного возраста иностранному языку, а именно, взаимосвязанность, взаимопроникновенность и последовательность реализации структурных компонентов методики.

Таким образом, разработанная методика формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста представляет собой сложное системное образование, реализация которой обеспечивает создание условий для успешного формирования поликультурных умений детей старшего дошкольного возраста.

Список литературы / References

1. Афанасьева О.Ю. Управление коммуникативным образованием студентов вузов: педагогическое сопровождение: монография / О.Ю. Афанасьева – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 324 с.
2. Кабакчи В.В. Английский язык межкультурного общения – новый аспект в преподавании английского языка // Иностранные языки в школе, 2000, № 6. – С. 84-89.
3. Кулага А.М. Диалог культур как принцип и способ обучения студентов профессиональному речевому поведению: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1998. – 21 с.
4. Никитина Е.Ю. Диалоговая культура как фактор развития у студентов вузов умений делового общения / Е.Ю. Никитина, М.В. Смирнова // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – Челябинск. – 2006. - № 1. – С. 51 – 61.
5. Никитина Е.Ю. Развитие иноязычной диалоговой культуры как фактор повышения профессиональной подготовки учителей начальных классов /Е.Ю. Никитина, В.Ю. Соловьева// Начальное образование: Проблемы и перспективы развития в условиях модернизации: Матер. межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.Ю. Никитина. – Челябинск, 2005. – Часть 1. – С. 144 – 149.
6. Никитина Е.Ю. Принципы научно-методической концепции педагогического управления коммуникативным образованием обучающихся / Никитина Е.Ю., Мишанова О.Г. // Фундаментальные исследования. – 2011. – №12-1 – с.41-45.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Afanas'eva O.Ju. Upravlenie kommunikativnym obrazovaniem studentov vuzov: pedagogicheskoe soprovozhdenie: monografija [The management communication of university's students: pedagogical support: monograph]/ Afanas'eva O.Ju. – М.: Izd-vo MGOU, 2007. – 324 c. [in Russian]
2. Kabakchi V.V. Anglijskij jazyk mezhkul'turnogo obshhenija – novyj aspekt v prepodavanii anglijskogo jazyka / [English language of multicultural communication – a new aspect in teaching English] // Inostrannye jazyki v shkole, 2000, № 6. – С. 84-89. [in Russian]
3. Kulaga A.M. Dialog kul'tur kak princip i sposob obuchenija studentov professional'nomu rechevomu povedeniju [The dialogue of cultures as the principle and the method of teaching students' professional verbal behavior]: Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. – М., 1998. – 21 c. [in Russian]
4. Nikitina E.Ju. Dialogovaja kul'tura kak faktor razvitija u studentov vuzov umenij delovogo obshhenija [The interactive culture as the factor university's students of business communication skills' development]/E.Ju. Nikitina, M.V. Smirnova// Vestnik Cheljab. gos. ped. un-ta. – Cheljabinsk. – 2006. - № 1. – С. 51–61. [in Russian]
5. Nikitina E.Ju. Razvitie inozjazychnoj dialogovoj kul'tury kak faktor povyshenija professional'noj podgotovki uchitelej nachal'nyh klassov [The development of foreign cultural dialogue as the factor primary school teachers' professional training improvement] /E.Ju. Nikitina, V.Ju. Solov'eva// Nachal'noe obrazovanie: Problemy i perspektivy razvitija v uslovijah modernizacii: Mater. mezhregion. nauch.-prakt. konf. / отв. red. E.Ju. Nikitina. – Cheljabinsk, 2005. – Chast' 1. – С. 144–149. [in Russian]
6. Nikitina E.Ju. Principy nauchno-metodicheskoi koncepcii pedagogicheskogo upravlenija kommunikativnym obrazovaniem obuchajushhhsja [The scientific and methodological concept of pedagogical management students' communicative education]/ Nikitina E.Ju., Mishanova O.G. // Fundamental'nye issledovanija. – 2011. – №12-1 – с.41-45. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.070

Головихин Е.В.¹, Катаргулова Ю.Х.²

¹ORCID: 0000-0002-5528-6216, Заслуженный тренер России, мастер спорта России международного класса, заместитель директора Нижневартовского филиала Центра Спортивной Подготовки Сборных Команд Югры Тюменская область, г. Нижневартовск, ²ORCID: 000-0002-0805-4658, Мастер спорта России, тренер-преподаватель МАУ ДО г. Нижневартовска СДЮСШОР

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ НА БАЗЕ МАУ ДО Г. НИЖНЕВАРТОВСКА «СДЮСШОР», ХМАО ЮГРА

Аннотация

Опытно экспериментальная работа в спортивной деятельности по селекции и сохранности контингента детей в возрасте 5-7 лет в условиях Крайнего Севера. На основе авторских программ разработана методика социализации детей в возрасте 5-7 лет средствами спортивной деятельности. Текущий мониторинг позволяет отслеживать динамику возрастных и адаптационных изменений занимающихся детей. На начальных стадиях занятиями физкультурой и спортом формируется позитивное мышление в семье и у занимающегося к подходящему виду спорта. Что позволяет педагогическим путем выявить способных детей и направить в педагогическую среду на 8-10 лет занятий.

Ключевые слова: опытно-экспериментальная работа, тренировочный процесс, спортсмены в возрасте 5-7 лет, общеразвивающий этап, тхэквондо.

Golovihin E.V.¹, Katargulova Yu.Kh.²

¹ORCID: 0000-0002-5528- 6216, Honored trainer of Russia, Master of Sports of Russia of the international class, deputy director of the Nizhnevartovsk branch of the Center of sports training of National Teams of Yugra Tyumen region, Nizhnevartovsk, ²ORCID: 000-0002-0805-4658, the Master of Sports of Russia, the trainer-teacher of Municipal Autonomous Institution of Additional Education Nizhnevartovsk Specialized Children's and Youth Sports School of Olympic Reserve

THE ORGANIZATION OF SKILLED AND EXPERIMENTAL WORK ON THE BASIS OF MUNICIPAL AUTONOMOUS INSTITUTION OF ADDITIONAL EDUCATION NIZHNEVARTOVSK SPECIALIZED CHILDREN'S AND YOUTH SPORTS SCHOOL OF OLYMPIC RESERVE, KHANTY-MANSI AUTONOMOUS AREA, UGRA

Abstract

It is skilled experimental work in sports activities for selection and safety of the contingent of children at the age of 5-7 years in the conditions of Far North. On the basis of author's programs the technique of socialization of children at the age of 5-7 years is developed by means of sports activity. The current monitoring allows to trace dynamics of age and adaptation changes of the engaged children. At initial stages exercises and sport form clear positive thinking in a family and at engaged to suitable sport. What allows to reveal in the pedagogical way capable children and to direct on pedagogical Wednesday for 8-10 years of occupations.

Keywords: skilled and experimental work, the training process, athletes at the age of 5-7 years all-developing a stage, taekwondo.

Актуальность: создание опытно-экспериментальных площадок позволит сохранить выработать эффективные технологии, позволяющие сохранить высокий процент сохранности контингента, сформировать положительное перспективное мнение семьи и занимающегося в направлении спортивной деятельности по виду спортивной специализации, отбор одаренных детей на ранних стадиях педагогическими методами.

Новизна: Использование авторских педагогических технологий, способствующих созданию позитивной спортивной среды в условиях Крайнего Севера, что в дальнейшем сказывается на выборе соответствующего вида спорта или спортивной деятельности с понятной перспективой.

Предмет: тренировочный процесс

Объект: занимающиеся дети в возрасте от 5 до 7 лет.

Гипотеза: Привлечение детей в спортивную педагогическую среду с использованием авторских программ позволит сформировать команду из администрации, родителей и спортивного образовательного учреждения. В дальнейшем с перспективой совместной работы на 8-10 лет спортивной жизни. Начальный этап работы позволит направить ребенка в подходящий для него вид спорта.

В 2010 году педагогический совет МАУ ДО СДЮСШОР г. Нижневартовска утвердил авторские программы для опытно-экспериментальной работы (ОЭР) с детьми в возрасте 5-7 лет. Цель программы - внести желательные изменения в опыт, понимание (образ мышления) и поведение (образ жизни) обучаемых [4].

Задачи программы:

Образовательные:

- обучение двигательным умениям и навыкам;
- обучение правилам поведения на занятиях;

Развивающие:

- формирование познавательной активности;
- развитие кондиционных и координационных способностей;
- овладение двигательными умениями и навыками;
- приобретение соревновательного опыта.
- формирование социальной активности: общение в группе, навыки дисциплины;

Воспитательные:

- воспитание интереса к занятиям физической культуры и спортом;

- воспитание самостоятельности, настойчивости, выдержки, самообладания;
- воспитание уважительного отношения к товарищам по спортивной группе;
- воспитание коммуникативных навыков;

Цель ОЭР привлечь максимальное возможное количество детей, допущенных по состоянию здоровья к занятиям физической культурой и спортом в группы раннего развития [3].

Задачи ОЭР:

1. Социализация занимающихся детей в возрасте 5-7 лет в спортивной среде.
2. Приобретение занимающимися детьми в возрасте 5-7 лет навыков учебы.
3. Мониторинг физического развития каждого занимающегося.
4. Изучение динамики адаптационных изменений в процессе учебно-тренировочных занятий.
5. Отбор одаренных детей в группу тхэквондо.
6. Рекомендации для родителей по эффективной реализации индивидуальных возможностей каждого ребенка.
7. Создание педагогической среды.

В нормативных требованиях федерального государственного образовательного стандарта определены этапы и минимальный возраст занимающихся спортсменами. В ФГОС тхэквондо минимальный возраст 9 лет. По требованиям государственным стандартам дети в возрасте 5-7 лет не могут тарифицироваться по спортивной специализации тхэквондо. Что создает сложности при наборе детей такого возраста в группы.

В 2010 году администрация г. Нижневартовска поддержала предложения о создании тарифицируемых групп раннего развития на основе утвержденных авторских программ. Было набрано четыре группы по 25 человек. Через полтора месяца занятий проведен первый мониторинг физического развития [3].

Для проведения мониторинга были определены следующие тесты:

1. Прыжок в длину с места с двух ног (см).
2. Челночный бег 3х10 метров (сек). Измерение координационных способностей.
3. Метание набивного мяча весом 1 кг сидя из-за головы (см). Ребенок совершает два броска, фиксируется лучший.
4. Бег 10 метров со старта (сек). Измерение скоростных способностей.
5. Вис на время на перекладине (сек).
6. Гимнастический мост (см). Измеряется подвижность позвоночника. Результат - расстояние от пяток до кончиков пальцев испытуемого.
7. Шпагат на правую, левую ногу и прямой с суммой оценок на основании замера от пола до паха.
8. Наклон вперед с прямыми ногами на гимнастической скамейке с опусканием и фиксацией рук с замером расстояния от поверхности опоры в см.
9. Прыжки на двух ногах, через линию, нарисованную на полу за 30 секунд.
10. Подъем туловища к ногам из положения, лежа на полу за 30 секунд.
11. Бросок теннисного мяча в корзину с расстояния два метра правой и левой рукой. Три попытки.
12. Шести минутный бег в самостоятельном темпе (количество преодоленных метров за 6 минут).

Данные тесты выбраны не случайно. Они позволяют оценить способности ребенка в проявлении двигательных и координационных качествах. Тесты соответствуют возрасту занимающихся детей и официально приняты к использованию на территории России [1].

В процессе изучения протоколов были выявлены одаренные и способные дети.

Через полгода работы был проведен следующий мониторинг. В условиях крайнего Севера проведено 12 мониторингов с участием 1100 респондентов. Все тесты для начинающих проводились в форме соревнований. Где детей делили на подгруппы по три человека. В каждой подгруппе три призера. Такую схему применяли для рефлекса успешности. Для ребенка соревнования должны стать желаемыми. Спортсмен должен к соревнованиям стремиться. После двух стартов мониторингов, дети соревнуются по факту в своих возрастных группах.

Исходя из данных исследования у детей опытно-экспериментальных групп, через 6 месяцев занятий наблюдался прирост:

1. Прыжок в длину с места с двух ног +7,49%
2. Челночный бег 3х10 метров (сек) +11,3%
3. Метание набивного мяча весом 1 кг. сидя из-за головы +22,3%
4. Бег 10 метров со старта (сек) + 8,95%
5. Вис на время на перекладине (сек) + 22,5%
6. Гимнастический мост (см) + 170,6%
7. Шпагат на правую, левую ногу +52,8%
8. Наклон вперед с прямыми ногами на гимнастической скамейке + 75,8%
9. Прыжки на двух ногах, через линию, нарисованную на полу за 30 секунд + 5,2%
10. Подъем туловища к ногам из положения, лежа на полу за 30 секунд + 7,2%
11. Бросок теннисного мяча в корзину +3,8%
12. Шести минутный бег в самостоятельном темпе + 25,5%

При работе с детьми, пришедшими заниматься в группы раннего развития в образовательное учреждение выявлены условия, которые необходимо создать для выполнения задач воспитания, обучения и развития [1,2]:

1. Установить контакта с каждым родителем для получения информации о ребенке.
2. Обучить знаниям о правильном поведении на тренировке или занятии.
3. Учесть слабое физическое развитие.
4. Выработать привычку трудиться.
5. Укреплять здоровье.

6. Набирать положительный опыт занятий физкультурной деятельности.

7. Формировать цель у ребенка.

Выводы:

- 80% детей из групп раннего развития продолжили занятия спортом по рекомендациям наших специалистов, что позволяет дать высокую оценку команде специалистов.

- На этап начальной подготовки специализации тхэквондо пришли способные замотивированные дети с заинтересованными родителями.

- Из 12 человек, отобранных из групп раннего развития, одиннадцать попали в состав сборной команды региона. Все 12 спортсменов прошли внутренние отборы, и попали в сборные команды СДЮСШОР, города.

Результаты занятий показали эффективность и целесообразность для использования в других регионах России. Как с позиции оценки уровня физического развития, так и с позиции повышения массовости занимающихся спортсменов.

Список литературы / References

1. Головихин Е.В., Степанов С.В. Каратэ как средство развития личности: Учебник для ВУЗов. www.головихин.рф. 2015. С. 679.

2. Головихин Е.В. Особенности организации занятий с группами начальной подготовки 1 года обучения в СДЮСШОР на примере тхэквондо ВТФ// Научно-методический журнал: Физическая культура / Детский тренер. 2008. №4 С. 41-45.

3. Головихин. Е.В. Образовательная программа для УДО по художественной гимнастике для учащихся спортивно-оздоровительных групп (СОГ) 4-6 лет. 2012. С. 56.

4. Головихин Е.В. Программа по кудо для ДЮСШ, ДЮСШОР, УОР, ДЮК. 2010. С. 85.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Golovikhin E.V., Stepanov S. V. Karate as development tool of the personality: [The textbook for HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS]. www.golovikhin.ru. 2015. P. 679. [in Russian]

2. Golovikhin E. V. Features of the organization of occupations with groups of initial preparation of 1 year of training in SDYuSShOR on the example of taekwondo of WTF// [the Scientific and methodical magazine: Physical culture / Children's trainer]. 2008. #4 P. 41-45. [in Russian]

3. Golovikhin. E.V. The educational program for UDO for rhythmic gymnastics for the studying sports groups (SG) of 4-6 years. 2012. P.56. [in Russian]

4. Golovikhin E. V. The program on where for sports school, sports school, UOR, DYuK. 2010. P. 85. [in Russian]

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте: <http://rulb.org/>

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.156

Егорова И.С.¹, Михалкина Е.А.²¹Старший преподаватель, аспирант, ²кандидат педагогических наук, доцент,

ФГБОУ «Хакасский университет им. Н.Ф. Катанова»

ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КРЕАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация

Сегодня в мировом научном сообществе активно обсуждаются требования к выпускникам педагогических вузов. Авторы обосновывают актуальность формирования креативной компетентности (КК) у будущих педагогов в рамках освоения обязательных дисциплин. Например, дисциплины «Основы математической обработки информации». Отмечая динамический характер формирования КК бакалавров Педагогического образования, авторы описывают уровни их сформированности и соответствующую шкалу оценивания. Рассматриваются примеры её использования для оценивания уровня сформированности креативной компетентности студентов на различных этапах изучения дисциплины «Основы математической обработки информации». Таким образом, авторами предложена система оценивания, предоставляющая преподавателю возможность регулярного мониторинга развития КК обучающихся в процессе работы над рассматриваемой дисциплиной. Научная новизна: показана роль КК в деятельности специалистов педагогического профиля; теоретически обоснована и разработана система оценивания уровня сформированности КК бакалавров Педагогического образования. Практическая значимость: разработанная система оценивания уровня сформированности КК бакалавров Педагогического образования на примере изучения дисциплины «Основы математической обработки информации» в дальнейшем может быть использована при формировании креативной компетентности у бакалавров Педагогического образования.

Ключевые слова: креативная компетентность, обучение математике, оценивание креативной компетентности будущих бакалавров педагогического образования.

Egorova I.S.¹, Mikhalkina E.A.²¹Assistant Professor, Postgraduate student, ²PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Federal State Budgetary Educational Institution «Khakas State University named after N.F. Katanov»

ON THE ASSESSMENT LEVEL OF CREATIVE COMPETENCE FORMEDNESS IN THE FUTURE BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION WITHIN MATHEMATICAL TRAINING

Abstract

Nowadays, the scientific community actively discusses requirements for graduates of pedagogical universities. The authors substantiate why it is important to form a creative competence (CC) in future teachers in the course of compulsory disciplines, particularly in the course "Fundamentals of mathematical processing of information". Taking into account dynamic nature of CC formation in Bachelors of Pedagogical Education, the authors describe levels of its formedness and relevant scale for its assessment. There are detailed examples of this scale application for the assessment level of creative competence formedness of students at different stages of studying discipline "Fundamentals of mathematical processing of information." Thus, the authors proposed the assessment system providing a teacher with the opportunity of regular monitoring of students' CC development in the course of teaching the discipline under consideration. The scientific novelty of the research is the demonstration of CC role in the teacher's work; the theoretical substantiation and development of the assessment system of the level of CC formedness in Bachelors of Pedagogical Education. The practical value provides the opportunity for the application of the developed assessment system of the level of CC formedness in Bachelors of Pedagogical Education in the process of formation of their creative competence.

Keywords: creative competence, teaching mathematics, evaluation of creative competence of the future bachelors of pedagogical education.

На современном этапе развития общества основную ценность представляет «человеческий капитал», то есть мобильные, творчески мыслящие и готовые к осуществлению креативной деятельности профессионалы различных областей. Что находит отражение в ряде нормативных документов и государственных проектах Российской Федерации (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020, Федеральные государственные образовательные стандарты [6] и т.д.), в которых перед системой образования ставится задача подготовки таких специалистов. Так в Концепции долгосрочного социально-экономического развития подчеркивается: «в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь» [4]. На наш взгляд, в данных документах обозначена одна из целей российской системы образования – формирования креативной компетентности у молодых специалистов.

Под креативной компетентностью в данном исследовании будем понимать совокупность знаний, умений, способностей деятельности, порождающей готовность личности к осуществлению креативной деятельности в рамках профессиональной деятельности.

Отправной точкой осуществления субъектом креативной деятельности является его способность удивляться и познавать, а так же генерировать идеи. Развитие данных качеств личности происходит в процессе анализа и синтеза имеющейся информации, «всеобъемлющего» поиска решения проблемы в нестандартной ситуации [3,7].

Отметим, что креативная деятельность, как и любая другая, имеет свои особенности в зависимости от рода профессиональной деятельности.

Так акмеологические особенности креативной деятельности учителя находят свое отражение в готовности принять разных детей, вне зависимости от их реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состоянии

психического и физического здоровья и оказать им адресную помощь. Другое важное для педагога умение – умение составлять совместно с другими педагогами программу индивидуального развития ребенка и проектировать комфортную образовательную среду требует наличия у него способности к анализу, синтезу и предвосхищению различных ситуаций. А способность усваивать способы творческого мышления и таким образом получать новые (или субъективно новые) знания обеспечивает саморазвитие учителя, что является неотъемлемой частью педагогической деятельности.

Считаем, приобретать опыт креативной деятельности будущие учителя должны уже в вузе в процессе обучения всем дисциплинам.

Так содержание математических дисциплин предоставляет возможность развивать такие качества мышления, которые позволяют не только осваивать новые области знания, но и приобретать опыт творческого развития: абстрактность, алгоритмичность, логичность, гибкость, оригинальность, широта и глубина мыслительной деятельности обучающегося. Совокупность данных качеств определяет математическое мировоззрение и «способствует правильной ориентировке человека в мире, его стремлению к истине и красоте, овладению началами математической культуры, научными основами профессии, способами познания и разумного преобразования мира и себя» [2]. Анализ психолого-педагогических исследований показал, что формирование креативной компетентности является обсуждаемым вопросом в научном сообществе. Однако, методика обучения дисциплинам математического цикла, способствующая формированию креативной компетенции студентов направления подготовки Педагогическое образование изучена недостаточно. В частности, остается неразрешенной проблема оценки уровня сформированности креативной компетентности бакалавра педагогического образования.

Проанализировав ряд работ, посвященных исследованию вопроса оценивания различных компетентностей (Ж.В. Глотова, Т.А. Гудкова, О.Ю. Лебедева, Ю. В. Лукашин, О.А. Минеева, И.В. Петрухина, Е.Н. Пискунова, Т.И. Русских и др.), мы установили, что большинство авторов выделяют 3-4 уровня сформированности компетентности, что соответствует рекомендациям Кингстонского университета [5].

Следуя вышеописанным исследованиям, а так же методологическому обоснованию С.Л. Рубинштейна, который отмечал, что предшествующая стадия развития личностной характеристики представляет собой подготовительную ступень к следующей, будем выделять три уровня сформированности креативной компетентности бакалавров Педагогического образования: низкий, средний, высокий. Дадим характеристику каждому из них:

1. *Низкий*, или удовлетворительный уровень характеризует креативную компетентность как не сформированную у студента, он не готов к самостоятельной креативной деятельности.

2. *Средний* уровень показывает, что компетентность сформирована частично, студент может осуществлять креативную деятельность совместно с другими участниками образовательного процесса.

3. *Высокий* или максимальный уровень отличает сформированность креативной компетентности. Студент имеет высокую мотивацию на проведение творческой работы, самостоятельно и осознанно осуществляет креативную деятельность [1].

Для удобства оценивания сформированности креативной компетентности у бакалавров Педагогического образования будем присваивать 3 балла субъекту, продемонстрировавшему низкий уровень владения составляющими того или иного компонента, 4 балла – студенту, имеющему средний уровень сформированности креативной компетентности (либо её компонента), 5 балла соответствующую высокому уровню овладения знаниями, умениями и навыками данной компетенции. 2 балла характеризуют студента, не соответствующего ни одному из выделенных уровней сформированности креативной компетентности.

Рассмотрим примеры использования данной шкалы для оценивания уровня сформированности креативной компетентности студентов направления подготовки Педагогическое образование в процессе обучения математике (на примере обучения дисциплине «Основы математической обработки информации»).

Пример 1. а) В классе 36 учеников. Многие из них посещают дополнительные занятия по музыке (14 человек), математике (18 человек), а так же спортивные секции (10 человек). Кроме того, известно, что 2 человека дополнительно занимаются спортом, музыкой и математикой; 8 человек занимаются в математическом кружке и спортивной секции, 5 – дополнительно занимаются музыкой и математикой, 3 – посещают занятия по музыке и спортивную секцию. Классный руководитель должен был распределить всех детей по дополнительным занятиям. Справился ли он с задачей? Поясните свой ответ.

б) Учитель должен ежедневно рассаживать 10 учеников по 10 местам, чтобы избежать списывания. При этом одна и та же комбинация не может повторяться чаще одного раза в месяц. Чтобы оценить, возможно ли это, найдите число различных комбинаций расположения школьников.

в) Какие математические знания должен был использовать учитель для разрешения ситуаций в пункте **а) (б)**?

г) Приведите пример педагогических ситуаций, разрешимых с помощью математических знаний.

Целью выполнения данного задания является определение уровня математических знаний студентов о числовых множествах, а так же наличие у них навыков составления математической модели ситуации и работа с ней, интерпретация полученных результатов на естественный язык.

Для этого обучающийся должен продемонстрировать знания методов решения нестандартных логических задач, умение выделить проблему и креативно подойти к её решению, а так же владение навыками рефлексивной деятельности. Таким образом, степень проявления обучающимся названных знаний, умений и навыков позволит оценить уровни сформированности у него креативной компетентности (см. Таблица 1).

Отметим, что по результатам выполнения отдельно взятого задания нельзя дать полноценную оценку уровня сформированности той или иной компетентности. Поэтому в рассмотренных примерах представлена шкала оценивания лишь некоторых критериев сформированности креативной компетентности будущих бакалавров Педагогического образования.

Таблица 1 – Критерии определения уровня сформированности компонентов КК

Крите- рий	Бакалавр должен			Баллы			
	Знать	Уметь	Владеть	2	3	4	5
Когнитивный	методы решения нестандартных логических задач	Использовать математические знания для осуществления креативной деятельности	основными методами переработки и визуализации информации	студент не приступил к решению задачи	получен правильный ответ методом «подбора»	получен верный ответ, решение проиллюстрировано диаграммами	предложены варианты «дораспределения» школьников с помощью операций над множествами
мотивационный			основными способами адаптации возможности математической обработки информации к решению конкретной педагогической задачи: распределения школьников по кружкам	студент не приступил к решению задачи	приведено математическое решение задачи, но отсутствуют выводы о решении конкретной педагогической задачи	предложены варианты адаптации возможности математической обработки информации к решению конкретной педагогической задачи: распределения школьников по кружкам	приведены собственные примеры использования множеств и их свойств в педагогической деятельности
деятельностный	способы представления информации нематематического содержания с использованием теории множеств	вычленить проблему и креативно подойти к её решению	навыками ближнего и дальнего, внутрисистемного и межсистемного переноса знаний в новую ситуацию	Студент не приступил к решению задачи	решение содержит нестандартный подход к проблеме, но не осуществлён перенос знаний на конкретную педагогическую ситуацию	предложен, но не реализован план решения поставленной задачи	вычленена проблема: распределение всех школьников по дополнительным занятиям, составлена математическая модель, интерпретированы результаты
рефлексивный			навыками рефлексии своих знаний и их применения в ходе решения профессиональных (образовательных) задач	Студент не приступил к решению задачи	сделан вывод о недостаточности знаний для решения задачи	выделены знания необходимые для решения задачи	выделены знания необходимые для решения поставленной задачи, а так же приведены примеры, где эти знания могут быть применены в профессиональной деятельности

Следующий пример демонстрирует оценку уровня сформированности КК на завершающем этапе изучения дисциплины «Основы математической обработки информации» (тема: «Элементы математической статистики»). Как следствие, форма задания и его содержание предполагают определенный опыт осуществления креативной деятельности и наличие математических знаний.

Пример 2. Проектное задание:

1) С помощью психолого-педагогической литературы и интернет - источников определите актуальную тему исследования (например: «Результаты ЕГЭ – 2016 по математике в Республике Хакасия и других регионах Российской Федерации»).

2) Проведите статистическую обработку экспериментальных данных, взятых из источника (либо полученных самостоятельно). Выдвиньте и проверьте статистическую гипотезу по полученным данным.

3) Сделайте выводы, презентуйте результаты исследования.

Отметим, что данное задание можно выполнять аудиторно в рамках работы в микрогруппах при наличии необходимого технического оснащения кабинета (наличие психолого-педагогической литературы со статистикой результатов ЕГЭ-2016, компьютеров, ноутбуков с доступом в глобальную сеть, а так же пакетом MicrosoftOffice). При недостатке аудиторного времени проект можно использовать как форму самостоятельной работы.

Результаты работы над проектом, полученные студентом, позволят сделать вывод об уровне сформированности у него таких качеств и умений, входящих в структуру КК, как: умение сформулировать проблему, креативно подойти к разработке плана решения и его реализации; умение формулировать свои мысли, аргументировано доказывать свою точку зрения; умение творчески использовать имеющийся опыт; проявление в педагогической деятельности вербальной и образной креативности; рефлексия проявления креативности в своей деятельности (см. Таблицу 2).

Презентуя результаты проекта, студент демонстрирует знание основных понятий математической статистики, умение работать со статистическими данными и владение навыками интерпретации количественных данных.

Таблица 2 – Критерии определения уровня сформированности компонентов КК

Критерий	Бакалавр должен			Баллы			
	Знать	Уметь	Владеть	2	3	4	5
Когнитивный	знания о творческих задачах, проектах, этапы работы над проектом		пониманием роли творческого подхода к решению профессиональных задач математическими средствами и методами	студент не приступил к выполнению проектного задания	студент реализовал план работы над проектом, составленный в группе или предложенный преподавателем	студент самостоятельно разработал план выполнения проектного задания, соответствующий основным этапам работы над проектом	план выполнения проекта является нестандартным и предполагает осуществление креативной деятельности
Деятельностный	способы представления информации и нематематического содержания с использованием диаграмм	анализировать социально и личностно значимые проблемы; творчески использовать методы математической обработки статистических данных	беглостью и нестандартностью мышления; опытом осуществления самостоятельной креативной деятельности	студент не приступил к выполнению проектного задания	выполнен только пункт 1)	тема проекта была определена с помощью преподавателя, пункт 2) выполнен самостоятельно	студент самостоятельно определил оригинальную и актуальную тему проекта, реализовал план работы над проектом и творчески подошел к презентации результатов
рефлексивный	основные рефлексивные технологии		опытом осуществления рефлексии креативной деятельности	не выполнен пункт 3)	итоги выполнения проектного задания подведены, рефлексия отсутствует	осуществлена групповая рефлексия после защиты проекта (технология предложена преподавателем)	самостоятельно определена технология и осуществлена рефлексия креативной деятельности

Отметим, что по результатам решения отдельно взятой задачи нецелесообразно делать выводы о сформированности КК будущих учителей. Поэтому в своей работе мы используем рассмотренную в примерах 1,2 шкалу оценивания уровня сформированности компонентов КК у студентов направления подготовки Педагогическое образование при проведении входного, текущего и итогового контроля при изучении дисциплины «Основы математической обработки информации». Общий балл сформированности компонента КК вычисляется по формуле: $b_i = \frac{b_i}{n}$, где b_i – балл, набранный за выполнение конкретной задачи, i – номер задачи, n – количество задач, в которых проверялась сформированности данного компонента. Суммируя баллы набранные баллы по каждому компоненту можно сделать вывод об уровне сформированности креативной компетенции в целом.

Для оценивания уровня сформированности компонентов математической компетенции необходимо полученные «сырые» баллы умножить на коэффициент сложности задачи. В рассмотренных примерах он равен 0,5 и 1 соответственно.

Считаем, что предложенная методика оценивания предоставит преподавателю возможность регулярного мониторинга развития креативной и математической компетенций бакалавров Педагогического образования, что позволит корректировать образовательный процесс и положительно скажется на его результате.

Список литературы / References

1. Егорова, И.С., Михалкина, Е.А. Формирование креативной компетенции у бакалавров направления подготовки Педагогическое образование в процессе изучения дисциплины «Основы математической обработки информации» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. - № 27. – С. 62-66
2. Жохов, А.Л. Научные основы мировоззренчески направленного обучения математике в общеобразовательной и профессиональной школе. Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1999. – 479 с.
3. Ильин, Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – Санкт-Петербург: Питер, 2012. – 434 с.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_90601/?frame=1 (Дата обращения 07.09.2016)
5. Уолш А., Вебб М. Пособие по написанию результатов обучения Кингстонского университета, 2002. URL: <http://www.hr-portal.ru/pages/hrm/competition.phd> (Дата обращения 28.05.2016)
6. Федеральный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Педагогическое образование»; квалификация – бакалавр. URL: <http://standart.edu.ru/> (Дата обращения 07.09.2016)
7. Fromm, E. (1959) The Creative Attitude, in Creativity and Its Cultivation, ed., Harold H. Anderson. New York.: Harper and Row

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Egorova, I.S., Mihalkina, E.A. Formirovanie kreativnoj kompetencii u bakalavrov napravlenija podgotovki Pedagogicheskoe obrazovanie v processe izuchenija discipliny «Osnovy matematicheskoy obrabotki informacii» [The formation of creative competence of bachelors in the field of teacher education in the process of studying the discipline «Fundamentals of mathematical information processing»] // Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva [Vestnik of Krasnoyarsk state pedagogical University them. V. P. Astafiev]. - № 27. – P. 62-66 [in Russian]
2. Zhohov, A.L. Nauchnye osnovy mirovozzrencheski napravlenno obuchenija matematike v obshheobrazovatel'noj i professional'noj shkole [The scientific foundations of the worldview of the directed teaching mathematics in secondary and vocational school]. Dis. ... d-ra ped. nauk. – M., 1999. – 479 s. [in Russian]
3. Il'in, E.P. Psihologija tvorchestva, kreativnosti, odarennosti [The psychology of creativity, creativity, talent]. – Sankt-Peterburg: Piter, 2012. – 434 s. [in Russian]
4. Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period till 2020]: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r (red. ot 08.08.2009). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_90601/?frame=1 (Data obrashhenija 07.09.2016) [in Russian]
5. Uolsh A., Vebb M. Posobie po napisaniju rezul'tatov obuchenija Kingstonskogo universiteta [A Handbook on writing learning outcomes Kingston University], 2002. URL: <http://www.hr-portal.ru/pages/hrm/competition.phd> (Data obrashhenija 28.05.2016) [in Russian]
6. Federal'nyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija po napravleniju podgotovki «Pedagogicheskoe obrazovanie»; kvalifikacija – bakalavr [Federal educational standard of higher professional education on training direction "Pedagogical education"; qualification – bachelor of]. URL: <http://standart.edu.ru/> (Data obrashhenija 07.09.2016) [in Russian]
7. Fromm, E. (1959) The Creative Attitude, in Creativity and Its Cultivation, ed., Harold H. Anderson. New York.: Harper and Row

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.062

Ермолина Н.В.

Аспирант, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Московской области «Академия социального учреждения»**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОШКОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ****Аннотация**

В нашем исследовании мы решаем проблемы воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО, поэтому так важно верно разработать систему действий по его развитию, такую, что используя все свои средства и возможности, образовательная организация приобрела бы более совершенное качественное состояние в соответствии с той миссией, которое возлагает на него общество в целом и каждый родитель, в частности. Очевидно, подобную систему действий нельзя назвать просто планом или концепцией – она должна содержать управленческие элементы, позволять решать задачи первоочередные и долгосрочные, расширять возможности при ограниченных ресурсах, а, главное, иметь опережающий характер. Такая система действий может быть названа стратегией развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО. В статье рассматриваются теоретические основы развития воспитывающего потенциала образовательной среды дошкольной организации, раскрыты основы стратегического планирования, выделены концептуальные положения стратегического подхода.

Ключевые слова: воспитывающий потенциал; образовательная среда; стратегия развития.

Ermolina N.V.

Postgraduate student, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region
"Academy of Social Institutions"**THEORETICAL BASES OF DEVELOPMENT OF THE BRINGING-UP POTENTIAL OF THE
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE PRESCHOOL ORGANIZATION****Abstract**

In our study, we address the problem of educating the potential educational environment DОО, so it is important to correctly develop on its development action system such that the use of all its facilities, educational organization to become more perfect quality state in accordance with the mission, which holds the his society as a whole and every parent in particular. Obviously, such action can not be called a system plan or a concept - it should contain administrative elements, allowing to solve problems and long-term priorities, empower with limited resources, and, most importantly, have the advanced character. Such actions the system can be called a strategy of educating potential educational environment DОО. The article describes the theoretical basis of the development of the potential of bringing up the educational environment of preschool organization, disclosed basis for strategic planning, conceptual highlighted the strategic approach.

Keywords: the bringing-up potential; educational environment; development strategy.

Неоспорим, тот факт, что система российского образования, в том числе и дошкольного, в последние годы переживает значительные перемены под влиянием социально-экономических, политических процессов. Поэтому, перед руководителями дошкольной образовательной организации (ДОО) и ее педагогическими коллективом стоят задачи не только сообщить определенный объем знаний и сформировать у воспитанников представления об окружающем мире, правилах поведения и т.п., «но доказать свою жизнеспособность, умение работать в современных экономических условиях, предвидеть социально-экономические изменения и оказывать образовательные услуги»[1], которые позволяют выпускникам детских садов адаптировать в современном мире. Что же мы видим на местах, каковы механизмы управления ДОО, применяются руководителями, чтобы соответствовать времени? Реальная ситуация такова, как показывают результаты констатирующего эксперимента, что, не смотря на внедрение новых образовательных технологий, усовершенствование материально-технической базы, административно-педагогический состав не всегда задумываются о роли образовательной организации в окружающем социуме, о том воспитывающем воздействии, которое оказывает его образовательная среда на воспитанников в целом, о долгосрочном развитии образовательной организации. Вся деятельность направляется на решение первоочередных задач без учета миссии ДОО.

В настоящее время внимание ученых и практиков привлекает проблема изучения педагогического потенциала воспитательной среды образовательной организации и возможностей ее использования в процессе становления личности. Активное внимание к данному вопросу обусловлено широким распространением в реальной педагогической практике идей средового подхода, что на уровне обыденного сознания определяется как отношение человека к среде и среды к ребенку, детям, а в научном плане – теорию и технологию опосредованного управления (через среду) процессами формирования и развития личности ребенка [2].

В рамках разработки стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО, мы посчитали целесообразным, кратко раскрыть основы стратегического планирования. Как показывает анализ научно-исследовательской литературы в области экономики и менеджмента [3] термин «стратегия» впервые использовался у военачальников для управления различными родами войск. Методы военного управления стали применяться в финансовом планировании, программировании и бюджетировании компаний в середине XVII в. В этот период были сформированы основные экономические законы, сформировалась промышленная и финансовая структура, которая требовала совершенствования методов управления и планирования крупными компаниями, применение которых позволяло бы «видеть» развитие компании на несколько лет вперед. Широкой распространение долгосрочного планирования получило в 20-30-е гг. XX в., что «принесло огромный эффект: уже к концу 1930-х гг. СССР стал одной из крупнейших мировых держав и получил мировое признание. С точки зрения методологии этот период является первым в истории стратегического планирования, поскольку именно тогда советскими экономистами были написаны

первые фундаментальные труды по планированию, давшие положительный результат [4]. При разработке долгосрочных планов в данный период времени акцент ставился на оценку потребности в ресурсах компании, но не учитывались возможности изменения внешних факторов и степени их влияния. Кроме того, стратегия постепенно переходила в план решения первоочередных задач. Позднее долгосрочное планирование оказалось под сомнением в изменившихся экономических условиях, но, безусловно, составило научную основу стратегического планирования [5].

Первые работы по стратегическому планированию датированы 60-70-ми гг. XX века. Стратегическое планирование приобретает системный подход и системный анализ, используется впервые проектное управление и программно-целевой подход [6].

В данный период формируется определение понятия «стратегическое планирование, ставшее впоследствии классическим: «стратегия – это модель принятия решений, с помощью которой компания определяет стратегические цели и задачи, вырабатывает политику и планы достижения этих целей, определяет сферы хозяйственной деятельности, целевую организационную структуру, а также сущность экономической и некоммерческой выгоды, которую получают акционеры, занятые, потребители и местное сообщество» [7].

За время существования статического планирования, несомненно, наблюдается эволюция взглядов на ее методологию, а также проникновение во многие сферы жизнедеятельности – это и коммерческие организации, групповые формы деятельности, общественные организации, государственные учреждения и образовательные учреждения и организации. В настоящее время могут быть выделены следующие концептуальные положения стратегического подхода:

1. *Планирование и реализация возможностей.* «Предназначение стратегического планирования состоит в том, чтобы выявить и оценить возможности развития бизнеса, компании, организации, установить стратегические цели и выработать мероприятия по их реализации. Все это, в конечном счете, представляет собой определение путей и способов вложения ресурсов в развитие объекта, в отношении которого осуществляется планирование» [1].

2. *Стратегический анализ.* Выявление и оценка ресурсов, которые в последствие могут быть использованы для выбора стратегических альтернатив. Стратегический анализ необходим для «сформирования полного, непротиворечивого и достоверного мнения: а) о том, что представляет собой организация как субъект, как она функционирует и управляется, каковы результаты ее деятельности и как они формируются, какие имеются внутренние ресурсы в настоящий момент времени; б) о том, какие внешние факторы воздействуют на входные параметры организации как системы, каков механизм их воздействия, как проявляются и измеряются данные факторы, каковы их состояние в настоящий момент и тенденции изменения в будущем, могут ли быть выделены внешние ресурсы» [8].

3. *Создание синергетических эффектов.* «Стратегический план должен предусматривать создание и реализацию совокупности важных для организации эффектов» [1], то есть стратегический план должен состоять из такой последовательности действий, реализация которых могла бы привести организацию не столько к увеличению каких показателей эффективности, сколько к изменению качественных критериев ее оценки.

4. *Децентрализация и вовлечение руководителей.* Методология стратегического планирования предполагает разработку стратегии в атмосфере творческой, в процесс совместного обсуждения проблем, идей и концепций развития, где совместная работа руководителей с командой является наиболее важным аспектом ее создания. «В процессе стратегического планирования должно иметь место творческое взаимодействие между руководителями разного уровня, руководителями и специалистами, причем степень формализма в их отношениях должна быть предельно низкой. Соответственно, внутренние коммуникации должны быть горизонтальными, функциональными или сетевыми, характер контроля – свободным, ориентированным на выполнение целей и планов, а оценка деятельности проектной команды – направленной на выполнение целей» [3].

Таким образом, стратегическое планирование, как один из эффективных методов управления, зарекомендовавший себя не только в экономике, но и в социальных науках, может быть применен в образовании, в том числе и для разработки стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО. Принятие данной точки зрения, предполагает на первоначальном этапе осуществить стратегический анализ с целью выявления ресурсов во внешней и внутренней среде ДОО для развития воспитывающего потенциала ее образовательной среды, то есть применение в качестве теоретической основы нашего исследования элементов ресурсного подхода.

Кроме того, выбор ресурсного подхода в качестве теоретической основы согласуется и полученным нами в результате анализа определения понятия «воспитывающий потенциал». Так, определение данного понятия содержит такие термины, как «возможности», «запасы», «средства». Очевидно, совокупность возможностей некоторого объекта или системы определяются совокупностью запасов и средств, то есть средства и запасы составляют ресурсы объекта, в нашем исследовании образовательной среды ДОО. Наличие таких ресурсов обуславливает наличие возможностей. Следовательно, возможности объекта – воспитывающего потенциала определяются ресурсами образовательной среды ДОО.

Рассматривая воспитывающий потенциал как ресурс, необходимо использовать конструкты ресурсного подхода для описания самого воспитывающего потенциала, а также технологии его актуализации и развития [9].

В связи с чем, закономерно возникает вопрос: где же могут быть найдены ресурсы образовательной среды ДОО для развития воспитывающего потенциала? Ответить на данный вопрос возможно, используя принятое нами определение понятия «образовательная среда» как многокомпонентного объекта. Так, образовательная среда ДОО включает в себя искусственно созданные условия для развития личности ребенка, но эти условия являются идеализацией реальных условий жизнедеятельности ребенка, являются отражением социально-культурной среды его пребывания, которая, несомненно, обладает неисчерпаемыми ресурсами для развития воспитывающего потенциала. Каждая социальная группа, каждая общность по своей природе уникальны и, вследствие этого, могут уникальным образом воздействовать на развитие личности человека и общества в целом, на формирование системы взглядов индивидуума, на способы его взаимодействия и виды взаимоотношений с представителями различных структурных

единиц общества. Поэтому понимание и признание многообразия позволит выделить его ресурсы, как уникальные вклады, вносимые каждой такой единицей в урегулирование межнациональных и межрелигиозных конфликтов.

Таким образом, образовательная среда является идеализированным отражением среды внешней, социальной, представляющей, согласно методологии стратегического планирования, предмет стратегического анализа, как процесса, направленного на «формирование полного, непротиворечивого и достоверного мнения о том, какие внешние факторы воздействуют на входные параметры организации как системы, каков механизм их воздействия, как проявляются и измеряются данные факторы, каковы их состояние в настоящий момент и тенденции изменения в будущем»[8]. Кроме того, данный подход согласуется с общими положениями разработки стратегии развития, раскрытыми нами ранее, согласно которым стратегический анализ должен быть применен к внешней среде как воздействующем на образовательную организацию объекте с точки зрения поиска ресурсов развития воспитывающего потенциала.

Второй компонент, к которому необходимо применить методы стратегического анализа с целью выявления ресурсов для развития воспитывающего потенциала, является среда внутренняя. Несомненно, в ее состав входит система управления ДОО и соответствующая ей структура, материально-техническое обеспечение, но основной акцент должен быть сосредоточен, на наш взгляд, так называемая, интеллектуальная составляющая. В этой связи мы воспользуемся подходом, разработанным Е.А. Голенковой, согласно которому интеллектуальная составляющая представляет собой интегральный показатель, включающий: 1) научный ресурс – «данная категория объединяет показатели интеллектуальной собственности; 2) кадрово-квалификационный ресурс – «показатели человеческой составляющей, а конкретно совокупность способностей, профессиональных навыков работников организации, необходимых для выполнения ими своих профессиональных обязанностей, и создание условий на предприятии для совершенствования и развития навыков и умений персонал»; 3) творческий ресурс – это совокупность способностей работников организации к постановке и решению новых творческих задач...»[10]. Поэтому, выделенный нами компонент образовательной среды это, так называемый, управляющий элемент, в лице административно-педагогического состава ДОО – «объединённые вместе навыки, интеллект и специальные знания работников, которые можно рассматривать как основной актив организации. Люди — это те элементы организации, которые способны учиться, изменяться, вводить новое и создавать дух творчества, и, если их должным образом мотивировать, они могут обеспечить успешность организации» [11]. Поэтому, управляющий элемент образовательной среды ДОО — административно-педагогический состав обладает ресурсами для развития воспитывающего потенциал среды — научными, кадровыми и творческими ресурсами. В это связи возникает потребность более подробного рассмотрения вопросов понимания «кадрового ресурса», механизмов его оценки и развития в педагогических целях, в частности в целях развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО.

Отдельно хотелось бы отметить, что наше исследование лежит в области средового подхода, а это значит, что его выбор в качестве компонента теоретической основы очевиден. И все же нам хотелось бы подчеркнуть основную идею данного подхода, выраженную, как нельзя лучше, С.В. Дубовицкой и Л.В.Беккером: «...использования среды в качестве управляющего элемента в процессах развития личности становится еще более актуальной. Так, изменив в необходимом направлении развитие среды, актуализируя или “приглушая” характеристики ее различных компонентов, возможно не только влиять и воспитывать ребенка, но и оказывая опосредованное управление» [12]. Такая среда, по мнению многих ученых, «выступает детерминирующим фактором реализации его потребностей и запросов, является важнейшим условием раскрытия его сущности как человека. <...> Она позволяет найти педагогу пути гармонизации отношений, смягчения кризисных факторов, приобщения обучающихся еще в детском саду к ценностям культуры, на основе которых человек формируется как гуманная нравственная личность и реализует себя в мире, в создании новых ценностей, культуры» [13].

Таким образом, образовательная среда, как искусственно-созданный многокомпонентный объект, задается образовательной целью воздействия, тогда как «социальная среда может воздействовать непреднамеренно, стихийно, воспитатель же целенаправленно руководит развитием» [14].

Обобщая выше сказанное, могут быть выделены этапы разработки стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО (рис.1)

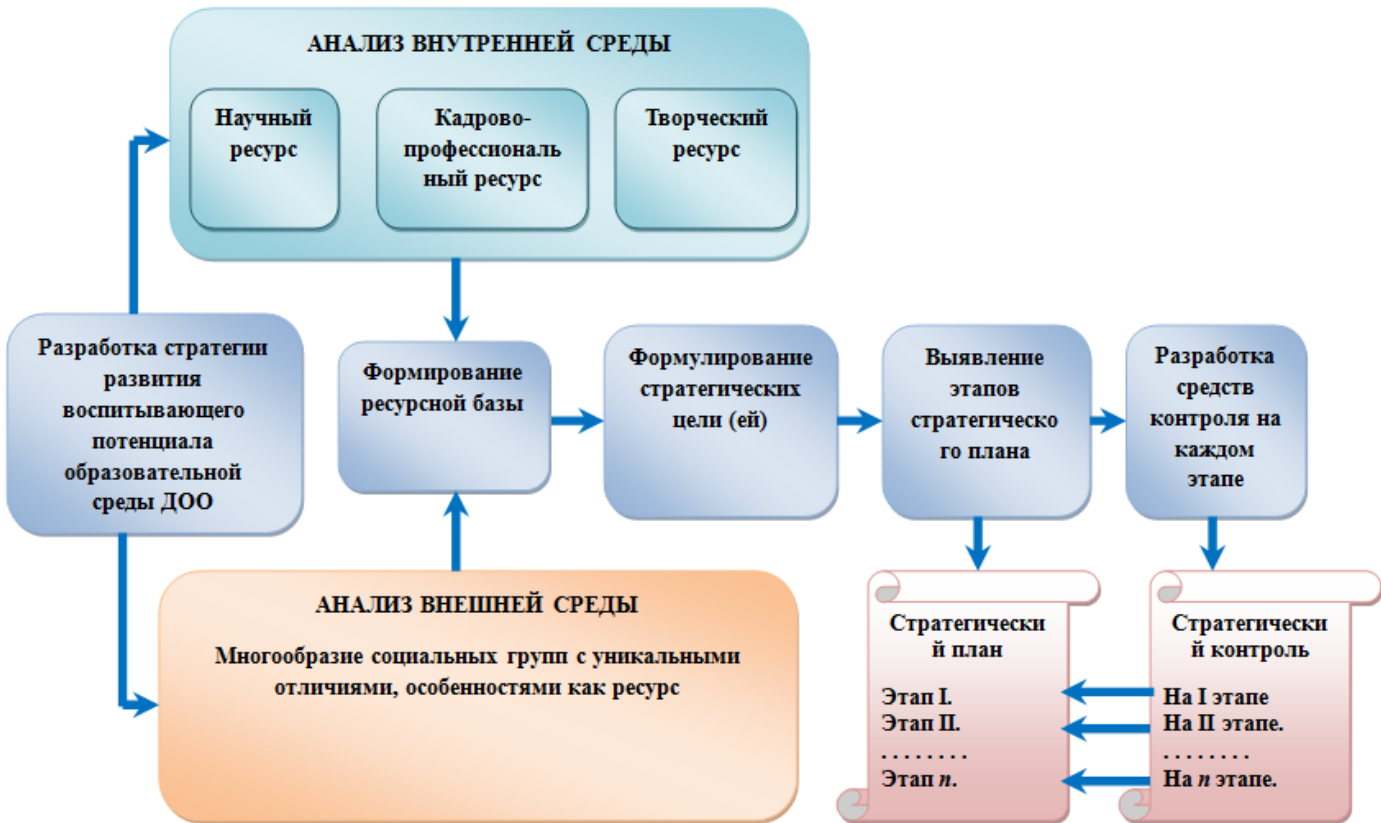

Рис. 1 – Этапы разработки стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО

Отдельно хотелось бы отметить, что данные полученные в результате стратегического анализа, очевидно, позволят создать не единственно возможную стратегию развития воспитывающего потенциала образовательной среды ДОО. Так, например, может быть разработана стратегия развития, предполагающая реализацию совокупности мер, направленных на кардинальное изменение образовательной деятельности и управленческого механизма. «Для совершения радикальных преобразований в деятельности предприятия или организации может потребоваться изменение системы управления и, прежде всего, вертикальных отношений по линии «сотрудник-подчиненный», иногда смена ключевых руководителей предприятия или даже всей команды» [10]. Также может быть разработана и «стабилизационная» стратегия, реализация которой будет ориентировано на сохранение традиций в организации образовательного процесса в рамках данной образовательной организации. Очевидно, что выбор стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды зависит от количественно-качественных показателей, полученных в результате стратегического анализа.

Согласно, выделенным этапам разработки стратегии развития воспитывающего потенциала образовательной среды первоначально необходимо было провести анализ внешней среды ДОО. Обобщение результатов анализа позволило нам выявить ресурсы социальной среды нахождения ДОО, а именно: 1) возможности формирования у воспитанников ДОО общечеловеческих ценностей, при этом формирование набора (совокупности) таких ценностей должно быть осуществлено на основе ценностей тех общностей и социальных групп, представители которых являются субъектами образовательной среды ДОО и социальной среды региона нахождения ДОО; 2) возможность применения вариативного подхода для формирования процессуальной составляющей образовательной среды ДОО как отражение множества реакций компонентов социума, приводящих к решению социальных проблем, вызванных воздействием внешних факторов; 3) возможность формирования социальных норм поведения; 4) возможность для сохранения структуры общности.

Очевидно, что стратегический анализ внутренней среды и полученные выше результаты позволят сформировать стратегические цели развития, разработать стратегию и методы контроля на каждом этапе ее реализации.

Список литературы / References

1. Короткевич М.И. Проблема выбора стратегии развития образовательного учреждения в современных условиях // Вестник БФУ им. И. Канта. 2010. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-strategii-razvitiya-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 25.05.2016).
2. Нечаев М.П. Развитие воспитательной среды дошкольной образовательной организации в условиях ФГОС ДО // Дошкольное воспитание. 2015. № 6. – С. 4-8.
3. Катъкало В.С. Эволюция теории стратегического управления: дис. ...д-ра экон. наук. СПб., 2007.
4. Магданов П.В., Падей В.Ю. Проблемы стратегического планирования социальноэкономического развития региона // ARS ADMINISTRANDI. 2011. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-strategicheskogo-planirovaniya-sotsialnoekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (дата обращения: 06.06.2016).
5. Steiner G. Pitfalls in Comprehensive Long Range Planning. Planning Executives Institute, 1972.
6. Ackoff R. A Concept of Corporate Planning. N. Y., 1970. 158 p.
7. Andrews K.R. The Concept of Corporate Strategy. Richard D. Irwin, Homewood, IL, 1971.

8. Прудский В. Г., Магданов П. В. Концепция стратегического анализа // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2009. №1 С.51-60.
9. Нечаев М.П. Теоретико-методологические основы развития воспитывающего потенциала образовательной среды: монография. – М.: АСОУ, 2015. – 152 с.
10. Голенкова Е. А. Технология выбора инновационной стратегии развития предприятия на основе состояния его инновационного потенциала // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №1 С.297-300.
11. Соколов К. О., Староверов В. А., Сергеичев И. А.. Кадровые ресурсы и их роль в формировании инновационной экономики региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 3 (184). Экономика. Вып. 24. С. 76–78
12. Дубовицкая С.В., Беккер Л.В. Воспитывающая среда как фактор становления и развития личности // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 631-638.
13. Ромайкин В.Ю. Указ. соч. С. 68.
14. Педагогика: Пособие для сдачи экзамена. С 2-е изд., пе-раб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2005. – 239 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Karatkevich M.I. Problema vybora strategii razvitiya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya v sovremennykh usloviyakh [The problem of the choice of the development strategy of the educational institution in modern conditions] // Herald BFU them. Kant. 2010. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-strategii-razvitiya-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya-v-sovremennykh-usloviyakh> (Reference date: 25.05.2016). [in Russian]
2. Nechayev M.P. Razvitie vospitatel'noj sredy doshkol'noj obrazovatel'noj organizatsii v usloviyakh FGOS DO [The development of the educational environment of preschool educational institution under FGOS DO] // Doshkol'noe vospitanie [Preschool education]. 2015. № 6. - P. 4-8. [in Russian]
3. Katkalo V.S. Jevojlucija teorii strategicheskogo upravleniya [Evolution of Strategic Management Theory]: Dis. ... Dr. ehkon. Sciences. SPb., 2007. [in Russian]
4. Magdanov P.V., Padej V.Y. Strategic planning of social and economic problems of development of the region [Problemy strategicheskogo planirovaniya social'noekonomicheskogo razvitiya regiona] // ARS ADMINISTRANDI. 2011. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-strategicheskogo-planirovaniya-sotsialnoekonomicheskogo-razvitiya-regiona> (Reference date: 06.06.2016). [in Russian]
5. Steiner G. Pitfalls in Comprehensive Long Range Planning. Planning Executives Institute, 1972.
6. Ackoff R. A Concept of Corporate Planning. N. Y., 1970. 158 p.
7. Andrews K.R. The Concept of Corporate Strategy. Richard D. Irwin, Homewood, IL, 1971.
8. Prudsky V.G., Magdanov P.V. Koncepcija strategicheskogo analiza [Concept of strategic analysis] // PSU Bulletin. Series: Economy. 2009. №1 S.51-60. [in Russian]
9. Nechayev M.P. Teoretiko-metodologicheskie osnovy razvitiya vospityvajushhego potenciala obrazovatel'noj sredy: monografija [Theoretical and methodological bases of educating potential educational medium: Monograph]. - M.: ASOU, 2015. - 152 p. [in Russian]
10. Golenkova E.A. Tehnologija vybora innovacionnoj strategii razvitiya predpriyatija na osnove sostojaniya ego innovacionnogo potenciala [Technology selection of innovative enterprise development strategy based on the state of its innovation potential] // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta [Bulletin of Kazan Technological University]. 2013. №1 S.297-300. [in Russian]
11. Sokolov K.O., Staroverov V.A., Sergeitch I.A. Kadrovye resursy i ih rol' v formirovanii innovacionnoj jekonomiki regiona [Human resources and their role in shaping the innovation economy of the region] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Chelyabinsk State University]. 2010. № 3 (184). Economy. Vol. 24. S. 76-78. [in Russian]
12. Dubovitskaya S.V., Becker L. Vospityvajushhaja sreda kak faktor stanovleniya i razvitiya lichnosti [Educates the environment as a factor of formation and development of personality] // Izvestija PGPU im. V.G. Belinskogo [News PGPU named after. VG Belinsky]. 2011. № 24. S. 631-638. [in Russian]
13. Romaykin V.Y. Ukaz. soch. S. 68. [Decree]. Op. S. 68. [in Russian]
14. Pedagogika: Posobie dlja sdachi jekzamena [Education: A Handbook for the exam]. On 2 nd ed., Ne-slave. and ext. - M.: Yurayt-2005 – 239 p.[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.148

Иванова Г.В.¹, Смирнова О.М.²^{1,2}Кандидат педагогических наук, доцент,

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

ОЗНАКОМЛЕНИЕ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С РОДНЫМ КРАЕМ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ФГОС**Аннотация**

В статье уделяется внимание организации познавательной деятельности старших дошкольников, включение краеведческого материала в образовательную деятельность детей и в контексте к подготовке к школьному обучению в условиях реализации требований ФГОС ДО и преемственности с начальным общим образованием. Определены педагогические условия ознакомления старших дошкольников с родным краем – формирование представлений о малой родине и ценностного отношения к окружающему миру.

Ключевые слова: познавательная деятельность; старшие дошкольники; ознакомление с родным краем; преемственность содержания.

Ivanova G.V.¹, Smirnova O.M.²^{1,2}PhD in Pedagogy, Associate professor,

State Social and Humanitarian University

ACQUAINTANCE OF THE SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH THE NATIVE LAND BY PREPARATION FOR SCHOOL TRAINING IN THE CONDITIONS OF FGOS**Abstract**

In article the attention is paid to the organization of cognitive activity of the senior preschool children, inclusion of local history material in educational activity of children and in a context to preparation for school training in the conditions of implementation of requirements of FGOS TO and continuity with initial the general education. Pedagogical conditions of acquaintance of the senior preschool children with the native land – formation of ideas of the small homeland and the valuable relation to the world around are defined.

Keywords: cognitive activity; senior preschool children; acquaintance with the native land; continuity of contents.

Ознакомление дошкольников с окружающей действительностью проходит через деятельностное освоение детьми содержания. В условиях организации познавательной деятельности старших дошкольников все больше уделяется внимание сочетанию программного и краеведческого материала с целью формирования представлений о культуре, природе, человеке. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (2013 г.) предусматривает организацию познавательной области – формирование у дошкольников представлений о себе, об объектах окружающего мира, о малой родине и Отечестве традициях и праздниках, о социокультурных ценностях, планете Земля как общем доме людей, особенностях её природы [10, с. 12]. Вопросы краеведческой направленности ознакомления дошкольников с особенностями региона раскрывают в педагогических исследованиях (Н. В. Алешина, Н. Г. Волобуева, Е. В. Коротаяева, С. Н. Николаева, М. Ю. Новицкая, А. Н. Фролова).

Е. В. Коротаяева выделяет одним из направлений процесса воспитания дошкольников ценностное отношение к окружающему миру. Автор обосновывает включение в регионально организованные программы краеведческий материал, примеры познавательных маршрутов, в ходе которых дети проявляют активность в разнообразных видах деятельности – познавательной, речевой, практической, художественно-изобразительной, что позволяет закрепить представления об окружающей действительности и ценностное отношение к малой родине [5, с. 93]. С. Н. Николаева раскрывает ознакомление старших дошкольников с родным краем в русле экологического воспитания. Автор приводит в программе «Юный эколог» систему экологического воспитания детей, где, знания становятся основой осознанного отношения к объектам природы [6, с. 17]. Ознакомлению с родным краем дошкольников и формирование нравственно - патриотических чувств у детей при познании природы, достопримечательностей Родины посвящены работы (С. А. Козловой, Р. И Жуковской, Н. Ф Виноградовой).

С. А. Козлова в программе «Я – человек» рассматривает взаимосвязь человека с живой и неживой природой, познание себя, нахождение своего места в социальном мире, овладение ценностями мира [1, с. 4]. Взаимопроникновение разных видов искусства и разнообразных видов деятельности в воспитании у дошкольников любви к родному краю обосновывает Т. С. Комарова [4, с. 4].

Содержание регионального компонента в дошкольном образовании должно включать представления о достопримечательностях, природных объектах края, опыт эмоционально - ценностного отношения к окружающему миру, практической деятельности, доступные пониманию детьми дошкольного возраста, что способствует воспитанию у детей уважительного отношения к окружающему миру, осознанию принадлежности к малой родине и России. Л. М. Захарова рассматривает региональные ценности в содержании дошкольного образования в качестве педагогического средства развития ценностного отношения ребенка к социокультурной действительности, которое проявляется в процессе и способах познания ребенком окружающего. Важным фактором формирования и развития ценностных ориентаций личности автор выделяет социокультурную среду [1, с. 49].

В подготовительной к школе группе у детей расширяются представления об окружающей действительности. Подготовка к школе означает не обучение, а создание предпосылок к учебной деятельности. От развития произвольности психических процессов зависит понимание дошкольниками поставленных задач, следование цели, что определяет возможность выполнения старшими дошкольниками разнообразных игровых познавательных заданий. В формировании представлений о природе родного края ведущую роль отводится наблюдению, экспериментированию, практической работе, в ходе которых организуется целенаправленное восприятие объектов

окружающего мира, запечатление их в выполненных заданиях на узнавание, различение, описание изученных животных, растений, и составление небольших рассказов о своих впечатлениях.

Включение детей в разнообразные виды деятельности: познавательную, игровую, речевую, практическую, художественно-изобразительную, способствует развитию любознательности как основа становления интереса к учению в 1 классе начальной школы. Одним из условий отбора краеведческого материала и использование его в познавательной деятельности старших дошкольников является преемственность с содержанием курса «Окружающий мир» в 1 классе начальной школы. В ходе ознакомления дошкольников с родным краем следует формировать предпосылки учебной деятельности, такие как, умение работать по правилу и образцу, слушать и выполнять инструкции воспитателя, применять усвоенные знания и способы деятельности для решения новых познавательных задач – предлагать и воплощать замысел в рисунках, поделках, рассказах в условиях преемственности с начальной школой. Л. А. Соколова в практике работы дошкольной образовательной организации уделяет внимание экологической тропе, что позволяет в естественном окружении знакомить дошкольников с объектами живой и неживой природы, строить занятия на интеграции образовательных областей [9, с. 5]. Наглядный материал, в который включены многообразие объектов окружающего мира, позволяет не только закрепить представления о мире природы, ценностях культуры, но и знания о цифрах и порядковом счете от 1 до 10. В условиях подготовки детей к школе в рамках преемственности с начальным общим образованием основная образовательная программа дошкольного образования недостаточно отражает содержание регионального краеведческого компонента. Вместе с тем имеются инвариантные программы, одна из них автора Н. А. Федосовой «Преемственность», создает предпосылки к школьному обучению, готовит к любой системе школьного обучения, переход от игровой к творческой, учебной деятельности. Содержание подготовки к обучению построено на интегративной основе всех видов деятельности, взаимосвязи ребенка с окружающим миром, учитывается присущий старшим дошкольникам наглядно - образный характер познания [11, с. 5]. Интеграция содержания на основе сезонных явлений в природе обоснована и раскрыта в рамках «Преемственности» в учебно-методическом комплекте «Зеленая тропинка» автора А. А. Плешакова, где продуктивная деятельность старших дошкольников связана с рисованием, раскрашиванием, вырезанием фигур, лепкой, моделированием. [7, с. 6]. Необходим индивидуальный подход к дошкольникам как условие ознакомления с родным краем, который предусматривает выполнение заданий на узнавание, различение объектов природы, предметного мира, запоминание, понимание усвоенных представлений, применение знаний на основе познавательных учебных действий на дополнение к рисункам, обоснование ответа, выбор правильной линии поведения [8, с. 50].

На основе расширения знаний об окружающем мире важным компонентом является воспитание у детей любви к родному краю, формирование представлений об исторических событиях и земляках, прославивших наш край, народных традициях как устойчивых и значимых элементах культуры. Всё это составляет тот феномен, который формирует у дошкольников интерес и привязанность к родному краю. Следует учитывать эмоциональное восприятие детьми нравственных норм, индивидуальное проявление в ситуации выбора правильных действий. Семиотический подход в ознакомлении с родным краем старших дошкольников является условием отражения действительности, передачи значимой информации об объектах окружающего мира [2, с. 56]. В содержание программного материала по ознакомлению старших дошкольников с родным краем в условиях ФГОС ДО и в контексте подготовки к школьному обучению, следует включать представления о взаимосвязях «человека и природы»; «человека и семьи»; «человека и общества в целом»; опыт эмоционально - ценностного отношения к окружающему миру.

Итак, педагогическими условиями по ознакомлению старших дошкольников с родным краем являются:

- возможности образовательной среды, ценностный подход в содержании краеведческого материала, активное включение детей в познавательную деятельность;
- преемственность содержания программного и краеведческого материала по ознакомлению с окружающим миром с 1 классом начальной школы.

Список литературы / References

1. Захарова Л. М., Котлякова Т. А. Региональные ценности в содержании дошкольного образования // Детский сад от А до Я. – 2014 – № 2(68). – С. 44 – 53.
2. Иванова Г. В. Семиотический подход в образовании в условиях модернизации // Наука и мир. – Волгоград: Изд-во «Научное обозрение», 2015. – № 8(24). Т.2. – С. 55 – 58.
3. Козлова С. А. Я – человек. Программа социального развития ребёнка. – М.: Школьная Пресса, 2005. – 48 с.
4. Комарова Т. С. Искусство как фактор воспитания любви к родному краю // Дошкольное воспитание. – 2006. – № 2. – С. 3 – 8.
5. Коротаева Е. В. Воспитание у дошкольника любви к малой Родине // Дошкольное воспитание. – 2015. – № 4. – С. 90 – 94.
6. Николаева С. Н. Экологическое воспитание в рамках Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования // Дошкольное воспитание. – 2014. – № 5. – С. 14 – 18.
7. Плешаков А. А. Зеленая тропинка: учебное пособие. – М.: Просвещение, 2016. – 80 с.
8. Смирнова О. М. Индивидуальный подход к дошкольникам при ознакомлении с окружающим миром // Социально-личностное развитие как комплексный процесс освоения культуры / под ред. Н. Ф. Губановой. – Коломна: МГОСГИ, 2011. – С. 49. – 51.
9. Соколова Л. А. Экологическая тропа детского сада. – СПб.: Изд-во «ДЕТСТВО – ПРЕСС», 2014. – 80 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. – М.: УЦ Перспектива, 2014. – 32 с.
11. Федосова Н. А. Преемственность. Программа по подготовке к школе детей 6 – 7 лет. – М.: Просвещение, 2016. – 144 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Zakharova L. M., Kotlyakov T. A. Regional'nye cennosti v sodержanii doshkol'nogo obrazovaniya [Regional values in the maintenance of preschool education]. // Detskij sad ot A do Ja [Kindergarten from And to I]. – 2014 – No. 2(68). – Page 44–53. [in Russian]
2. Ivanova G. V. Semioticheskiy podhod v obrazovanii v usloviyah modernizatsii [Semiotics approach in education in the conditions of modernization]. // Nauka i mir [Science and the world]. – Volgograd: Prod. - in "A scientific review, 2015. – No. 8(24). T.2. – Page 55 – 58. [in Russian]
3. Kozlova S. A. Ja – chelovek. Programma social'nogo razvitiya rebyonka [Ya – the person. Program of social development of the child]. – M.: School Press, 2005. – 48 pages. [in Russian]
4. Komarova T. S. Iskustvo kak faktor vospitaniya ljubvi k rodnomu kraju [Art as factor of education of love to the native land]. // Doshkol'noe vospitanie [Preschool education]. – 2006. – No.2. – Page 3 – 8. [in Russian]
5. Korotayeva E. V. Vospitanie u doshkol'nika ljubvi k maloj Rodine [Education at the preschool child of love to the small Homeland]. // Doshkol'noe vospitanie [Preschool education]. – 2015. – No.4. – Page 90 – 94. [in Russian]
6. Nikolaev S. N. Jekologicheskoe vospitanie v ramkah Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya.[Ecological education within the Federal state educational standard of preschool education]. // Doshkol'noe vospitanie [Preschool education]. – 2014. - No.5. – Page 14 – 18. [in Russian]
7. Pleshakov A. A. Zelenaja tropinka: uchebnoe posobie. [Green footpath: manual]. – M.: Education, 2016. – 80 pages. [in Russian]
8. Smirnova O. M. Individual'nyj podhod k doshkol'nikam pri oznakomlenii s okruzhajushhim mirom. [Individual approach to preschool children at acquaintance with the world around]. // Social'no-lichnostnoe razvitie kak kompleksnyj process osvoenija kul'tury /pod red. N. F. Gubanovoj [Social and personal development as complex process of development of culture / under the editorship of N. F. Gubanova]. – Kolomna: MGOSGI, 2011. – Page 49. – 51. [in Russian]
9. Sokolova L. A. Jekologicheskaja tropa detskogo sada [Ecological track of kindergarten]. – SPb.: CHILDHOOD-the PRESS publishing house, 2014. – 80 pages. [in Russian]
10. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart doshkol'nogo obrazovaniya [Federal state educational standard of preschool education]. – M.: UTs Prospect, 2014. – 32 pages. [in Russian]
11. Fedosova N. A. Preemstvennost'. Programma po podgotovke k shkole detej 6 – 7 let. Fedosova N. A. [Continuity. Program for preparation for school of children of 6 – 7 years]. – M.: Education, 2016. – 144 pages. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.030

Исмаилова Л.М.

Кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет

ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАЖДОГО**Аннотация**

В данной работе раскрывается социально негативная проблема наркомании. Рассмотрены основные причины, способствующие росту наркомании и токсикомании среди молодежи. Приведены в виде примера наиболее эффективные меры по профилактике наркомании и токсикомании в Чеченской Республике. Раскрыта роль планирования и проведения профилактических мероприятий в образовательных учреждениях, по формированию установок у обучающихся на здоровый образа жизни. Сделан анализ, воспитательной работы в Чеченском государственном университете, направленной на предупреждение наркомании и негативных явлений в студенческой среде.

Ключевые слова: проблема наркомании, молодежь, воспитание, образование, социальное негативное явление, здоровый образ жизни, обучающиеся, государство.

Ismailova L.M.

PhD in Philosophy, associate Professor of Department of theory and technology of social work,
Chechen state University

THE PROBLEM OF DRUG ADDICTION IS THE RESPONSIBILITY OF EACH**Abstract**

In this study revealed negative social problem of drug addiction. The main reasons for the increase in drug and substance abuse among young people. Are given by way of example the most effective measures for the prevention of drug abuse and addiction in the Chechen Republic. The role of the planning and implementation of preventive measures in educational institutions, the formation of attitudes of students on a healthy lifestyle. The analysis, educational work in the Chechen State University, aimed at preventing drug addiction and the negative phenomena in the student's environment.

Keywords: drug abuse, youth, education, social negative phenomenon, healthy lifestyle, learning, state.

Формирование культуры здоровья детей и молодёжи является, в настоящее время, наиболее актуальной проблемой всех уровней сферы образования начиная с учреждений дошкольного образования до высших учебных заведений. По мнению Всемирной организации здравоохранения (1948г.): "Здоровье - это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков".

Если неумеренное потребление крепких спиртных напитков является, к сожалению, уже давней нелицеприятной традицией России, то всплеск достаточно массового интереса к наркотическим и психотропным веществам (иногда обобщённо называемые психоактивными веществами) в нашей стране имеет недавнюю историю. Как бы то ни было,

но "Наркоджин" был выпущен на свободу. Парадоксально, но всех кто употребляет наркотики, и обладают чувством потребности к наркотикам влечет, чаще всего одинаковое желание – достичь состояния полного душевного благополучия. Но в объективной реальности получают они только иллюзию такого состояния, да и то кратковременную. Более того в дополнение ко всему они приобретают наркозависимость, освободиться от которой самостоятельно, уже как правило не возможно. С этого момента начинается отсчёт времени до финала, длительность которого зависит от вида наркотического вещества, частоты и дозы его применения. Это время, как известно из горькой практики не длится очень долго. Так жизнь хронического наркомана может ограничиваться в среднем 5-7 годами или несколько больше, если не случится скоростигшной смерти от передозировки наркотика или несчастного случая.

Социологические опросы, направленные на изучение проблем наркомании в вузах показали достаточно высокую информированность студентов о наркотиках и их пагубном действии на психическое и физическое здоровье человека. Основной причиной распространения употребления наркотических веществ, студенты назвали морально-нравственную деградацию в обществе, которой необходимо противостоять, создавая альтернативную внутривузовскую среду. При этом каждый десятый молодой человек сталкивался с тем, что ему предлагали попробовать и достаточно большое число студентов считают, что наркотические средства, к сожалению доступны, что также является показателем нравственности общества, позволяющего проникновению этого пагубного пристрастия к самым юным членам общества.

Сохранение и укрепление здоровья населения и обучающейся молодёжи, в частности, становится одной из важных государственных задач в современных социально-экономических условиях. Это связано с тем, что уровень здоровья и работоспособности населения любой страны характеризует трудовой потенциал ее человеческого ресурса. Человеческий ресурс является центральным звеном любой государственной экономической системы.

По официальной статистике Минздрава России, за период с 2009 по 2013 годы количество ежегодно принимаемых на учет наркоманов снизилось с 25,2 тыс. человек до 18,1 тыс. человек. Одновременно было зафиксировано и снижение общего числа состоящих на учете лиц, страдающих наркоманией: с 340,2 тыс. до 308,3 тыс. человек. Это происходило на фоне роста количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. По официальной статистике МВД России, число таких преступлений возросло с 222,6 тыс. в 2010 году до 254,7 тыс. в 2014 году. Истинное количество наркоманов тяжело подсчитать, этот факт признан ВОЗ. Причин тому множество. Главная из них – нежелание обращаться за помощью на начальных стадиях болезни.

Есть и другие факторы, которые также проливают определённый свет на проблему. Последнее десятилетие XX века ознаменовалось небывалым ростом наркоманий и алкоголизма, главным образом среди подрастающего поколения [1, 3]. Например, около 70% всех наркоманов (в России) это подростки и молодёжь. Средний возраст типичного погибшего наркомана составляет всего лишь 28 лет – ничтожно малый возраст, наркоманы, проживающие в России, очень молоды.

Неверно думать, что государство и правоохранительные органы безразличны к этой социальной проблеме. В 1998 году Президентом РФ был подписан Федеральный закон "О наркотических средствах и психотропных веществах" (№3-ФЗ), устанавливающий правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту как в целях охраны здоровья граждан, так и национальной безопасности. Большое значение имеют законы, принятые и действующие на республиканском уровне. Так, с учётом Федерального закона от 8.01.1998г. №3-ФЗ, был разработан и принят закон Чеченской Республики от 29 декабря 2012 года №44-РЗ «О деятельности по профилактике наркомании и токсикомании в Чеченской Республике» (в ред. Закона Чеченской Республики от 17.11.2014. N 44 - РЗ). Несмотря на то, что уровень наркомании в Чеченской Республике не так высок в масштабах РФ, глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров призывает бороться с наркоманией в целом. Он приравнивает наркоманию к терроризму по степени вредоносности для общества. Политик призывает ужесточить законы для борьбы с распространением употребления и оборота психотропных веществ, спасти молодёжь от пагубного явления. Эта проблема более злободневна для всей страны и принимает угрожающий характер. В связи с этим, а так же на основании вышеизложенных законов, во всех образовательных учреждениях республики разработаны и действуют программы по профилактике наркомании и токсикомании обучающихся. Так, в соответствии с комплексным планом работы на учебный год, в Чеченском государственном университете проводится цикл профилактических медицинских осмотров на предмет выявления лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических и психотропных веществ, относится к первичной профилактики наркомании. Первичная профилактика (то есть работа со студентами, не употреблявшими наркотики) сводится к формированию и укреплению их ценностного отношения к здоровью как к неперемennomу условию их личностной и профессиональной реализации и семейного благополучия. Важнейшими составными частями вторичной профилактики являются: создание системы раннего выявления потребителей психоактивных веществ, проведение комплексного исследования и оказание им квалифицированной медицинской, психологической и социально-педагогической помощи.

Так согласно законам федерального и регионального уровня, в Чеченском государственном университете, разработан и утвержден Комплексный план воспитательной работы со студентами, в котором отводится приоритетное место мероприятиям по формированию здорового образа жизни, профилактике преступности, наркотической и алкогольной зависимостей в студенческой среде. Практически с первого дня пребывания в университете студенты вовлекаются в активную творческую и спортивную жизнь вуза, проводится системная и скоординированная воспитательная работа, как с отдельными студентами, так и с органами студенческого самоуправления: «Советом студентов», факультетов, спортивного и студенческого клубов.

Одним из важных направлений внеучебной воспитательной работы ЧГУ является формирование здорового образа жизни и профилактика социально-негативных явлений. Разработаны специальные программы в этом направлении, проводятся различные конкурсы, наши студенты участвуют во всех мероприятиях городского и республиканского уровня, нацеленные на пропаганду здорового образа жизни. Согласно вышеуказанным документам, в ЧГУ принято

решение проводить профилактические медицинские осмотры, в том числе на предмет выявления лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических и психотропных веществ в соответствии с графиком, утверждаемым администрацией ЧГУ. В правилах внутреннего распорядка ЧГУ указано, что в помещениях университета запрещается употреблять, хранить и распространять наркотические и психотропные вещества.

Обучающиеся не только соблюдают правила внутреннего распорядка, но и следят, что бы никто их не нарушал. Это говорит о высоком уровне сознательности студентов, осознающих реальную опасность этого социального зла. Каждый год учебный процесс начинается с ознакомление студентов первого курса с Уставом, Правилами внутреннего распорядка, Приказами, касающихся правил поведения студентов в учебных зданиях.

В соответствии с планом проводится обсуждение вопросов противодействия преступности и наркотизации, выработка форм и методов борьбы с их проявлениями на совещаниях сотрудников УВР и заместителей директоров (деканов) институтов (факультетов), Совете кураторов академических групп.

Практикуется использование наглядной агитации и ознакомление посредством:

- раздачи информационного материала (брошюр, буклетов по антинаркотической тематике);
- публикации материалов в вузовский журналы «Вести», «Известие»;
- оформление стендов по соответствующей тематике;
- регулярного проведения конкурсов плакатов, фоторабот, видеороликов по профилактике наркомании и алкоголизма.

Тема борьбы с правонарушением и наркотизацией, как актуальная проблематика, обсуждается на многих встречах со студентами, таких как кураторские часы; старостаты (собрания старост академических групп); собрания председателей Советов студентов на факультетах. Каждый из нас оригинален и неповторим, каждый обладает свободой выбора. Только самореализация личности и осуществление достойной миссии человека, способны сделать людей самодостаточными и по-настоящему счастливыми[2, 49].

Осуществляется мониторинг здоровья студентов, привлечение внимания студентов к актуальным проблемам. Ошибочное заблуждение молодых людей по поводу того, что «наркотические средства часто принимают сильные и смелые люди», несут печальные последствия. Объективность жизни заключается в том, что сильные и смелые люди не нуждаются в наркотических средствах, чтобы решать свои проблемы. По-настоящему сильные люди не только не нуждаются в наркотиках, а те, кто помогает другим отказаться от них. Конечно, всегда можно найти оправдание, будто каждый человек волен выбирать свой образ жизни, свое будущее. Но это не может быть отнесено к цивилизованному обществу. Если бы жизнь этого человека проходила в полном одиночестве, изолированно от общества тогда наверно. Но в правовом государстве, в котором установлены и законодательно закреплены нормы права, другие социальные нормы, как например нормы морали, религиозные нормы, где за твое так называемое «удовольствие» могут пострадать близкие и окружающие тебя люди это не допустимо.

Потребление наркотиков не является личным делом так же, как и не является личным делом, воровство и другие правонарушения. В каждом государстве существует законодательная система, которая регулирует отношения в обществе, нарушение этих норм влечет ответственность. К этой категории преступности относится употребление наркотиков, и каждый должен помнить, что незнание закона не освобождает от ответственности. Современная эпидемия наркотизма в России, с одной стороны, является следствием общемирового процесса, имеющего глубокие, по-видимому, объективные исторические причины, а с другой- имеет целый ряд специфических, только российских особенностей.

Список литературы / References

1. Егоров А.Ю. Возрастная наркология. Учебное пособие для студентов. Издательство «Дидактика Плюс» Москва. 2002.
2. Исмаилова Л.М. Формирование основ профессиональной деятельности в высшей школе. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4-3 (46). С. 48-50.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Egorov A.Ju. Vozrastnaja narkologija. Uchebnoe posobie dlja studentov [Age narcology. The education guidance for students]. Iz datel'stvo «Didaktika Pljus» Moskva. 2002. [in Russian]
2. Ismailova L.M. Formirovanie osnov professional'noj dejatel'nosti v vysshej shkole [Formation of bases of professional activity at the higher school] // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal [International research journal]. 2016. № 4-3 (46). S. 48-50. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.161

Исмаилова Л.М.

Кандидат философских наук, Чеченский государственный университет

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**Аннотация**

Данная статья представляет собой исследование, в котором рассмотрены вопросы воспитания, а так же причины правонарушений в молодежной среде. Излагаются традиционные и инновационные методы аудиторного обучения, вопросы правового воспитания молодежи как средство профилактики правонарушений. Раскрыта роль государства, образовательных учреждений и других организаций в профилактике правонарушений в молодежной среде. Сделан сравнительный анализ, комплексного подхода правового воспитания несовершеннолетних, обучающихся и молодежи. В заключении предложены рекомендации для эффективной деятельности организаций по профилактике правонарушений в молодежной среде.

Ключевые слова: правовое воспитание, учебные заведения, образование, правонарушения, профилактика, молодежная среда, государство.

Ismailova L.M.

PhD in Philosophy, Chechen State University

LEGAL EDUCATION OF STUDENTS AS A MEANS OF CRIME PREVENTION IN THE YOUTH ENVIRONMENT**Abstract**

This article presents a study which examined the issues of education, and the causes of crime among young people. Presents traditional and innovative methods of classroom teaching, the issues of legal education of youth as a means of crime prevention. The role of the state, educational institutions and other organizations in crime prevention in the youth environment. A comparative analysis, an integrated approach of legal education of minors, students and youth. In conclusion, the proposed recommendations for the effective operation of organizations on crime prevention in the youth environment.

Keywords: legal education, educational institution, education, delinquency, prevention, youth, state.

Так сложилось исторически, что проблемные явления в молодежной среде носили приоритетный характер на любом этапе развития общества. Молодая категория населения является основой общества и рассматривается как одна из важнейших не только на уровне сферы образования, но и на государственном уровне тоже. Главной причиной нарушения норм поведения молодыми людьми, по мнению специалистов, является отсутствие у них знаний в области права, а так же представления о последствиях этих правонарушений. Многие считают, что большую роль в поведении молодого человека играет психологический и возрастной фактор. В этот период своего развития молодые люди легко попадают под влияние, как положительное так и к сожалению отрицательное. Правонарушения, в молодежной среде, вызывают тревогу, так как по сравнению с взрослой, преступность в молодежной среде, отличается высокой степенью активности и динамичности. Совершив правонарушение в юном возрасте, молодые люди трудно поддаются коррекции, становясь потенциальным резервом для взрослой преступности.

Проблема, связанная с регулированием системы правового воспитания несовершеннолетних, заключается в том, что, несмотря на последовательную работу в учебных заведениях, на практике фактически не падает преступность в молодежной среде. Хотя нельзя не учитывать тот факт, что в студенческой среде мы наблюдаем правонарушения исключительно в редких случаях и это является показателем эффективной деятельности, прежде всего, педагогов и воспитателей.

Для всестороннего изучения данной проблемы и обобщения опыта профилактики правонарушений требуется, на мой взгляд, решение следующих важных задач: Это исследование закономерностей и особенностей, определяющих проблему подростковой преступности; Выявление основных причин способствующих росту преступности в молодежной среде; Изучение особенностей назначения наказания несовершеннолетним; Обобщение и выделение наиболее эффективных мер по профилактике правонарушений в молодежной среде; Разработка обоснованных предложений по совершенствованию работы направленной на профилактику правонарушений.

Несомненно, в образовательных учреждениях, в силу своих возможностей и способностей, проводится воспитательная работа по профилактике правонарушений, разрабатываются программы, проводятся конкурсы проектов, работают комиссии, созданные из специалистов, педагогов, воспитателей, психологов.

Исследование и анализ данной проблемы подтверждает необходимость совершенствования форм и методов проведения гражданско-правового воспитания обучающихся в образовательных учреждениях.

В учебных заведениях немаловажно сформировать ту среду, которая позволит обучающимся гармонично развиваться как личностям творческим, здоровыми жизненными убеждениями, этическими принципами, социальной ответственностью и гражданской позицией.

Так к примеру с целью формирования установок на здоровый образ жизни, в Чеченском государственном университете начиная с первых дней обучения, проводится целый комплекс внеаудиторных мероприятий, направленных на привитие обучающимся традиций родного вуза и края.

Еще на первом курсе обучения в нашем вузе организуются тематические встречи и беседы студентов с представителями правоохранительных органов, религиозных объединений, а так же внеаудиторные мероприятия и занятия в форме ролевых игр с решением задач приближенных к проблемным жизненным ситуациям. Итогом такого общения становится повышение качества организации воспитательной работы. Данная форма легла в основу системы организации воспитательной работы Чеченского государственного университета. Все звенья учебного и

воспитательного процесса в ЧГУ направлены на удовлетворение интересов и способностей личности, а так же подготовки конкурентоспособных специалистов.[2, С-35].

Изучение проблем преступности в молодежной среде, всегда требовала учета политической и социально-экономической ситуации, что непосредственно влияет на криминогенные процессы. Особенно чувствительно реагируют на эти процессы, оказывая негативное воздействие, молодежная и подростковая среда.

Еще не может не вызывать тревогу то обстоятельство, что в общей структуре преступности, опережающими темпами растет рецидив.

Более того криминализация молодежной среды происходит и на фоне таких негативных явлений, как распространение наркомании и токсикомании, приобретающих эпидемический характер.

К числу факторов, непосредственно влияющих на вовлечение

несовершеннолетних в преступную среду, следует отнести растущую незанятость этой категории населения, безнадзорность, сиротство, распространение бродяжничества и попрошайничества.

Несомненно, государство располагает разнообразными средствами профилактики предупреждения преступности несовершеннолетних, экстремизма и шовинизма в молодежной среде. Это такие мероприятия как социальная профилактика, правовое сдерживание, криминологическая профилактика, правовое предупреждение. Существующие специальные профилактические проекты, скоординированная работа с молодежью, единая система воспитания, несомненно, являются способствующим фактором реализации государственной политики предупреждения экстремистских явлений [1. С- 136].

С одной стороны, цель такой политики защита прав и интересов несовершеннолетних, а с другой защита общества от преступных посягательств с их стороны. Но, к сожалению, до настоящего времени одной из наименее разработанных является проблема контроля государства и общества над преступным поведением подростков. Явление преступности несовершеннолетних занимает особое место среди проблем криминологической этиологии и правовой феноменологии, что определяет специфику государственной политики в области профилактики правонарушений.

Сегодня этой экспансии негативных проблем необходимо противопоставить задачи, которые ставит перед собой современное гражданское общество - здоровый образ жизни, отказ от наркотиков, семейные ценности, культура любви и человеческих взаимоотношений, правовая культура.

В связи с тем, что молодые люди больше подвержены влиянию в период перехода в категорию взрослых, создание благоприятных условий для ортодоксального и культурного их развития стало еще крайне важным.

Молодому поколению всегда необходимо чувствовать, что они нужны, их ценят, ими дорожат. Так, например занятия спортом, музыкой, танцами, литературой и театром помогают молодым людям постичь себя, определить свою способность взаимодействовать с окружающими. Социальные молодежные проекты, начатые и управляемые собственно молодыми людьми, помогают приобрести чувство самоуважения и независимости. Такие досуговые мероприятия и отдых способствуют борьбе с национальными и расовыми предрассудками, объединяя их в более широкую общность.

Таким образом, необходимо увести молодых людей от антагонистического настроя и условий, ведущих к правонарушениям, оказать им поддержку в выборе жизненных предпочтений.

В связи с этим конечно возрастает и внимание к воспитательной работе,

но на практике мы часто встречаемся с тем, что разбрасываем воспитательную работу на комплекс мероприятий, по которым работаем каждый в отдельности. Количество профилактических мероприятий, как нам известно, сдерживают и даже снижают дефиниции негативных явлений, но для предупреждения правонарушений в молодежной среде, этого не достаточно. Исторический опыт подводит нас к пониманию, что проблемы в становлении личности и социальная гармония могут быть достигнуты не только развитием науки и техники, но и продуманной системой воспитания. То есть к такой системе, в которой установилось бы поколение, способное к выполнению долга из творческого импульса. Жизненный опыт подтверждает, что предназначение человека - самый главный жизненный вопрос, который находится на стыке его уникальных способностей и талантов. А реализация предназначения есть естественная программа развития человека.

Сегодня как никогда необходимо, чтобы было единое совместное видение системы воспитания молодого поколения.

И чтобы добиться продуктивного, эффективного результата необходимо перейти от комплекса мероприятий к единой системе воспитания, к совместной и скоординированной работе всей сети услуг для молодых людей – системы образования, занятости, социальное обеспечение, занятости в часы досуга и культурные мероприятия и других систем, организаций, причастных к воспитанию молодого поколения.

Говоря о системе образования, хочется отметить, что положительно скажется и совершенствование воспитательной работы в учебных заведениях (создать комиссии по профилактике правонарушений, разработать проекты программ профилактики правонарушений, сделать ее эффективнее методами разнообразия организации досуга молодежи).

Необходимо объединить, скоординировать деятельность всех организаций структурных подразделений причастных к воспитанию молодого поколения.

На городском, региональном и федеральном уровне, разработать положения о проведении конкурса воспитательных работ, проектов, программ по профилактике правонарушений в молодежной среде с дальнейшими рекомендациями и внедрением лучших работ в воспитательный процесс учебных заведений.

На мой взгляд, сегодня как никогда возникает острая необходимость в разработке программ по перевоспитанию несовершеннолетних в местах заключения, через воспитательные трудовые работы. А так же появилась потребность в подготовке воспитателей, психологов и других специалистов в работе со специфическим контингентом молодых людей, вернее, с девиантным поведением. В соответствии с законодательством РФ одним из основных принципов наказания является перевоспитание правонарушителя.

Конечно же, хотелось бы отметить, что эффективность мер по профилактике правонарушений в молодежной среде в системе воспитания, и значимость этой системы в целом зависит от эффективного применения на практике каждого его составного элемента на всех уровнях патронажа.

Иначе говоря, консолидации образовательных учреждений, комитетов по делам детей и молодежи, различных религиозных конфессии, следственных органов по делам несовершеннолетних и других организаций задействованных в развитии молодого поколения.

Список литературы / References

1. Мы – сограждане (СМИ и общество) / Под ред. Л.И. Семиной. — М.: Бонфи, 2002. — Т. 2. — С. 270–278.
2. Исмаилова Л.М. Формирование нравственных ценностей у обучающихся посредством социально-гуманитарных дисциплин. //Сборник научных трудов/ Научный ред.д.п.н., проф. И.А.Рудакова. – М.: Издательство «Перо», 2015.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. My – sograzhdane (SMI i obshchestvo) [We are fellow citizens (media and society)] / Under the editorship of L. I. Syomina. — M.: Bonf, 2002. — T. 2. — Page 270-278.
2. Ismailova L. M. Formirovanie нравstvennyh cennostej u obuchajushhihsja posredstvom social'no-gumanitarnyh discipline [Forming of moral values at students by means of social and humanitarian disciplines] // Sbornik nauchnyh trudov [Collection of scientific works] / Scientific ed.by prof. I. A. Rudakov. – M.: Pero publishing house, 2015.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.007

Клецов К.Г.¹, Черватюк М. В.²

¹ORCID: 0000-0003-1412-5034, Кандидат педагогических наук, ²студент,

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИНТЕГРАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬЮ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье предложен подход к формированию сборных команд по танцевальному спорту различного уровня, на основе рейтингового контроля за соревновательной деятельностью танцевальных дуэтов. Обоснована эффективность применения рейтингового контроля за интегральной подготовленностью спортсменов в танцевальном спорте. В основу контроля положена методика, состоящая из градации соревнований по степени значимости и таблицы начисления баллов в зависимости от занятого места и количества участников на соревнованиях

Ключевые слова: соревновательная деятельность, рейтинг, интегральная подготовленность.

Kletsov K.G.¹, Chervatyuk M.V.²

¹ORCID: 0000-0003-1412-5034, PhD in Pedagogy, ²student,

Siberian state University of physical culture and sports

PEDAGOGICAL MONITORING OF INTEGRATED PREPARED IN DANCESPORT BASED ON ANALYSIS OF COMPETITIVE ACTIVITY

Abstract

This paper proposes an approach to the formation of teams in dance sport at various levels on the basis of the rating control of competitive activity dance duets. The efficiency of the application of the rating control for integrated preparedness of athletes in DanceSport. Based on the methods of control, consisting of competitions gradation in the degree of importance and the scoring of the table depending on the occupied space and the number of participants in competitions

Keywords: competitive activity, rating, integrated preparedness.

Основой управления тренировочным процессом является педагогический контроль. С его помощью получают информацию о ходе подготовки спортсменов [4-7].

В настоящее время в различных видах гимнастики широко разрабатываются критерии интегрального контроля за соревновательной подготовленностью [1,2,3].

В научно-методической литературе контроль интегральной подготовленности рассматривается в основном применительно к спортсменам высокого класса. Применение интегрального контроля в подготовке спортивного резерва изучено в научно-методической литературе менее детально. В свою очередь применение интегрального контроля может быть, по нашему мнению, эффективным и на более ранних этапах подготовки, особенно в процессе комплексного контроля за соревновательной подготовленностью.

Одной из наиболее важных задач в спорте является эффективное формирование состава сборных команд. В современной теории и практике принято, что в основу такого отбора должен быть заложен спортивный принцип.

По нашему мнению, применение рейтингового контроля за соревновательной деятельностью может являться достоверным показателем интегрального контроля и использоваться в качестве основы для формирования сборных команд различного уровня. Однако сведений о применении рейтингового контроля соревновательной деятельности в танцевальном спорте на различных этапах подготовки, на наш взгляд, недостаточно.

Проблема исследования в этой связи заключается в необходимости научного обоснования применения рейтингового контроля, как основного средства контроля интегральной подготовленности и основы для отбора состава сборных команд различного возраста и квалификации.

Объект исследования: процесс соревновательной подготовки в танцевальном спорте.

Предмет исследования: педагогический контроль за соревновательной подготовленностью в танцевальном спорте на различных этапах подготовки.

Цель исследования: совершенствование системы педагогического контроля за соревновательной готовностью и системы отбора в состав сборной команды в танцевальном спорте на основе применения рейтингового контроля за соревновательной деятельностью спортсменов различного возраста и квалификации.

Гипотеза исследования: предполагалось, что учет результативности выступлений в серии соревнований, основанный на изучении масштаба соревнований, количества участников и занятого места на соревнованиях, позволит разработать методику рейтингового контроля за интегральной соревновательной подготовленностью танцоров различного возраста и квалификации, обеспечивающую высокую точность прогноза успешности выступлений на соревнованиях, что может быть использовано в процессе формирования сборных команд.

Практическая значимость исследования заключается в разработке методики рейтингового контроля за интегральной подготовкой спортсменов на различных этапах подготовки, которая может быть использована для формирования сборных команд различного уровня.

Задачи исследования:

1. Разработать методику рейтингового контроля за соревновательной деятельностью танцоров различного возраста и квалификации.

2. Определить взаимосвязь между соревновательной оценкой и показателем рейтингового контроля в танцевальном спорте у спортсменов различного возраста и квалификации.

Методы исследования:

1. Анализ и обобщение научной и методической литературы.
2. Анализ документальных материалов (протоколы соревнований).
3. Методы математической статистики.

Нами была переработана методика рейтинговой оценки танцоров Федерации танцевального спорта Омской области. Для этого все соревнования были классифицированы по степени значимости на 4 группы:

Категория 1: Чемпионаты России, Первенства России, Кубки России, Открытые Чемпионаты стран членов WDSF, соревнования «Слава России» и «Виват, Россия».

Категория 2: Турниры WDSF (включая Юниорские), Рейтинговые соревнования СТСП, Гран При Дети 1 и Дети 2, Чемпионаты федеральных округов России, Первенства федеральных округов России.

Категория 3: Чемпионаты Омской области, Первенства Омской области, «Райзен стар», в рамках турнира «Слава России» возрастная категория «МОЛ+ВЗР», «Райзен стар», в рамках турнира «Виват, Россия» возрастная категория «МОЛ+ВЗР».

Категория 4: Чемпионаты города Омска, Первенства города Омска, «Райзен стар», в рамках турнира «Слава России» возрастные категории «Д1-Ю2», «Райзен стар», в рамках турнира «Виват, Россия» возрастные категории «Д1-Ю2», Внутренние рейтинговые турниры, определённые президиумом, Турниры по открытому классу в отдельных (раздельных) возрастных категориях сопутствующие турнирам категорий 1,2,3.

Для танцоров возрастных групп Дети-1 и Дети-2 официальный рейтинг пар рассчитывается по программе общего зачёта (Европейские и Латиноамериканские танцы), для всех остальных официальный рейтинг пар рассчитывается отдельно по программам Европейских танцев, Латиноамериканских танцев и Двоеборья.

Изменения в официальный рейтинг пар вносились после каждого рейтингового соревнования, в котором принимала участие какая-либо пара.

Пары, участвующие в соревнованиях категории 4, получали очки в соответствии с таблицей (Табл. 1). Для соревнований категории 3 соответствующие значения увеличивались на 20%, для категории 2 - на 40%, для категории 1 - на 60%.

Таблица 1 – Распределение очков за участие в рейтинговом турнире (образец)

Тур	занятое место/ количество баллов						
	1	2	3	4	5	6	7
Финал	1 – 6	1 – 30	1 – 50	1 – 80	1 – 110	1 – 145	1 – 180
	2 – 5	2 – 19	2 – 34	2 – 59	2 – 86	2 – 119	2 – 155
	3 – 4	3 – 11	3 – 26	3 – 47	3 – 70	3 – 99	3 – 135
	4 – 3	4 – 7	4 – 20	4 – 39	4 – 60	4 – 87	4 – 120
	5 – 2	5 – 5	5 – 16	5 – 33	5 – 54	5 – 79	5 – 110
	6 – 1	6 – 3	6 – 12	6 – 27	6 – 48	6 – 71	6 – 100
1/2 Ф		Все пары тура – 2	7-8 – 8	7 – 23	7 – 43	7 – 66	7 – 94
				8 – 21	8 – 40	8 – 61	8 – 88
			9-10 – 6	9 – 19	9 – 37	9 – 58	9 – 84
				10 – 17	10 – 34	10 – 55	10 – 80
			11-12 – 4	11 – 15	11 – 31	11 – 52	11 – 76
1/64 Ф				12 – 13	12 – 28	12 – 49	12 – 72
1/64 Ф							Все пары тура – 5*

*пара выбывшая с первого тура и обошедшая 50 пар получает 5+1 очко (6 очков); пара выбывшая с первого тура и обошедшая 100 пар получает 5+2 очка (7 очков).

Нами была разработана форма рейтинговой таблицы (Табл. 2).

Таблица 2 – Образец рейтинга спортивных пар

Пара	Спортивные соревнования (Результат/количество участников – баллы)			Рейтинг	
	Дана-Дэнс 20-21.04.2013	Магия танца 01-02.05.2013	ЧиП ОО 25-26.05.2013	баллы	ранги
1	3/8- 11	6/16- 12	2/9- 23	46	2
2	1/8- 30	3/16- 26	1/9- 36	92	1
3	-	12/16- 4	3/9- 13	17	3
4	6/8- 3	-	5/9- 6	9	6
5	5/8- 5	14/16- 3	6/9- 4	12	5
6	4/8- 7	-	8/9- 2	9	6
7	7/8- 2	16/16- 3	4/9- 8	13	4

Нами был проведен корреляционный анализ между показателями рейтингового контроля и соревновательной оценкой танцевальных пар (Табл. 3,4)

Таблица 3 – Взаимосвязь между соревновательной оценкой и показателями рейтингового контроля детей и юниоров в танцевальном спорте

Возрастная категория	Коэффициент корреляции		Критическое значение коэффициента корреляции
	Баллы	Ранги	
Дети-2	0,84	0,81	0,66
Ю-1 СТ	0,64	0,61	0,66
Ю-1 ЛА	0,78	0,76	0,63
Ю-2 СТ	0,73	0,84	0,66
Ю-2 ЛА	0,71	0,59	0,70

В результате анализа взаимосвязи между соревновательной оценкой и показателями рейтингового контроля у детей 10-11 лет обнаружена достоверная высокая взаимосвязь между изучаемыми показателями, что свидетельствует о возможности прогнозирования успешности выступления на соревнованиях у детей по показателям рейтингового контроля, как в баллах, так и в рангах.

У юниоров 12-13 лет обнаружено близкое к достоверной и достоверная взаимосвязь средней и высокой степени между изучаемыми показателями, что так же свидетельствует о возможности применения рейтингового контроля в процессе подготовки танцоров к соревнованиям, в качестве контрольных показателей могут быть применены рейтинговые баллы и ранги.

У юниоров 14-15 лет определена достоверная высокая взаимосвязь между изучаемыми показателями в Европейских и Латиноамериканских танцах по показателю рейтинга в баллах. Этот критерий может быть применен для педагогического контроля.

Таблица 4 – Взаимосвязь между соревновательной оценкой и показателями рейтингового контроля взрослых и молодежных пар в танцевальном спорте

Возрастная категория	Коэффициент корреляции		Критическое значение коэффициента корреляции.
	Баллы	Ранги	
МОЛ-ЛА	0,71	0,93	0,75
МОЛ-СТ	0,82	0,92	0,95
ВЗР-ЛА	0,58	0,46	0,70

В молодежной возрастной группе (16-18 лет) достоверна высокая взаимосвязь между изучаемыми показателями, выявилась только по показателям рейтингового контроля в рангах в Латиноамериканской программе. Однако, по нашему мнению, отсутствие достоверной взаимосвязи определяется в данном случае недостаточным количеством спортсменов и при увеличении количества испытуемых, может быть достигнут достоверный результат.

У взрослых танцоров не была выявлена достоверная взаимосвязь между изучаемыми показателями. Мы считаем, что это связано с недостаточным количеством исследуемых пар и при увеличении количества испытуемых, может быть достигнут достоверный результат. Однако, увеличение числа испытуемых во взрослой возрастной категории затруднено малым количеством взрослых спортивных пар в практике танцевального спорта на региональном уровне.

Таким образом, педагогический контроль за интегральной подготовленностью спортсменов в танцевальном спорте должен учитывать параметры эффективности соревновательной деятельности. В качестве основного критерия интегрального контроля может быть выбран рейтинг танцевальных пар в серии соревнований. Нами разработана методика рейтингового контроля за соревновательной деятельностью танцоров различного возраста и уровня квалификации состоящая из градации соревнований по степени значимости и таблицы начисления баллов в зависимости от занятого места и количества участников на соревнованиях. Выявленная высокая степень взаимосвязи изучаемых показателей подтверждает наше предположение о том, что применение рейтингового контроля может быть эффективным в процессе прогнозирования результативности выступления спортсменов на основных соревнованиях. При этом в равной мере может быть использован, как показатель рейтингового контроля, выраженный в сумме рейтинговых баллов, так и показатель рейтингового контроля, выраженный в рангах. Результаты исследования свидетельствуют о том, что нами выбран верный подход к процедуре осуществления рейтингового контроля, который в дальнейшем может применяться в предложенном нами виде без изменений. Данная методика может быть применена в процессе формирования сборных команд различного уровня.

Список литературы / References

1. Аркаев, Л.Я. Интегральная подготовка гимнастов (на примере сборной команды страны): автореф. дис...д-ра пед. наук / Л.Я. Аркаев. - СПб., 1994. - 43 с.
2. Аркаев, Л.Я. Методологические основы современной системы подготовки гимнастов высшего класса / Аркаев Л.Я., Сучилин Н.Г. // Теория и практика физической культуры. - 1997. № 11. - С.17-25.
3. Винер, И. А. Подготовка высококвалифицированных спортсменок в художественной гимнастике : автореф. дис... канд. пед. наук / И. А. Винер. СПб., 2003. - 20 с.
4. Еремина, Е.А. Критерии оценки соревновательных нагрузок и моделирование предсоревновательной подготовки акробатов высокой квалификации : автореф.дис. ... канд.пед.наук / Е.А.Еремина. – Краснодар, 2002. – 24 с.
5. Караваяев, А. Ф. Модельно-диагностические комплексы для оценки готовности гимнастов старших разрядов к соревнованиям в период непосредственной подготовки : автореф. дис. . канд. пед. наук / А. Ф. Караваяев. Омск, 1991. - 19 с.
6. Пилюк, Н. Н. Система соревновательной деятельности акробатов высокой квалификации : (структура, содержание, управление) / Н. Н. Пилюк ; КубанГАФК. Краснодар : б. и., 2000. - 185 с.
7. Пилюк, Н. Н. Моделирование системы соревновательной деятельности в спортивных видах гимнастики / Н. Н. Пилюк // Теория и практика физической культуры. - 2004. - № 7. - С. 38-39.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Arkaev, L.Ja. Integral'naja podgotovka gimnastov (na primere sbornoj komandy strany): avtoref. dis...d-ra ped. nauk [Integral training of gymnasts (on the example of national team of the country): thesis abstract of PhD in Pedagogy] / L.Ja. Arkaev. - SPb., 1994. - 43 s. [in Russian]
2. Arkaev, L.Ja. Metodologicheskie osnovy sovremennoj sistemy podgotovki gimnastov vysshego klassa [Methodological bases of the modern system of training of gymnasts of the highest class] / Arkaev L.Ja., Suchilin N.G. // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and practice of physical culture]. - 1997. № 11. - S.17-25. [in Russian]
3. Viner, I. A. Podgotovka vysokokvalificirovannyh sportmenok v hudozhestvennoj gimnastike : avtoref. dis... kand. ped. nauk [Training of highly skilled sportswomen in rhythmic gymnastics: thesis abstract of PhD in Pedagogy] / I. A. Viner. SPb., 2003. - 20 s. [in Russian]
4. Eremina, E.A. Kriterii ocenki sorevnovatel'nyh nagruzok i modelirovanie predsorevnovatel'noj podgotovki akrobatov vysokoj kvalifikacii : avtoref.dis. ... kand.ped.nauk [Criteria for evaluation of competitive loadings and model operation of precompetitive training of acrobats of high qualification: thesis abstract of PhD in Pedagogy] / E.A.Eremina. – Krasnodar, 2002. – 24 s. [in Russian]
5. Karavaev, A. F. Model'no-diagnosticheskie komplekсы dlja ocenki gotovnosti gimnastov starshih razrjadov k sorevnovanijam v period neposredstvennoj podgotovki : avtoref. dis. . kand. ped. nauk [Model and diagnostic complexes for assessment of readiness of gymnasts of top digits for competitions during immediate preparation: thesis abstract of PhD in Pedagogy] / A. F. Karavaev. Omsk, 1991. - 19 s. [in Russian]
6. Piljuk, N. N. Sistema sorevnovatel'noj dejatel'nosti akrobatov vysokoj kvalifikacii : (struktura, soderzhanie, upravlenie) [System of competitive activity of acrobats of high qualification: (structure, maintenance, management)] / N. N. Piljuk ; KubanGAFK. Krasnodar : b. i., 2000. - 185 s. [in Russian]
7. Piljuk, N. N. Modelirovanie sistemy sorevnovatel'noj dejatel'nosti v sportivnyh vidah gimnastiki [Model operation of system of competitive activity in sports views of gymnastics] / N. N. Piljuk // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and practice of physical culture]. - 2004. - № 7. - S. 38-39. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.038

Кожанов В. И.¹, Лежнина М. Н.², Суриков А. А.³¹Кандидат педагогических наук, доцент;² ORCID: 0000-0002-3251-0959, кандидат биологических наук, доцент;³ ORCID: 0000-0003-0610-2844, кандидат педагогических наук, доцент

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

**ИССЛЕДОВАНИЕ ХАРАКТЕРА ИЗМЕНЕНИЙ ПАРАМЕТРОВ АЭРОБНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ
У СТУДЕНТОК****Аннотация**

Цель работы – изучить зависимость параметров сердечно-сосудистой системы студенток от применения на занятиях беговой нагрузки аэробной направленности и блока упражнений на растягивание в комбинации с силовой нагрузкой.

Установлено, что динамика показателей сердечно-сосудистой системы у студенток I и II групп в процессе учебно-тренировочных занятий с использованием беговой нагрузки и упражнений на растягивание в сочетании с силовыми упражнениями соответствует физиологическим нормам, что отражает индивидуализацию двигательной нагрузки с учетом физической и функциональной подготовленности студенток основной медицинской группы.

Ключевые слова: студентки, аэробная выносливость, адаптационные реакции сердечно-сосудистой системы.

Kozhanov V.I.¹, Lezhnina M. N.², Surikov A. A.³¹PhD in Pedagogy, assistant professor² ORCID: 0000-0002-3251-0959, PhD in Biology, assistant professor;³ ORCID: 0000-0003-0610-2844, PhD in Biology, assistant professor;

Chuvash state pedagogical University named after I. Y. Yakovlev

**THE STUDY OF THE NATURE OF CHANGES IN THE PARAMETERS OF AEROBIC ENDURANCE
IN STUDENTS****Abstract**

The aim of this work was to study the dependence of the parameters of the cardiovascular system students use in the classroom running load of aerobic orientation and stretching exercises in combination with strength.

It is established that the dynamics of indicators of cardiovascular system of students of I and II group training sessions using a treadmill load and stretching exercises combined with strength training corresponds to physiological norms, reflecting the individualization of exercise based on physical and functional fitness of students of basic medical group.

Keywords: students, aerobic capacity, adaptive response of the cardiovascular system.

В настоящее время в современной теории и методике физического воспитания наиболее востребованной является тема физического воспитания студентов в вузе. Ученые предлагают новые формы и методы организации, построения и проведения занятий по физкультуре в совокупности с образовательными стандартами, социально-экономическими условиями, состоянием здоровья студенческой молодежи и ряда других факторов [2; 4].

В вузе получить тренировочный эффект можно посредством совершенствования основных учебных занятий, а также выполнением учащимися двигательных нагрузок самостоятельно. Аэробные упражнения оказывают положительное воздействие на состояние здоровья, физическую и физиологическую подготовленность человека [1; 3; 5].

Целью работы явилось изучение зависимости параметров сердечно-сосудистой системы студенток от применения беговой нагрузки аэробной направленности и блока упражнений на растягивание в комбинации с силовой нагрузкой.

Для этого в течение 2015 – 2016 учебного года на кафедре физвоспитания ЧГПУ им. И.Я. Яковлева проводили исследования характеристик адаптационных реакций сердечно-сосудистой системы. У девушек 1 курса (50 человек) изучали частоту сердечных сокращений (ЧСС), пульсовое давление (ПД), систолическое (АДсис.) и диастолическое артериальное давление (АДдиаст.), среднее артериальное давление (АДср.) до, после 10 минут выполнения беговой аэробной нагрузки и после двигательной нагрузки (30 минутный аэробной направленности бег и 30 минутные упражнения на растягивание в комбинации с силовыми упражнениями для рук, ног и брюшного пресса).

На основании показателей бега на дистанции 2 км и 30 минутного бега всех студенток поделили на 2 группы: I группа – девушки с высокими показателями, II – низкими спортивными результатами.

Измерение данных проводили в начале 1 и 2 семестров 2015–2016 учебного года соответственно (сентябрь и февраль).

В ходе опытов установлено, что в сентябре у студенток с высокими спортивными данными (первая группа) ЧСС равна $84,2 \pm 2,96$ уд/мин, после анаэробной нагрузки (10 и 30 мин) соответственно – $141,4 \pm 2,24$ и $145,2 \pm 3,10$ уд/мин, что на 40,5 и 42,0% выше исходных параметров.

Выявлено, что ЧСС после 30 минут упражнений на растягивание в комбинации с силовыми упражнениями равнялась $104,7 \pm 3,57$ уд/мин, что меньше на 27,9% значений при анаэробной нагрузке и больше начальных значений на 19,9%.

Отмечено, что если у девушек второй группы ЧСС в начале опыта составила $89,2 \pm 3,20$ уд/мин, то после 10 и 30 минут бега она была равна $148,5 \pm 3,19$ и $154,8 \pm 3,46$ уд/мин соответственно, что на 39,9 и 42,4% выше исходных значений.

ЧСС в период выполнения упражнений на растягивание снижалась на 46 уд/мин (29,3; $P < 0,01$) по отношению к беговой нагрузке и повышалась на 21,8 уд/мин (25,1%; $P < 0,01$) по сравнению с начальными данными.

Установлено, что у девушек второй группы исследуемые параметры были достоверно выше показателей студенток первой группы.

При анализе показателей ПД у девушек первой группы в начале опыта было равно $43,8 \pm 2,47$ мм.рт.ст., после 10 и 30 минутного бега – $62,2 \pm 3,69$ и $61,7 \pm 3,12$ мм.рт.ст., что на 29,9 и 29,0% выше исходных параметров ($P < 0,01$).

ПД у девушек при выполнении упражнений на растягивание в сочетании с силовыми нагрузками было равно $41,4 \pm 2,28$ мм.рт.ст., что было ниже исходных данных на 5,5%.

Если у девушек второй группы ПД до нагрузки было равно $48,2 \pm 2,21$ мм.рт.ст., то после 10 и 30 мин аэробной нагрузки составило соответственно $57,7 \pm 2,46$ и $57,5$ мм.рт.ст. Исследуемый показатель после выполнения упражнений на растягивание в сочетании с силовыми нагрузками бал равен $49,4 \pm 2,60$ мм.рт.ст., что на 2,4% выше исходных.

Такая же закономерность была отмечена в характере изменений ЧСС и ПД у девушек в начале второго семестра (2016 г.).

В ходе опытов установлено, что если у студенток первой группы в начале опыта среднее АДсист. было равно $128,1 \pm 3,41$ мм.рт.ст., то у сверстниц второй группы – $129,6 \pm 3,35$ мм.рт.ст. ($P > 0,05$).

АДсист. у девушек при выполнении беговой нагрузки аэробной направленности повысилось от $126,8 \pm 3,68$ до $146,7 \pm 3,21$ мм.рт.ст. При этом разница между показателями после 10 и 30 мин беговой нагрузки была не значительной ($P > 0,05$).

Отмечено, что у девушек АДсист. после блока на растягивание в комбинации с силовыми упражнениями снизилось до $124,6 \pm 3,87$ мм.рт.ст.

Выявлено, что во второй группе характер изменений АДсист. был таким же, как в первой группе. Так, АДсист. увеличилось от начальных значений ($129,6 \pm 3,43$ против $141,8 \pm 3,62$ мм.рт.ст. и $141,8 \pm 3,62$ против $142,7 \pm 3,74$ мм.рт.ст.) соответственно после 10 и 30 мин нагрузки. При этом АДсист. после 10 и 30 мин аэробной нагрузки было выше на 8,6 и 9,2% по сравнению с таковыми в начале эксперимента.

АДсист. при 30 минутном блоке упражнений на растягивание в комбинации с силовыми упражнениями у девушек было равно $124,6 \pm 3,48$ мм.рт.ст., которое незначительно отличается от параметров в начале экспериментов ($P > 0,05$).

Установлено, что в первой группе АДсист. было несколько выше при беговой нагрузке после 10 и 30 мин на 4,5% ($P < 0,05$) и 3,4 % ($P < 0,05$) чем у студенток второй группы.

В результате наблюдений обнаружено, что у девушек первой группы АДдиаст. на первоначальном этапе равно $84,2 \pm 2,12$ мм.рт.ст. При этом после 10 и 30 мин аэробной нагрузки АДдиаст. равнялось $85,9 \pm 2,15$ и $85,4 \pm 2,34$ мм.рт.ст., что на 2,0 и 1,4% выше исходных данных ($P > 0,05$).

Выявлено, что в начале второго семестра АДдиаст. при 30 мин выполнении упражнений на растягивание в комбинации с силовыми нагрузками было равно $85,0 \pm 2,24$ мм.рт.ст. ($P > 0,05$). У студенток второй группы в начале опыта АДдиаст. равнялось $83,2 \pm 2,30$ мм.рт.ст., после 10 мин бега – $84,1 \pm 2,69$ мм.рт.ст., после 30 мин бега – $85,3 \pm 3,04$ мм.рт.ст. и после 30 мин блока на растягивание в комбинации с силовыми нагрузками – $85,5 \pm 2,21$ мм.рт.ст.

При анализе характера изменений АДср. обнаружено, что если в начале опытов в первой группе оно равнялось $98,5 \pm 2,67$ мм.рт.ст., то после 10 и 30 мин аэробной нагрузки АДср. соответственно увеличилось до $106,1 \pm 3,52$ и уменьшилось до $105,2 \pm 3,78$ мм.рт.ст., причем существенной разницы между параметрами 10 и 30 мин не выявлено ($P > 0,05$).

АДср. при выполнении упражнений на растягивание равно $98,2 \pm 2,46$ мм.рт.ст., что практически одинаково с исходными данными. Такая же закономерность была зафиксирована и у студенток второй группы. Так, в начале наблюдений АДср. составило $98,6 \pm 2,60$ мм.рт.ст. При этом после 10 и 30 мин аэробной нагрузки АДср. было равно $108,0 \pm 2,90$ и $104,2 \pm 2,63$ мм.рт.ст. соответственно.

Отмечено, что при упражнении на растягивание АДср. равнялось $98,4 \pm 2,96$ мм.рт.ст., т.е. фактически было идентичным с исходным значением. Также не было зафиксировано достоверных различий в исследуемом параметре у девушек первой и второй групп. Следует подчеркнуть, что у студенток обеих групп данный показатель имел несущественный диапазон изменений, чем другие параметры ССС.

Итак, у студентов обеих групп реакция сердечно-сосудистой системы на тренировочную нагрузку соответствует физиологическим нормам, а интенсивность беговой нагрузки – индивидуальной физической и функциональной подготовленности. При этом среднестанционное ЧСС во время беговой нагрузки у девушек составлял 140–155 уд/мин, соответствующее преимущественно аэробному энергообеспечению организма занимающихся.

Список литературы / References

1. Афанасьев В. В., Михайлов П. В., Муравьев А. А. и др. Сравнительный анализ показателей физического развития и подготовленности у лиц с разным уровнем аэробной работоспособности // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 1. С. 19–24.
2. Бянкин В. А., Бянкина Л. В. Повышение аэробных возможностей на основе развития силовой выносливости // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 2 (132). С. 54–57.
3. Максимушкина Н. И., Егорова С. В. Оздоровление студентов специальной медицинской группы посредством аэробных упражнений в сочетании с выполнением основных составляющих ЗОЖ // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2008. № 5. С. 146–149.
4. Николаев В. Т. Срочная адаптация организма студенток во время беговой нагрузки аэробной направленности // Матер. Всероссийской научно-практич. конф. «Культура здоровья студенческой молодежи». Йошкар-Ола. Марийский государственный технический университет. 2010. С.31–34.
5. Симоненков В. С. Бег как средство повышения общей выносливости студентов вузов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 2 (177). С. 151–155.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Afanas'ev V. V., Mihajlov P. V., Murav'ev A. A. i dr. Sravnitel'nyj analiz pokazatelej fizicheskogo razvitiya i podgotovlennosti u lic s raznym urovnem aerobnoj rabotosposobnosti [Comparative analysis of indexes of physical development and preparedness of persons with different level of aerobic capacity] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl pedagogical Bulletin]. 2009. № 1. S. 19–24. [in Russian]

2. Bjankin V. A., Bjankina L. V. Povyshenie ajerobnyh vozmozhnostej na osnove razvitija silovoj vynoslivosti [Improving aerobic capacity through the development of strength endurance] // Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta [Scientific notes University. P. F. Lesgaft]. 2016. № 2 (132). S. 54–57. [in Russian]
3. Maksimushkina N. I., Egorova S. V. Ozdorovlenie studentov special'noj medicinskoj gruppy posredstvom ajerobnyh uprazhnenij v sochetanii s vypolneniem osnovnyh sostavljajushihh ZOZh [Health improvement of students of special medical groups by means of aerobic exercise in combination with the implementation of the main components of a healthy lifestyle] // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija E: Pedagogicheskie nauki [Polotsk state University Bulletin. Series: Pedagogical science]. 2008. № 5. S. 146–149. [in Russian]
4. Nikolaev V. T. Srochnaja adaptacija organizma studentok vo vremja begovoj nagruzki ajerobnoj napravlenosti [Short-term adaptation of an organism of students during a running load of aerobic orientation] // Mater. Vserossijskoj nauchno-praktich. konf. «Kul'tura zdorov'ja studencheskoj molodezhi». Joshkar-Ola. Marijskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet. 2010. S.31–34. [in Russian]
5. Simonenkov V. S. Beg kak sredstvo povyshenija obshhej vynoslivosti studentov vuzov [Running as a means of improving the General endurance of the students] // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Orenburg state University Bulletin]. 2015. № 2 (177). S. 151–155. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.018

Кравцова Е.Е.¹, Щелина Т.Т.², Щелина С.О.³¹Доктор психологических наук, профессор,

Российский государственный гуманитарный университет

²ORCID: 0000-0002-8637-0111, Доктор педагогических наук, профессор,³ORCID: 0000-0002-2782-7520, ассистент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-06-00798

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация

В статье представлен теоретический анализ подходов к пониманию сущности совладания, аргументирована целесообразность рассмотрения копинга в русле культурно-исторической психологии. Обоснована связь совладающего поведения с активностью и непосредственно с волевой сферой личности. На этой основе показаны возможности профилактики и коррекции развития копинг-стратегий в юношеском возрасте, в период обучения в вузе и освоения профессии.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, копинг, юношеский возраст.

Kravtsova E. E., Shchelina T. T., Shchelina S.O.

¹PhD in Psychology, Professor,

Russian state University for the Humanities

²ORCID: 0000-0002-8637-0111, PhD in Pedagogy, Professor,³ORCID: 0000-0002-2782-7520, Postgraduate student,

National research Nizhny Novgorod state University. N. Lobachevsky

This work was supported by RGNF grant No. 14-06-00798

THE DEVELOPMENT OF COPING STRATEGIES IN ADOLESCENCE: CULTURAL-HISTORICAL APPROACH

Abstract

The article presents a theoretical analysis of approaches to understanding the nature of coping, it justifies expediency of consideration of coping in the mainstream of cultural-historical psychology. Substantiates the relationship of coping styles with an activity directly with the volitional sphere of personality. On this basis the possibilities of prevention and correction of development of coping strategies in adolescence, in the period of study at the University and development of the profession.

Keywords: cultural-historical psychology, coping, adolescence.

В стремительно меняющемся мире весьма важно уметь адекватно реагировать на возникающие трудности, мобилизоваться и выбрать эффективный способ преодоления сложной ситуации. В этой связи психологические аспекты адаптационных процессов личности, сущность которых, как правило, современные отечественные и зарубежные исследователи связывают с преодолением стрессовых воздействий и определяют термином «стратегии преодоления», вкладывая аналогичный смысл в понятия «копинг-стратегии», «стратегии преодоления стресса», «стратегии совладания».

Рассматривая проблему развития совладания в юношеском возрасте, мы обращаемся к понятию «копинг-стратегии» в русле исследования копинг-поведения, представляющего собой особую его форму, характеризующую, насколько индивид готов справляться с жизненными трудностями. При этом справиться с трудностями не значит лишь приспособиться к ним, напротив, это означает, что человек владеет умением использовать определенные средства для преодоления стресса и эмоциональной саморегуляции. Умение осознавать, выбирать и использовать для преодоления стресса нужные средства обусловлено различными факторами, один из которых непосредственно связан с активностью личности. Выбор именно активных действий увеличивает вероятность нейтрализации и/или устранения

воздействий стрессогенных факторов и определяется, по мнению И.Г. Малкиной-Пых, «Я-концепцией», локусом контроля, эмпатией, условиями [7].

Особое внимание изучаемому феномену уделено современными исследователями в русле теории психологии субъекта (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская), в которой совладающее поведение характеризуется с позиций адаптивности и зрелости, причем не только в позитивном (конструктивность), но и негативном (деструктивность) варианте. Большинство зарубежных и отечественных исследователей соотносят совладающее поведение с развитым сознанием и самосознанием личности, зрелостью ее картины мира, способностью к интеграции в общество и успешному функционированию и саморазвитию в нем.

Представители отечественной психологии совладания концентрируют свое внимание на человеке «совладающем», который самостоятельно справляется с жизненными трудностями, живет в гармонии с собой и миром, творит самого себя и свою судьбу. В этом плане прослеживается четкая связь совладания (а также способности, готовности к такому поведению) с системой жизненных ценностей и смыслов, способностью к свободному выбору, нравственными, интеллектуально-творческими и психоэмоциональными ресурсами личности. Как утверждают специалисты в области практической психологии совладания, трудные жизненные ситуации, экстремальные и чрезвычайные ситуации являются наиболее показательными в отношении конструктивности – деструктивности выбираемых стратегий совладания, вплоть до самодеструктивных или самопоражающих [12]. Это делает понятие «копинг» чрезвычайно важным для понимания проблем адаптивности/дезадаптивности поведения человека вообще и в стрессе в частности, поскольку эффективность выбранной стратегии совладания характеризует способность человека справляться с трудностями и стрессом, а также с собой в трудной ситуации.

Обращаясь к теме изучения ресурсов личности в связи с ее реакцией на стресс, зарубежные исследователи (S. Kobasa и S.R. Maddi, 1979, 1980) использовали термины, характеризующие ресурс резистентности к стрессу [19]. Ряд исследователей (Сирота Н.А., Coyne J.C., Lazarus R.S.) придают особое значение эффективному развитию личностно-средовых копинг-ресурсов, т.к. это показывает, насколько успешно в своей жизни человек адаптируется к стрессам и преодолевает их [11, 18]. Отечественные психологи важнейшие характеристики и ресурс личности соотносят с понятием активности (по В.Д. Небылицыну, 1976) как побудительной силой, определяющей мотивационный статус человека [8].

Современные исследователи, изучая адаптационные возможности личности, употребляют понятие «личностный адаптационный потенциал» (Богомолов А.М., Маклаков А.Г., Портнова А.Г.) [цит. по Хохлова К.А., 2007]. Анализируя различные подходы, К.А. Хохлова отмечает, что некоторые авторы отождествляют «адаптационный потенциал» с понятием «адаптивность», рассматривая его в связи с возможностью личности адаптироваться психически и физически с учетом особенностей организма в различных, в том числе и непредсказуемых, заранее не прогнозируемых ситуациях [16, с.43]. В исследованиях А.М. Богомолова [14] адаптационный потенциал представлен как возможности личности продуктивно пройти адаптационный процесс, ее способность изменяться, совершенствовать собственную организованность и устойчивость, что отражает динамичность адаптационных ресурсов.

Делая акцент на личности, большинство отечественных психологов связывают совладание со стрессом с внутренним миром человека, системой его ценностей [4]. Такой подход закономерен, поскольку динамические образования, характеризующие личность с точки зрения ее направленности, мотивов и ценностей, формируются в обществе, отражают специфику микросоциума и могут рассматриваться как личностный потенциал в процессе адаптации, адаптационный ресурс личности. На эту особенность указывали в своих работах Л.И. Анцыферова, в частности, при характеристике личности в трудных жизненных условиях в контексте переосмысливания, преобразования ситуаций и психологической защиты (1994) [1]; Д.А. Леонтьев (1997), рассматривающий устойчивость личности как результат соотношения смыслообразующих мотивов с особенностями поведения и способами деятельности [6]. Подтверждением данного тезиса впоследствии стали результаты и выводы Е.Е. Торчинской (2001) об обусловленности именно различиями ценностно-смысловой структуры личности выбора соответствующей копинг-стратегии и способов адаптации в ситуации хронического стресса [13].

Исследования отечественных ученых (Н.С. Видерман, Н.А. Сирота, Е.Т. Соколова, М. Ялтонский) показали важность Я-концепции, восприятия социальной поддержки и других психологических конструктов как личностных ресурсов в адаптационном процессе и ситуациях преодоления стресса. Результаты констатируют наличие у подростков взаимосвязи определенных черт Я-концепции с соответствующими копинг-стратегиями. При этом особое внимание обращается на соотношение активных копинг-стратегий и позитивной Я-концепции (фактора резистентности к стрессу) и на связь пассивных копинг-стратегий с негативной Я-концепцией (фактор повышенной уязвимости к стрессу и показатель дезадаптивного поведения) [9, 10, 15]. Развивая эти тезисы, Е.Р. Исаева, например, обращается к выделенным исследователями (М. Ялтонский с соавторами [16]) характерологическим особенностям личности, от которых зависит способность справляться с трудностями. К ним относятся уровень интеллекта, позитивная Я-концепция, ответственность, социальная компетентность, эмпатия, аффилиация [5]. Нам же принципиально важно учесть, что, как показывают исследования, обладание человеком, кроме личностных ресурсов, ресурсами социальной среды, влияющими на его поведение. В этом отношении установлена взаимосвязь между недостаточным развитием средовых копинг-ресурсов и пассивным копинг-поведением, социальной изоляцией, снижением качества жизни, что может завершиться дезинтеграцией личности.

Особое место в изучении становления и функционирования адаптивного копинг-поведения, особенно в юношеском возрасте, в период освоения профессии и интеграции во взрослую жизнь, занимает изучение социально-поддерживающего процесса, который благодаря действию социальных сетей, субъективному восприятию социальной поддержки и реализации соответствующей копинг-стратегии ее поиска может отчасти нейтрализовать воздействие стресса [16].

Различные концепции сущность социальной поддержки, специфику ее влияния на способность справляться со стрессом описывают по-разному. Так, в концепции R. Lazarus социальная поддержка подразумевает эмоциональное, материальное или «ощутимое» и информационное содействие. В разработанной А. Antonovsky (1979) салютогенной («salutogenicconcept») модели здоровья копинг и социальная поддержка представляют собой центральные конструкторы и определяют резистентность к стрессу [17]. В. Sarason и I. Sarason (1985) в своих исследованиях пришли к выводу об эффективности комбинации воспринятой поддержки и копинга, оказывающей «буферный эффект» [3].

Обобщая представленные выводы и положения, отметим, что современное понимание проанализированных характеристик копинг-поведения фактически отражает психологические факторы стрессорезистентности, и их преобладание в структуре копинг-поведения обуславливает успешность адаптационных процессов и эффективность деятельности, результат благополучной интеграции индивида в общество. Особое значение для нашего исследования в этом отношении имеют результаты Бохан Т.Г., которая рассматривает стресс и стрессоустойчивость с точки зрения культурно-исторического подхода, отмечая амбивалентность стресса. С одной стороны, это самодиагностика системы, ее готовности к поиску и выходу из ситуации, с другой, – анализ возможной деструкции системы в связи с блокированием саморазвития и самореализации [2].

Целесообразность рассмотрения механизмов и условия развития совладающего поведения в русле культурно-исторической концепции Л.С. Выготского обусловлена следующими аргументами. Одна из основных отличительных характеристик этого подхода состоит в тесной связи показателей и критериев развития индивида с его способностью управлять собой. Не будет преувеличением утверждать, что вся периодизация психического развития в неклассической психологии Л.С. Выготского может быть рассмотрена в контексте развития волевой сферы. Так, например, в раннем детстве ребенок учится управлять своим восприятием (Н.В. Разина, Г.А. Мишина и др.). В дошкольном возрасте он приобретает способность конструировать собственные ситуации, отличные от реальных (Е.Е. Кравцова, А.А. Максимов, М.Г. Копытина и др.). В младшем школьном возрасте происходит становление и развитие способности к произвольному структурированию действительности – выделению фигуры и фона (Е.Л. Горлова, Г.Г. Кравцов и др.).

На границе старшего подросткового и раннего юношеского возрастов закладываются основы для формирования воли как ведущего новообразования юности (Г.Г. Кравцов, И.В. Сысоева). Постепенное превращение из объекта воли других людей в субъект собственной воли знаменуется развитием волевой саморегуляции поведения, которая, являясь продуктом жизнедеятельности и целенаправленного воспитания, на определенной ступени психического развития личности становится одним из показателей ее зрелости и одной из важнейших причин успехов в деятельности.

Способность управления собой или совладания собой большинство исследователей трактуют как стабилизирующий фактор, помогающий личности поддерживать психосоциальную адаптацию в период воздействия стресса. Таким образом, с одной стороны, это адаптивная форма поведения, которая обеспечивает психологическое равновесие в проблемной ситуации (R.S. Lazarus, S. Folkman). Одновременно, с другой стороны, под копинг-стратегиями понимают способы психологической деятельности и поведения, вырабатываемые сознательно и направленные на преодоление стрессовой ситуации (M. Perrezz, M. Reicherts и др.), что свидетельствует о задействованности волевой сферы личности.

Предпринятый нами анализ копинг-стратегий в русле культурно-исторической психологии и непосредственно в связи со способностью индивида управлять собой позволяет сделать ряд важных заключений. Так, во-первых, прослеживается тесная связь копинг-стратегий с волевой сферой личности. Действительно, для того, чтобы перестроить свое поведение, ослабить внутриличностное напряжение и т.п., необходима воля, понимаемая Л.С. Выготским как преодоление на базе переосмысления. Во-вторых, присутствие переосмысления в преодолении стрессовой ситуации становится одним из критериев адаптивности совладания с ней. В-третьих, рассмотрение копинг-стратегий в русле становления и развития воли свидетельствует о том, что развитие совладающего поведения является характеристикой развития личности. Наконец, в-четвертых, анализ копинг-стратегий в контексте волевой сферы означает, что психологические механизмы совладающего поведения следует искать в смысловой сфере личности. Эта позиция созвучна взглядам Э. Фрома и В. Франкла, которые указывали, что при невозможности изменения ситуации (в данном случае стрессовой) необходимо изменить отношение к ней (ее смысл).

По мысли Л.С. Выготского, становление и развитие смысловой сферы тесно связано с развитием воображения, которое позволяет внести смысл в ту или иную ситуацию (действие, предмет и т.п.) или изменить ее смысл для субъекта. Эта идея Л.С. Выготского получила многократное экспериментальное подтверждение в исследованиях, посвященных игровой деятельности, где показано, что игре принадлежит особая роль в становлении и развитии произвольности, то есть в управлении собственным поведением (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Е.Е. Кравцова, В.Т. Кудрявцев и др.).

Старший подростковый и юношеский возрасты являются одними из наиболее проблемных периодов в современной психологии развития. Как отмечается разными авторами, многие современные студенты, психологический возраст которых, в основном, попадает на эти периоды развития, имеют проблемы в развитии, связанные с низким уровнем сформированности игровой и учебной деятельности, отсутствием психологической и личностной готовности к высшему образованию и т.п. Это ведет к появлению целого ряда серьезных проблем – соматических заболеваний, потере мотивации учения, депрессиям и др., что непосредственным образом студентов сказывается на успешности обучения студентов в вузе, становлении и развитии профессионального сознания. Выявление психологических механизмов и условий развития у студентов совладающего поведения поможет, с одной стороны, повысить качество высшего образования, а, с другой, – избежать искажений психического и личностного развития молодых людей.

Список литературы / References

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. №1. 1994. С.3-19.

2. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход как методологическая основа разработки проблемы стресса с учетом принципов постнеклассической науки. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С.165-168.
3. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 1023 с.
4. Дейнека О.С. Проявления адаптационного ресурса при социальной и психосоматической дезадаптации / О.С. Дейнека, Е.Р. Исаева // Психологические проблемы самореализации личности. – Вып.12. / Под ред. Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С.146-175.
5. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Издательство СПбГМУ, 2009. 136 с.
6. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С.156-176.
7. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 992 с.
8. Небылицын, В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976. 336 с.
9. Ротенберг, В.С., Аршавский, В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984. 193 с.
10. Русина, Н.А. Психологические защиты и механизмы совладания: отличия, проявления в психотерапевтической практике, эффективность // Ярославский психологический вестник. Вып. 1. 1999. С.157- 173.
11. Сирота, Н.А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: дисс. ... д-ра мед. наук. СПб., 1994. 283 с.
12. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 474 с.
13. Торчинская, Е.Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу (на примере спинальных больных) // Психологический журнал. 2001. Т.22, №2. С.27-35.
14. Хохлова К.А. Характеристики саногенного потенциала личности наркозависимых: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 234 с.
15. Шибалева М.М. Самоопределение личности в культуре как мировоззренческая проблема// Культура и мировоззрение. Вып.11. М.,1981.
16. Ялтонский В.М. Взаимосвязь копинг-поведения и Я-концепции у больных, зависимых от алкоголя, и условно здоровых мужчин / В.М. Ялтонский, Н.А. Сирота, Е.Т. Соколова, Н.С. Видерман // Соц. и клинич. психиатрия. 2001. Т.11, вып. 2. С.36-43.
17. Antonovsky A. Health, stress and coping / A. Antonovsky. San-Francisco: Jossey-Bass Publ., 1979. 255 p.
18. Coyne J.C., Lazarus R.S. Cognitive style, stress perception and coping / J.C. Coyne, R.S. Lazarus // Handbook of stress and anxiety / Eds. J.L. Kutash, L.B. Schlesinger.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Ancyferova L.I. Lichnost' v trudnyh zhiznennyh usloviyah: pereosmyslivanie, preobrazovanie situacij i psihologicheskaja zashhita [The personality in difficult vital conditions: recomprehension, transformation of situations and psychological protection] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological magazine]. №1. 1994. S.3-19. [in Russian]
2. Bohan T.G. Kul'turno-istoricheskij podhod kak metodologicheskaja osnova razrabotki problemy stressa s uchetoм principov postneklassicheskoy nauki [Cultural and historical approach as a methodological basis of development of a problem of a stress taking into account the principles of post-nonclassical science] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk state university]. 2008. № 314. S.165-168. [in Russian]
3. Gurvich I.N. Social'naja psihologija zdorov'ja [Social psychology of health]. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. 1023 s. [in Russian]
4. Dejneka O.S. Projavlenija adaptacionnogo resursa pri social'noj i psihosomaticheskoy dezadaptacii [Manifestations of an adaptation resource in case of social and psychosomatic disadaptation] / O.S. Dejneka, E.R. Isaeva // Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti [Psychological problems of self-realization of the personality]. – Vyp.12. / Pod red. L.A. Korostylevoj. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008. S.146-175. [in Russian]
5. Isaeva E.R. Koping-povedenie i psihologicheskaja zashhita lichnosti v usloviyah zdorov'ja i bolezni [Coping behavior and psychological protection of the personality in the conditions of health and a disease]. SPb.: Izdatel'stvo SPbGMU, 2009. 136 s. [in Russian]
6. Leont'ev D.A. Samorealizacija i sushhnostnye sily cheloveka [Self-realization and intrinsic forces of the person] // Psihologija s chelovecheskim licom: gumanisticheskaja perspektiva v postsovetsoj psihologii [Psychology with a human face: humanistic prospect in Post-Soviet psychology] / Pod red. D.A. Leont'eva, V.G. Shhur. M.: Smyl, 1997. C.156-176. [in Russian]
7. Malkina-Pyh I.G. Psihosomatika: Spravochnik prakticheskogo psihologa [Psychosomatics: Reference book of the practical psychologist]. M.: Izd-vo Jeksmo, 2004. 992 s. [in Russian]
8. Nebylicyn, V.D. Psihofiziologicheskie issledovanija individual'nyh razlichij [Psychophysiological researches of individual distinctions]. M.: Nauka, 1976. 336 s.
9. Rotenberg, B.C., Arshavskij, V.V. Poiskovaja aktivnost' i adaptacija [Search activity and adaptation]. M.: Nauka, 1984. 193 s. [in Russian]
10. Rusina, N.A. Psihologicheskie zashhity i mehanizmy sovladaniya: otlichija, projavlenija v psihoterapevticheskoy praktike, jeffektivnost' [Psychological protection and mechanisms of a sovladaniye: differences, manifestations in psychotherapeutic practice, efficiency] // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik [Yaroslavl psychological bulletin]. Vyp. 1. 1999. S.157- 173. [in Russian]
11. Sirota, N.A. Koping-povedenie v podrostkovom vozraste [Coping behavior at teenage age]: diss. ... d-ra med. nauk. SPb., 1994. 283 s. [in Russian]

12. Sovladajushhee povedenie: Sovremennoe sostojanie i perspektivy [Coping behavior: Current state and prospects]/ Pod red. A. L. Zhuravleva, T. L. Krjukovoj, E. A. Sergienko. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2008. 474 s. [in Russian]
13. Torchinskaja, E.E. Rol' cennostno-smyslovyyh obrazovaniy lichnosti v adaptacii k hronicheskomu stressu (na primere spinal'nyh bol'nyh) [The role of valuable and semantic educations of the personality in adaptation to a chronic stress (on the example of spinal patients)] // Psihologicheskij zhurnal [Psychological magazine]. 2001. T.22, №2. S.27-35. [in Russian]
14. Hohlova K.A. Harakteristiki sanogennogo potenciala lichnosti narkozavisimyyh [Characteristics of sanogeny potential of the identity of drug addicts]: diss. ...kand. psihol. nauk. SPb., 2007. 234 s. [in Russian]
15. Shibaeva M.M. Samoopredelenie lichnosti v kul'ture kak mirovozzrencheskaja problema [Self-determination of the personality in culture as a world outlook problem] // Kul'tura i mirovozzrenie [Culture and outlook]. Vyp.11. M.,1981. [in Russian]
16. Jaltonskij V.M. Vzaimosvjaz' koping-povedenija i Ja-koncepcii u bol'nyh, zavisimyyh ot alkogolja, i uslovno zdorovyh muzhchin [Interrelation of coping-behavior and the Ya-concept at the patients dependent on alcohol, and conditionally healthy men] / V.M. Jaltonskij, N.A. Sirota, E.T. Sokolova, N.S. Viderman // Soc. i klinich. psihiatrija. 2001. T.11, vyp. 2. S.36-43. [in Russian]
17. Antonovsky A. Health, stress and coping / A. Antonovsky. San-Francisco: Jossey-Bass Publ., 1979. 255 p.
18. Coyne J.C., Lazarus R.S. Cognitive style, stress perception and coping / J.C. Coyne, R.S. Lazarus // Handbook of stress and anxiety / Eds. J.L. Kutash, L.B. Schlesinger.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.098

Кусякова Р.Ф.

Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

КОРРЕКЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ БОРЦОВ

Аннотация

В статье анализируются основные аспекты системы подготовки юных борцов по дзюдо, основанные на анализе вегетативного статуса атлетов подросткового возраста в период перед соревнованиями. Определяли показатели вегетативного статуса как показателя функционального состояния борцов в предсоревновательный период. Вегетативные нарушения у подростков, особенно тех, которые занимаются каким-либо спортом, является одним из проявлений, и гормональной, и нервно-психологической, и биологической перестройки.

Ключевые слова: дзюдо, вес, статус.

Kusyakova R.F.

PhD in Pedagogy,

Perm National Research Polytechnic University

CORRECTION OF FIGHTERS TRAINING

Abstract

The article analyzes the main aspects of the system of training young fighters in judo based on an analysis of the vegetative status departures during adolescence before the competition. The indices of the vegetative status as an indicator of the functional state of the fighters in precompetitive period. Autonomic disorders in adolescents, especially those who are engaged in any sport, is one of the manifestations, and hormonal and neuro-psychological, and biological reconstruction.

Keywords: judo, mass, status.

Статья изъята

Статья изъята

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.097

Кусякова Р.Ф.¹, Леготкина Л.Р.²

^{1,2}Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ВРАЧЕЙ

Аннотация

В данной работе описываются проблемы при составлении программы обучения из цикла повышения квалификации по курсу «общей врачебной практики» и/или «семейной медицины». Акцент в работе сделан на то, что врачу необходимо самостоятельно осваивать и познавать законы жизни и приспособления ко всем ее обстоятельствам, постоянно изменяющимся факторам и условиям, экономическим и юридическим, что является чуть ли не основополагающими аспектами возможности ведения профессиональной медицинской деятельности.

Ключевые слова: обучение, врач, цикл.

Kusyakova R.F.¹, Legotkina L.R.²

^{1,2}PhD in Pedagogy, Perm National Research Polytechnic University

LEARNING PROBLEMS OF FAMILY DOCTORS

Abstract

This paper describes the problems in the preparation of training programs in the series refresher course general practice or family medicine. The focus of the work is made of the fact that the doctor has to learn on their own and learn the laws of life and its adaptation to all circumstances, constantly changing factors and conditions, economic and legal that is almost the fundamental aspects of the ability to conduct professional medical activity.

Keywords: training, doctor, cycle.

Статья изъята

Статья изъята

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.096

Леготкин А.Н.

Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ОБУЧЕНИЕ ВРАЧЕЙ ОБЩЕЙ ПРАКТИКИ

Аннотация

В данной работе описывается внедрение элементов дистанционного обучения, которое несет в себе ряд неоспоримых достоинств, но, также и наделено ограничениями, которые являются существенными в обучении врачей общей практики. При этом, внедрение элементов дистанционного обучения в курс повышения квалификации врачей общей практики, связано со снижением двигательной нагрузки. Работа посвящена описанию опыта встраивания элементов физических нагрузок в цикл повышения квалификации врачей общей практики.

Ключевые слова: обучение, врач, цикл.

Legotkin A.N.

PhD in Pedagogy,

Perm National Research Polytechnic University

EDUCATION OF GENERAL PRACTITIONERS

Abstract

This paper describes the implementation of elements of distance learning, which carries a number of indisputable advantages, but also equipped with the restrictions that are essential in the training of general practitioners. At the same time, the introduction of distance learning elements in the course of training of general practitioners, is associated with reduced motor load. The work is devoted to describing the experience of embedding elements of physical activity in cycle training general practitioners.

Keywords: training, doctor, cycle.

Статья изъята

Статья изъята

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.095

Лопатина А.Б.¹, Леготкин А.Н.²

^{1,2}Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ВЕГЕТАТИВНЫЕ ДИСФУНКЦИИ БОРЦОВ

Аннотация

Обследованы спортсмены–юниоры, готовящиеся к участию в ответственных соревнованиях за сборную команду страны по дзюдо. Обследование проходило в различные периоды тренировочной и соревновательной работы. Результаты исследования показали, что за время наблюдения за деятельностью юниоров, сформировались несколько групп критериев оценивания функционирования системы подготовки дзюдоистов, что сводится к следующим аспектам: педагогическому, психологическому, медицинскому, биологическому и социальному.

Ключевые слова: спорт, дзюдо, юниоры.

Lopatina A.B.¹, Legotkin A.N.²

^{1,2}PhD in Pedagogy,

Perm National Research Polytechnic University

AUTONOMIC DYSFUNCTION FIGHTERS

Abstract

The study-junior athletes who are preparing to take part in important competitions for the national team in judo. The survey took place in different periods of training and competition work. The results showed that during the monitoring of the activities of the junior, formed several groups of criteria judo training assessment system functioning, which boils down to the following aspects: pedagogical, psychological, medical, biological and social.

Keywords: sport, judo, juniors.

Статья изъята

Статья изъята

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.133

Метелев Е.А.

ORCID: 0000-0001-6184-7414, Адъютант, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ
СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ
ПО КОНТРАКТУ**

Аннотация

Целью и задачами данной статьи является рассмотрение проблем формирования стрессоустойчивости военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, под влиянием морально-психологических и профессионально-психологических факторов. Рассматривается зависимость стрессоустойчивости от уровня защищённости и форм поведения военнослужащих. В выводах статьи даны рекомендации командирам (начальникам) эффективно решения вопросов обеспечения стрессоустойчивости подчинённых, предлагается вариант формирования установки на готовность преодоления стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, преодоление стрессовых ситуаций, профессиональная стрессоустойчивость.

Metlev E.A.

ORCID: 0000-0001-6184-7414, Adjunct,

St Petersburg military institute of the internal troops of the Russian Interior Ministry

**PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS INCREASE STRESS TOLERANCE MILITARY MEN
PASSING MILITARY SERVICE UNDER THE CONTRACT**

Abstract

The purpose and objectives of this article is to examine the problems of the formation of the stress military men passing military service under the contract is influenced by moral, psychological and vocational-psychological factors. Discusses the dependence of stress resistance from resilience and behavior of military personnel. In the conclusions of the article, recommendations to the commander (chief) effectively address issues relating to stress subordinates, suggests the formation of installation on a willingness to overcome stressful situations.

Keywords: stress resistance, coping with stressful situations, professional stress resistance.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации⁴⁵ в целом, конкретные её объединения, соединения, воинские части и подразделения так же, как и отдельный военнослужащий, проходящий военную службу по контракту⁴⁶, являются объектом обеспечения и формирования стрессоустойчивости, в силу необходимости решения стоящих перед военной организацией многих проблем, существующих в настоящее время.

Активной субъективной позицией в этом вопросе может выступать предложение определённых инициатив направленных на варианты решения вопросов связанных с разрешением существующих проблем, в том числе с целью формирования необходимого уровня стрессоустойчивости.

Полное понимание активной позиции ФСВНГ и её подразделений представляется в своевременном выполнении необходимых правовых, экономических, технических, материальных, иных возможностей, которые влияют и обеспечивают стрессоустойчивость системы в целом и её военнослужащих, в отдельности. Значительная роль в деле обеспечения стрессоустойчивости принадлежит самой созданной системе, в которой военнослужащие-контрактники проводят военную службу. ФСВНГ как новое силовое ведомство обеспечивает стрессоустойчивость контрактников посредством формирования общественного мнения через органы государственной законодательной и исполнительной власти, средства массовой информации, организации, общественные движения, через систему контактов с населением. Обеспечение стрессоустойчивости военнослужащих также реализовываться и на «внутренних позициях» посредством создания в воинских коллективах подразделений и воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации⁴⁷ благоприятной морально-психологической и профессионально-психологической атмосферы, гарантированных наличием достаточного уровня педагогического мастерства, высокого уровня стиля руководства командиров (начальников), в подчинении которых находятся военнослужащие-контрактники. Формирование стрессоустойчивости военнослужащих следует рассматривать как формирование необходимого психического состояния путём поэтапного педагогического процесса. Этапы данного процесса наиболее ярко проявляются в ходе разрешения стрессовых ситуаций [1].

Наибольшие возможности система ФСВНГ имеет в плане повышения уровня стрессоустойчивости военнослужащих-контрактников путём реализации и организации работы по выполнению основных видов морально-психологического обеспечения. А именно реализуя и постоянно проводя на высоком уровне работу по поддержанию воинской дисциплины и правопорядка, мероприятия информационно-воспитательной работы, с максимальным охватом личного состава контрактников, также проведение социально-психологической работы, военно-социальной и культурно-досуговой, которые являются для военнослужащих контрактников не менее важными в обеспечении профессиональной деятельности и сохранении стрессоустойчивости. Профессионально-психологические факторы также подвержены в большей степени влиянию непосредственно самой федеральной службы, то есть от выбранной позиции (стратегии, концепции) по организации и реализации правового обеспечения, кадрового, технического, тылового и др. – происходит решение проблем формирования требуемого уровня стрессоустойчивости. Порядок построения формирования необходимой стрессоустойчивости военнослужащих-контрактников войск национальной гвардии особо актуален в настоящее время. В период создания, слагивания новой силовой структуры, перестройки подходов системы обучения, ведомственной системы профессионального подготовки контрактников для подразделений и воинских частей войск национальной гвардии.

Создание необходимого для служебно-боевой деятельности уровня стрессоустойчивости – процесс многоуровневый и сложный, во многих показателях зависящий от слаженности работы всех элементов системы силового ведомства. Стрессоустойчивость военнослужащего выступает одной из интегративных характеристик, существующих, в том числе и формируемых системой ФСВНГ, условий деятельности военнослужащего, которая формируется под влиянием экстремальных морально-психологических и профессионально-психологических факторов, с которыми сталкивается контрактник при выполнении служебно-боевых задач.

1. Морально-психологические факторы, влияющие на стрессоустойчивость военнослужащих-контрактников в экстремальных ситуациях:

- обнаружение и восприятие нарушения общественного порядка при выполнении задач охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности;
- наблюдаемые человеческие потери гражданского населения (гибели людей, их страдания, тяготы, утраты, призывы о помощи и др.);
- наблюдение дезорганизации жизни гражданского населения, необычного их поведения (паника, миграция, истерия и т.п.) на территории с режимами чрезвычайного, военного положения или проведения контртеррористической операции;
- увеличение активности криминальных элементов, переход их действий от имитации правонарушений к реальным действиям с применением силы, совершение грабежей, разбоев, краж, мародёрства, разгула бандитизма и др.;
- придавание большого значения причастности к этим событиям и проецирование увиденного на самого себя и своих близких;
- осознание опасности здоровья и жизни гражданского населения, сослуживцев и себя лично при нахождении в районах с экстремальными условиями;
- осознание необходимости коллективной, солидарной и согласованной военно-профессиональной деятельности со своими сослуживцами в составе структурного подразделения, расчёта, группы. Понимание необходимости поддержки друг друга, следования примеру командира и проявления самому самоотверженности в действиях и поступках;

⁴⁵ Далее – «ФСВНГ».

⁴⁶ Далее – «военнослужащие-контрактники», «контрактники», «военнослужащие».

⁴⁷ Далее – «войска национальной гвардии», «войска».

- в экстремальных, критических ситуациях правонарушители готовы пойти на крайние меры вплоть до подкупа военнотружашего, обещаний всего, чтобы только уйти от ответственности, спастись, выйти из безвыходной ситуации, получить передышку в интенсивных действиях (это проверяет контрактника в морально-психологической устойчивости к своим принципам добросовестной службы, верности воинскому долгу, военной присяге и своей чести).

Приведённые выше факторы оказывают сильное морально-психологическое воздействие на психику военнотружаших-контрактников и как результат на их стрессоустойчивость, требуя от них высокой психофизиологической, мотивационной, эмоциональной, волевой, профессиональной, интеллектуально-логической устойчивости и самообладания.

2. Профессионально-психологическим факторам присуще общее воздействие на стрессоустойчивость, они затрудняют реализацию обычных, отлаженных до автоматизма действий, успешно выполняемых в повседневной служебной деятельности в мирной обстановке. Это следующие факторы:

- новизна и необычность. Ситуации экстремальной и большой сложности встречаются у всех без исключения военнотружаших-контрактников, бывают они не так часто и поэтому являются менее привычными, отличаются особенностями и требуют не шаблонных, порой самостоятельных, инициативных и находчивых действий;

- внезапность и скоротечность. В экстремальных ситуациях военнотружашим-контрактникам необходимо действовать оперативно, экстренно реагируя на изменения в тактической обстановке, не отставая от темпа развития событий принимать правильные и оптимальные для себя решения по дальнейшим действиям;

- высокая нагрузка. Действия в экстремальных условиях заставляют использовать все свои возможности на максимальном уровне личного напряжения, заставляют показать всё, на что способен военнотружаший-контрактник. При этом высокая нагрузка сопровождается демонстрацией возможностей комплексного характера (комплексной реакции) воздействия: интеллектуальной (умственной), эмоционально-волевой, физической и др. Действие военнотружашего войск национальной гвардии в экстремальной ситуации – это выполнение воинского долга в районах чрезвычайных обстоятельств, чрезвычайного положения и в районе проведения контртеррористической операции. При данных обстоятельствах, военнотружашим-контрактникам, приходится выполнять задачи в сложных условиях, связанных с нарушениями отдыха, приёма пищи, соблюдения гигиены и пр.);

- продолжительная нагрузка. Военнотружашему необходимо продолжительное время качественно производить свои военно-профессиональные действия, выполнять задачи военной службы непрерывно, проявлять высокое самообладание, сдержанность и умение мобилизовать все свои силы для достижения желаемого результата;

- неопределённость событий. Практически всегда военнотружашему приходится действовать в условиях информационного воздействия и информационной неопределённости: противоречивости или неясности информации, её обилии, как важной и имеющей значение для самого военнотружашего и войск, так и не имеющей значения, лживой и достоверной, из официальных государственных, войсковых источников и из неофициальных оппозиционных. В этих условиях, от контрактника требуется, быть готовым продолжать выполнять поставленные служебно-боевые задачи, не допуская снижения эффективности и результативности своих действий, а не заниматься разбором информации;

- риск участия. В определённой доле риск существует в любой сфере деятельности, тем более в военной сфере деятельности. Присутствуя практически постоянно, риск, в зависимости от своего уровня (степени), повышает вероятность неудачи военнотружашего-контрактника. Может послужить причиной срыва выполнения стоящих служебно-боевых задач, сроков их выполнения, риска получения ранения самого военнотружашего, его сослуживцев, окружающих гражданских людей, риска получения взыскания вплоть до увольнения со службы, подрыва авторитета войск у местного населения и т.п.

Стрессоустойчивость у военнотружаших зависит и от уровня их профессиональной защищённости, пропорционально связана со степенью риска военно-профессиональной деятельности, способностью военнотружаших при выполнении воинского долга снизить влияние факторов риска до минимального значения. Риск в данном случае рассматривается как действия характеризующиеся неопределённостью результата и возможным наступлением нежелательного результата в случае неудачи. Военнотружаший, рискуя, полностью полагается на личную готовность мобилизоваться в выборе вариантов действий для получения желаемого или прогнозируемого результата. С учётом понимания вероятности удачи и провала или предполагаемого ущерба потерь. Риск является относительной величиной зависящей от варианта действий выбираемого военнотружашим. В деятельности контрактников иногда вариант между менее или более опасным определяется командиром, но не без учёта уровня готовности подчинённых, прогнозируемого максимального результата с минимальными затратами и потерями.

Психологический риск приводит к возможности получения психологических травм, дестабилизации психики личности под воздействием стрессов и эмоционально-психологической перегрузки, связанных с военной деятельностью. Физиологический риск опасен для жизни и здоровья военнотружаших.

В большей степени желаемый результат при риске взаимосвязан со степенью правильности (целесообразности) или неправильности (нецелесообразности) принятия решения контрактника о рискованном поведении. Риск может быть обоснован при предполагаемой адекватной оценке военнотружашим соотношения между ожидаемым успехом победы и ожидаемой неудачей. Определённой трудностью к объяснимому и допустимому поведению в опасной ситуации является предрасположенность военнотружашего-контрактника к рискованным действиям, отражая личные качества и потребности индивида в самоутверждении, мотивировании службы, реализации личных планов и др. Военнотружашие, стремящиеся к доминированию над сослуживцами, желающие самоутвердиться, обладают высокой агрессией, часто выбирают альтернативное поведение, содержащее риск.

Определённое влияние на стрессоустойчивость военнотружашего оказывает служебный опыт пережитой опасности и преодоленного риска связанного с его военно-профессиональной деятельностью. Контрактник, получивший в опасной ситуации психологическую травму или ранение, менее стрессоустойчив при нахождении в

повторяющейся ситуации и склонен к применению решения убегания от ситуации. Со снижением стрессоустойчивости, развивается состояние тревоги и беспокойства, требующее оказания педагогической и психотерапевтической помощи. Возможен и полностью противоположный результат с другими характеристиками поведения военнослужащего. В данном случае военнослужащий, переживший стрессовую опасность, становится более осторожным и предусмотрительным, у него увеличивается уровень стрессоустойчивости, повышается способность к риску обоснованному и мотивированному.

При нахождении в экстремальных условиях, любой военнослужащий будет испытывать большие, а порой и предельные нагрузки, визуально воспринимая всё происходящее, продолжая выполнять стоящие служебно-боевые задачи. Напряжённо обдумывая, давая оценку, делая соответствующие выводы по результатам увиденного и произведённых действий, принимает решения, обдумывает способы действий, мобилизует силы и собственные возможности, преодолевает психологические трудности и колебания, настраивает себя на выполнение воинского долга, решение поступающих задач и т.п. Происходящий процесс внутреннего обдумывания неизбежно приводит к изменению его действий в военно-профессиональной деятельности [2]. Стрессоустойчивость военнослужащего к сложным и к экстремально опасным ситуациям – это нечто большее, чем просто готовность и умение выполнять необходимые действия. Прежде всего, это реализованная способность управлять самим собой, личными чувствами и переживаниями, мыслями и ощущениями. При отсутствии у военнослужащего необходимого уровня стрессоустойчивости, столкнувшись с реальной угрозой жизни и здоровья он перестаёт быть боеготовым, так как не может правильно оценивать обстановку и конкретную ситуацию. У него нарушается восприятие происходящего вокруг, в его поведении все сильнее проявляются растерянность, тревога, страх и паника. Военнослужащий начинает воспринимать опасность гораздо больше, чем есть на самом деле, представлять себе самые жуткие картины своего будущего. В таком состоянии ему вряд ли удастся вспомнить, что надо делать.

В данных условиях актуальным представляется необходимость умения формирования военнослужащим личной установки на преодоление стрессовых ситуаций – готовность и предрасположенность военнослужащего к самозащите в условиях предстоящих предполагаемых действий военно-профессиональной деятельности. Формирование установки на преодоление стресса также одновременно предполагает воспитание разумного и мотивированного риска, бдительности и осмоторительности, пониженного уровня чувства страха и его преодоления в поведении военнослужащих-контрактников. Проведение такой работы приведёт к эффективности и надёжности действий в опасных стрессовых ситуациях контрактников и как результат повышению их стрессоустойчивости в сохранении жизни и здоровья. Порядок формулирования и развития личной установки на преодоление стрессовой ситуации процесс не сложный, его может и способен выполнить каждый военнослужащий-контрактник.

Предлагается вариант формирования установки, рекомендуемых правил поведения военнослужащего-контрактника, направленных на обеспечение его стрессоустойчивости в экстремальных условиях, на его выживание и боеспособность:

1. Я способен принимать быстрые решения.
2. Я умею импровизировать.
3. Я постоянно и непрерывно контролирую самого себя.
4. Я умею различать опасности.
5. Я умею распознавать людей.
6. Я могу быть самостоятельным и независимым при выполнении задач.
7. Я умею подчиняться.
8. Я умею быть твёрдым и решительным.
9. Я знаю, на что способен и умею не падать духом.
10. Я понимаю, где я окажусь, и что со мной будет происходить.
11. Я не растеряюсь и не испугаюсь.
12. Я вспомню всё, что знаю и умею.
13. Я буду терпеливым, внимательным и собранным.

Командир (начальник) для решения вопросов обеспечения стрессоустойчивости подчинённых военнослужащих должен владеть аналитическими, организаторскими, управленческими и педагогическими компетенциями.

1. Аналитические:

- анализировать военно-социальные условия осуществления служебно-боевой деятельности и определять факторы, влияющие на уровень стрессоустойчивости и личной безопасности военнослужащих;
- выявлять и анализировать причины и условия военной деятельности, определяющие существующий уровень стрессоустойчивости военнослужащих;
- определять реальные возможности органов военного управления, штабов, структур по работе с личным составом в повышении степени стрессоустойчивости и обеспечении возможной профессиональной безопасности военнослужащих.

2. Организаторские:

- формулировать предложения в вышестоящие штабы и структуры по работе с личным составом, направленные на повышение уровня безопасности и стрессоустойчивости военнослужащих;
- осуществлять результативные контакты с представителями других силовых ведомств, правоохранительных органов, органов юстиции, государственной власти, общественных движений и организаций, средств массовой информации с целью обеспечения высокого уровня безопасности и стрессоустойчивости военнослужащих;
- концентрировать имеющиеся экономические и материально-технические возможности.

3. Управленческие:

- принимать специальные управленческие решения;
- учитывать фактор стрессоустойчивости военнослужащих при принятии решений и оценке деятельности военнослужащих-контрактников.

4. Педагогические:

- включать в алгоритм работы с военнослужащими-контрактниками самостоятельное направление деятельности по повышению уровня их стрессоустойчивости;
- организовывать обучение контрактников методам обеспечения необходимого уровня стрессоустойчивости и личной безопасности;
- организовывать обучение анализа корректной стрессовой ситуации и развития необходимой стрессоустойчивости;
- включать проведение социально-педагогических тренингов и др.

Формирование системы обеспечения личной профессиональной стрессоустойчивости военнослужащих-контрактников должно являться объективной потребностью и актуальной задачей военно-профессиональной деятельности командиров (начальников) войск, стать важным процессом, набирающим силу и значение. Становиться бесспорным соотношением, что профессионализм, психологическая готовность, воинская дисциплина и организованность, особенно в экстремальных условиях, находится в прямой зависимости от стрессоустойчивости военнослужащих-контрактников.

Всё это требует от командиров всех степеней уделять соответствующее внимание организаторской, психологической и педагогической работе с военнослужащими-контрактниками, заблаговременному их изучению, обучению и использованию в соответствии с военно-учётной специальностью и военно-профессиональным предназначением. Командир структурного подразделения войск национальной гвардии должен быть уверен, что он имеет у себя в распоряжении военнослужащих-контрактников готовых самоотверженно и умело реагировать на стрессовые ситуации без последствий для себя и окружающих, не снижая качественных характеристик решения поставленной служебно-боевой задачи в самых сложных условиях.

Список литературы / References

1. Давыдов В. П., Сальников В. П., Слепов В. Я. Основы педагогической психологии высшей школы МВД России: учеб. для вузов. – СПб.: Университет, 2000. – С. 179.
2. Панкин А. И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. Тактика и психология безопасной деятельности. – М., 1996. – С. 52-53.
3. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология: учеб. для вузов. – М.: Проспект, 2001. – С. 293.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Davydov V. P., Salnikov P. V., Slepov V. Y. Osnovy pedagogicheskoy psikhologii vysshey shkoly MVD Rossii: ucheb. dlya vuzov [Fundamentals of pedagogical psychology of the higher school of the MIA of Russia: textbook. for higher education institutions]. – SPb.: University, 2000. – P. 179. [in Russian]
2. Pankin A. I. Lichnaya bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del [The Personal safety of employees of internal Affairs bodies]. Taktika i psikhologiya bezopasnoy deyatel'nosti [Tactics and psychology of safe operation]. – M., 1996. – P. 52-53. [in Russian]
3. Stolyarenko A. M. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. dlya vuzov [Applied legal psychology: textbook for higher education institutions]. – M.: Prospect, 2001. – P. 293. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.149

Метелев Е.А.

ORCID: 0000-0001-6184-7414, Адъютант, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России
**СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ
 ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ**

Аннотация

Целью данной статьи является рассмотрение комплекса проблем профессиональной защищённости военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, который непосредственно и опосредованно влияет на их стрессоустойчивость. Особое внимание уделяется изучению элементного представления защищённости военнослужащих, перечислены компоненты профессиональной защищённости. Выводы статьи обращены к необходимости создания педагогических предпосылок и коррекций способных обеспечить стрессоустойчивость военнослужащих в сфере профессиональной деятельности.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, профессиональная защищённость, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту.

Metelev E.A.

ORCID: 0000-0001-6184-7414, Adjunct. St Petersburg military institute of the internal troops
 of the Russian Interior Ministry

**STRESS RESISTANCE AS A BASIS FOR THE PROFESSIONAL PROTECTION OF SERVICEMEN, PASSING
 MILITARY SERVICE UNDER THE CONTRACT**

Abstract

The purpose of this article is to examine the complex problems professional protection of servicemen undergoing military service under the contract, which directly and indirectly affects their ability to handle stress. Special attention is paid to the study of the elemental representation protection of servicemen, lists the components of professional security. The findings of the study addressed to the necessity of creation of pedagogical assumptions and corrections is able to provide stress resistance of military personnel in the field of professional activity.

Keywords: stress resistance, professional security, military personnel undergoing military service under the contract.

Проблема стрессоустойчивости военнослужащих, проходящих военную службу по контракту⁴⁸, в период выполнения служебно-боевых задач в условиях риска в интересах совершенствования профессиональной защищённости, обретает в настоящее время особое значение. Статья 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ "О войсках национальной гвардии Российской Федерации" (принят ГД СФ РФ 22.06.2016) [2] определяет, что задачи, возложенные на войска национальной гвардии Российской Федерации⁴⁹, должны, бесспорно, и результативно выполняться в повседневных условиях, так и в условиях риска.

Профессиональная защищённость военнослужащего представляет собой комплекс нормативно-правовых, специальных, служебных, и психолого-педагогических мер, дающих возможность гарантировать сохранение жизни и здоровья (как физического, так и психического) военнослужащего войск национальной гвардии при условии сохранения достаточного уровня эффективности военно-профессиональных действий. Профессиональная защищённость военнослужащего основывается на стрессоустойчивости, умении правильно реагировать на стрессовые ситуации на основе достаточного уровня психологической и педагогической подготовленности, предполагающем также владение безопасными методами военной деятельности, сформированной личной линией выживания, сохранения здоровья. Профессиональная защищённость обеспечивается наличием развитых психологических качеств, позволяющих реально оценивать обстановку, своевременно принимать оптимальные решения не теряя самообладания в стрессовых ситуациях.

Деятельность военнослужащих постоянно сопряжена с повышенным повседневным и служебно-боевым напряжением. Также возможно обострение в ситуациях связанных с применением специальных средств, техники и вооружения, в ситуациях при которых велика вероятность получения ранения и риска для жизни. В особенности для военнослужащих сложны ситуации чрезвычайных обстоятельств, при которых им приходится непосредственно соприкасаться с преступниками, нарушителями общественного порядка, последствиями и результатами противоправной деятельности или результатами природного и техногенного характера. К числу примеров можно отнести: применение специальных средств (наручников, палки резиновой, баллончика со слезоточивым газом и др.) военнослужащим-контрактом при несении патрульно-постовой службы в специальных-моторизованных воинских частях в отношении задерживаемых и задержанных нарушителей общественного порядка, подозреваемых в совершении преступления; применение боевого оружия в воинских частях по охране важных государственных объектов и специальных грузов в отношении проникших на охраняемые объекты, применение военной техники и вооружения в воинских частях оперативного и специального назначения в условиях действий при контртеррористической операции в отношении участников незаконных вооружённых формирований.

Данные ситуации, которые возникают повсеместно с определённой периодичностью, оказывают на всех военнослужащих войск национальной гвардии, в том числе и на военнослужащих-контрактов сильнейшее психологическое воздействие. Такие ситуации являются экстремальными, но необходимыми и обязательными в целях успешного выполнения воинского долга. Они создают необходимость правильного восприятия сложных обстановок, знания правильных законных выходов и реагирования на их условия при выполнении служебно-боевых задач. Реакция военнослужащего-контрактов, выраженная в действиях, в условиях сложной обстановки, требует от него владеть необходимыми знаниями, навыками, умениями и обладать высокой стрессоустойчивостью для действий в таких условиях. В итоге всё это влияет на конечный результат служебно-боевой деятельности. В настоящее время происходит повсеместный рост активности криминальных элементов в государствах современной политической карты. Рост их профессионализма в проведении преступных и противоправных актов. Рост численности участвующих криминальных элементов, увеличение незаконного использования оружия, взрывных устройств, других современных средств совершения преступлений. Возрождение группового бандитизма, организованной преступности и т.п. Всё это привело к созданию в Российской Федерации нового вида войск правопорядка – войск национальной гвардии, с новым видом правоохранительной служебно-боевой деятельности.

Важнейшим компонентом в системе обеспечения профессиональной защищённости военнослужащих-контрактов является их стрессоустойчивость, в первую очередь от действий преступников и правонарушителей.

Понятие «профессиональной защищённости», в особенности во взаимосвязи с вопросами повышения их стрессоустойчивости, необходимо рассматривать значительно шире. Профессиональную защищённость целесообразно относить только к проблеме защищённости от действий связанных с выполнением профессиональной деятельности, хотя эти понятия неразрывно связаны в военно-профессиональной деятельности контрактников. Профессиональная защищённость военнослужащих – многоплановое и многокомпонентное явление, включающее в себя взаимосвязанные составляющие, которые одновременно являются самостоятельными по своей сути. Среди них можно выделить следующие виды:

1) *экономическая защищённость* – соответствие материального обеспечения военнослужащего-контрактов его обоснованным потребностям в необходимых материальных средствах;

2) *правовая защищённость* – соответствие правовой и нормативной базы деятельности войск национальной гвардии реальным условиям и возложенным на них задачам. Данная защищённость определяет степень правового обеспечения военной деятельности военнослужащего и возможности правовой защиты при решении им компетентных задач или жизненных проблем, связанных с военно-профессиональной деятельностью. В данном случае актуальна правовая защищённость жизни, здоровья и воинской чести военнослужащего при выполнении служебно-боевых задач;

3) *материально-техническая защищённость* – соответствие и соотношение данного вида защищённости обеспечения военно-профессиональной деятельности военнослужащих её объективным условиям и задачам;

4) *социальная защищённость* – соответствие значения статуса военнослужащих-контрактов, как

⁴⁸ Далее – «военнослужащие», «военнослужащие-контракты».

⁴⁹ Далее – «войска национальной гвардии».

военнослужащих войск национальной гвардии значимости возложенных и выполняемых государственных задач;

5) *социально-психологическая защищённость* – соответствие мнения общества о пользе деятельности войск национальной гвардии объективным оценкам их деятельности, а также соответствие «образа военнослужащего» войск национальной гвардии реальным оценкам даваемым гражданами и военнослужащим в отношении самого себя. Особым элементом «внутренней» социально-психологической защищённости является постоянный благоприятный эмоциональный климат в воинских коллективах и продуктивный стиль руководства;

6) *кадровая защищённость* – соответствие степени военно-профессиональной надёжности военнослужащих (морально-нравственных, эмоционально-волевых, интеллектуальных качеств и их профессиональной компетентности) требованиям, предъявляемым к личности военнослужащего-контрактника войск национальной гвардии, выполняемым задачам в условиях риска и стресса;

7) *информационная защищённость* – соответствие имеющейся информации и ресурсов получения необходимой информации для эффективной служебно-боевой деятельности. Своевременная возможность научного и практического повышения знаний, навыков, умений и компетентности (военно-научные и научно-практические), объективной значимости наличия такой информации для последующего выполнения служебно-боевых задач и обеспечения защищённости и безопасности. Особым элементом информационной защищённости военнослужащего-контрактника выступает необходимость неразглашения информации о военно-профессиональной деятельности и личной жизни военнослужащего. При наличии утечки данной информации она препятствует решению служебно-боевых задач, снижает степень стрессоустойчивости и повышает риск, как самого военнослужащего, так и его близких;

8) *специальная защищённость* – соответствие мер специального предназначения, оперативно-розыскного и контрразведывательного характера, действиям подразделений безопасности войск по защите военнослужащих от деструктивных воздействий преступных элементов;

9) *психолого-педагогическая защищённость* – соответствие психологических и педагогических мер направленных на профилактику и предупреждение психолого-педагогической деформации личности военнослужащего под влиянием негативных факторов стрессовых ситуаций и психологических перегрузок, уровню реально существующего воздействия на военнослужащего факторов психотравмирующего характера, связанных с военной службой;

10) *физическая защищённость* – соответствие применяемых правовых, управленческих, технических, материальных и других мер, обеспечивающих сохранность жизни и здоровья военнослужащих при выполнении воинского долга или в связи с решением служебно-боевых задач и полученному результату уровня снижения существующего риска до объективно допустимого.

Расширенное толкование понятия «защищённость», применяется вместо более известного и повсеместно применяемого в войсках – «обеспечение» (финансовое, правовое, техническое, материальное, морально-психологическое и т.д.), лишь для того, чтобы дополнительно выделить важность качества и требуемого уровня такого обеспечения военно-профессиональной деятельности военнослужащего-контрактника, решения испытываемых проблем, связанных со служебной деятельностью.

Правовая защищённость даёт возможность военнослужащему, при выполнении служебного долга, защитить жизнь и здоровье, путём применения в законном порядке мер воздействия, в том числе силовых.

Материально-техническая защищённость гарантирует обеспечение сохранения жизни и здоровья военнослужащего путём применения военных материально-технических средств. К числу этих средств относятся вооружение, специальные средства, экипировка, техника и т.д.

Кадровая защищённость гарантирует надёжность самих военнослужащих, соответствие их профессиональной подготовки требованиям замещаемых должностей с соответствующей военно-учётной специальностью. Дополнительно доказывать нет необходимости, что от военно-профессиональной подготовленности может зависеть жизнь, здоровье и стрессоустойчивость военнослужащих при выполнении воинского долга и в ходе выполнения служебно-боевых задач сопряжённых с риском.

Соответствие материального снабжения военнослужащего-контрактника его объективным потребностям в материальных и иных ценностях (экономическая защищённость) обеспечивает не только материальные возможности полноценной жизни, обеспечения питания, получения образования, отдыха, восстановления своих сил, но и сохраняет его стрессоустойчивость. Это всё бесспорно необходимо при том риске и высоком уровне физических и психологических нагрузок, который свойственен в настоящее время для большинства должностей контрактников в войсках национальной гвардии.

Материальное обеспечение наделяет военнослужащего не менее важным для него ощущением стабильности жизни (что является немаловажно для стрессоустойчивости личности контрактника), снимает проблемы поиска дополнительного заработка и как следствие не снижается работоспособность при выполнении должностных обязанностей, не отнимается время от отдыха и решения других жизненных ситуаций. Также следует отметить, ничто так не снижает в наше время у военнослужащих-контрактников состояние стрессоустойчивости, как отсутствие достаточных материально-финансовых средств удовлетворения необходимых личных запросов в силу специфики военной службы.

«Объективная невозможность законным путём получать достаточное материальное обеспечение в ряде случаев может стать предпосылкой коррумпированности, хотя никоим образом не оправдывает её...» [1].

Дестабилизация личности контрактника, связанная с невыполнением выше названных видов защищённости, приводит к значительному снижению стрессоустойчивости данной категории военнослужащих, к возрастанию виктимности. Стрессоустойчивость военнослужащих-контрактников войск национальной гвардии также зависит во многом от реального социального статуса, эмоционального фона и психолого-психологической атмосферы в воинском коллективе.

Не менее очевидно значение других видов защищённости (информационной, специальной, психолого-педагогической, физической) для военно-профессиональной деятельности военнослужащих-контрактников.

Все перечисленные направления нуждаются в особом внимании, их характер и качественные характеристики достаточно многоплановы, отсутствие или недостаточность внимания к какой-то одной неминуемо может откликнуться в общем характере защищенности военнослужащего. Отсюда необходимость комплексного рассмотрения этой научно-педагогической проблемы, так как венцом ее решения с точки зрения адаптации и коррекции могут являться педагогические мероприятия, проводимые командиром для обеспечения защищенности и нивелирования влияния негативных последствий и снижения, вызванных этим, реакций военнослужащих.

Подводя итог, следует отметить, что профессиональная защищенность военнослужащего – это защищенность военнослужащего от негативного влияния на его стрессоустойчивость при решении комплекса проблем, разрешение которых, зачастую им не возможны, так как находятся за пределами его деятельности и личных возможностей. Другими словами это создание необходимых педагогических предпосылок и коррекций для обеспечения стрессоустойчивости военнослужащего в сфере профессиональной деятельности.

Литература

1. Буданов А. В. Педагогика профессиональной безопасности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 1996. - № 1 (3). – С. 37-40.
2. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.consultant.ru/documents/1055968> (дата обращения 09.09.2016).

References

1. Budanov A.V. Pedagogika professional'noy bezopasnosti sotrudnikov OVD [Pedagogy of occupational safety of employees of IAB] // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement bodies]. – 1996. - № 1 (3). – P. 37-40. [in Russian]
2. Ofitsial'nyy sayt Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <http://mvd.consultant.ru/documents/1055968> (date accessed 09.09.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.035

Милькевич О.А.

Кандидат педагогических наук, доцент, зав.кафедрой педагогики и психологии Соликамского государственного педагогического института (филиал) Пермского государственного национального исследовательского университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ К СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ ПАРТНЕРСТВУ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕТСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Аннотация

В статье представлены результаты изучения готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия. Инструментарием для проведения эмпирического исследования выступили самостоятельно разработанная анкета, позволяющая представить комплексную характеристику готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия. Результаты исследования являются основанием для дальнейшей разработки программ подготовки специалистов к подобному партнерству и совершенствования процесса социально-культурного партнерства в рамках рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: готовность к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия, методы изучения готовности к социально-культурному партнерству.

Milkevich O.A.

PhD in Pedagogy, Associate Professor

Solikamsk State Pedagogical Institute (branch) of federal state budgetary educational institution of higher education
«Perm State National Research University»

A STUDY OF THE READINESS OF EXPERTS TO SOCIAL-CULTURAL PARTNERSHIP IN THE PREVENTION OF CHILD DISTRESS

Abstract

The article presents the results of studying the readiness of experts in the social and cultural partnership in the prevention of child distress. Tools for conducting empirical studies were independently developed by the profile that allows to present a comprehensive response professionals ready to socio-cultural partnership in the prevention of child distress. The findings are the basis for the further development of training programs for such partnerships and improve the process of social and cultural partnership in the framework of the problem.

Keywords: readiness for social and cultural partnership in the prevention of child ill, methods of studying preparedness of social and cultural partnership.

Рассмотрение социально-культурного партнерства как механизма профилактики детского неблагополучия объективно определяет необходимость изучения готовности специалистов к подобной деятельности. Готовность к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия может характеризоваться как целостное, системное, интегративное новообразование, результат, определяющий личностную готовность специалистов к подобной деятельности.

Отсутствие методик, направленных на изучение рассматриваемого вида готовности определило необходимость разработки анкеты, включающей: общие сведения, компоненты готовности – когнитивный, мотивационный, личностный, технологический.

В исследовании приняли участие 417 человек – практикующих специалистов учреждений образования и культуры (детский сад, школа, музей, библиотека, Дворец/дом культуры, учреждение дополнительного образования, культурно-деловой центр) в возрасте от 20 до 51 года и старше.

При разработке анкеты мы предположили, что на готовность специалиста к реализации партнерства в профилактике детского неблагополучия могут влиять такие характеристики, как возраст, уровень образования, сфера деятельности (образование или культура), удовлетворенность профессиональной деятельностью. В количественном выражении в исследовании приняли участие следующие группы респондентов:

По возрасту:

20-25 лет – 36 чел./8,6%;

26-30 лет – 39 чел./9,35%;

31-35 лет – 42 чел./10%;

36-40 лет – 57 чел./ 13,6%;

41-45 лет – 78 чел./ 18,7%;

46-50 лет – 86 чел./ 20,6%;

51 и старше – 77 чел./18,4%.

По уровню образования:

среднее профессиональное образование – 194 чел./ 46,5%;

высшее профессиональное образование – 223 чел./ 53,5%.

По сфере деятельности:

специалисты учреждений культуры – 142 чел./34%;

специалисты учреждений системы образования – 275 чел./ 66%.

По удовлетворенности профессиональной деятельностью:

полностью удовлетворен(а) – 161 чел./38,6%

скорее удовлетворен(а), чем нет – 163 чел./39,1%

не удовлетворен(а) – 93 чел./22,3%.

Степень влияния обозначенных характеристик респондентов на их готовность к реализации социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия не является предметом нашего исследования. Однако учет данных характеристик позволит в ходе дальнейшего исследования более глубоко и детально проработать содержание подготовки специалистов к партнерству в профилактике детского неблагополучия.

Проведенное анкетирование практикующих специалистов позволило сформулировать следующее:

1. В количественном выражении готовность специалистов к социально-культурному партнерству к профилактике детского неблагополучия представлена на рис.1.

Готовность специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия (в%)

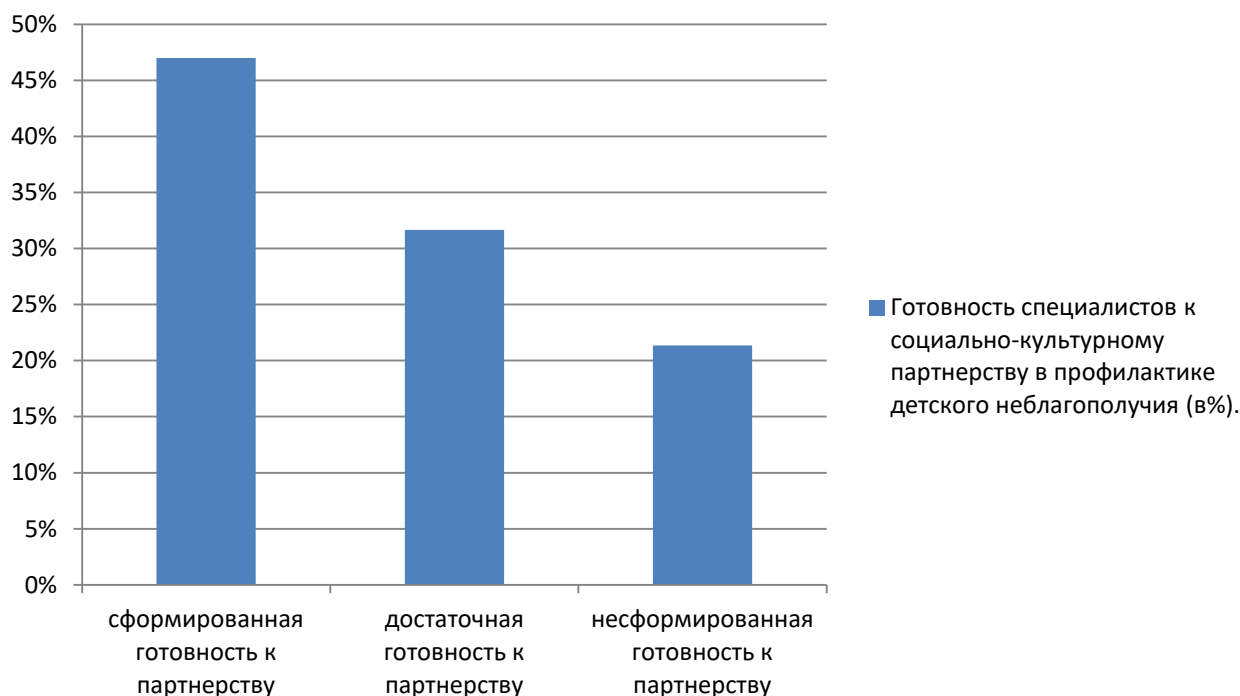

Рис. 1

Сформированность компонентов готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия в количественном выражении представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сформированность компонентов готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия

Компоненты готовности	Степень выраженности компонентов готовности		
	сформирован	достаточно сформирован	не сформирован
когнитивный	256 чел./ 61,4%	111 чел./ 26,6%	60 чел./ 14,39%
мотивационный	240 чел./ 57,5%	98 чел./ 23,5%	79 чел./ 18,9%
личностный	250 чел./59,9%	91 чел./21,8%	76 чел./18,2%
технологический	113 чел./27,1%	96 чел./23%	128 чел./30,7%

2. Большая часть специалистов характеризуется сформированностью когнитивного компонента готовности к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия (367 чел.), т.е.: понимают детство как особую социальную группу, нуждающуюся в особой социально-правовой защите, имеют представление о сущности социально-культурного партнерства между учреждениями культуры, образования, социальной сферы и др. в решении проблем детства, знают о содержании и возможных направлениях социально-культурного партнерства (просвещение семьи; формирование психолого-педагогической культуры родителей; организация занятости детей; формирование социокультурной среды определенной территории; привлечение общественного внимания к проблемам семьи и детства), имеют представление о принципах социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия. Это может быть объяснено наличием профессионального образования у всех респондентов, а также наличием опыта социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия (совместные проекты учреждений образования и культуры, проведение мероприятий) у 274 чел./ 65,7%.

3. У большинства респондентов (338 чел.) выявлена сформированность мотивационного компонента готовности к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия. Сформированность мотивационного компонента готовности специалистов к социально-культурному партнерству включает в себя: осознание значимости социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, понимание значимости распространения подобного опыта, активность участия в различных направлениях взаимодействия с учреждениями других сфер в работе с семьей и детьми, в самостоятельной разработке и использовании в профессиональной деятельности форм и методов взаимодействия с учреждениями других сфер в работе с семьей и детьми, активность в демонстрации собственного опыта взаимодействия с другими учреждениями, настойчивость в преодолении затруднений, связанных с недостаточностью знаний или несформированностью определенных умений в реализации социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, активность в саморазвитии, стремлении узнать, освоить больше, чем предполагают программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

4. Схожие количественные показатели сформированности личностного компонента готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия (341 чел.). Сформированность личностного компонента готовности специалистов к социально-культурному партнерству включает в себя: умение выстраивать конструктивное взаимодействие со специалистами смежных профессий, работающих в других учреждениях, умение работать в команде, согласовывать действия между субъектами взаимодействия, осознание личной и профессиональной ответственности за результаты профессиональной деятельности, направленность на сотрудничество с другими учреждениями и организациями, осознание своих возможностей в организации социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия.

5. Большая часть (298 чел./ 71,46%) респондентов относится к возрастной группе от 36 лет и старше. Согласно исследованиям в области психологии труда, после 35 лет постепенно изменяется мотивация профессиональной деятельности, преобладают так называемые социальные мотивы, что может положительно повлиять на готовность специалистов учреждений культуры и образования к социальному партнерству в решении рассматриваемой проблемы. Это подтверждается высокой сформированностью мотивационного и личностного компонентов у возрастной категории специалистов от 41 года и старше (197 чел. и 203 чел. соответственно от общей численности данной группы 241 чел.). В сравнении с представленными данными, у специалистов в возрасте от 20 до 40 лет высокая сформированность личностного и мотивационного компонентов представлена лишь у незначительной численности специалистов (43 чел. и 47 чел. соответственно).

6. Схожее количественное выражение сформированности мотивационного и личностного компонентов готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия может быть связано как с близостью сущности рассматриваемых компонентов, так и с удовлетворенностью респондентов профессиональной деятельностью. Подчеркнем, что $\frac{3}{4}$ опрошенных отмечают, что «полностью удовлетворены» (161 чел., 38,6%) и «скорее удовлетворены, чем нет» (163 чел./39,1%) профессиональной деятельностью.

7. Сформированность технологического компонента готовности специалистов к социально-культурному партнерству выявлена у 209 чел. (50%), т.е.: достаточно сформировано владение способами и приемами взаимодействия с другими специалистами, учреждениями и организациями; умение отбирать содержание социально-культурного партнерства с позиции наличия в них элементов воспитывающего, ценностно-смыслового характера; готовность и способность проектировать различные виды социально-культурной деятельности; умение инициировать, проектировать формы социально-культурного партнерства; учет при проектировании различных форм социально-культурного партнерства специфики и традиций вступающих во взаимодействие учреждений и организаций; умение организовать оценку эффективности реализуемых форм социально-культурного партнерства.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать сформированность готовности специалистов (на фоне достаточно сформированных когнитивного, личностного и мотивационного компонентов недостаточно сформирован технологический компонент готовности). Ранее изучение готовности специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия не проводилось. Представленные результаты эмпирического исследования позволяют определить направленность и содержание подготовки специалистов к социально-культурному партнерству в профилактике детского неблагополучия с учетом возраста и сферы профессиональной деятельности, как на этапе получения профессионального образования, так и на этапе профессиональной переподготовки, повышения квалификации и самообразования. Дальнейшее исследование ориентировано на разработку методики комплексной оценки социально-культурного партнерства в профилактике детского неблагополучия, технологии и форм социально-культурного партнерства в рассматриваемом контексте.

Список литературы / References

1. Милькевич О.А. Социально-культурное партнерство в профилактике детского неблагополучия: возможности и функции // Проблемы современного педагогического образования. - 2016.- № 52-7. - С. 277-283.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Mil'kevich O.A. Social'no-kul'turnoe partnerstvo v profilaktike detskogo neblagopoluchija: vozmozhnosti i funkci [Welfare partnership in prophylaxis of children's trouble: opportunities and functions] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education]. - 2016.- № 52-7. -S. 277-283. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.144

Морозов С.Н.¹, Мехтелева Е.А.²

¹Профессор, кандидат педагогических наук, ²доцент, кандидат педагогических наук,
Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма
РГУФКСМиТ (ГЦОЛИФК)

МНОГОЛЕТНЯЯ ДИНАМИКА ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СИНХРОНИСТОК 9-13 ЛЕТ

Аннотация

Работа посвящена многолетней динамике физической подготовленности синхронисток 9-13 лет. Выявленные сенситивные изменения плавательной и физической подготовленности, можно использовать в тренировочном процессе для оптимизации подготовки синхронисток с 9 до 13 лет. Следовательно, обучение технике гребков и позиций синхронного плавания, с параллельным освоением техники спортивных способов плавания, может явиться перспективным, в плане дальнейшей оптимизации процесса технической подготовки в синхронном плавании.

Ключевые слова: синхронное плавание, тренировка, гибкость, динамика, плавательная подготовка

Morozov S.N.¹, Mekhteleva E.A.²

¹Professor, PhD in Pedagogy, ²Associate professor, PhD in Pedagogy,
Russian state university of physical education, sport, youth and tourism. (SCOLIPE)

LONG-TERM DYNAMICS OF PHYSICAL PREPAREDNESS OF SYNCHRONIZED SWIMMERS 9-13 YEARS

Abstract

The work is dedicated to the long-term dynamics of physical preparedness of synchronized swimmers 9-13 years. Identified sensitive changes in swimming and physical fitness, can be used in the training process for optimizing the training of synchronized swimmers from 9 to 13 years. Therefore, the learning technique of the strokes and positions of synchronized swimming, with a parallel development of techniques of sporting methods of swimming can be promising in terms of further process optimization, technical training in synchronized swimming.

Keywords: synchronized swimming, exercise, flexibility, dynamics, swimming training.

Актуальность работы заключается в том, что синхронное плавание является одним из основных видов водного спорта. Соревнования по синхронному плаванию включены в программу Олимпийских игр, чемпионатов мира и континентов, разыгрываются медали среди солистов, дуэтов, групп на чемпионатах и первенствах. Выдающиеся результаты в синхронном плавании закладываются еще в детских спортивных школах.

Научная новизна работы определяется, отсутствием лонгитудальных исследований из-за большой сложности сбора материала, на основе которых можно выявить сенситивные периоды физической подготовленности синхронисток. Впервые проведены лонгитудальные исследования динамики физической и плавательной подготовленности синхронисток с 9 до 13 лет.

Практическая значимость заключается в том, что выявленные периоды интенсивного роста отдельных показателей физической подготовленности могут быть использованы в тренировочном процессе синхронисток.

Целью настоящего исследования являлось изучение динамики подготовленности синхронисток с 9 до 13 лет.

Для достижения цели исследования были сформулированы следующие задачи:

1. Определить динамику силовой подготовленности синхронисток с 9 до 13 лет.
2. Определить динамику гибкости синхронисток с 9 до 13 лет.
3. Определить динамику плавательной подготовленности синхронисток с 9 до 13 лет.

Для решения задач настоящего исследования были использованы следующие методы:

1. Анализ научно методической литературы
2. Антропометрия
3. Контрольные тестирования
4. Методы математической статистики

Организация исследования. Исследование в СДЮШОР 2 с 20011 по 2014 год в бассейне «Медведково». Силовая подготовленность определялась тестом на подтягивание. Спортсменки выполняли максимальное количество подтягиваний на шведской стенке в неограниченном времени. Скоростно-силовая подготовленность определялась тестом «прыжки со скакалкой». Спортсменки выполняли максимальное количество прыжков через скакалку за 30сек. Взрывная сила определялась тестом «выпрыгивание». Спортсменки выполняли максимально количество выпрыгиваний. Гибкость определялась тестом «правый-левый шпагаты», «мостик». Спортсменки принимали положение левого-правого шпагата с перерастяжки, высотой 50см, замерялось количество сантиметров от нижней части бедра передней ноги до пола. Так же проводился тест «мостик». Спортсменки выполняли положение мостика, с максимальным прогибом в спине, обращая внимания, чтобы обе руки были на одинаковом расстоянии от ног. Замерялось количество сантиметров от кисти руки до пятки той же ноги. Плавательная подготовленность - спортсменки проплывали 100 метров комплексным плаванием. Специальная плавательная подготовленность определялась по времени проплывания дистанции 100 метров специальным комплексом (25м. балетная нога, 25м. экбите боком, 25м. пропеллер, 25м. кроль на задержке дыхания). Так же для тестирования специальной плавательной подготовленности проводился тест «Обратная вертикаль». Синхронистки выполняли максимальное количество опорных гребков в положении обратной вертикали.

Динамика силовой подготовленности синхронисток в возрасте с 9 до 13 лет.

В табл.1 приведены средние значения и стандартные отклонения длины, массы тела и индекса массы тела у спортсменок синхронисток с 9 до 13 лет.

Таблица 1 – Среднее значение и стандартное отклонение длины, массы тела и индекса массы у спортсменок синхронисток с 9 до 13 лет (N=29)

Тест	9лет (n=7)	10лет (n=7)	11лет (n=7)	12лет (n=5)	13лет (n=3)
Длина тела	138,0±7,1	145,0±8,4	147,0±11,2	155,0±11,2	160,1±9
Масса тела	27,7±5,2	29,9±6,2	32,8±8,3	37,4±7,2	45,1±5,5
Индекс массы тела	14,7±6,4	13,8±7,2	15,7±9,8	16,6±9,9	17,5±6,4

Как видно из приведенных в табл.1 данных, что длина тела у спортсменок возрастает с 138,0 см в возрасте 9 лет до 160,1 см в возрасте 13 лет. Аналогично увеличивается и масса тела с 27,7 кг в возрасте 9 лет до 45,1 кг в возрасте 13 лет, с некоторой стабилизацией с 9-12 лет и резким увеличением показателей с 12-13 лет, что полностью соответствует сенситивным периодам. Индекс массы тела у спортсменок возрастает со 14,7 в возрасте 9 лет до 17,5 см в возрасте 13 лет. Выявленные изменения следует учитывать в процессе подготовки синхронисток (табл.1).

Количество подтягиваний у спортсменок стабильно с 9 до 10 лет. Наблюдается большой прирост показателей с 5,4 до 7,3 в возрасте 13 лет. Количество прыжков со скакалкой увеличивается с 12 до 13 лет. В возрасте 9-11 лет наблюдается относительная стабилизация показателей. Количество выпрыгиваний у спортсменок незначительно возрастает, но данные изменения не являются статистически значимыми (рис.1).

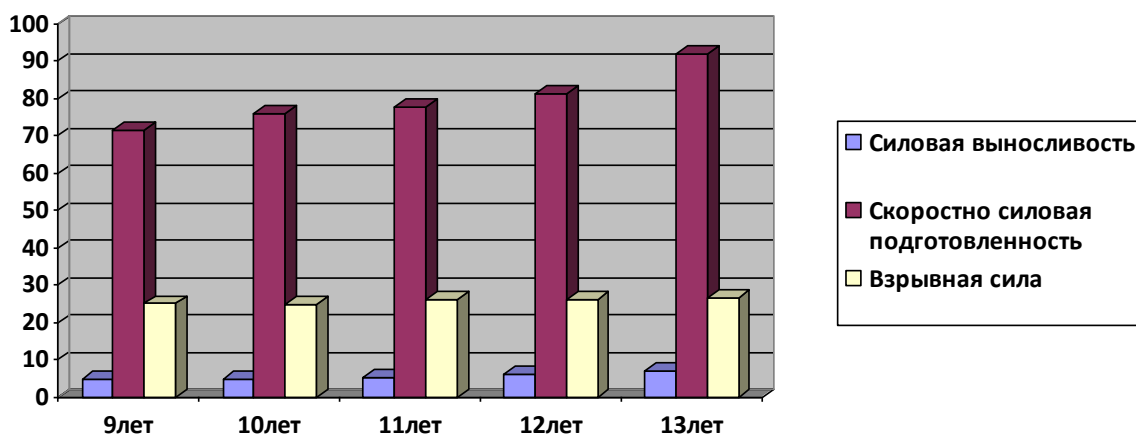

Рис. 1 – Показатели упражнений ОФП в возрасте с 9 до 13 лет.

Средние значения и стандартные отклонения показателей правого шпагата лучше левого, что связано с ведущей ногой у спортсменок. Показатели правого шпагата улучшаются почти в два раза, а левого шпагата почти не меняются. Показатели мостика с возрастом практически мало меняются (табл.2).

Таблица 2 – Среднее значение и стандартное отклонение показателей гибкости у спортсменок синхронисток в возрасте 9-13 лет (N=29)

Тест	9лет3 (n=7)	10лет (n=7)	11лет (n=7)	12лет (n=5)	13лет (n=3)
Правый шпагат (см.)	7,6±6,5	6,6±6,1	5,3±2,7	4,6±2,0	3,4±2,9
Левый шпагат (см.)	14,8±14,1	14,0±9,7	13,5±14,9	13,0±9,9	11,2±12,7
Мостик (см.)	11,5±8,2	11,1±9,8	11,0±3,1	7,6±7,0	7,0±8,2

Многолетняя динамика плавательной подготовленности.

Время проплывания 100 м. комплексным плаванием улучшается с 11 до 13 лет. Время проплывания 100м специальным комплексным плаванием также улучшается, особенно в возрасте 11-12 лет. Количество гребков в позиции обратной вертикали увеличивается более чем в два раза, но в возрасте 11-12 лет наблюдается небольшой прирост (табл.3).

Таблица 3 – Среднее значение и стандартное отклонение показателей плавательной подготовленности у спортсменок синхронисток в возрасте 9-13 лет (N=29)

Тест	9лет (n=7)	10лет (n=7)	11лет (n=7)	12лет (n=5)	13лет (n=3)
100м. комплекс	91,1±6,5	89,5±6,1	88,9±2,7	86,8±2,0	85,4±2,9
100м. спец. комплекс (25м. балетная, 25м. экбите, 25м. пропеллер, 25м. кроль на задержке дыхания)	152,4±9,1	151,3±9,7	147,2±9,9	142,3±9,9	138,4±9,7
Вертикаль (кол-во гребков)	10,1±9,3	14,3±9,2	18,7±8,9	19,4±9,9	24,4±8,9

Выводы

1. У синхронисток в периоде с 9 до 13 лет морфологические показатели – длина, масса и индекс массы тела имеют положительную динамику. Некоторая стабилизация наблюдается в длине тела в возрасте 10-11 лет, а в массе и индексе массы тела в 9-10 лет, что необходимо учитывать тренеру.
2. Показатели правого шпагата улучшаются почти в два раза, а левого шпагата почти не меняются. Это связано с тем, что шпагат ведущей ноги более подвержен изменениям.
3. Отсутствие значимых изменений показателей гибкости, предполагает более ранний отбор по показателям гибкости у синхронисток (до 9 лет).
4. Результаты в комплексном плавании 100м и специальном комплексном плавании начинаются увеличиваться с 11-летнего возраста.
5. Количество гребков в обратной вертикали увеличивается с 9 до 13 лет, что отражается и на качестве выполнения фигур в синхронном плавании.
6. Выявленные периоды интенсивного роста физической подготовленности у синхронисток 9-13 лет следует учитывать в процессе подготовки спортсменок.

Список литературы / References

1. Максимова М.Н. Многолетняя спортивная тренировка в синхронном плавании: Учеб. пособие для студентов РГУФКа: Рек. Эксперт.-метод. Советом РГУФКа / Максимова М.Н., Боголюбская М.С., Максимова Г.В. - М.: РГУФК, 2004. - 58 с.
2. Максимова М.Н. Теория и методика синхронного плавания : учеб. для образоват. учреждений высш. проф. образования, осуществляющих образоват. деятельность по направлению 034300.62 : рек. УМО вузов РФ по образованию в обл. физ. культуры / М.Н. Максимова. - М.: Сов. спорт, 2012. - 304 с.: ил.
3. Теория и методика синхронного плавания [Электронный ресурс] : пример. прогр. дисциплины федер. компонент цикла СД ГОС по специальности 032101.65 : утв. и рек. эксперт.-метод. советом РГУФКСМиТ / сост. Максимова М.Н. ; М-во спорта, туризма и молодеж. политики РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования "Рос. гос. ун-т физ. культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК)". - М., 2011.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Maksimova M.N. Mnogoletnaja sportivnaja trenirovka v sinhronnom plavanii: Ucheb. posobie dlja studentov RGUFKa: Rek. Jekspert.-metod. Sovetom RGUFKa / Maksimova M.N., Bogoljubskaja M.S., Maksimova G.V. [Years of

sports training in synchronized swimming: textbook for students of RGUFK: Recommended Expert-methodological Council of RGUFK / Maksimova M. N., The Bogolyubovo M. S., Maximov G. V.] - M.: RGUFK, 2004. - 58 s. [in Russian]

2. Maksimova M.N. Teorija i metodika sinhronnogo plavanija : ucheb. dlja obrazovat. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovanija, osushhestvlyajushih obrazovat. dejatel'nost' po napravleniju 034300.62 : rek. UMO vuzov RF po obrazovaniju v obl. fiz. kul'tury / M.N. Maksimova. [Theory and methods of synchronized swimming : textbook for educational institutions of higher professional education, carrying out educational activities in the direction 034300.62 : recommended by UMO of higher education institutions of Russia on education in. physical culture / M. N. Maksimova] - M.: Sov. sport, 2012. - 304 s.: il. [in Russian]

3. Teorija i metodika sinhronnogo plavanija: primer. progr. discipliny feder. komponent cikla SD GOS po special'nosti 032101.65 : utv. i rek. jekspert.-metod. sovetom RGUFKSMiT / sost. Maksimova M.N. ; M-vo sporta, turizma i molodezh. politiki RF, Feder. gos. bjudzhet. obrazovat. uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovanija "Ros. gos. un-t fiz. kul'tury, sporta, molodezhi i turizma (GCOLIFK)". [Theory and methods of synchronized swimming [Electronic resource]: the example program disciplines Federal component of the cycle of SD STATE with a degree 032101.65 : approved and recommended the expert-methodological Council of the RGUFKSMiT / made up Maksimova M. N. ; The Ministry of sport, tourism and youth policy of the Russian Federation, Federal state budgetary educational institution of higher professional education "Russian state University of physical culture, sport, youth and tourism (GCOLIFK)".] - M., 2011. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.073

Мыльцева М.В.

Соискатель, ст. преподаватель, Институт иностранных языков,
Российский университет дружбы народов

КРИТЕРИИ ВЫБОРА УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ НАВЫКАМ УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные критерии, которыми следует пользоваться для эффективного отбора учебных текстов научного характера при обучении устной монологической речи. Продемонстрирован и подробно анализируется алгоритм процесса обучения с помощью применяемых критериев, показаны существующие проблемы в практике обучения, которые позволяет решить применение критериев аутентичности, иллюстративности, информативности. Кроме того, доказано, что значительную роль в повышении качества овладения устной монологической речью играет учёт критериев познавательности, жанрового и видового разнообразия и смысловой завершенности учебных текстов научного характера.

Ключевые слова: аутентичность, иллюстративность, информативность, критерий, монологическая речь, научный текст, учебный текст.

Myltseva M.V.

Postgraduate student, senior lecturer,
Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University

CRITERIA FOR THE SELECTION OF EDUCATIONAL TEXTS AND THE EFFECTIVENESS OF TRAINING ORAL MONOLOGUE SPEECH

Abstract

This article considers the main criteria which should be used for effective selection of educational scientific texts when teaching oral monologue speech. The algorithm of the training process is demonstrated and analyzed in detail by using criteria that demonstrates the existing problems in the practice of teaching, which can be solved by applying criteria of authenticity, illustrative, informative. In addition, it is proved that a significant role in improving the quality of mastering of the oral monologue speech has a criteria-based cognition, genre and species diversity and semantic completeness of educational texts of a scientific nature.

Keywords: authenticity, illustrative, informative, criterion, monologue speech, academic text, educational text.

В современных условиях от уровня владения иностранными языками во многих случаях весьма существенно зависят карьерные перспективы специалиста с высшим профессиональным образованием в любой сфере деятельности. Именно поэтому уровень владения навыками устной монологической речи так важен для обучающихся на факультетах иностранных языков и именно поэтому формированию подобных навыков уделяется столь большое значение в процессе обучения.

Все современные учебные пособия предлагают обучающимся огромный выбор учебных текстов. Они, безусловно, ценны для развития навыков монологической речи с точки зрения содержания, но при этом они ориентируют студентов еще и на формирование межкультурной языковой компетенции⁵⁰.

Любой текст, рассматриваемый в ходе обучения в качестве основы для общения, должен быть увлекательным, интересным, информативным и соответствовать возрасту обучающихся⁵¹. Текстовый материал при этом обязан стимулировать потребность в его обсуждении и формировать у обучающихся умение передавать полученную

⁵⁰ См.: Ковалева Т. А. Обучение решению коммуникативно-познавательных задач в процессе иноязычного информативного чтения: монография / Т.А. Ковалева, Т.С. Серова. - Пермь, 2006. С. 36.

⁵¹ См.: Вязовова Н.В., Севидова Н.А. Обучение монологической речи на основе текста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 92.

информацию. Она должна вызывать у них общекультурный, научный, общественно-политический и страноведческий интерес.

В методической литературе научные тексты, как правило, характеризуются содержательной частью (информативность и смысловая завершенность), языковыми осложнениями (наличием неизвестных лексических единиц) и иллюстративностью, которая включает в себя наглядные примеры и комментарии⁵².

Начинать формирование навыков устной монологической речи научного характера следует с самого простого текстового материала – т. е. с описательного текстового материала, содержащегося в учебниках, научных статьях, а позднее – и в научных монографиях. Именно такой материал, при всей своей возможной сложности, наиболее доступен обучающимся по своему структурно-семантическому языковому оформлению, по композиции, а также по наличию научной логики.

Разумеется, при отборе учебных текстов для формирования навыков устной монологической речи у студентов факультетов иностранных языков следует руководствоваться набором характеристик текста как единицы коммуникации.

В данном контексте интересно мнение Н.К. Шагадаровой о характере и механизме формирования структуры текста, которую формирует, по ее мнению, не только логико-предметный план. В процессе построения текста его содержание в качестве мыслительного образования представляется в виде линейной последовательности системно организованных языковых единиц. При этом предметно-логические отношения подчиняются целевой установке автора, обуславливающей выбор способа передачи информации⁵³.

Критерии, при помощи которых происходит отбор учебных текстов, не ограничиваются одними лишь семантическими составляющими. Порядок профессиональной ориентации учебных текстов также может реализовываться с применением ее главенствующей функциональной направленности как исполнения коммуникативных направлений текста. Основа научного текста – познавательность, поэтому такие тексты принадлежат к монологической речи сообщаемого типа.

Тем не менее, представляется, что и данная классификация не слишком информативна, поэтому следует разграничить монологическую речь сообщаемого типа на четыре вида – в соответствии с их информативно-функциональными характеристиками:

- констатирующая (категория, в которой изложение учебных фактов не требует дополнительных изъяснений);
- поясняющая (категория, характеризующаяся наличием специфики разъяснения учебных фактов);
- аргументирующая (категория, где научные факты подтверждаются умозаключениями или примерами);
- директивная (содержит положения, которые определяют последовательность выполнения действий, что и приводит к определенной цели).

При работе с текстовым материалом необходимо обращать внимание обучающихся на тематическое содержание, вид текста, а также стимулировать ознакомление их с логической и жанровой структурой представляемого материала.

Подача текстового материала осуществляется, как правило, в рамках определенных видов устной монологической речи: это описание, рассуждение, повествование. Каждый из названных способов подачи информации обладает собственной семантической структурой и предоставляет языковые средства, требуемые для построения определенного текста.

Стандартные ситуации, которые возникают у обучающихся в процессе обучения, также должны быть отражены при отборе учебных текстов. Соответственно, методический материал должен содержать набор типовых текстов, при помощи которых студенты могут раскрывать такие составляющие текстовой информации как «теория», «гипотеза», «описание» и др.⁵⁴

При решении вопроса о форме представления текстового материала следует учитывать то, какую роль играет доступность текста с точки зрения возможности его осмысления обучающимся и дальнейшего использования ими в качестве опоры при построении фраз. Кроме того, необходимо придавать значение и языковым трудностям в тексте, т.е. возможности его применения в определенных обстоятельствах. На практике осуществить это весьма непросто, поэтому проблема типологизации текстов хотя бы частично может решаться путем его адаптации⁵⁵.

Также следует обратить внимание на такой важнейший критерий, как уровень языковой подготовки обучающегося. Значимым фактором при этом является этап обучения, поскольку уровень владения языком должен расти в процессе обучения. На практике так происходит, к сожалению, не всегда.

Таким образом, учебные научные тексты должны содержать функционально-семантический тип монологической речи и стимулировать обучающихся на анализ переданного им материала. При этом обучающийся обязан не только понимать основное содержание лекции или доклада, но и в дальнейшем научиться их воссоздавать.

Текстовый материал должен содержать в себе такие образцы, при помощи которых у обучающихся развиваются навыки структурного анализа типов научного текста, умения фиксировать основную смысловую информацию – с помощью конспектирования, правил сокращения слов, умения формулирования «наводящих» вопросов, составления алгоритма текста, и, в итоге, формировать умение подготовки сообщения на заданную тему.

⁵² Пашкова М.Н. Обучение аудированию и конспектированию научного монологического высказывания иностранцев-нефилологов на материале языка специальности (фреймный подход): дисс. ... канд. педагог. наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 48.

⁵³ См.: Шагадарова Н.К. Лингводидактическая типология учебных текстов при обучении языку профессионального общения: автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М., 2006. С. 3-4.

⁵⁴ См.: Мкртчян В.С. Текст как основная единица обучения аудированию в иностранной аудитории на продвинутом этапе обучения // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 апреля 2013 г., г. Самара) / отв. ред. А. А. Курулёнок. – Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2013. С. 252.

⁵⁵ См.: Вязовова Н.В., Севидова Н.А. Обучение монологической речи на основе текста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 3. С. 94.

По своему характеру основой для **подготовки сообщения** может являться как научно-популярный, так и специальный научный текст (статьи, доклады и т.п.). В любом случае они должны соответствовать целям обучения, т.е. формированию у обучающегося навыков устной монологической речи⁵⁶. При этом следует учитывать, что описательные научные тексты содержат в себе базовый запас лексики. Она включает в себя необходимое содержание и обязательные смысловые единицы.

Так как научный текст является, прежде всего, информативным механизмом, и, кроме того, он выступает ещё и в качестве конкретной модели языка в речевом материале, то он включает в себя и все необходимые для процесса обучения составляющие. Это:

- образец построения логики и жанровой структуры;
- семантическая и содержательная опора для ведения диалога;
- основа для увеличения языковых и тематических умений и навыков.

Таким образом, воспринимая текстовый материал как составляющую методики обучения устной монологической речи, следует учитывать, что наиболее значимыми являются критерии отбора научного текста с формально-логической точки зрения. Нам представляется, что основными критериями для отбора учебных текстов являются информативность и смысловая делимость текста при наличии в нем единого смыслового содержания. Разумеется, все учебные научные тексты должны соответствовать ещё и содержательной стороне процесса обучения. *Основными критериями* отбора текстов здесь необходимо считать тематическое соответствие.

Если взять в качестве основы для подготовки текста качественно-семантический критерий, то следует учитывать такие параметры монологической речи как:

- фрагментарность (3-5 предложений) – выступление может быть представлено в виде краткого ответа на вопрос, изложения своих взглядов и суждений, резюме;
- монологическое единство (6-13 предложений) – подробный развернутый монолог, краткий доклад, рассказ о событии, пересказ события;
- выступление (14-20 предложения) – длительный монолог, подробное освещение заданной темы, детальный пересказ;
- доклад (более 20 предложений) – большой, пространственный монолог, изложение объемного текста, позволяющее подробно выделить и рассмотреть уже целый ряд вопросов в деталях.

Таким образом, основой в изучении устной монологической речи становится определенная временная протяженность монолога, выступающего в качестве целостной речевой коммуникации.

По мнению экспертов, существует два главных принципа, которым у обучающихся должно соответствовать развитие навыков монологической речи. Это⁵⁷:

- принцип достаточности для достижения поставленных целей при обучении монологической речи;
- принцип доступности научного текстового материала.

Исходя из этого при отборе учебных текстов для формирования у обучающихся навыков монологической речи необходимо выявлять и учитывать специфику тех, кто изучает иностранные языки. Поэтому главенствующим в данном случае выступает принцип доминирования аутентичности текста, в который входит терминология и синтаксическая структура информативной составляющей предлагаемого материала.

Основная роль научного текста, включающего в себя аутентичную основу, заключается в оказании стимулирующего воздействия по формированию умений и навыков в устной монологической речи у обучающихся иностранному языку на любом курсе. Также это повышает уровень знаний и позволяет более эффективно осваивать монологическую речь, целью которой является эффективное восприятие, осмысливание и фиксация основы содержания с помощью полученных умений извлечения главной информации из научного текста.

Таким образом, основные критерии отбора учебных текстов для обучения устной монологической речи – это информативность учебного научного текста, его аутентичность, познавательность, жанровое и видовое разнообразие и смысловая завершенность. Для эффективного обучения устной монологической речи требуется учет всех этих критериев, однако следует понимать, что только этого недостаточно, необходимы ещё и обширная подготовительная и практическая деятельность в рамках специального комплекса упражнений по формированию навыков устной монологической речи.

Кроме того, следует отметить, что в целях оптимизации процесса обучения монологической речи, в дополнение к основным критериям отбора учебного научного текста следует использовать еще и общие критерии для выбора языкового материала. Это:

- достаточность материала для формирования навыков устной монологической речи;
- доступность материала, т.е. его соответствие уровню профессионального становления обучающегося;
- соответствие тематической составляющей учебных научных текстов плану и специальности обучения.

Литература

1. Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. и др. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В.Химики, Л.Б.Волковой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003.
2. Вязовова Н.В., Севидова Н.А. Обучение монологической речи на основе текста // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. № 3.
3. Ковалева Т. А. Обучение решению коммуникативно-познавательных задач в процессе иноязычного информативного чтения: монография / Т.А. Ковалева, Т.С. Серова. - Пермь, 2006.

⁵⁶ Шагдарова Н.К. Лингводидактическая типология учебных текстов при обучении языку профессионального общения: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. - М., 2006. С. 6.

⁵⁷ Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. и др. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В.Химики, Л.Б.Волковой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 192.

4. Мкртчян В.С. Текст как основная единица обучения аудированию в иностранной аудитории на продвинутом этапе обучения // Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25 апреля 2013 г., г. Самара) / отв. ред. А. А. Курулёнок. – Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2013.

5. Пашкова М.Н. Обучение аудированию и конспектированию научного монологического высказывания иностранцев-нефилологов на материале языка специальности (фреймовый подход): дисс. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2014.

6. Шагдарова Н.К. Лингводидактическая типология учебных текстов при обучении языку профессионального общения: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2006.

References

1. Bure N.A., Bystryh M.V., Vishnjakova S.A. i dr. Osnovy nauchnoj rechi: Ucheb. posobie dlja stud. nefilol. vyssh. ucheb. Zavedenij [Scientific basis of speech: a textbook for students of non-philological higher educational institutions] / Pod red. V.V.Himika, L.B.Volkovoj. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003.[in Russian]

2. Vjazovova N.V., Sevidova N.A. Obuchenie monologicheskoy rechi na osnove teksta // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki.[Teaching monologic speech on the basis of the text // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities] 1998. № 3.[in Russian]

3. Kovaleva T. A. Obuchenie resheniju kommunikativno-poznavatel'nyh zadach v processe inozazychnogo informativnogo chtenija: monografiya [Training to solve communicative-cognitive tasks in the process of foreign language extensive reading: a monograph] / T.A. Kovaleva, T.S. Serova. - Perm', 2006.[in Russian]

4. Mkrтчjan V.S. Tekst kak osnovnaja edinica obuchenija audirovaniju v inostrannoј auditorii na prodvinutom jetape obuchenija // Sbornik statej III Vserossijskoј nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Text as the basic unit of teaching listening comprehension in foreign audience at an advanced stage of training. The collection of articles of III all-Russian scientific-practical conference with international participation] (25 aprelja 2013 g., g. Samara) / отв. ред. А. А. Курулjonok. – Novosibirsk: Izd-vo ООО «Nemo Press», 2013.[in Russian]

5. Pashkova M.N. Obuchenie audirovaniju i konspektirovaniju nauchnogo monologicheskogo vyskazyvanija inostrancev-nefilologov na materiale jazyka special'nosti (frejmovyj podhod) [Teaching listening and note-taking scientific monologic statements of foreign intelligence on the language of speciality (a frame approach)]: diss. ... kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg, 2014.[in Russian]

6. Shagdarova N.K. Lingvodidakticheskaja tipologija uchebnyh tekstov pri obuchenii jazyku professional'nogo obshhenija: avtoref. diss.[Didactic typology of educational texts in teaching language for professional communication. the dissertation] ... kand. ped. nauk. - M., 2006.[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.114

Никонов В.И.¹, Никонов И.И.², Морозов А.П.³, Никонов Н.В.⁴

¹ORCID: 0000-0001-7202-9679, Кандидат педагогических наук, доцент

²ORCID: 0000-0003-2526-1760, Кандидат педагогических наук, профессор,

³ORCID: 0000-0003-0209-4859, Кандидат педагогических наук, доцент,

⁴ORCID: 0000-0001-8888-0636, студент бакалавр,

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)

СОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ К ГЛАВНОМУ СТАРТУ СЕЗОНА

Аннотация

В статье приводится сравнительный анализ многолетней подготовки и выступлений сборных команд на международной арене, и схема наиболее благоприятного распределения соревнований различных категорий в системе подготовки спортсменов к главному старту сезона. Большое значение в подготовке к главным стартам имеет организация этапа непосредственной подготовки к главному старту, в зависимости от календаря соревнований и планов подготовки на этот период. Необходимость моделирования в последних микроциклах перед стартом программы основного соревнования по часам. Описывается система стартов по их значимости определяющая направленность процесса подготовки и последствия необоснованного увеличения количества стартов.

Ключевые слова: соревновательная подготовка, главный старт, соревнования различных категорий, отборочные старты.

Nikonov V.I.¹, Nikonov I.I.², Morozov A.P.³, Nikonov N.V.⁴

ORCID: 0000-0001-7202-9679, PhD in Pedagogical, ORCID: 0000-0003-2526-1760, PhD in Pedagogical, Professor,

ORCID: 0000-0003-0209-4859, PhD in Pedagogical, ORCID: 0000-0001-8888-0636, a student is the baccalaureate,

Russian State University of Physical Culture, Sports, Youngsters and Tourism

RIVAL PROCESS OF PREPARING FOR THE MAIN LAUNCH OF THE SEASON

Abstract

The article gives comparative analysis of the long-standing training and performances of national teams in the arena, and the pattern of the most favorable distribution of different kinds in the system for training athletes for the start of the season. Big difference in preparation for the main launch has the organization of the stage to direct a main launch, depending on the calendar of competition and plans of preparing for this period. Need for modeling in the last of the micro cycles before the start of the program of main competition in the clock. Is the system of starts by their significance determining the directivity in the process of cooking and the effects of the unreasonable increase in the number of starts.

Keywords: main launch, competition of different kinds, elimination it, trial, rival drug.

В спортивной практике одним из факторов обеспечивающих процесс подготовки спортсменов любого уровня, являются соревнования различного ранга, подчёркивают Н.Г. Озолин, Л.С. Хоменков, В.М. Ягодин и мн. другие учёные и тренеры. Следует так же, обратить особое внимание и на высказывания ведущих специалистов и спортсменов, указывающих на тот факт, что участие в соревнованиях любого ранга, являются наиболее эффективным средством воздействия на процесс подготовки спортсменов. Подтверждением сказанному могут служить результаты анализа подготовки Олимпийского чемпиона 1980 г. В. Казакевича, который в период подготовки к главному старту сезона, перемещаясь по Европе, принял участие в 35 стартах (В.М. Ягодин, 1981 г).

Соревнования принято делить на тренировочные, подготовительные и главные (Л.С. Хоменков, 1966). Такое деление предусматривает, что к главному старту спортсмен должен пройти через серию тренировочных, а затем и подводящих соревнований. Участие в соревнованиях, сначала имеют тренировочную, а затем подводящую роль к главному старту. Участие в соревнованиях следует рассматривать с двух точек зрения: с одной - они способствуют развитию тренированности и совершенствованию технической и физической подготовке спортсмена - постепенное вхождение в спортивную форму; с другой - они завершают определённый этап подготовки и позволяют оценить степень готовности к участию в отборочных и главных стартах. В первом случае они предусматривают дальнейшее совершенствование техники и физических качеств на базе новых и ранее изученных упражнений, способствующих объединению элементов в связки и единое двигательное действие.

Во втором случае - они предусматривают выполнение определённых нормативов, при которых открываются возможности участия в отборочных и главных стартах, которые в свою очередь стимулируются определенными материальными вознаграждениями. Участие в соревнованиях не только даёт тренировочный эффект, но и помогает в психологической подготовке и приобретению соревновательного опыта. Механика спортивных упражнений обусловлена законами движения физических тел и обязательна для всех спортсменов (владение биомеханически обоснованной «классической техникой»). Однако в силу антропометрических различий, подвижности в суставах и силы отдельных мышечных групп, техника движений (на каждом из этапов подготовки) приобретает «классико-индивидуальные» особенности. В процессе выступления в серии стартов вырабатывается индивидуальная тактика снижения нагрузки в последней неделе, и форма поведения спортсмена на соревнованиях. Не возможно достичь высоких, стабильных результатов редко выступая на соревнованиях. В этой связи вызывает удивление отказ сильнейших спортсменов от участия в незначительных соревнованиях и стремление освободиться от контрольных стартов, включая отборочные соревнования и чемпионаты страны. В процессе подготовки сборной команды СССР в период с 1980 по 1995 год, неоднократно отмечалось, что спортсмены, получившие карт-бланш на участие в главном старте сезона, показывали результаты в пределах с 6 по 10 место.

Практически любой легкоатлет может принимать участие в соревнованиях проводимых в любое время года. Весь вопрос в том, что перед спортсменом должны быть поставлены такие задачи - какие бы соответствовали решению задач на этапе подготовки и сочетались со стратегией подготовки спортсмена к главному старту. Тенденция к увеличению числа соревнований связана не только с соревновательным периодом, но и с этапами подготовки направленными на развитие комплекса физических качеств. Так для совершенствования скорости и ритма - целесообразно принимать участие в спринтерском и барьерном беге, для совершенствования отталкивания - в прыжках в длину и высоту. Для совершенствования общей и специальной выносливости - в кроссовом беге и различного рода многоборьях.

Вхождение в спортивную форму во многом зависит от количества и характера стартов. С приближением главного старта должна возрастать острота спортивных соревнований. Обязательно следует чередовать трудные старты с менее трудными (сильных с менее сильными участниками).

Количество стартов в сериях определяется видом лёгкой атлетики, уровнем спортивного мастерства и функциональных возможностей спортсменов. Из опыта подготовки сборных команд установлено, что для успешного выступления в главном старте, обычно планируется выступление в среднем 16-18 стартах. Однако количество стартов для каждого спортсмена определяется опытным путём. В большей степени значение имеет система стартов по значимости определяющая направленность процесса, чем необоснованное увеличение количества стартов.

Для успешной реализации достигнутого уровня тренированности следует принимать участие в 5-7 стартах в I – соревновательном периоде и 10-15 стартов во II соревновательном периоде, всего 15 - 22 старта в год. Если такого количества стартов в календаре нет, их необходимо организовать.

ЗНАЧЕНИЕ СОРЕВНОВАНИЙ. В спортивной практике соревнования подразделяются на несколько категорий:

К ПЕРВОЙ категории относятся главные старты сезона. Сроки их проведения определяются международным календарём соревнований (Олимпийские игры, чемпионаты Мира, Европы, Универсиады)

К ВТОРОЙ категории - относятся главные отборочные старты, для спортсменов сборных команд и главные старты для спортсменов второго эшелона. Их сроки определяются в соответствии с соревнованиями I категории (Чемпионаты страны, городов, обществ и организаций).

К ТРЕТЬЕЙ категории - относятся тренировочные и контрольные старты. Их сроки определяются программой подготовки к стартам II категории. Для начинающих спортсменов - это главные старты.

К ЧЕТВЁРТОЙ категории - относятся старты, утешительные и поощрительные старты, которые обычно проводятся в конце соревновательного или в начале подготовительного периодов.

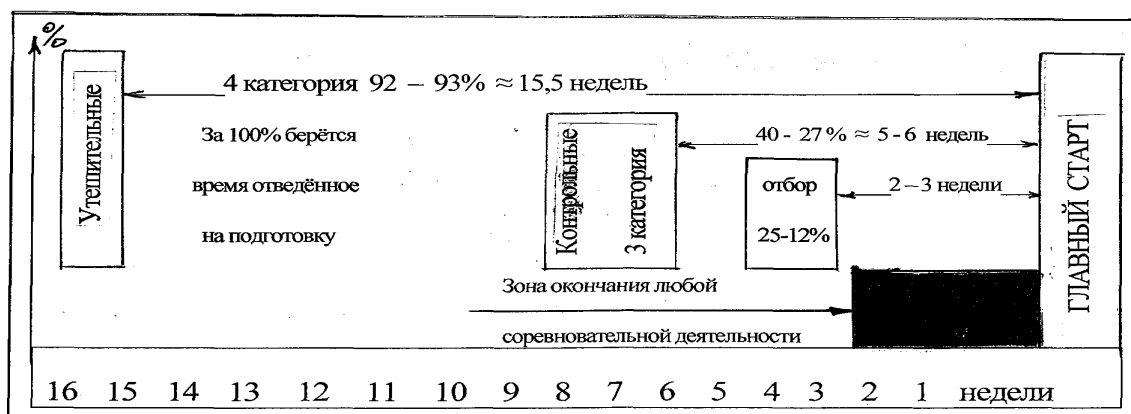

Рис. 1 – Схема распределение соревнований различных категорий по зонам действия $X \pm 5\%$.

В процессе анализа многолетней подготовки и выступлений сборных команд на международной арене, сформировалась схема наиболее благоприятного распределения соревнований различных категорий в системе подготовки спортсменов к главному старту сезона (рис.1)

По данным Н.Г. Озолина и В.М. Дьячкова стрессовые тренировки и выступление в главных и отборочных стартах вызывают чрезмерное напряжение, утомление, требующее от 10 до 16 дней на восстановление.

Соревнования следует проводить сериями: Старты III категории проводятся от 3 в неделю, до 5 в две недели. Старты II категории объединяются по 2-3 старта с интервалом в 7 -10 дней. В стартах I категории следует принимать участие 1-2 раза за период подготовки с интервалом восстановительных мероприятий в 3- 4 недели.

Большое значение в подготовке к главным стартам имеет организация этапа непосредственной подготовки к главному старту. В зависимости от календаря соревнований и планов подготовки этот период захватывает от 7 до 14 дней. В последних микроциклах перед стартом моделируются по часам программы основного соревнования. Разминка перед стартом должна проводиться с учётом индивидуальных особенностей спортсмена, за один, два дня или перед стартом. Основной задачей этого этапа является поддержание технического и функционального состояния спортсмена, и чем меньше времени на подготовку к следующему старту, тем большее значение приобретают восстановительные мероприятия.

Ориентировочные программы 7, 10, 14 дней до старта и т.д. представлены в методическом пособии «Соревновательная подготовка» Никонов И.И. и Никонов В.И. М- 2004. В настоящее время, когда коммерческие старты составляют одну из сторон развития и существования лёгкой атлетики, необходимо учитывать данную форму подготовки. На основании анализа выступлений спортсменов сборной команды, совмещающих подготовку к главным стартам (Олимпийским играм, Чемпионатам мира и т.д. когда на карту поставлена честь родины) с участием в коммерческих соревнованиях было установлено, что такое совмещение отрицательно сказывается на общей подготовке и участии в главном старте. Участие в коммерческих стартах допустимо лишь в том случае, когда эти старты по времени укладываются в рамки установившейся схемы.

Список литературы / References

1. Озолин Н.Г. Современная система спортивной тренировки. –М.:ФиС, 1970.
2. Харе Д. Учение о тренировке. - М.: ФиС, 1971.
3. Холменков Л.С. Учебник тренера по лёгкой атлетике. –М. ФиС, 1982.
4. Никонов И.И., Никонов В.И. Соревновательная подготовка (тренировка день за днём) ООО «Принт Центр», - М.: 2004.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Ozolin N.G. Sovremennaya sistema sportivnoy trenirovki. [Modern system of sports training]. -M.:FiS, 1970. [in Russian]
2. Xare D. Uthenie o trenirovke.[Learning about the training]. - M.: FiS, 1971.
3. Xolmenkov L.S. Utebnik trenera po legkoyi atletike. [Textbook of coach in athletics]. –M.: FiS, 1982. [in Russian]
4. Nikonov I.I., Nikonov V.I. Corevnovatelnay podgotovka (Trenirovka deni za dnem) [Rival drug is a school (Training day bay day)]. ООО «Print Tsentr», -M.:2004. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.172

Петрунина С.В.¹, Хабарова С.М.², Можаров А.И.³, Попова О.В.⁴, Луткова И.Н.⁵^{1,2,3,4,5}Кандидат педагогических наук, доцент, ПГУ**КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДВИЖНЫХ ИГР ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА****Аннотация**

В настоящее время наметилась тенденция снижения интереса к физической культуре и спорту, в частности к уроку физической культуры. Уровень физической подготовленности учащихся не соответствует требованиям современного общества. В этой связи необходим поиск новых средств и форм физкультурно-оздоровительной работы, способствующих повышению интереса к физической культуре, увеличению двигательной активности, улучшению здоровья детей и подростков. В статье представлены игровые мероприятия связанные со здоровым образом жизни и способствующие не только повышению двигательной активности, но и повышению интеллектуального развития детей.

Ключевые слова: двигательная активность, физическое воспитание, здоровье, младшие школьники, игры на повышение двигательных действий

Petrulina S.V.¹, Khabarova S.M.², Mojarov A.I.³, Popova O.V.⁴, Lutkova I.V.⁵^{1,2,3,4,5}PhD assistant professor, Penza State University**BRIEF DESCRIPTION OF OUTDOOR GAMES FOR CHILDREN AT PRIMARY SCHOOL AGE****Abstract**

Nowadays there is a tendency of major decrease in engaging in sports and physical education classes in particular. The physical fitness of the pupils does not meet the requirements of the modern society. That is why it is necessary to seek new forms and ways of physical training that will promote an increase of interest in physical education, physical activity and improving health of children and teenagers. The article presents the play activities associated with a healthy lifestyle and contributes not only to increase motor activity, but also improvement of intellectual development of children.

Keywords: motor activity, physical education, health, younger schoolchildren, dynamic interdisciplinary games

Due to the fact that children at the age of 6 - 10 years are not familiar enough with all kinds of natural movements, outdoor games associated with walking, running, jumping, throwing should take a significant place in the physical education of younger students.

Younger students are more prone to various environmental influences. They get tired quicker. This is due to the fact that the heart, lungs and vascular system of children at this age are lagging behind in development and muscles are still weak, especially back muscles and abdominal muscles. The musculoskeletal system is not so strong either, and therefore the possibility of injury increases. Therefore, games involving running and jumping should not be long and should be accompanied by frequent breaks. Considering that the muscles and joints of children at this age are not sufficiently matured yet, it is not recommended to introduce games with high intensity.

During this period it is more difficult for children to isolate and get precise control over particular movements. Children get tired quickly, but they are soon willing to move again. Monotonous movements are especially tiring for them.

Attention of children at primary school age is still not stable. Children are often distracted by something that seems more interesting at the moment. In this regard, active games should not require long focused attention. Otherwise, children will no longer obey the rules of the game resulting in losing any interest whatsoever. It is worth remembering that the mastery of skills and abilities at this age is more effective at the level of involuntary memory than voluntary. Will and brake function are underdeveloped. It is difficult for children to listen to the explanation of the game attentively, and without having finished listening to the explanation of the game, they often offer their services at one or another role in the game.

The mindset of children at primary school age (especially of students in 1-2 grades) is mainly figurative, substantive, but by the second year it begins to give way to thinking about the concepts of knowable objects and phenomena of reality. There appear abilities to collate and compare the observed, opportunities for better understanding of game actions, a critical attitude to the actions and deeds of fellow students. The ability to think critically and abstractly, to consciously control movements allows to get a grip on more challenging games with a lot of rules.

During the first two school years, due to pupils' imaginative thinking, plot games that contribute to satisfaction of children's imagination and creativity are of great importance. It is necessary to take into account that children of this age already know how to read and write, which significantly extends their horizons. During this period, games allow to develop the basics of good behavior, the ability to comply with public rules. Collective games represent basic understanding of rules and regulations. There appear games with subdivision into teams in which each member fights for the interests of his team and helps fellow members of the group. Such games teach children to act jointly, to perform a certain movement rhythm.

Children at primary school age are also fond of games, in which certain words and phrases are pronounced in chorus, i.e. the so-called recitative. Games with recitative contribute to the development of speaking skills, which still need training and education of rhythm and music abilities.

Finally, at this age children often get carried away by games in which they can show their agility, speed and accuracy of movement, coordination and precision. The content of these games is only limited by the exact fulfillment of a certain movement.

Younger students do not perform natural movements confidently enough, so outdoor games involving running, walking, jumping, climbing, throwing should take the first place in the physical education of children at this age.

Organization of sports-minute "Happy alphabet"

Natural need in motion becomes apparent mostly during the primary school age. After entering a school the academic load increases while the motional activity of grade schoolers decreases noticeably, many children suffer from hypodynamia.

Insufficient physical activity has a negative impact on the intellectual and physical development of the child and is an obstacle to the acquirement of necessary skills and abilities.

Physical education with its reach arsenal of forms and means must solve many tasks of the oncoming generation education and first of all to withstand the hypodynamia. In this regard a particular attention is paid to sanitary measures: sports-minutes and sports-pauses which must be organized for school graders throughout the school day.

The primary task of the sports-minute consists in changing of children's position and activity, increasing motional activity, coping the tiredness accumulated during the lesson. Muscular work of sports-minute execution improves blood circulation, increases heart and respiratory rate, activates the activity of the sympathetic nervous system. All this improves attention, increases mental efficiency and has a good impact on the general child's state. The tiredness decreases, children rest and the educational activity restarts.

The notional content of sports-minutes is of great importance for learning the studied educational material by school graders: if the exercises are given in the form of figures or tasks and are connected with the lessons content then the switch to sports-minutes from lessons and vice versa will be easily realized.

The system of playing sports-pauses "Happy alphabet" was created for mastering the knowledge of the alphabet letters and the reading skill (Iliin V.A., 2002). In this system each exercise, executed to the accompaniment of recitative from the starting position which resembles with its shape a letter, corresponds to one particular letter. As a rule, sports-pauses are held in the second third of the lesson. The moment to organize a sport-pause during the lesson is chosen by the teacher. The signal for its start is the children's relaxation of attention. By teacher's instructions one of the pupils opens the transoms and the casements and all the children leave their desks and stand in the gangway. The teacher hangs at the blackboard the list with a picture. On the list there are block and uppercase symbols of the letter studied on the lesson (vowels – red color, consonants – blue color). In the centre of the list there is a picture of the starting position which children should take before the exercise execution. In the bottom of the list there is an order of positions which children take on each count of the exercise execution accompanied with a written in verse recitative. On the other side of the list there is an exercise description and some variants of verses to avoid the frequent repetition of the same text.

After the teacher's command "Take the starting position!" children take the starting position. After the next teacher's command "Start the exercise" children start to execute the exercise. On each exercise count there must be one word from the verse.

Having repeated the exercise 2 or 3 times with the verse pronunciation children take their places.

The teacher can execute the playing exercises together with his class or can ask a specially prepared pupil to execute the exercise in front of the class. As soon as the children have studied some letters they may be given another task: they must create some syllables or words while taking starting positions which resemble the studied letters.

The execution of these playing exercises is recommended not only during the sports-pauses on the lesson or during the homework doing but also on the PE lesson. This playing form will help children to study better the educational material which will have a positive impact on the school graders' attitude to studies and school.

Список литературы / References

1. Alekseev N.A. Training focused on the personality: theory and practice/ N.A. Alekseev – Tyumen: IRS Publishing House, 1996, -216 p.
2. Balsevich V.K. Sports vector of physical education in Russian school/ V.K. Balsevich – M. SRC" Theory and practice of physical education and sports". 2006. - 112 p.
3. Pashin A.A. Usage of interdisciplinary connections/ A.A. Pashin, A.I. Mojarov // Physical education at school – 1989, № 12, p. 14-17
4. Pashin A.A. The formation of the axiological attitude to the health and physical education of school: Monograph – Penza, PSPU, 2011.- 228 p.
5. Pashin A.A. Relay –races and games with interdisciplinary connections / A.A. Pashin, A.I. Mojarov, I.V. Vlasov // Physical education at school – 2006, № 7, p. 66-71
6. Rubinstein S.L. Fundamentals of general psychology .In 2 p. /S.L. Rubinstein. – M. Pedagogics. -1989 -488 p

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.106

Романченко М.К.¹, Бячков А.С.², Романченко А.М.³¹Кандидат технических наук, заместитель директора по научно-методической работе, Новосибирский колледж автосервиса и дорожного хозяйства, ORCID:0000-0001-5078-864X, РИНЦ AuthorID: 517488,²преподаватель, Новосибирский колледж автосервиса и дорожного хозяйства,³преподаватель, Новосибирский автотранспортный колледж**РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ***Аннотация*

В современном обществе актуальной становится необходимость комплексного развития системы профессионального образования на основе полного использования её потенциальных возможностей в целях обеспечения подготовки востребованных специалистов. Развитие профессионального образования не соответствует темпам развития экономики. В статье рассматриваются исторические предпосылки создания и развития Ресурсных центров профессионального образования. Анализ излагаемого материала позволяет развивать и эффективно использовать всесторонний учет динамично меняющегося спроса на образовательные услуги в регионе и создать соответствующую систему маркетинга.

Ключевые слова: тенденция формирования структуры образования; ремесленная школа; профессиональная школа; образование; профессиональное образование в России и за рубежом, профориентация, профильное обучение.

Romanchenko M.K.¹, Bychkov A. S.³, Romanchenko A.M.³¹PhD in Engineering deputy director on scientifically-methodical work,

Novosibirsk College of car service and road industry, ORCID:0000-0001-5078-864X, РИНЦ AuthorID: 517488,

²lecturer of special disciplines, Novosibirsk College of car service and road industry,³ lecturer of special disciplines, Novosibirsk autotransport college**THE DEVELOPMENT OF THE WORLD SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION***Abstract*

In modern society, it becomes urgent need for the comprehensive development of vocational education on the basis of full utilization of its potential possibilities in order to ensure the preparation of specialists. Development of professional education does not correspond to the pace of economic development. The article discusses the historical background of creation and development of Resource centers of professional education. Analysis of the presented material allows us to develop and use effectively the mainstreaming of a dynamically changing demand for educational services in the region and to create an appropriate marketing system.

Keywords: the trend of formation of the structure of education; vocational school; vocational school; education; professional education in Russia and abroad, vocational guidance, vocational training.

Формирование профессионального образования погружается своими истоками глубоко в историю. Проведенный анализ предпосылок возникновения и формирования структуры обучения профессии помог раскрыть простую, разностороннюю ситуацию сопровождающую формирование структуры профессионального образования, определение его как системы.

Исторически, более чем в тысячелетие, в Европейском и Азиатском регионах наличествовало нормированное и урегулированное в трудовых взаимоотношениях профессиональное образование. Общеизвестным фактом стало в преимущественном получении профессионального обучения юношами. К известному периоду начала существующего времени исчисления в Древнем мире уже имелись предпосылки возникновения индивидуального обучения. Молодые люди, пришедшие к умельцу для обучения ремеслу, становились сначала учениками, а в последствии подмастерьями. Мастер был заинтересован в передаче будущим подмастерьям необходимых ученикам знаний и навыков, необходимых для освоения, избранного юношами ремесла, которыми сам мастер владел в совершенстве. Но в тоже время, перед мастером стояла проблемная задача, сохранить в тайне секреты, существовавшие практически в каждом виде ремесла, и позволяющие мастеру добиться преимущества его профессиональных навыков перед прочими. Преимущественно существенные, стержневые знания сохранялись мастером в глубоком секрете, обнародовать который не допускалось, они оставались недоступными ученику.

Формы организации процесса обучения в это время основывались на принципе копирования или имитации. Мастерской умелец последовательно изображал перед учеником ряд профессиональных движений, а юноша, копируя действия мастера, пытался достичь подобия в выполнении работы. Местом профессионального обучения было производство (по аналогии с современной структурой образования). Таким образом процесс профессионального образования уже был внедрен в производственный цикл. При этом практически решался и вопрос последующего трудоустройства ученика на подворье мастера.

Аналогичная система профессионального обучения существовала на протяжении многих веков. Подтверждением тому являются исторические факты, дошедшие до нас со времён Древнего Рима, Древней Греции. При этом практически не существовало противоречий в схеме профессионального обучения относящейся к периоду Древнего мира.

Причиной послужившей толчком к необходимости внесения кардинальных изменений в профессиональное образование стало развитие искусства. Это развитие привело к изменению архитектурных направлений при сооружении культовых построек. При возведении религиозных строений романтический стиль, характеризующийся строительной простотой, уже не отвечал требованиям времени. Ему на смену пришла довольно сложная готика. Перед мастерами возник целый ряд проблем, связанных с необходимостью применения принципиально новых неосвоенных технологий. Новое направление в архитектуре требовало и приобретения новых теоретических знаний строительной теории, впоследствии ставших основой новой науки – статики. Всё это привело к актуализации

проблемы несовместимости существующего типа профессионального образования. Устранение проблемных несоответствий было достигнуто путем развития:

- слияния существующих ремесленных специальностей по признаку профессионализма;
- объединения производственных процессов различных степеней профессионализма;
- развития теоретических базовых основ, созданных с развитием письменности;
- создание механизма использования вспомогательного инструментария в виде шаблонов, лекал и моделей;
- создания первых учебно-производственных мастерских, появившихся на больших строительных площадках культовых сооружений, вызванных потребностью в большом количестве специалистов, необходимых для своевременного выполнения объема производственных работ.

Следовательно, ко второму тысячелетию существования человека, обучение профессии обозначило потребность в поиске новых мест и форм проведения занятий. Таким образом индивидуальная форма обучения в ученической мастерской сменялась на групповую. А к практическому обучению добавилось теоретическое.

Новый период трансформации в обучении профессии совпал по времени с формированием нового периода Европейского общества – эпохи Ренессанса. Этот период (XIV – XV век) предъявил новые требования к архитектуре и связанному с ней искусству. Утверждались зародившиеся течения и художественные стили, возникали новые профессиональные требования. Ремесленники, такие как художники, кузнецы, строители почувствовали потребность в освоении новой техники и новых технологий, востребованных современной эпохой.

Выход из ситуации был осуществлен:

- повышением квалификации ремесленников у мастеров, обладавших большим опытом в данной профессиональной области, преимущественно у родоначальников и основателей нового стиля в искусстве;
- развитием новых, востребованных временем средств обучения, таких как графика, способствовавших дальнейшему распространению новых знаний путем развития книгопечатни;
- созданием основных предшественников будущих школ для обучения профессии, школ искусства, в которых проводилось совместное обучение нескольким профессиям, например, обучения профессии ремесленника и художника.

Это стало фактом появления третьего вида образовательного учреждения в структуре обучения профессии. В последствии за таким типом обучения профессии закрепилось название, дошедшее до современности – профессиональная школа.

Этот и многие другие факты исторического развития Западной Европы помогают проследить тенденции формирования структуры образования в обществе, и в том числе профессионального. В эпоху возникновения и развития новых условий труда, изменения основополагающих взглядов в жизни общества, перед существующей на тот момент системой профессионального образования опосредованно возникает ряд проблемных противоречий, не решаемых традиционными приемами, существующими в профессиональном образовании. Данный процесс актуализирует поиск других путей. Одновременно такой активный поиск позволяет:

- достичь улучшения деятельности обучающей профессии, образования, дальнейшего развития и структуризации появляющихся форм, методических подходов и оптимальных средств в обучении профессии;
- структурировать профессиональное обучение (процесс происходит как на этапе учебной практики в учреждении образования или в период производственного обучения либо в рабочем процессе предприятия, но и в учебных мастерских, полигонах, учебно-производственных (Ресурсных) центрах);
- добиться оптимизации процесса в профессиональном образовании усовершенствованием курса теоретического обучения путем изучения инновационных направлений.

Всеобщая история, и в частности история развития профессионального образования доказывает то, что исследованные пути изменения форм профессионального образования не являются догмой. Эти формы и методы могут быть многочисленными и всеобъемлющими.

Государственный рост в период XVII – XVIII веков, развивался в процессе экономического развития стран. Рост конкуренции поставил и новые требования перед профессиональным образованием. Оно приобретает статус важнейшего инструмента государства, применяемого в обществе для достижения экономического влияния на соседние страны, а также установления собственной суверенности. Новое фундаментальное значение профессиональное образование приобретает в период развития демократических процессов в обществе. Так, например, во Франции (одной из первых Европейских стран) со второй половины XVIII века, государственное значение (вызванное влиянием революционно настроенных масс) приобретает задача формирования всеобщего школьного образования, освобождения его от влияния церкви, и полнейшего обновления по содержанию. Вместе со школьными, были подняты и вопросы касающиеся обучения профессии. Прогрессивные тенденции общества, того периода, оказали влияние на формирование образования в целом, и в том числе профессионального во многих европейских государствах.

Так на формирование профессионального образования в Германском государстве важнейшее определяющее значение произвело отличительное экономическое развитие общества (продолжительная обособленность отдельных стран входящих в германское сообщество, существенная отсталость в развитии экономики государства от развитых европейских государств, способность к быстрому объединению навязанному «с самых верхов» и быстротечный взлет экономики государства с 70-х годов XIX века, сущность империалистической Германии и многое другое).

Германское государство в период XV-XVIII веков добилась глобального экономического развития. Широкое распространение приобрели экономические взаимоотношения, ставшие классическими для экономик других европейских государств. Германские города добиваются свободы в автономии, отстаивают особенные на тот период льготы. Что приводит к перерастанию ремесленничающих горожан в обладателей обусловленных производственных средств; зарождению и развитию объединений ремесленников в союзы, создаваемые по профессиональному признаку,

и защищающие круг их интересов. Данные события создали в Германии подходящие обстоятельства для созревания городского ремесла и ремесленному обучению.

В этот период обучение профессии в ремесленной форме в полной мере соответствовала требованиям, предъявляемым общественной средой, разделенной на сословия. Процесс ремесленного обучения охватывал в полной мере и привитие ученикам навыков выполнения тех или иных операций, и их вовлечение в жизнь сообщества на профессиональной основе. При обучении в роли ремесленника в обучающем процессе почти не имелось какой-либо регулярной, систематизированной трансляции теоретического знания от мастера к обучающемуся, следовательно, уровень передаваемого мастерства напрямую зависел от опыта обучающего умельца, от имеющихся у него воспитательных способностей и, несомненно, обладания профессионализмом. Данная форма обучения профессии являлась закономерной и практически повсеместной формой обучения, практикуемой в европейских государствах того периода, получившая название «догматическое обучение». Цель такого обучения, содержательное наполнение, разнообразие форм, методов и средств, приёмы, применяемые при обучении, фактически оставались неизменными на протяжении большого периода жизни государства.

Анализ исторических документов по организации обучения ремеслу в условиях города, в период средневековья разрешает сделать вывод о наличии сформировавшихся в процессе обучения ремеслу идеологических мотивов, главенствующих над профессиональной мотивацией. Уровень профессиональной подготовки ремесленников определялся не наличием у подмастерья определенной суммы приобретенного умения, не освоением установленного навыка, имеющего важное значение для обучающегося как для будущего профессионала, а наличием персональных характеристик работника, как исполнительность, благопристойность, полезность обществу. Факт того, что в выдаваемом документе о получении профессии по завершении обучающего процесса в Германском государстве XVIII века ремесленнику не присваивалось какого-либо квалификационного уровня, но при этом давались рекомендации «старательного и пристойного прилежания» подтверждает главенство идеологических начал профессионального обучения в Германском государстве. Сохранение профессионально-сословных канонов отразилось в профессионально-цеховых статутах, где утверждалось, что достойнейшие граждане должны быть членами цехов. При этом ремесленник обязан был придерживаться тех канонов в своей деятельности, которые четко устанавливались вековыми традициями.

Одновременно с практической формой ремесленного освоения профессии, до настоящего времени занимающей главенствующую позицию, на уровне профессионального образования в Германском государстве, в XVI – XVII веках зарождается теоретическая форма профессионального обучения, возникшая в религиозных воскресных школах. Этим подтверждается факт того, что несмотря на то, что ремесленные сословия придерживались установленных правил в профессиональном обучении и воспитании законопослушных граждан, они не противились значимости освоения учениками системных теоретических знаний. Исследованию вопросов становления и развития профессионального образования в Германии того времени посвятили свои труды такие немецкие ученые как: Грюнер Г., Кениг К., Штратманн К.

Профессиональная школа Германии с момента образования приняла на себя и функции образовательной школы. Одновременно с профессиональными и общетехническими предметами в профессиональной школе преподаются общеобразовательные (политика, математика, родной язык, религия, спорт и др.). Немецкие ученые Арнольд Р., Беннер Х., Денбостель П. отмечают в своих работах факт того, что существующий перечень учебных дисциплин в современной школе профессионального обучения Германии давно не пересматривался.

С появлением функции деления трудовой деятельности в общественном производстве, вызванном ростом крупнейших индустриальных предприятий, обстановка, связанная с профессиональным образованием Германского общества конструктивно меняется. Рост промышленной индустрии Германии в XX веке и соответственно возросший спрос на квалифицированных рабочих поставил перед руководителями вопрос о необходимости преобразований в обществе и в отношении к профессиональному образованию. Ремесленное ученичество стало неспособно удовлетворять нужды производителей в востребованных кадрах обладающих необходимой квалификацией, в связи с неэффективной узко ограниченной специализацией работников и слабой теоретической подготовкой этих специалистов. Применяемое ранее обучение методами наблюдения и копирования, основанные на принципе «смотришь – запоминаешь – повторяешь» путем передачи опыта умелыми мастерами выделялись недостаточным уровнем качества, профессиональная подготовка была полностью зависима от человека, проводившего обучение, знания которого зачастую отставали от требований, предъявляемых производством. Профессиональная подготовка, увязанная с использованием теоретических знаний, стала основным инструментарием для практического обучения.

Девяностые годы XX века вместе с политическими изменениями, основанными на объединении Германской демократической республики и Федеральной республикой Германии наглядно показали произошедшее изменение системы профессионального образования на всей территории вновь образованного государства. Продолжительность профессионального обучения по большинству профессий была установлена в соответствии западногерманскими образовательными стандартами и составляла три, а иногда 3,5 года, вместо двух лет. Увеличение продолжительности курса обучения объяснялось необходимостью развития практических навыков обучающихся.

Проведенный исторический анализ профессионального образования убедительно доказал, что ученичество является не только немецким явлением. Оно имело широкое распространение в XX столетии на предприятиях большинства европейских, азиатских и арабских стран.

Архивные исследования Российских ученых, подтверждения летописцев, народные сказания свидетельствуют о том, что уже в древнейшем государстве – Русь существовало действующее изготовление повседневных вещей, вооружения и средств украшения. Данные факты доказывают историческое существование профессиональных мастеров.

Так в документальной переписке второй половины XVII – первой половины XVIII веков между московским патриархом Иоакимом и Константинопольским патриархом Досифеем зафиксировано обращение Иоакима, с мольбой направить в Московский град бывалых преподавателей. Глава Константинопольской церкви Дорофей советовал

пригласить на службу учителей Лихудов. В скором времени братья появились в Москве, а впоследствии стали организаторами первой Славянской академической школы.

Однако первым основателем ремесленной школы на государственном уровне стал Российский император Петр I. Это событие произошло более 315-ти лет тому назад. Россия вступила в эпоху колоссальных реформ. Перед государством встала грандиозная задача: обратить отсталую Русь в развитое государство, возвести новые населенные пункты, заводы, основать боеспособные армию и флот, расширить торговые горизонты. Петр-I будучи всесторонне грамотным человеком, придерживался известных утверждений того времени:

- Каждое государство, дабы не обеднеть должно само вырабатывать все необходимое, не прибегая к поддержке чужим государством;

- Каждое государство, дабы всецело богатеть, должно вывозить большее количество результатов труда за рубеж, а ввозить, как менее заморских товаров, понимая, что Россия более других стран богата природными богатствами.

Но обладания богатыми природными ресурсами мало, умение их добычи, а также разумного использования. Петр понимал острую необходимость государства в специалистах. На свет появился Указ императора: «...Всех мобилизовать на труд, на государеву службу, чтоб никто в гулящих не был!» Уклонение от исполнения Указа Петра I каралось строгим наказанием, до наказания каторжными работами либо смертной казнью.

Решения Петра отличались исключительной жестокостью. По меткому крылатому обороту поэта Александра Пушкина «...он писал их кнутом...». Этого требовало молодая держава, держащая курс на стремительный рост. И царь в силу характера подгонял историю России.

Созданная Петром I, в январе 1701 года, ремесленная школа положила начало Российскому профессиональному обучению. С данного события ремесленное (названное впоследствии профессиональным образованием) обучение в государстве всю последующую историю России формировалось под государственным контролем. Много позднее это мореходное образовательное учреждение переведено в Санкт-Петербург, получив статус Российской морской Академии.

Ремесленная школа, задуманная Петром I, не устанавливала задач, направленных на воспитание обучающихся или предоставления высшего образования. Она проецировалась в роли технического образовательного учреждения, имевшего цель: предоставить ремесленникам требующиеся знания профессионального назначения. Молодое государство остро требовало специалистов - корабелов, артиллеристов, мореходов, металлургов, офицеров. С истечением времени Петровская школа трансформировалась в образовательное учреждение, требующее от обучающихся принадлежности к определенному сословию, а обучение стало долгом государству.

Дальнейшее формирование Российского профессионального образования происходило под воздействием передовых стремлений европейских философов (таких как Вольтер). Императрица Екатерина Великая заразилась мыслью построения такого профессионального образования, которое сможет произвести «нового человека».

Но процесс профессионального обучения в Российском государстве XVIII века являлся продолжительным и непродуктивным. Ситуация требовала появления эффективной структуры профессионального обучения. Появилась система профессиональной подготовки, необходимость которой обосновал московский инженер, педагог Советкин. Дмитрием Константиновичем был доказан революционный характер предложенного образовательного процесса. Основное преимущество заключалось в разделении трудового обучения на пооперационное. Им было предложено отойти от обучения процессу выпуска законченного изделия. Основная ставка делалась на обучение выполнению отдельных видов технологических операций, являющихся общими для всех изделий данного типа. Следствием таких изменений стало ускорение образовательного процесса. Потенциал мастера, обучающего ремесленников, повысился, стало возможным проводить практическое обучение не одного, а нескольких учеников. Мастер, проводящий процесс обучения был признан преподавателем. Новация, предложенная российским педагогом, была признана мировым сообществом и названа «Русской системой».

Московская выставка, прошедшая в 1872 году, затем Венская всемирная выставка 1873 года и Филадельфийская промышленная выставка в 1876 года принесли «Русской системе» известность и признание. Сформулированные этой системой приемы мастерства при профессиональном обучении стали важнейшим инструментом всего мира.

Первое российское ремесленное училище для «лиц недворянского происхождения» было открыто в городе Чернигов в 1804 году Алексеем Борисовичем Куракиным. Программа обучения включала в себя четырнадцать ремесел, что соответствовало требованиям Петра I, безукоризненно знавшего их.

1830 год стал годом открытия подобного Московского ремесленного училища, в дальнейшем (XIX век) преобразованное в высшее профессиональное образовательное учреждение. В настоящее время это образовательное учреждение имеющее статус Университета им. Баумана.

Крупнейшими меценатами профессионального обучения России Третьяковыми, Демидовыми, Морозовым, Мамонтовыми, Леденцовым, Путиловым внесён реальный вклад в развитие ремесленных школ. Немалый вклад в формирование школ осуществлен князьями Шереметьевыми, Шаховскими, Тенищевыми, Репиной, Нобелями. Графиней Строгоновой создана Петербургская школа земледельческих и горнозаводских наук, графиней Паниной построено здание Народного дома для рабочего люда, включающего в себя театр, библиотеку и лекционные залы.

Сегодня нам известны имена выпускников ремесленных школ XVIII века: изобретателей Батищева, Кулибина, Ползунова и Никонова, скульпторов Шубина и Щедрина. Яркий след в своих образовательных учреждениях оставили Российские ученые. Многим известны имена Постникова, Фролова и других.

XIX век доказал мировому сообществу эффективность профессионального обучения названного «Русской системой». Российскими инженерами и преподавателями, в этот период было завоевано более 1500 наград во время участия в Мировых политехнических и промышленных выставках.

В свою очередь XX век принес известность новых имен, прошедших профессиональную подготовку. Это имена Покрышкина, Гагарина, Королева и многих других.

Список литературы / References

1. Пахомова Е.А. Непрерывное профессиональное образование и занятость молодежи / Сибирский педагогический журнал, Выпуск №5. 2014. С. 49-54.
2. Романченко М.К. Развитие образовательного пространства с позиции системного подхода/ Романченко М.К., Сырмолов И.В. // Традиционные и инновационные процессы в образовании: потенциал взаимодействия вузов и школ для повышения качества образования и создания Открытого образовательного пространства региона / 2011. С. 26-29.
3. Федотова Г.А. Развитие дуальной формы профессионального образования (опыт ФРГ и России). 2002. 340с.
4. Цимринг С.Я. История развития профессионального образования в России / URL: www.chpt.edusite.ru/p545aa1.html (обращение 05.09.2016)

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Pakhomov E.A. Nepreryivnoe professionalnoe obrazovanie I zanyatost molodegi. Sibirskiy pedagogicheskiy gurnal [Continuing professional education and youth employment / Siberian pedagogical journal]. #5. 2014. P. 49-54. [in Russian]
2. Romanchenko M.K. Razvitie obrazovatel'nogo prostranstva s pozitsii sistemnogo podhoda/ Romanchenko M., Syrmolotov I. Traditsionnyie I innovatsionnyie protsessyi v obrazovanii: potentsial vzaimodeystviya vuzov I shkol dlya povysheniya kachestva obrazovaniya I sozdaniya Otkryitogo obrazovatel'nogo prostranstva regiona [The Development of educational space in terms of systemic approach/ Romanchenko M.K., Syrmolotov I.V. // Traditional and innovative processes in education: the potential of interaction between universities and schools to improve the quality of education and creation of Open educational space of the region, proceedings of XIV all-Russian conference]. 2011. P. 26-29. [in Russian]
3. Fedotova G.A. Razvitie dualnoy formy professionalnogo obrazovaniya (opyit FRG I Rossii) [The Development of dual forms of vocational education (the experience of Germany and Russia)]. - 2002. 340p. [in Russian]
4. Tsimring S.Ya. Istoriya razvitiya professionalnogo obrazovaniya v Rossii [The history of the development of professional education in Russia] / URL: www.chpt.edusite.ru/p545aa1.html (appeal 05.09.2016) [in Russian]/

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.016

Рыжкова И.В.¹, Кулагина О.В.², Измайлова Ю.М.³, Левченко Г.В.⁴, Щербакова Н.А.⁵¹Кандидат педагогических наук, ²кандидат педагогических наук, ³кандидат педагогических наук, ⁴кандидат технических наук, ⁵кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ», Россия**ЗНАЧЕНИЕ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАВОВЕДЕНИЕ»****Аннотация**

В статье рассматриваются аспекты использования проектного метода в преподавании права. Возможности по совершенствованию профессионально-правовой подготовки обучающихся на занятиях. Анализируется собственная педагогическая практика по применению метода проектов в преподавании правовых дисциплин и целесообразности использования в системе профессионального образования в аграрном вузе краткосрочных групповых (мини-проектов) «Рекомендации работнику по предотвращению конфликтов на работе», «Памятка начинающего предпринимателя», «Памятка потребителю».

Ключевые слова: профессионально-правовая подготовка, проектная деятельность, методы обучения, профессиональное образование.

Ryzhkova I.V.¹, Kulagina O.V.², Izmailova J.M.³, Levchenko G.V.⁴, Sherbakova N.A.⁵¹PhD in Pedagogy, ²PhD in Pedagogy, ³PhD in Pedagogy, ⁴PhD in Engineering, ⁵PhD in Pedagogy, Saratov SAU**IMPORTANCE OF THE PROJECT ACTIVITIES IN VOCATIONAL TRAINING STUDENTS LEGAL IMPLEMENTED UNDER TECHNOLOGY PROJECT LEARNING COURSES "LAW"****Abstract**

This article discusses aspects of the project method in teaching law. Opportunities for improvement of professional legal training of students in the classroom. We analyze its own pedagogical practice on the use of a method of projects in the teaching of legal disciplines and the feasibility of using the system of vocational training in the agricultural university term group (mini-projects) "Recommendations employee conflict prevention at work", "budding entrepreneur Memo", "Memo to the consumer."

Keywords: professional legal training, project activities, training methods, professional education.

Достижение целей и решение задач профессионально-правовой подготовки в аграрном вузе диктуют настоятельную необходимость мобилизации всех средств, форм и методов работы, имеющихся в арсенале преподавателя права. Разнообразие и вариативность форм, средств и методов профессионально-правовой подготовки дает возможность педагогу сформировать оптимальный набор педагогического инструментария, опирающийся на передовой педагогический опыт, достижения педагогической и других наук, новое педагогическое мышление.

Центральное место в этом инструментарии занимают современные педагогические технологии (критического мышления, игровые технологии, технологии проектного обучения) [1], а также различные методики обучения праву, использование которых позволяет сформировать у студентов высокий уровень правосознания, устойчивую потребность в приобретении правовых знаний и навыков, в непрерывном правовом самообразовании.

В современных условиях большое значение в правовом образовании приобрела проектная деятельность, осуществляемая в рамках технологии проектного обучения. Проблема использования проектного метода в преподавании права активно исследуется различными авторами (А.И. Ивонина, А.К. Самохина и др.).

Метод проектов можно определить как образовательную технологию, нацеленную на приобретение обучающимися новых знаний на основе реальной жизненной практики, формирование специфических умений и навыков посредством системной организации проблемно-ориентированного поиска. Этот метод создает предпосылки для активного вовлечения обучающихся в процесс поиска необходимой правовой информации, ее критического и творческого осмысления, актуализации знаний через их применение на практике. Задача активизации учебно-познавательной деятельности решается в ходе проектной деятельности на основе освоения студентами способов самостоятельных действий при решении той или иной правовой проблемы, формирования умений и навыков целенаправленной интеллектуальной, практической и управленческой деятельности [2].

Выступая самостоятельной педагогической технологией, метод проектов обладает рядом важных характеристик. Прежде всего, этому методу присуща концептуальность, т.е. опора на стройную систему философских и психолого-педагогических концепций. Кроме того, проектный метод отвечает требованию системности. Метод включает в себя этапы выполнения учебного исследования, определенные функции обучающегося и преподавателя, способы их взаимодействия, критерии оценки результатов работы. Еще одной важной характеристикой проектного метода является его воспроизводимость – метод может найти применение на различных этапах обучения правовых дисциплин, в работе с обучающимися различных направлений подготовки и при работе с материалом различной сложности, в привитии студентам навыков, необходимых для участия в правовом обеспечении функционирования агропромышленного комплекса, заключении хозяйственных договоров. Также метод проектов является хорошей демонстрацией межпредметных связей, так как в современных условиях обучения для реализации метода проектов эффективно применяются современные информационные технологии. Это дает возможность включать в обучение технологию «слайд-шоу» или компьютерных презентаций, кроме этого появляется возможность дистанционного обучения [4].

Как отмечает В.А. Козырев [3], в педагогических проектных исследованиях, связанных с проектированием сложных систем, полный цикл шагов может занимать весьма длительное время.

Возможности по совершенствованию профессионально-правовой подготовки обучающихся на занятиях, предоставляемые проектным методом, его сильные и слабые стороны были подтверждены в ходе работы по профессионально-правовой подготовки при изучении курса «Правоведение».

В частности, одной из форм контроля при изучении темы «Предпринимательство и предпринимательское право» явилась разработка обучающимися и защита проекта «Памятка начинающего предпринимателя», а при усвоении темы о защите прав потребителей – проекта «Памятка потребителю». По итогам изучения темы «Экономические и трудовые споры» группа обучающихся защитила проект «Рекомендации работнику по предотвращению конфликтов», что позволило им закрепить знания о порядке возбуждения и разрешения споров, а также навыков по составлению исковых жалоб и заявлений.

В качестве одного из основных методов обучения, применяемых в процессе преподавания дисциплины «Правоведение», можно выделить метод проблемного обучения, который лежит в основе активных способов обучения. Проблемные, творческие, исследовательские задания расширяют образовательное пространство, включают обучающихся в ситуацию действия правовых норм, мобилизуют их наблюдения, знания о жизни и ставят в позицию гражданина. Создание проблемных ситуаций, ролевые и организационно-деятельностные задания, моделирование изучаемых явлений способствуют стимулированию мыслительной деятельности обучающихся [1].

Особенностью используемых нами методов состоит в том, что обучающиеся ставятся в ситуацию, требующую принять конкретное решение и сформулировать выводы на основе ее анализа с точки зрения норм права [2].

Разработанные и используемые нами задания условно можно разделить на три типа: задания, требующие связать, соподчинить изученные понятия и на их основе моделировать правовые ситуации; задания исследовательского характера; задания, требующие практического применения правовой нормы (юридические задачи).

Примером заданий, требующих связать, соподчинить изученные понятия и на их основе моделировать правовые ситуации, может служить задание, используемое нами по теме «Юридические лица». Обучающимся предлагается на основе текста ст. 66-123 ГК РФ составить таблицу «Виды юридических лиц» по следующим параметрам: участники; основания создания; имущество; управление; распределение прибыли и убытков; ответственность по обязательствам.

Работа по составлению таблицы помогает обучающимся увидеть общие и отличительные черты различных форм предприятий и организаций, вооружает их конкретными представлениями в чрезвычайно сложной сфере правовых отношений между собственниками предприятия, пониманием их сущности и значимости для соблюдения собственных интересов.

При изучении отрасли трудового права обучающиеся получают задания исследовательского характера: пользуясь текстом официального издания отдела занятости населения провести сравнительный анализ спроса и предложения рабочих мест, сделать выводы. При выполнении задания обучающиеся, опираясь на данные, публикуемые в газете «Работа», «Все для Вас», устанавливают динамику спроса и предложения. Это помогает увидеть реальную картину ресурсов на рынке труда, спрогнозировать собственную профессиональную востребованность в будущем [4].

Таким образом, идущие в России усиление правовых основ государственного строительства, укрепление правопорядка и законности, рост эффективности государственных мероприятий, направленных на более полное обеспечение прав и свобод человека, на строительство правового государства – все это находится в непосредственной связи с уровнем правовых знаний членов этого общества [5].

Наряду с рассмотренными выше технологиями преподавания права значительный потенциал формирования правового сознания обучающихся содержат в себе различные методы преподавания права, которые могут выступать либо как составная часть технологии либо как самостоятельный инструмент педагогической деятельности.

Список литературы / References

1. Рыжкова И.В. Совершенствование педагогической подготовки будущих преподавателей профессионального обучения/ И.В. Рыжкова. Дисс. на соиск. степени канд. наук. – Саратов, 2009. – 89 с.
2. Рыжкова И.В. Моделирование педагогической подготовки будущих преподавателей профессионального обучения на принципах синергетического подхода. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 4 (60). С. 108-112.
3. Козырев В.А. Гуманитарная образовательная среда педагогического университета. – СПб.: СПбГТУ, 1999. – 116 с.
4. Кулагина О.В. Дидактическое обеспечение профессионально-правовой подготовки студентов аграрного вуза. Дис. канд. пед. наук. – Саратов, 2010. – 225 с.
5. Кулагина О.В. Становление и развитие правового образования и воспитания в России. Сборник: Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией И.Л. Воронникова. 2015. С. 253-255.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Ryzhkova I.V. Sovershenstvovanie pedagogicheskoy podgotovki budushhih prepodavatelej professional'nogo obuchenija [Improving the pedagogical training of future teachers of vocational training] / I.V. Ryzhkova. PhD thesis. – Saratov, 2009. – 182 p. [In Russian]
2. Ryzhkova I.V. Modelirovanie pedagogicheskoy podgotovki budushhih prepodavatelej professional'nogo obuchenija na principah sinergeticheskogo podhoda [Modelling of pedagogical training of future teachers of vocational training on the principles of a synergistic approach]. Tambov University Bulletin. Series: Humanities. 2008. № 4 (60). Pp. 108-112. [In Russian]
3. Kozyrev V.A. Gumanitarnaja obrazovatel'naja sreda pedagogicheskogo universiteta [The humanitarian educational environment of pedagogical university]. SPb. : SPbGTU, 1999. - 116 p. [In Russian]
4. Kulagina O.V. Didakticheskoe obespechenie professional'no-pravovoj podgotovki studentov agrarnogo vuza [Didactic maintenance of professional legal training of students of agrarian university]. PhD in pedagogy thesis. – Saratov. 2010. - 225 p. [In Russian]
5. Kulagina O.V. Stanovlenie i razvitie pravovogo obrazovaniya i vospitaniya v Rossii. Sbornik: Agrarnaja nauka v XXI veke: problemy i perspektivy [Formation and development of legal education and training in Russia. Sbornik: Agricultural science in XXI century: problems and prospects]. Collection of articles of IX All-Russian scientific-practical conference. Edited by I.L. Vorotnikov. 2015. P. 253-255. [In Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.012

Сорокина О.А.

ORCID: 0000-0002-8623-5809, Кумертауский филиал Оренбургского государственного университета, г. Кумертау

**ПРОЕКТНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ЗАДАЧИ КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ****Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров в образовательной организации. Обосновывается, что средством формирования профессиональной компетентности являются проектные профессионально-ориентированные задачи. Представлен анализ определений «проектная профессионально-ориентированная задача», предложенный в научно-педагогической литературе. Обозначены виды профессиональной деятельности выпускника, освоившего программу бакалавриата. Для нашего исследования определен ведущий методологический подход, лежащий в основе подготовки будущих бакалавров. Определены требования к проектным профессионально-ориентированным задачам, решение которых обеспечивает профессиональное развитие личности будущего бакалавра.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная деятельность, компетенция, задача, профессиональная задача.

Sorokina O.A.

ORCID: 0000-0002-8623-5809, Kumertau branch of Orenburg State University

**THE PROJECT PROFESSIONAL-ORIENTED TASKS AS MEANS OF FORMING OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS****Abstract**

The article considers the questions of the forming of professional competence of future bachelors of the educational organization are considered. Is proved that means of forming of professional competence are the project professional oriented tasks. Analysis of definitions "the design professional focused task" offered in scientific and pedagogical literature is introduced. The kinds of the professional activity of the graduate having mastered the bachelor's educational programme are designated. For our research the leading methodological approach which is the cornerstone of training of future bachelors is defined. Requirements to the design professional focused tasks which decision provides professional development of the identity of future bachelor are defined.

Keywords: competence, professional activity, competence, task, professional task.

Сегодня проблема подготовки кадров в союзе с производством и наукой становится как никогда актуальной. Нужны мощные внутренние ресурсы, чтобы сделать промышленность России конкурентоспособной, обеспечить экономический рост, а в конечном итоге – добиться повышения уровня жизни каждого в России.

Промышленное производство сегодня требует соответствующей подготовки кадров, для чего внедряются сегодня новые технологии обучения с целью популяризации востребованных профессий.

В результате перехода на федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), главной задачей образовательных организаций становится подготовка конкурентоспособных выпускников, обладающих такими качествами, как активность, мобильность, креативность, самостоятельность, свободно владеющих своей профессией, способных к эффективной работе по выбранному направлению подготовки на уровне мировых стандартов, где основным результатом освоения программы бакалавриата у выпускника высшей школы становится комплекс сформированных компетенций.

Принципиальным отличием новой системы подготовки выпускника становится не столько различные сроки обучения, сколько ориентация на Дублинские дескрипторы, характеризующие надпрофессиональным инвариантным ядром. Дублинские дескрипторы базируются на пяти элементах: знание и понимание; применение знаний и понимания; суждение, коммуникативные навыки; способности к самостоятельному обучению. Дублинские дескрипторы призваны по родовому принципу к соответствующей квалификационной ступени, а не к специфическим научным или профессиональным областям, что определяет их универсальный характер (рис. 1) (О.С. Манакова) [2].

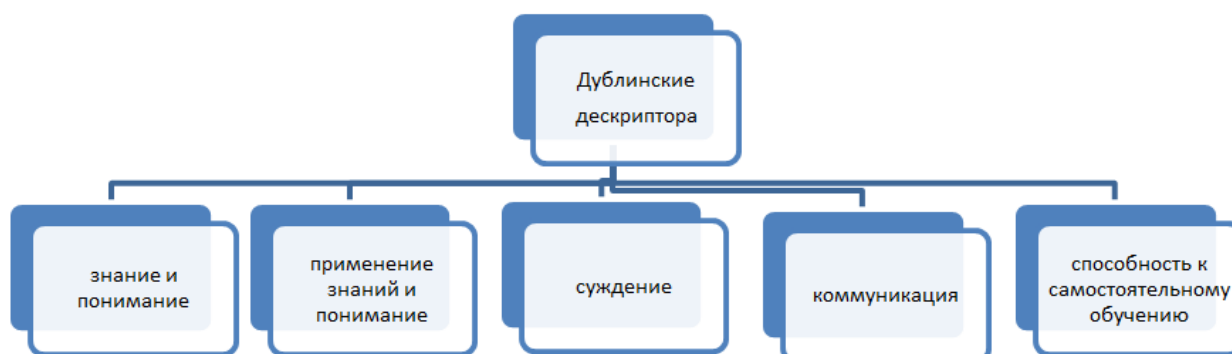

Рис. 1 – Дублинские дескрипторы – инвариантная основа образовательных программ бакалавриата

Сегодня в качестве главной цели высшей школы выступает ориентация на формирование профессиональной компетентности, где активно развивается стратегия реализации *компетентностного подхода*. Истоки его зарождения, основные категории и особенности внедрения в современных условиях профессионального образования описываются многими отечественными авторами (В.И. Байденко, И.А. Зимняя, А.И. Субетто, Ю.Г. Татур и др.). Всеобъемлющее распространение компетентностного подхода в образовании сегодня также объясняется желанием подчеркнуть использование передовых инновационных технологий и результативных методов обучения.

В современной международной теории и практике понятие компетенция понимается, как свойство личности, потенциальная способность индивида справляться с различными задачами, как возможность использовать знания, умения, отношения и опыт в разноуровневых профессиональных ситуациях, необходимых для осуществления конкретной профессиональной деятельности. Знания требуются для реализации деятельности, последующего развития в образовании, что, несомненно, является неотъемлемым результатом общественной реальности, слагающемся на жизненном опыте.

Для формирования у будущего выпускника, освоившего программу бакалавриата инженерной компетентности, предусматривается целенаправленно организованный и систематически осуществляемый процесс, включающий следующие структурные компоненты: когнитивный, организационно-деятельностный и мотивационно-ценностный. Следовательно, обеспечивается условие целостного подхода к педагогическим исследованиям с точки зрения моделирования формирующих действий – отвечать объективной логике формирования исследуемой особенности, носить этапный и уровневый характер, отражающий градацию, постоянство и последовательность становления свойств личности.

Как подобрать задачи, которые позволят в условиях недостаточного количества времени всего образовательного процесса сформировать требуемые компетенции у будущего выпускника, освоившего программу бакалавриата? В результате появляется необходимость разработки проектных профессионально-ориентированных задач на основе компетентностного подхода, обеспечивающего формирование инженерной компетентности будущего выпускника.

Рассматривая понятие «задача», мы оперируем на мнение современной высшей школы о неразделимой связи задачи с деятельностью. Задача представляет собой цель, выраженную в рамках своего достижения. Решение данной задачи заключается в поиске субъектом того действия, с помощью которого можно конвертировать условия задачи, для того чтобы оценить результативность и эффективность. Учение в этом случае трактуется с деятельностных принципов, когда познание вышеизложенного материала выявляется посредством перестройки в ситуации некоторой задачи (Г.Д. Бухарова, С.А. Дружилов, Э.Ф. Зеер, Л.Ф. Спирин, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Г.И. Щукина, А.Ф. Эсаулов).

Область профессиональной деятельности, на которую ориентирована программа бакалавриата, включает процесс решения профессиональных задач, по видам деятельности, направленный на интегрирование проблемной ситуации. Мы разделяем точку зрения С.Я. Батышева [1], который считает, что решение учебной задачи достаточно характеризует *целеполагание, мотивацию, условие задачи, способы решения, а в профессиональной задаче приоритет отдан результату решения*.

В нашем исследовании формирование инженерной компетентности обеспечивается систематическим включением

в содержание образовательного процесса проектных профессионально-ориентированных задач, которые имеют следующие наиболее важные признаки (табл. 1): цель решения; мотивацию решения; условие задачи; процесс решения; результат решения; область использования результата решения; оценка хода решения; оценка результата; степень ответственности за результат.

Таблица 1 – Характеристики проектных профессионально-ориентированных задач

Проектная профессионально-ориентированная задача	
1. Цель решения задачи	Выполнение производственного задания
2. Мотивация решения задачи	Потребность профессионального и карьерного роста, материальная заинтересованность, профессиональное самоопределение, саморазвитие, самоутверждение
3. Условие задачи	Постановка задачи определена заказчиком (работодателем), предмет задачи ограничен сферой производственной деятельности
4. Процесс решения	Решается в производственной среде, время выполнения задания определено заказчиком (работодателем), алгоритм решения является стандартным или с элементами неопределенности
5. Результат решения задачи	Является реальным по значению. Формирование инженерной компетентности (результат производственный, личностно-профессиональный, материальный, социальный)
6. Область использования результата решения задачи	Производство, профессионально-личностный рост
7. Оценка результата и хода решения задачи	По большей части моральная
8. Степень ответственности за полученный результат	перспективный, социальный, личностный, реальный

В результате нашего исследования под *проектной профессионально-ориентированной задачей* мы понимаем модель проблемной профессиональной ситуации, соответствующую основным видам профессиональной деятельности инженера – изыскательской и проектно-конструкторской, производственно-технологической и производственно-управленческой, предпринимательской, экспериментально-исследовательской, монтажно-наладочной и сервисно-эксплуатационной, а исследование этой ситуации способствует формированию инженерной компетентности будущего выпускника, освоившего программу бакалавриата.

У выпускника, освоившего программу бакалавриата по направлению подготовки 08.03.01 Строительство [3], должны быть сформированы общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные (ПК) компетенции, где в соответствии с видами профессиональной деятельности, на которые направлена программа бакалавриата, выпускник должен быть готов решать профессиональные задачи.

Из Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования направления подготовки 08.03.01 Строительство (табл. 2), следует, что будущая профессиональная деятельность бакалавров требует фундаментальных знаний в области механики, так как будущая профессиональная деятельность непосредственно связана с проектированием, возведением, мониторингом, оценкой, ремонтом и реконструкцией зданий и сооружений.

Таблица 2 – Характеристики профессиональной деятельности (ПД) выпускников, освоивших программу бакалавриата

Область ПД	Инженерные изыскания, проектирование, эксплуатация, обслуживание, мониторинг, реконструкция зданий и сооружений, управление производственной деятельностью в строительной и жилищно-коммунальной сфере
Объекты ПД	Промышленные, гражданские здания, строительные материалы, изделия и конструкции, системы теплогазоснабжения, электроснабжения, водоснабжения и водоотведения зданий
Виды ПД	Изыскательская и проектно-конструкторская; производственно-технологическая и производственно-управленческая; экспериментально-исследовательская; монтажно-наладочная и сервисно-эксплуатационная; предпринимательская
Задачи ПД	Участие в выполнении инженерных изысканий для строительства и реконструкции зданий, подготовка проектной документации, проведение испытаний строительных конструкций, разработка и реализация программ по достижению энергоэффективности зданий и сооружений
ОК, ОПК, ПК	Способность к самоорганизации и самообразованию, способность выявить естественнонаучную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, способность участвовать в проектировании и изыскании объектов профессиональной деятельности, способность к разработке мероприятий повышения инвестиционной привлекательности объектов строительства.

Подготовка будущих инженеров, как правило, рассматривает большой объем задач как в составе заданий, курсовых работ и проектов, выпускных квалификационных работ, так и в привязке к определенной теме. Одновременно с этим инженерная деятельность не представляется в виде определенного дискретного набора теоретических учебных задач, поскольку связана с непрерывно изменяющимися конкретными технологическими объектами, организациями, персоналом и высокими требованиями, что повлечет за собой и предметные производственные проблемы. Все последние педагогические исследования в сфере реализации задач стремятся разрешить данное противоречие, так как задачи различных типов становятся видным педагогическим средством, а к решению сводятся проблемы, проекты, ситуации, методы, технологии и методики в различных сферах инженерной деятельности. В нашем исследовании мы рассматриваем задачи строительной отрасли, и в этой связи они могут рассматриваться как проектные и профессионально-ориентированные.

Список литературы / References

1. Батышев С.Я. Профессиональная педагогика – М.: Ассоциация «Профессионального образования», 1997. – 512с.
2. Манакова О.С. Инновационные задачи ресурсосбережения как средство формирования инженерной компетентности будущего бакалавра: Диссертация на соискание ученой степени к.п.н. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 234 с.
3. ФГОС ВО направления подготовки 08.03.01 Строительство (уровень высшего образования: бакалавриат): приказ Минобрнауки Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 201 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/5524> (дата обращения 30.10.2015).

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Batyshev S. Y. Professional'naja pedagogika [Professional pedagogics] – М.: Association of "Professional education", 1997. – 512 p.
2. Manakova O. S. Innovacionnye zadachi resursosberezhenija kak sredstvo formirovanija inzhenernoj kompetentnosti budushhego bakalavra: Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.p.n [Innovative tasks of resource-saving as means of forming of engineering competence of future bachelor: Ph.D. in pedagogics]. – Orenburg: ООО ИПК Университет, 2014. – 234 p.
3. FGOS VO napravlenija podgotovki 08.03.01 Stroitel'stvo (uroven' vysshego obrazovanija: bakalavriat): prikaz Minobrnauki Rossijskoj Federacii ot 12 marta 2015 g. № 201 [FGOS VO the directions of preparation 08.03.01 Construction (level of the higher education: bachelor degree): the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 12, 2015. № 201] [Electronic resource]. – Access mode: <http://minobrnauke.rf/dokumenty/5524> (date of the address 30.10.2015).

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.063

Титов В.Н.¹, Бочкарева Ю.В.², Богородецкий П.А.³

¹Доктор сельскохозяйственных наук,

²кандидат сельскохозяйственных наук, ³аспирант, Саратовский социально-экономический институт (филиал)

ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

УЧЁТ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

Аннотация

Формирование экологической компетентности будущих специалистов в образовательном процессе в высших учебных заведениях рассматривается авторами статьи как очередной этап непрерывного экологического образования.

В статье обосновывается необходимость учёта гендерных различий при выборе конкретных образовательных технологий при преподавании такой учебной дисциплины, как «Экология». В настоящей статье приводятся разнообразные примеры различий, выявленных при анализе результатов исследования, проведённого с целью оценки уровня сформированности экологического сознания анкетирования первокурсников ССЭИ.

Ключевые слова: экологическое сознание; экологические потребности; формирование экологической компетентности.

Titov V.N.¹, Bochkareva Y.V.², Bogorodetsky P.A.³

¹PhD in Agriculture, ²PhD in Agriculture, ³postgraduate,

Saratov Social and Economic Institute (branch) of " Russian University of Economics named by G.V. Plekhanov"

GENDER DIFFERENCES IN THE FORMATION OF ECOLOGICAL COMPETENCE THE FIRST-YEAR STUDENTS

Abstract

Formation of environmental competence of future specialists in educational process in higher educational establishments is considered by the authors as the next stage of continuous ecological education.

The article substantiates the necessity of considering gender differences when choosing a specific educational technologies in the teaching of the coy of the academic discipline "Ecology". In this article are various examples of the differences identified in the analysis of the results of study conducted with the purpose of assessing the level of formation of environ-mental consciousness of a survey of first-year students SSEI.

Keywords: ecological consciousness; ecological requirements; forming of ecological competence.

Несмотря на многочисленные декларативные заявления о приоритетности экологической проблематики, антропоцентризм продолжает пронизывать все сферы деятельности человека, включая образовательную. Как отмечают эксперты, «популярность» и востребованность экологического направления постепенно снижается, вследствие чего угасает интерес высших учебных заведений и соответствующих управленческих органов к его развитию [1].

Между тем, формирование экологической компетентности является одним из актуальных направлений профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере экономики.

Концепция непрерывного экологического образования предполагает, что профессиональная экоккомпетентность в высших учебных заведениях должна формироваться на базе экологических знаний, потребностей и ценностей, сформированных у детей и подростков на предыдущих этапах образовательного процесса [2].

Степень сформированности экологического сознания у выпускников общеобразовательной школы важно учитывать при выборе образовательных технологий, форм и методов обучения, используемых преподавателем в образовательном процессе в вузе.

Проведённые нами в сентябре 2016 года исследования среди первокурсников ССЭИ с целью оценки уровня развития у них экологического сознания выявили, среди прочего, гендерные различия в степени сформированности у них экологических потребностей.

Согласно результатам этого опроса, четверть опрошенных первокурсников (25,6 %) ответили экологическим проблемам последнее место в списке предложенных проблем. Среди юношей респондентов, недооценивающих важность экологической проблематики, оказалось значительно больше - 44,9 % [3].

При этом юноши, по их собственным оценкам, в целом чуть больше, чем девушки, интересуются экологическими вопросами – 91,8 % (для сравнения: девушки - 89,6 %).

При примерно одинаковой с девушками степени информированности юноши более лояльно оценили экологическую обстановку в г. Саратове: 53,1 % юношей нашли её нормальной или хорошей в то время, как только 44,9 % девушек дали такую же оценку городской экологической ситуации.

Также юноши менее критично оценили уровень своих экологических знаний: достаточными для экологической профессиональной деятельности свои знания посчитали 32,7 % юношей; среди девушек таких на 9 % меньше.

Соответственно желающих расширять свои знания в сфере экологической безопасности среди юношей значительно меньше – 53,1 % против 66,1 % среди девушек [3].

Для выявления факторов, определяющих перечисленные различия, были проведены углубленные исследования познавательной, мотивационной и ценностной сфер в той же выборке респондентов.

Исследования проводились методом анкетирования. Опросник содержал 9 вопросов, один из которых открытый, три – альтернативных, остальные предполагали выбор вариантов из предложенного списка и их ранжирование по степени значимости или соответствия.

В целях данной статьи интерес представляют следующие полученные результаты:

При ранжировании по степени актуальности экологических проблем (вопрос № 1) юноши выразили немного более сильную обеспокоенность негативным влиянием плохой экологической ситуации на здоровье человека, чем девушки – 83,9 % против 82,2 % у девушек. На 10,2 % больше юношей считают глобальные экологические проблемы, представляющие угрозу самому существованию Земли, особо актуальными для современного общества – первый и второй ранг по степени важности этим проблемам присвоило 61,3% юношей. Для девушек большую, чем для юношей, актуальность представляют менее широкие проблемы: изменение климата и сохранение природных объектов (по 24,4 % респондентов присвоило 1 и 2 ранг этой группе проблем). Для сравнения: среди юношей таких насчитывается по 16,1 %.

Продолжением этой тенденции являются ответы на вопрос № 2 о наиболее интересных для них разделах экологии. При невысоком в целом уровне интереса первокурсников к таким отраслям экологического знания, как гео- и урбоэкология, юноши гораздо чаще девушек проявляли интерес к этим разделам – 25,8 % и 16,1 % соответственно против 11,1 % и 2,2 % у девушек.

Существенно различаются юноши и девушки в наборе приоритетных источников экологической информации и систематических экологических знаний (ответы на вопросы № 4 и № 5). Юноши намного реже девушек смотрят, слушают и читают новости на центральных и региональных теле- и радиоканалах, а также на официальных интернет-порталах власти разного уровня и в центральных и региональных печатных СМИ; реже черпают информацию из социальных сетей и форумов. Зато они проявляют более направленный интерес, получая экологическую информацию из тематических теле- и радиопрограмм, а также из тематических интернет-ресурсов.

Интернет называется большинством юношей не только источником информации, но и источником их экологических знаний – 64,5 %. Девушек, выбравших этот ответ, меньше на 13,4 %. При этом девушки большее значение в формировании экологических знаний отводят школьным урокам экологии и другим школьным дисциплинам естественнонаучного цикла: 77,8% и 71,1 %, что на 10,1 % и 9,8 % соответственно больше, чем результаты юношей.

Более подробная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительные результаты ответов на вопросы № 4 и № 5 юношей и девушек

Вопрос	Варианты ответов	Девушки, %	Юноши, %
№ 4 Из каких источников до Вас информация по экологическим вопросам?	выпуски новостей на центральном ТВ	86,7	48,4
	выпуски новостей на региональном ТВ	42,2	25,8
	тематические передачи на центральном ТВ	15,6	29
	тематические передачи на региональном ТВ	8,9	19,4
	выпуски новостей на центральном радио	11,1	9,7
	выпуски новостей на региональном радио	0	0
	тематические передачи на центральном радио	4,4	6,5
	тематические передачи на региональном радио	0	0
	новости на официальных сайтах региональных и муниципальных властей	24,4	12,9
	тематические интернет-ресурсы	22,2	32,3
	социальные сети и форумы	86,7	58,1
	центральные печатные СМИ	22,2	6,5
	региональные печатные СМИ	6,7	3,2
	тематические печатные издания	15,6	6,5
№ 5 Основным источником Ваших знаний по экологии, по Вашей оценке, является	школьный урок экологии	77,8	67,7
	прочие школьные предметы (биология, география, ОБЖ, краеведение)	71,1	61,3
	документальные и художественные фильмы	40	32,3
	учебная и дополнительная литература	17,8	16,2
	научная информация из сети Интернет	51,1	64,5

Таким образом, приоритетным видом учебно-познавательной деятельности для юношей может являться индивидуальная проектная деятельность, предполагающая самостоятельный научный поиск и анализ информации. Для девушек более оправданной формой учебно-познавательной деятельности оказывается командная проектная деятельность под непосредственным руководством преподавателя.

Ответы на вопрос № 6 о том, каким качествами, по мнению первокурсников, должна обладать информация по экологической проблематике для наиболее полного её усвоения, призваны служить для выбора конкретных образовательных технологий. Результаты оказались не вполне ожидаемыми: подавляющее большинство юношей (87,1 %) и девушек (88,9 %) считают, что главным качеством предлагаемой для изучения экологической информации является доступный язык изложения. Девушки чаще предъявляют требования к разнообразию информации – 33,3 % против 9,7 % у юношей – и достоверности – 80 % против 71 % у юношей. Юноши чаще выбирают полярные качества информации: эмоциональную заряженность предпочитает 19,4 % юношей против 17,8 у девушек; научную обоснованность – 45,2 % против 42,2 % у девушек.

Отрадно, что подавляющее большинство респондентов обоих полов – более 80 % - выразило готовность к участию в таких мероприятиях экологической направленности, как посадка деревьев, уборка природных объектов, митинги, марши, конкурсы научных работ, экологические театры. Девушек, занимающих активную позицию, больше, чем юношей, на 12,6 % и насчитывается 93,3 %.

Это свидетельствует в пользу предметно-деятельностного подхода при выборе конкретных образовательных технологий для преподавания студентам-первокурсникам обоих полов такой учебной дисциплины, как «Экология».

Список литературы / References

1. Гагарин А.В. Экологическая компетентность личности: психолого-акмеологическое исследование. - М.: Издательство РУДН, 2011. - 160 с.
2. Глазачев С. Н., Перфилова О. Е. Экологическая компетентность: становление, проблемы, перспективы. Учебное пособие. – М.: РИО МГТУ им. М.А. Шолохова, 2008. - 128 с.
3. Богородецкий П.А., Бочкарева Ю.В., Титов В.Н. О проблеме становления профессиональной экологической компетентности будущих специалистов в процессе обучения в ССЭИ// Интеграция науки и практики: взгляд молодых учёных: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции магистрантов и аспирантов (г. Саратов, 6-7 октября 2016 г.). – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2016. – 292 с.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Gagarin A.V. Jekologicheskaja kompetentnost' lichnosti: psihologo-akmeologicheskoe issledovanie [Environmental competence of the personality: psycho-akmeological research]. - М.: RUDN publishing house, 2011. - 160 p. [in Russian]

2. Glazachev S. N., Perfilova O. E. Jekologicheskaja kompetentnost': sta-novlenie, problemy, perspektivy. Uchebnoe posobie [Environmental competence: formation, problems and prospects. Education guidance]. – M.: RIO MGGU of M.A. Sholohova, 2008. – 128 p. [in Russian]

3. Bogorodetsky P.A., Bochkareva J.V., Titov V.N. O probleme stanovle-nija professional'noj jekologicheskoy kompetentnosti budushhih spe-cialistov v processe obuchenija v SSJeI// Integracija nauki i praktiki: vzgljad molodyh uchjonyh: tezisy dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii magistrantov i aspirantov (g. Saratov, 6-7 oktjabrja 2016 g.) [About a problem of formation of professional ecological competence of future specialists of training process in SSEI// Integration of science and practice: look of young scientists: theses of reports of the All-Russian scientific and practical conference of undergraduates and graduate students (Saratov, on October 6-7, 2016). – Saratov: Saratov social and economic institute (branch) Russian economic university of G. V. Plekhanov]. – Saratov, 2016. – 292 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.122

Хомяков О.В.¹, Калинин М.А.², Коньков С.В.³, Огурцов И.В.⁴, Шульгов Ю.И.⁵¹Кандидат философских наук, старший преподаватель,²ORCID: 0000-0003-0528-2433, преподаватель,³начальник кафедры служебно-боевой подготовки,⁴старший преподаватель, ⁵преподаватель,

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

ОБУЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОСОБЕННОСТЯМ ДЕЙСТВИЙ В УСЛОВИЯХ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация.

В настоящей статье рассматривается специфика обучения сотрудников действиям в условиях низких температур окружающей среды. Проблема готовности к выполнению обязанностей в экстремальных условиях является злободневной в связи с особенностями климатических условий, как в местах дислокации многих учреждений ФСИН России, так и в связи с условиями перемещения сотрудников между учреждениями и при поисковых мероприятиях. В статье перечислены типовые условия, наиболее часто возникающие при исполнении служебных обязанностей. Представлены меры заблаговременной подготовки и непосредственного предупреждения негативного влияния низких температур на организм сотрудника ФСИН России.

Ключевые слова: переохлаждение, обморожения, отморожения, несение службы, низкие температуры.

Khomyakov O.V.¹, Kalinin M.A.², Kon'kov S.V.³, Ogurtsov I.V.⁴, Shul'gov Ju.I.⁵¹PhD in Philosophical sciences, Senior Lecturer,²ORCID: 0000-0003-0528-2433, Lecturer,³Chief of the Department of Physical and Combat Training, ⁴Senior Lecture, ⁵Lecturer,

VILE of the FPS of Russia

TRAINING OF THE PECULIARITIES OF ACTION IN CONDITIONS OF LOW AMBIENT TEMPERATURES

Abstract

This article discusses the specifics of employee training actions in conditions of low ambient temperatures. The problem of readiness to perform duties in extreme conditions is topical in connection with the peculiarities of climatic conditions as in the locations of many the FPS of Russia institutions, and in connection with the terms of staff movement between institutions and search activities. This article lists the standard conditions, most often arising in the performance of official duties. Measures of advance preparation and direct warning of the negative impact of low temperatures on the body of an employee of the FPS of Russia are presented.

Keywords: hypothermia, frostbite, performance of duty, low temperatures.

Сотрудники уголовно-исполнительной системы при несении службы и выполнении служебных задач при возникновении обстоятельств, требующих незамедлительного решения зачастую сталкиваются с непростыми климатическими и погодными условиями. Многочасовые, а порой и многодневные поисковые мероприятия при холоде и интенсивных физических нагрузках требуют соответствующей подготовленности экипировки, одежды, обуви, высококалорийного питания, пунктов обогрева, размещения и отдыха, возможности своевременно оказать медицинскую помощь при обморожениях и отморожениях.

Оказание воздействия на человеческий организм холодных условий внешней среды предполагает формирование негативных изменений в самочувствии, в функционировании органов и систем человеческого организма, а в некоторых случаях, и привести к летальному исходу. По обстоятельствам того, что человеческий организм в стандартной обстановке (идеальный уровень здоровья, витаминизированное и калорийное питание, гарантированность условий для ношения белья и верхней одежды в зависимости от резких изменений в состоянии климатических, погодных и суточных условий окружающей среды) может достаточно долго функционировать в условиях холода. Судмедэксперты констатируют, что летальный исход от воздействия холода может наступить даже при плюсовой температуре воздуха до + 3° С [1].

Охлаждение организма сотрудника при исполнении им служебных обязанностей начинается, как правило, при наличии:

- обстоятельств агрессивной внешней среды - высокая влажность окружающего воздуха, направленные и скоростные изменения движения воздуха, резкое изменение - понижение температуры внешней среды;

- обстоятельств функционирования организма сотрудника – переутомление, как психическое, так и физическое, психическая фрустрация, отсутствие жизненных сил организма, отсутствие пищи и воды, кровопотеря, малокровие, травмы.

Субъективными ощущениями длительного влияния холодных условий внешней среды являются: дрожание во всем теле, бесчувственность конечностей, изменение в сторону снижения осязаемой чувствительности, потеря равновесия, изменения в координации при стоянии и перемещении, снижение температуры тела сотрудника ниже 35°C, снижение скорости дыхания и выдыхания, понижение артериального давления, склонность к впадению в сонливые состояния, нарушение памяти и внимания. Все вышеперечисленные признаки являются симптомами переохлаждения организма.

«Переохлаждение организма это - патологическое состояние организма в условиях низкой температуры окружающей среды при превышении теплоотдачи над теплообразованием в организме, сопровождающееся понижением температуры тела и нарушением физиологических и биохимических процессов».

Сотрудникам уловоно-исполнительной системы важно знать и уметь своевременно распознавать степень угроз своему здоровью, исходя из влияния отрицательных температур на организм человека. Для первой степени переохлаждения соответствует температура тела 32 - 34 °C. Кожа бледнеет или умеренно принимает синюшные оттенки, появляются признаки изменения состояния кожи по тактильному признаку, озноб, замедления в произношении слов и предложений, заикание. Частота пульса снижается до 60 - 66 ударов в минуту. Артериальное давление имеет стандартные значения или несколько измененные в сторону повышения. Дыхание не нарушено. Возможны отморожения I - II степени.

Средняя степень: температура тела 29 - 32 °C, характерны тотальная сонливость, резко угнетенное сознание, неадекватный и потерянный взгляд на объективный мир. Кожа изменяет цвет, синюшные, иногда с мраморной окраской, холодные на ощупь. Пульс замедляется до 50 - 60 ударов в минуту, слабого наполнения. Артериальное давление снижено незначительно. Дыхание редкое — до 8 - 12 в минуту, поверхностное. Возможны отморожения лица и конечностей I—IV степени.

Тяжелая степень: температура тела ниже 31 °C. Отсутствие сознания, возникновение судорог, формирование рвотных масс. Кожные покровы бледные, синюшные, холодные на ощупь. Пульс замедляется до 36 ударов в минуту, слабого наполнения, имеет место выраженное снижение артериального давления. Дыхание редкое, поверхностное - до 3 - 4 в минуту. Наблюдаются тяжёлые и распространенные отморожения вплоть до оледенения.

Погодные условия - сильный мороз, пронизывающий ветер, сильная пурга, большое количество снега находящееся на ограниченной площади формируют условия невозможности выполнения поставленных задач, создают необходимость мобилизации резервов организма для преодоления этих сложностей и, при некачественной готовности к действиям, неизбежно ведут к различным переохлаждениям и отморожениям. Для качественного выполнения служебных задач существует потребность в разработке комплекса практических рекомендаций по подготовке сотрудников к действиям при холодных условиях окружающей среды.

Для формирования готовности к несению службы пристальное внимание обязательно сосредоточить на приведение обуви в состояние максимального соответствия по размерам ступни и голени и на создание условий максимального исключения попадания воды и снега под обувь, обмундирования и экипировки сотрудников, комплектованию вещевого мешка, способности оказания само и взаимопомощи при обстоятельствах когда возникают обморожения и отморожения, обеспечению высококалорийного питания.

Нижние конечности - самая уязвимая часть тела сотрудника в холодных условиях окружающей среды. В целях создания термозащитного эффекта при ношении обуви следует обратить внимание на дополнение комплекта обуви стельками из шерстяных и водопоглощающих волокон. Значительный эффект в защитных свойствах обуви от попадания воды являются бахилы - чехлы из сшитых прилегающих к обуви и голени отрезков ткани, надеваемые сверху обуви и создающих эффект нахождения воздушной массы между внешней температурной средой и кожным покровом ног сотрудника, т.е. создаются максимальные условия для сохранения тепла и максимально долгого поддержания комфортных условий для сотрудника. Образованные паровые массы преобразуются в жидкость внутри бахил. Осуществляется водопоглощение, которое оказывает эффект высушивания обуви. Для создания условий нахождения ног в тепле следует использовать водонепроницаемые пакеты или мешки которыми необходимо изолировать несколько надеваемых пар носков на ноги сотрудника. В этом случае теперь уже к термозащите мы добавляем дополнительно эффект влагоизоляции.

Необходимо понимать что основные органы чувств которыми живет человек, на которых основывается успешность действий сотрудников правоохранительных органов находятся на голове, в области которой осуществляется основной теплообмен человеческого организма. А, следовательно, защите от негативного влияния холода лица и головы необходимо уделять пристальное внимание. Важно знать, что потеря тепловой энергии организма при непокрытой голове в условиях температурного фона в 5°C будет достигать более чем 50 % общей теплопродукции организма, а при -15°C - более чем 75 %.

Немаловажным условием противостояния холоду сотрудниками при организации служебной деятельности является потребление высококалорийной пищи. Потребление пищевых продуктов должно обеспечивать возможность освоения энергии организмом при высокой физической активности и при воздействии низкой температуры. Высокое энергопотребление зависит, большей частью, от мышечной работы и максимально низкой температуры среды. Организму человека в сутки требуется:

- при малоподвижной работе - 2000 ккал;
- при активной физической деятельности на холоде - до 7000 ккал.

В случае отморожения первой степени (кожный покров имеет красные и синюшные оттенки) необходимо нагревать поврежденную часть поверхности конечности, растирать поврежденную конечность от окончаний до середины туловища. Действовать необходимо с помощью шерстяных тканей так долго как необходимо чтобы кожа

изменила окрас в розовый цвет. Поврежденное место кожной поверхности прикрывать необходимо повязкой стерильной, а при нахождении сотрудников вне помещений на отмороженный участок тела наложить толстую ватно-марлевую повязку.

Важное значение при подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям при холоде имеет подготовка и комплектование вещевого мешка (тревожной сумки). Для успешных действий, когда существуют обстоятельства длительного пребывания сотрудников в условиях холодного наружного воздуха и в случае затягивания розыскных мероприятий, сотруднику следует формировать и носить с собой несколько коробок спичек саперных, которые позволяют осуществлять розжиг в любых атмосферных условиях, зажигание, которых возможно и под водой, сто разогревателей портативных для обогрева и обеспечения возможности горячего питания сотрудников, лекарства от различных заболеваний, отравлений, гигиенические и стерильные приспособления, рыболовный крючок с леской, иголку с ниткой, знать условия местности, места обогрева и отдыха.

Список литературы / References

1. Гонтарь С.Н., Жигалова Г.Г., Рясов А.А. Особенности повреждений и смерти от действия низкой температуры на организм человека // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2016. - № 2. С. 283 - 286.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Gontar S.N. Zhigalova G.G., Rysov A.A. Osobennosti povrezhdenij i smerti ot dejstviya nizkoj temperatury na organizm cheloveka [Features of injuries and death from the effects of low temperature on the human body]// Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. – 2016. - № 2. P. 283 - 286. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.171

Юденкова И.В.¹, Горская С.В.²

¹ORCID: 0000-0001-7671-2299, Кандидат психологических наук,

²ORCID: 0000-0002-3350-7540, Кандидат педагогических наук,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Арзамасский филиал)

ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация

В статье раскрыты особенности профессиональной подготовки будущих педагогов в вузе с учетом духовно-нравственного, интеллектуального потенциалов личности. Внеучебная деятельность студентов представлена как один из важнейших факторов, влияющий на формирование их профессиональной компетентности. Особое внимание авторы статьи уделяют системе кураторства, студенческому самоуправлению и включенности каждого в разнообразные виды деятельности. Доказана эффективность максимальной погруженности студентов в разностороннюю внеучебную деятельность в целях формирования зрелой личности, компетентной в профессиональной сфере и готовой к реализации нововведений в системе образования.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, образование, внеучебная деятельность студентов, педагогическая задача, студенческое самоуправление.

Yudenkova I.V.¹, Gorskaya S.V.²

¹ORCID: 0000-0001-7671-2299, PhD in Psychology,

²ORCID: 0000-0002-3350-7540, PhD in Pedagogy,

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas branch), Arzamas

EXTRACURRICULAR ACTIVITY OF STUDENTS AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE

Abstract

In the article the peculiarities of professional training of future teachers in higher education institution are depicted taking into account spiritual and moral, intellectual potential of the personality. Extracurricular activity of students is presented as one of the most important factors that influence on the formation of their professional competence. The authors of the article pay special attention to the system of coaching, student's self-government and everyone's involvement in various kinds of activity. The efficiency of the maximum of students' absorption in versatile extracurricular activity is proved for the formation of the mature personality competent in professional sphere and ready to realization of innovations in the system of education.

Keywords: professional competence, education, extracurricular activity of students, pedagogical problem, student's self-government.

В настоящее время наша страна находится в состоянии глобальных перемен в различных сферах общества. Это объясняется необходимостью быть конкурентоспособной на мировой арене. Необходимо постоянно держать руку на пульсе, чтобы ориентироваться в области современных открытий науки, техники, экономики и т.д. В связи с этим наше общество сегодня остро нуждается в универсальных специалистах различного профиля, способных критически мыслить; мобильно реагировать на все изменения; имеющих свою позицию, способность ее отстаивать, творчески подходить к решению возникающих проблем [1]. В их подготовке огромную роль играет система образования, которая не случайно сегодня претерпевает большие изменения.

Особое внимание в настоящее время уделяется системе вузовской подготовки будущих педагогов, которая, несомненно, наполняется новыми аспектами, основанными на усилении внимания к развитию личности самого будущего педагога. В результате подобной стратегии впоследствии можно получить учителя или воспитателя,

способного развивать личность ребенка, не только учитывая его интересы и потребности, мобилизуя его внутренние ресурсы, способности, но и удовлетворяя всем требованиям общества к современному типу человека.

Итак, на современном этапе развития общества приоритетным направлением в формировании будущего педагога является не только его профессиональная подготовка, но и формирование духовно-нравственного, интеллектуального потенциалов личности. Этот подход может быть реализован не только в рамках учебной деятельности студентов, но и в процессе воспитательной работы вуза (внеучебная деятельность студентов). Мы покажем возможности реализации указанного подхода на примере деятельности факультета дошкольного и начального образования Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (АФ ННГУ).

Важной составляющей воспитательной работы на факультете является деятельность педагогического коллектива и студенческого сообщества по адаптации студентов-первокурсников к условиям вуза. Для них в начале учебного года специалистами психолого-педагогической службы филиала проводятся адаптивные тренинги, а студентами-старшекурсниками «Веревоочный курс», направленные на знакомство и сплочение студентов. На базе Арзамасского филиала действуют такие творческие студии, как: «Вокал», «Театральная студия», «Хореография», «Литературное чтение». Здесь студенты-первокурсники могут раскрыть и реализовать свои творческие способности.

Достаточно хорошо на факультете развита система кураторства. Кураторы первого курса больше внимания уделяют адаптации студентов в условиях вуза, созданию и развитию студенческого коллектива, актива группы, положительного микроклимата в группе. Кураторы выпускных групп больше нацелены на работу по трудоустройству выпускников, по подготовке к итоговой государственной аттестации.

Работа куратора направлена на организацию жизнедеятельности студенческой группы. В этом ему помогает актив группы: староста, его заместители, профорг и ребята, входящие в состав различных студенческих объединений: научное, учебное, трудовое, спортивно-оздоровительное, культурно-массовое. Куратор, работая в группе, старается организовать студенческую жизнь таким образом, чтобы каждый был максимально погружен в какую-либо иную деятельность, а не только в учебную. Опыт показывает, что максимальная включенность студента в общественную работу с учетом его возможностей, имеющихся талантов и способностей благотворно сказывается на учебе, а в дальнейшем положительно влияет на профессиональную деятельность.

Особое внимание на факультете отводится воспитательной работе со студентами, проживающими в общежитиях. Общежитие, в котором проживают студенты, находится в шаговой доступности. Регулярно кураторы посещают комнаты своих студентов, отслеживая условия их проживания, особенности взаимодействия в сложившемся коллективе; анализируют имеющиеся проблемы и ищут совместно со студентами и воспитателями общежитий пути их решения. Кроме того, кураторы имеют возможность посещать мероприятия, проводимые в общежитиях (Осенний бал, День защитника Отечества, Праздник 8 Марта, Масленица, конкурс «Лучшая комната общежития» и др.). Такую насыщенную всевозможными конкурсами и мероприятиями жизнь студентов, проживающих в общежитиях, безусловно, можно назвать систематической работой по формированию дружного коллектива. Несомненно, такая работа со студентами способствует раскрытию их творческих возможностей, расширению знаний из разных областей, воспитанию уважительного отношения друг к другу, педагогам, формированию представлений о традициях своего народа.

Традиционно на факультете в течение учебного года проходят праздничные вечера, фотовыставки, литературные конкурсы. Студенты посещают музеи, выставочный зал г. Арзамаса, спектакли в ТЮЗе. Наши студенты участвуют в организации и проведении региональных детских творческих конкурсов «Радуга мастерства», «Мир красками детства» и др.; проводят социально-значимые акции – «Подари праздник детям» в рамках Международного дня защиты детей, «Мы вместе» для детей с ограниченными возможностями здоровья, «День пожилых людей» и др.; участвуют совместно с преподавателями в проектной деятельности.

Участие в подобных мероприятиях позволяет студентам оттачивать профессионально важные умения и навыки, учиться взаимодействовать не только друг с другом, но и с людьми разных возрастных категорий, разного социального статуса, жизненного опыта, что вновь, несомненно, плодотворно работает на становление будущего профессионала в своей области. Интересно отметить тот факт, что в процессе такого многогранного взаимодействия студентам удается другими глазами взглянуть на самого себя как на личность, на свои возможности, способности, на будущую профессию. Именно в ходе живого взаимодействия с разными возрастными группами наступает осознание и глубокое понимание студентами сути будущей профессии и своей возможности или невозможности работать в этой сфере [3, с. 98].

В вузе функционируют «Школа молодого ученого», «Школа Карьеры», «Школа вожака». Студенты с удовольствием их посещают. Здесь ребятам предоставляется возможность доразвить необходимые для будущей профессии умения и навыки, приобрести дополнительные знания, расширить свой кругозор, обрести педагогический опыт. Как правило, студенты, посещающие дополнительные занятия в рамках того или иного направления, более уверенно потом чувствуют себя в дальнейшем и в плане знаний, и в плане поведения, находясь непосредственно в зоне общения с детьми (летние лагеря в рамках педагогической практики, школы, детские сады, учреждения дополнительного образования и т.д.). В итоге ребята способны грамотно выстраивать свою речь, они имеют свою профессиональную позицию, четко понимают свои педагогические задачи, свой функционал, они способны адекватно оценивать свои личностные особенности и возможности, могут выстраивать линию своего дальнейшего развития и вносить конструктивные изменения в педагогическую практику [2, с. 68].

Таким образом, работа со студентами в нашем вузе представляет собой целостную систему, выстроенную с учетом богатого личностного потенциала человека. Ключевым аспектом в деятельности педагогического коллектива является объединение образовательной деятельности с деятельностью по формированию многогранной личности, не только теоретически грамотной в своей области, но и способной ориентироваться в любых педагогических ситуациях, готовой к нововведениям в системе образования, способной к построению педагогической деятельности с учетом собственных новых разработок, которые в дальнейшем смогут послужить базой для модернизации системы образования в стране, отвечающей на вызовы времени.

Список литературы / References

1. Щенникова С.В. Интегративный подход в подготовке будущего педагога к творческой деятельности: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Киров, 2003. – 18 с.
2. Щенникова С.В., Юденкова И.В. Условия эффективного развития профессионального самоопределения студентов педагогического вуза // Приволжский научный вестник. 2014. № 12 -4 (40). С. 67-70.
3. Юденкова И.В., Щенникова С.В. К вопросу о реализации практикоориентированного подхода в условиях педагогического вуза // Приволжский научный вестник. 2014. № 8 -2 (36). С. 97-99.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Shennikova S.V. Integrativnyj podhod v podgotovke budushhego pedagoga k tvorcheskoj deyatel'nosti [Integrative approach in the training of future teacher for creative activity]: Avtoref.dis.kand.ped.nauk [Abstract of the dis. c.p.s.]. – Kirov, 2003. – 18 p. [in Russian]
2. Shennikova S.V., Yudenkova I.V. Usloviya jeffektivnogo razvitiya professionalnogo samoopredeleniya studentov pedagogicheskogo vuza [Conditions of effective development of professional self-determination of students in a pedagogical institution] // Privolzhskij nauchnyj vestnik [Privolzhsky scientific bulletin]. 2014. #12-4 (40). P. – 67-70. [in Russian]
3. Yudenkova I.V., Shennikova S.V. K voprosu o realizacii praktikoorientirovannogo podhoda v usloviyah pedagogicheskogo vuza [To the question of realization of practice oriented approach in the conditions of pedagogical higher education institution] // Privolzhskij nauchnyj vestnik [Privolzhsky scientific bulletin]. 2014. #8-2 (36). P. – 97-99. [in Russian]